

Расследованием Установлено"

Очерки
о работе
ленинградских
чекистов

ЛЕНИЗДАТ

70 лет
ВЧК★
КГБ

Расследованием установлено...

Очерки
о работе
ленинградских
чекистов

Составители:

В. А. Ржанков,

В. И. Третьяков

На страже интересов Родины

Установки XXVII съезда КПСС, другие решения партии, нацеливающие всех советских людей на последовательное претворение в жизнь задач ускорения социально-экономического развития нашего общества, требуют от чекистов дальнейшего совершенствования работы с учетом происходящих сложных процессов на международной арене и глубоких перемен внутри страны.

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, рассмотревшем вопрос о перестройке и кадровой политике партии, Генеральный секретарь Центрального Комитета партии М. С. Горбачев, давая оценку деятельности органов государственной безопасности на современном этапе развития нашего общества, отметил: «На страже интересов Родины бдительно стоят органы государственной безопасности, располагающие идейно закаленными, преданными партии и народу, профессионально подготовленными кадрами. Мы уверены, что советские чекисты будут и впредь своевременно вскрывать и решительно пресекать враждебные происки, направленные против нашей страны».

Вместе со всем советским народом органы государственной безопасности прошли семидесятилетний путь борьбы за построение нового общества, на всех этапах нашей истории неуклонно отстаивая коренные интересы социализма. Они родились в горниле революции, и их классово-политическая природа неотделима от природы Великого Октября.

II съезд Советов, объявив борьбу за демократический мир и международное сотрудничество целью и основополагающим принципом внешней политики социалистического государства, провозгласил и самую демократическую в мире государственную власть — власть Советов. Он же избрал ее высший орган коллегиального управления — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Это событие, ознаменовавшее начало создания советского государственного аппарата, четко обозначившее его гуманистическую сущность, произошло в первый же день после победы Октябрьского вооруженного восстания.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была образована на сорок четвертый день провозглашения Советской власти.

Если Советы, ставшие государственной формой диктатуры пролетариата, возникли в итоге революционного творчества масс, то ВЧК, взявшая под защиту завоевания Советской власти, явилась

результатом организующей деятельности ленинской партии, которой в процессе революционных преобразований пришлось идти неизведанным историческим путем.

В ряду мер, последовательно принимавшихся партией в ходе развертывания социалистического строительства, образование ВЧК явилось мерой неспланированной, мерой вынужденной, чрезвычайной. Она была создана в ответ на попытки свергнутых классов воспрепятствовать социальному переустройству общества, противопоставить революции контрреволюцию. Такой шаг был тем более необходим потому, что у молодого государства еще не было регулярной армии, его защитные функции только зарождались.

В основу организации и работы ВЧК с самого начала легли ленинские положения о пролетарской революции и социалистической демократии. В. И. Ленин внес большой личный вклад в выработку политической линии ее деятельности и определение задач чекистских органов. Под непосредственным влиянием ленинских идей Ф. Э. Дзержинским и его соратниками формировались основные принципы организации и работы органов ВЧК: партийное руководство; тесная связь с массами, опора на массы; строжайшее соблюдение социалистической законности. Все это с момента зарождения советских органов государственной безопасности обусловило демократический и гуманистический характер их деятельности. Ведь даже в самый суровый и ответственный для судеб революции период, когда ВЧК, отстаивая классовые интересы трудящихся, стала грозой для врагов социализма, чекистские органы наряду с выполнением своих непосредственных функций по подавлению контрреволюции активно участвовали в социалистическом строительстве — в восстановлении народного хозяйства, в решении многих социальных проблем. Достаточно вспомнить вклад, который чекисты внесли в борьбу с голодом, в наведение порядка на транспорте, в ликвидацию детской беспризорности.

Классово-политическая природа органов государственной безопасности отчетливо проявлялась и на последующих этапах истории нашей страны. В эпоху первых советских пятилеток, закладывавших экономические основы социализма, в годы Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, в послевоенный период они бдительно стояли на защите завоеваний Октября от происков внешних и внутренних врагов. К сожалению, вследствие отступлений от ленинских принципов строительства нового общества, игнорирования демократических норм в жизни партии и государства, имевших место в обстановке культа личности, в деятельности органов госбезопасности в определенный период допускались нарушения социалистической законности подмена строгой конституционности волюнтаризмом. Как известно, партия провела большую работу по преодолению последствий допущенных нарушений, приняла эффективные меры к их неповторению в будущем,

к восстановлению ленинских принципов деятельности органов госбезопасности и возрождению в них лучших чекистских традиций.

С построением социализма в нашей стране, с возникновением новой исторической общности — советского народа, спаянного идейно-политическим единством, государство диктатуры пролетариата превратилось в государство общенародное, не имеющее социальной базы для организованной антисоветской деятельности со стороны каких-либо классов или слоев населения. В то же время в результате усиления агрессивности империализма, лишившегося во всемирном масштабе ряда позиций в пользу социализма и народно-освободительного движения, произошло существенное обострение обстановки на международной арене. Все это потребовало от органов госбезопасности перестройки их деятельности таким образом, чтобы она была направлена своим острием строго вовне — против внешней опасности, против враждебных планов и замыслов империализма. В изменившихся исторических условиях главной задачей органов КГБ стала задача надежного ограждения не только Советского государства, но и всего нашего общества от враждебных устремлений классового противника.

На новом качественном уровне эту задачу чекисты решают сегодня, когда Советское государство вступило в переломный этап своего развития. Происходящие в стране созидательные процессы вызывают обеспокоенность у реакционных кругов США и их западных союзников, которые отдают себе отчет в том, что перестройка будет способствовать упрочению нашего государства, повышению его международного авторитета. Они не хотят расстаться с политикой с позиции силы, по-прежнему вынашивают намерения повернуть историю вспять, добиться военного превосходства над СССР, ликвидировать в конечном счете социализм как общественную систему.

Работая на обеспечение именно этих замыслов, иностранные разведки пытаются выведывать наши политические, военные, экономические и научно-технические секреты, организуют разного рода шпионские и иные акции. Одновременно большие силы брошены на идейно-политический подрыв советского общества, на то, чтобы извратить революционный характер перестройки, навязать советским людям буржуазные стереотипы понимания свободы, демократии и культуры. Посредством «психологической войны» и идеологической диверсии, стержнем которых являются антикоммунизм и откровенный антисоветизм, противник стремится ослабить идейно-политическое единство нашего общества, сплоченность советского народа вокруг Коммунистической партии.

Залогом успешного выполнения органами государственной безопасности задач, которые в современных условиях возложены на них партией и народом, является присущий их деятельности демократизм. Он вытекает из демократизма политической системы

советского общества и выражается прежде всего в самих принципах работы органов КГБ.

Главнейший из них — принцип партийного руководства и контроля со стороны партии, обеспечивающий успешное проведение в жизнь внутренней и внешней политики общенародного Советского государства.

В условиях дальнейшего углубления процесса демократизации нашего общества принцип руководящей роли партии имеет для органов госбезопасности особое значение. Он позволяет им активно участвовать в этом процессе, гарантирует точную политическую выверенность каждого предпринимаемого шага.

Актуален он и с точки зрения внешних условий, формируемых ожесточенной классовой борьбой между миром капитализма и миром социализма. В Политическом докладе ЦК партии XXVII съезду КПСС было отмечено, что современный мир, в котором мы живем, сложен, многообразен, динамичен, пронизан противоборствующими тенденциями, полон противоречий. Естественно, что он накладывает такой же сложный отпечаток на оперативную обстановку, в которой действуют чекисты. Эта обстановка перенасыщена сложнейшими событиями, в ней происходят быстротечные и многоплановые процессы и события, в связи с чем действия одного и того же человека могут привести к успеху или неудаче, к большим приобретениям или потерям. Поэтому чекист сегодня должен быть хорошо подготовлен не только профессионально, информационно, философски, морально, в волевом отношении, но прежде всего идейно-политически. Он должен глубоко и ясно осознавать дело, за которое борется партия, и свое место в этой борьбе. Именно беспредельная преданность делу партии, твердая идейная убежденность являются для чекиста той стрелкой компаса, которая при любых обстоятельствах, в любой, даже самой непредвиденной, ситуации не даст ему сбиться с правильного пути.

Оберегая интересы нашего общества, права советских людей от враждебных посягательств извне, органы государственной безопасности в своей повседневной деятельности постоянно опираются на широкую помощь и поддержку трудящихся. Верность этому принципу, присущему чекистской практике со времен Ф. Э. Дзержинского, является одной из важнейших гарантий успешной деятельности чекистов, неисчерпаемым источником их силы в борьбе с врагами нашей Родины. Причем связь органов КГБ с общественностью становится все прочней и разнообразнее по формам. Новые возможности для упрочения связи с трудящимися создали положения Конституции СССР, которыми обеспечение государственной безопасности определяется как обязанность всех государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан нашей страны.

Важнейшим принципом является неукоснительное законопослу-

шание. Оно означает прежде всего безоговорочную охрану прав и интересов граждан, недопустимость их нарушения в процессе чекистской деятельности. Но в то же время оно означает, что органы госбезопасности обязаны решительно, в точном соответствии с законом пресекать действия тех лиц, которые посягают на наш строй, совершают особо опасные и иные государственные преступления.

Социалистическая демократия — это, разумеется, гласность, критика и самокритика. Но она же, как подчеркивалось на январском (1987 г.) Пленуме Центрального Комитета партии, и антипод вседозволенности, безответственности, анархии. Поэтому по мере развертывания в стране перестройки происходит и дальнейшее совершенствование правовой основы социализма, важный толчок которому дало принятое в ноябре 1986 года постановление ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан».

В органах госбезопасности последовательно осуществляются меры, направленные на совершенствование правовой основы чекистской деятельности, предусматривающие повышение уровня правового воспитания и обучения сотрудников, неуклонное исполнение требований законов и основанных на них нормативных актов. Чекист обязан быть образцом в своем отношении к закону. Он должен исходить из того, что законность — это политическое и профессиональное требование к сотруднику органов госбезопасности, а закон — сильнейшее средство в борьбе с врагами Советской власти.

К лицам, которые сознательно действуют на руку нашему классовому противнику, становятся на путь антигосударственных действий, применяются меры в соответствии с существующим законодательством. К тем, кто совершает антиобщественные поступки, затрагивающие интересы государственной безопасности, в силу политической незрелости, под влиянием пережитков прошлого или житейских трудностей, кто, иначе говоря, заблуждается, оступился, применяются методы убеждения и предостережения.

Такая работа, называемая в органах государственной безопасности предупредительно-профилактической, является одной из важнейших форм их участия специфическими средствами в решении задач воспитательной функции социалистического государства. Ей прочно отводится ведущее место в деятельности органов КГБ. Она направлена на предупреждение антигосударственных преступлений, а ее целью является борьба за каждого советского человека. Гражданина, который сошел с правильного пути, но еще может на него вернуться, чекисты всегда стараются возвратить обществу, на позиции социализма. К самим же чекистам в настоящее время больше, чем когда бы то ни было, предъявляется требование уметь

распознавать враждебные элементы, безошибочно отделяя их от лиц, которые оступились, заблуждаются, и тем более от честных советских тружеников, активных борцов за обновление общества.

В полном соответствии с этими принципами и требованиями, общими для всех чекистских органов, проводит в современных условиях свою деятельность Управление КГБ СССР по Ленинградской области. В предлагаемой вниманию читателей книге рассказывается о работе ленинградских чекистов по разоблачению некоторых особо опасных и иных государственных преступлений. Ее материалы строго документальны, в их основе лежат подлинные факты, действительные события, реальные следственные действия. Поэтому не случайно и название книги — «Расследованием установлено...».

При составлении сборника значительный акцент сделан на материалах о тех правонарушениях, которые стали возможными на почве деформации идейно-политических устоев личности, ее девальвации под влиянием узкоэгоистических устремлений, потребительских подходов к жизни, алчности и других низменных склонностей, чуждых морально-нравственному кодексу советского человека. Именно этим уродливым явлениям дается сегодня открытый бой в нашем обществе, от них оно очищается, проветривается. Именно эти явления ведут к таким тяжким правонарушениям, как шпионаж, измена Родине и другие государственные преступления.

Конечно, разоблачение таких преступлений — только часть повседневной работы, осуществляемой сотрудниками Ленинградского управления КГБ. Круг их забот шире и многообразней. В Ленинграде, являющемся одним из крупнейших индустриальных, научно-технических и культурных центров страны, привлекающем к себе пристальное внимание не только наших друзей, но и наших недругов, чекистам приходится иметь дело с самыми различными попытками разведорганов, спецслужб и подрывных центров противника посягать на нашу безопасность, на интересы советских людей, на их неотъемлемое право строить свою жизнь так, как они сами этого хотят. С такого рода акциями ведется непримиримая и принципиальная борьба чекистскими средствами. При этом со счетов никогда не сбрасывается, что их зарубежные организаторы в своей подрывной деятельности ориентируются на отдельных представителей нашего общества, которых стараются подчинить своему влиянию, сделать орудием в своих руках.

Особо следует подчеркнуть, что во всех случаях предметом тщательного изучения являются вопросы о предпосылках и причинах совершаемых преступлений, антиобщественных действий, принимаются разнообразные меры к их устранению. Управлением КГБ по материалам уголовных дел вносятся в различные организации и учреждения представления с целью устранения причин и условий, способствовавших совершению правонарушений. Под руководством партийных органов совместно с заинтересованными

предприятиями и учреждениями организуются общепрофилактические мероприятия. Сотрудники управления являются активными участниками работы по воспитанию политической бдительности, проводимой в трудовых коллективах администрацией и партийными организациями. Они выступают перед ленинградцами с лекциями, докладами, информацией, проводят беседы о подрывной деятельности вражеских спецслужб и по вопросам повышения политической бдительности. Эти и другие формы работы с общественностью являются осуществлением на практике ленинского принципа связи с массами, опоры на массы.

Словом, вся деятельность ленинградских чекистов целиком и полностью подчинена коренным интересам советских людей, направлена на их обеспечение и защиту. Иначе и быть не может. Как подчеркнул, выступая на XXVII съезде партии, член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР В. М. Чебриков, «наши органы госбезопасности, в отличие от спецслужб империалистических государств, не стоят над народом, они всегда были и есть плоть от плоти советского народа».

Сборник юбилейный, он посвящен 70-летию органов ВЧК — КГБ и, как юбилейное издание, в известной мере продолжает традицию, начатую выпусками в свет Лениздатом предыдущих сборников, выходивших под названием «Чекисты».

Книга подготовлена совместными усилиями журналистов, писателей-документалистов, издательских работников нашего города и сотрудников Ленинградского управления КГБ, и с полным основанием можно считать, что она является еще одним полезным результатом взаимодействия средств массовой пропаганды и органов государственной безопасности в обстановке гласности. Взаимодействия, которое, впрочем, имеет хороший опыт и давние корни.

В. М. ПРИЛУКОВ,
начальник Управления КГБ СССР
по Ленинградской области

Операция «Румб»

1

Событие, с которого мы начинаем рассказ об одной из операций чекистов, произошло 11 сентября 1983 года. День этот выдался неожиданно для этой поры погожим, солнечно щедрым. Было воскресенье, и с утра ожило Приморское шоссе — Невский проспект Карельского перешейка. Поток машин устремился из города, движение в то утро на шоссе было почти односторонним. Бежевая «Хонда» появилась на шоссе в Зеленогорске и шла навстречу потоку. Но до Ленинграда «Хонда» не дошла. Сбросив скорость на развилке у пансионата «Дюны», она притормозила у обочины шоссе, рядом с осветительным столбом. Из машины вышла молодая высокая женщина.

В руке у нее было небольшое детское одеяльце. Она развернула его и привычным жестом стряхнула. Стряхнула и уронила — одеяльце распласталось на траве рядом с придорожным столбиком. Женщина нагнулась, чтобы исправить свою неловкость, но ей помешали. Неожиданно словно из-под земли рядом с нею очутились двое мужчин. Женщина испуганно прижала к себе поднятое одеяльце, затем попыталась отбросить его. Но силы, как говорится, были неравные, хотя сопротивление, оказанное ею, было не по-женски решительным и ожесточенным.

А в это мгновение из машины не без труда извлекался мужчина, сидевший за рулем. Он доставил хлопот больше. Но ему не удалось включить скорость и тронуться с места. Прекратив сопротивление, мужчина затих.

«Происшествие» у сорокового километра на Приморском шоссе заняло меньше минуты. Через сорок секунд после того, как женщина обронила одеяльце, о случившемся здесь напоминала лишь пустая «Хонда» у обочины. Фигура инспектора ГАИ, маячившая у машины, не располагала к любопытству проезжавших мимо. А в

сторону Ленинграда вслед за машиной с синей мигалкой шли четыре одинаковые «Волги». Со скоростью чуть больше дозволенной они прошли в это солнечное сентябрьское утро по Приморскому шоссе, пересекли Неву и, не ожидая перед воротами, въехали во двор Управления КГБ.

Задержанных на Приморском шоссе ввели в кабинет Красина Романа Семеновича — опытного контрразведчика, руководившего операцией «Румб». Они сели по разным сторонам длинного стола, напряженно замкнутые, не обращая внимания друг на друга, словно чужие, не знакомые между собой люди. Чуть поодаль от них на столе холмиком возвышалось скомканное детское одеяльце, с которым вышла женщина из машины на сороковом километре. Роман Семенович нарушил воцарившееся в кабинете молчание.

— Вы находитесь в Управлении Комитета государственной безопасности,— обратился он к задержанным. — Назовите себя.

— Я иностранный дипломат.

— Дипломат?

— Да. Я вице-консул США Аугустенборг, а это моя жена.

— С каких это пор вице-консулы стали заниматься такой работой? Вы пойманы на тайнике при попытке изъять контейнер со шпионскими материалами.

— Я не имею к этому никакого отношения...

— Как вас понимать, господин Аугустенборг? Вы не отвечаете за свою жену?

— Нет, я отвечаю за свою жену.

— Вот это уже лучше, по-мужски. А то на шоссе вы попытались бросить ее одну...

— Я требую встречи с моим консулом.

— Вы встретитесь с ним, господин Аугустенборг. Свяжитесь,— обратился Красин к одному из сотрудников Управления,— с представителем МИД и консульством США.

Красин подошел к столу, на котором лежало детское одеяльце.

— Давайте посмотрим, что нам привезли с Приморского шоссе супруги Аугустенборг. Прошу понятих подойти поближе.

Двое сотрудников развернули и подняли скомканное одеяльце. На столе остался лежать небольшой предмет, обернутый пропитанной мазутом тряпкой, какие часто бросают на обочины водители автомашин.

— Все правильно, хотя и не ново,— проговорил Красин,— такое в руки без особой на то нужды никто не возьмет. А вам придется, товарищи... Разверните.

В грязный лоскут была завернута небольшая круглая и плоская банка из белого металла. Из нее извлекли плотно сжатые листы бумаги.

— Чистые листы, Роман Семенович,— доложил офицер, вскрывавший контейнер.

— Чистые?! Чистых листов в столь грязной упаковке не бывает. Покажите их товарищам в лаборатории.

Заметив, что сотрудник, вскрывавший контейнер, безуспешно вытирает платком руки, Красин обронил:

— Без одеколона не обойтись. Кстати, помогите даме привести себя в порядок.

Рукав кофточки г-жи Аугустенборг был в жирных пятнах... Вскоре из лаборатории доставили «чистые листы». Теперь это были четкие копии машинописных документов. Все они начинались строчкой «Совершенно секретно». На письменном столе Красина появились и еще чуть влажные фотографии, запечатлевшие эпизоды происшествия у сорокового километра на Приморском шоссе.

Они приехали вместе — заместитель представителя МИД в Ленинграде, генеральный консул США и его заместитель.

— Вынуждены были вас побеспокоить, господин генеральный консул. Этот человек,— Красин указал на угрюмо сидевшего у стола Аугустенборга,— называет себя сотрудником вашего консульства.

— Да, это вице-консул Аугустенборг и его жена.

— Они задержаны в момент изъятия из тайника шпионского контейнера. Хотите ознакомиться с деталями случившегося?

— Не стоит... Я сожалею о случившемся..

Визит консула был короток. Сославшись на нездоровье, он покинул кабинет, где ему пришлось засвидетельствовать личность пойманного во время шпионской операции американского дипломата. Заместитель генерального консула, который от своего шефа отличался не только отменным здоровьем, но и крайним недружелюбием, остался. Его интересовали детали.

— Скажите,— обратился он к госпоже Аугустенборг,— вы не выходили из машины?

Та отвела взгляд. Не проронив ни одного слова до этого, она промолчала и на этот раз. За нее, улыбнувшись, ответил Роман Семенович.

— Мадам выходила из машины. Можете взглянуть,— сказал он, подавая американскому дипломату одну из фотографий, лежавших у него на столе. На ней была запечатлена г-жа Аугустенборг, стоящая на обочине у осветительного столба со злополучным одеяльцем в руках.

— А где машина консульства?

— На том же месте, где оставил ее г-н Аугустенборг.

— Но ее могут угнать.

— Не беспокойтесь. Вы можете взять ее хоть сейчас.

Заместитель генерального консула не унимался:

— А какие материалы оказались в тайнике?

— Те, которыми весьма интересуется ваше Центральное разведывательное управление.

— Но все равно это не гуманно, ведь в машине находился ребенок...

— Добавьте,— сказал Красин,— взятый родителями на шпионскую операцию. Неплохое прикрытие — ребенок, детское одеяльце. Гуманно, не правда ли? Еще вопросы есть?

Больше вопросов у заместителя генерального консула не было. Чем же объяснялась такая настырность этого господина? Дело в том, что фамилия его Бураков. Она досталась ему от дедов и прадедов — русских крестьян. Как же он стал американским дипломатом и господином Бураковым? В одном из боев прошедшей войны его отец, солдат, попал в плен. Мы не знаем, как он себя вел в плену и почему после окончания войны отказался вернуться на родину. Неизвестно, за какие заслуги и добродетели из американской зоны оккупации его переправили за океан и даже предоставили ему гражданство США. А сын его вряд ли только за свою фамилию и знание русского языка оказался заместителем генерального консула США в Ленинграде. И роль свою, как видите, исполнял пусть и неуклюже, но с усердием и старанием сверх меры.

Господину Аугустенборгу и его жене предложили подписать акт об их неправомерных действиях. Они отказались.

— Воля ваша,— заявил Красин. — Это дела не меняет. Вы свободны, господа. Всего доброго.

На следующий день в центральных газетах появилось сообщение о происшедшем на сороковом километре Приморского шоссе. Сотрудник консульства США в

Ленинграде был объявлен персона нон грата. Семейство бывшего полицейского из Нью-Йорка, а теперь бывшего дипломата поднялось по трапу самолета, улетавшего из Ленинграда. Очередная шпионская операция американской разведки против нашей страны провалилась.

2

В кабинете следователя Седова за небольшим столиком у стены сидит человек. Он с трудом владеет собой — крепко сжаты локти в попытке унять дрожь. Этому человеку только что объявили, что доставлен он сюда сотрудниками госбезопасности как подозреваемый в измене Родине...

Кто этот человек, подозреваемый в совершении тягчайшего государственного преступления?

У него распространенная русская фамилия Павлов, и сам он русский. Родился в последний день 1935 года в семье горного инженера, довольно крупного специалиста, участвовавшего в сооружении ряда важных объектов. Семья кочевала вслед за отцом. Но это не мешало Павлову успешно кончить среднюю школу. В Ленинграде он поступил на престижный факультет Политехнического института. И не в числе последних закончил его с дипломом специалиста в области ядерной физики.

Неплохое начало биографии. В ней и дальше все благополучно. Обращает на себя внимание только то, что молодой инженер Павлов меняет работу. Из одного института переходит в другой, оставляет Ленинград, уезжает во Владивосток, с берегов Тихого океана сотрудником физической лаборатории отправляется в рейс на экспедиционном судне «Витязь». Его маршрут — Япония, острова Таити, Фиджи, Гавайи...

А после рейса Павлов вновь возвращается в Ленинград, устраивается на работу в Морской регистр СССР. Довольно опытный инженер-физик пришелся здесь ко двору.

Он вскоре становится одной из авторитетных фигур в атомной инспекции Морского регистра. Все, казалось бы, должно устраивать Павлова: серьезная работа, высокий оклад, солидное положение главного инженера-инспектора, престижные встречи в кругу судостроителей, моряков, ученых. А кроме того, поездки за границу на заседания рабочей группы для разработки междуна-

родного кодекса по безопасности мореплавания атомных судов. Четыре раза Павлов побывал в Лондоне, затем посетил Геную, Оттаву, Гамбург. Интересная работа, большое доверие.

Но неожиданно для всех — заявление об уходе. Куда? С заметным понижением — рядовым инженером в Арктический и антарктический НИИ Госкомгидромета. Причина? Желание «побродить по свету», сменить обстановку, туманные намеки на неблагополучие в семье. Осенью 1981 года Павлов отправляется в первый рейс на борту научно-исследовательского судна «Профессор Визе». Впереди тысячи морских миль по голубым дорогам, незнакомые экзотические материки и острова...

И вот сейчас некогда преуспевающий инженер-физик, элегантный ленинградец-интеллектуал, дрожа от озноба, сидит за маленьким столиком у стены кабинета следователя. Мало чем похож этот человек на прежнего, уверенного в себе, респектабельного Павлова. Он долго молчит, прежде чем ответить на первый вопрос следователя.

— Виноват, конечно. Но измена Родине? Никогда не думал об этом, — начал он свои первые показания.

О чем рассказал на первом допросе Павлов?

В Гамбурге на очередное совещание, посвященное безопасности мореплавания атомных судов, собрались специалисты из разных стран. В составе рабочей группы советских специалистов был и Павлов, тогда еще работавший в Морском регистре. По предыдущим поездкам он был знаком со многими из тех, кто приехал в Гамбург. Встреча с одним из них, как утверждал Павлов, и стала причиной его «грехопадения». Во время приватной беседы за ресторанным столиком Павлов рассказал своему западному коллеге о проблеме, которая занимала его несколько лет. Проблема выглядела заманчиво: получать искусственные алмазы при подземных ядерных взрывах. То ли из-за технологических сложностей, то ли по другим причинам идея эта не получила в научных кругах поддержки. Но Павлов по-прежнему возлагал на нее многое, «болел» за свое детище, жил мечтой о его признании, жаждал известности. Вот об этом замысле и поведал он своему западному коллеге, просто так, никаких целей не преследуя.

Прошло время, Павлов успел забыть о встрече, он уже не работал в Регистре и теперь прибыл в Гамбург

в новом качестве на теплоходе «Профессор Визе». Вот здесь его и встретил вдруг человек, напомнивший ему о разговоре об искусственных алмазах. То, что услышал от этого человека Павлов, обрадовало и удивило его. Встретивший Павлова в Гамбурге субъект не только передал привет от западногерманского коллеги, но и сообщил, что «алмазами» заинтересовалась одна серьезная фирма, она готова запатентовать идею Павлова, уплатив ему весьма солидную сумму. Тут же без лишних слов Павлову дали понять: фирму надо отблагодарить. Одна небольшая услуга: ответить на несколько вопросов, связанных с прежней работой Павлова. И все будет хорошо. Фирма умеет хранить секреты, она не останется в долгу. Павлов станет состоятельным человеком, в будущем для него откроются широкие возможности научной работы на Западе.

— Вы согласились? — спросил умолкшего Павлова следователь.

— А что мне оставалось делать?

— Другого выхода вы не видели, Павлов?

— Прийти к вам? Так все равно этим кончилось...

— Но разговор был бы другой, Юрий Васильевич. Вернемся к делу. Вы передали информацию, которую просили у вас в Гамбурге?

— Да.

— Когда и каким образом?

— Вернувшись из рейса в Ленинград, я разыскал те документы, которые у меня просили, и положил их в условном месте.

— Где, в каком месте был тайник?

— На сороковом километре Приморского шоссе...

— Как он выглядел?

— Небольшая плоская банка...

— Похожа на эту? — спросил следователь, положив на стол банку-контейнер, доставленную с сорокового километра Приморского шоссе.

Павлов кивнул головой:

— Так вы все уже знаете?..

— А как вы думаете? Вы оказались здесь случайно? Ну что ж, на сегодня довольно, — отстучав на машинке последние слова подозреваемого, сказал Седов. — Подпишите протокол.

Павлов молча расписался, еще раз настороженно взглянул на следователя и отправился к двери, у которой его ждали сотрудники следственного изолятора.

На следующий день старшего следователя майора Седова, который принял к своему производству дело Павлова, вызвал начальник управления. Генерал молча и внимательно прочел протокол первого допроса, а затем спросил:

— Ваше впечатление?

— Пока трудно судить, товарищ генерал. Вчера Павлов был ошеломлен и растерян. Он, по-моему, человек ума живого, умеющий просчитывать ситуацию...

— Ну что ж, посмотрим. Впереди еще много работы. Главное,— заметил генерал,— достоверно и полно определить круг всех вопросов, которые интересовали разведку. А также то, что мог знать и выдать им Павлов.

Начальник управления дал согласие на арест Павлова и отпустил майора.

В тот же день Павлова вновь доставили в кабинет следователя. Сейчас он казался куда более спокойным. Но когда Павлов усаживался за свой столик, было заметно, как по-прежнему дрожат его руки, как напряженно он пытается это свое «спокойствие» сохранить. Перехватив взгляд майора, Павлов убрал руки со стола и сцепил их, опустив на колени. Настороженный, он ждал первого вопроса Седова. О чем спросит, о чем дальше пойдет разговор? А следователь начал с того, что предъявил Павлову постановление об аресте, только что санкционированное прокурором. Вчера Павлов был «задержанным по подозрению», сегодня ему объявили об аресте. Он ожидал этого известия, но скрыть своей подавленности, даже испуга, не мог. Следователю дважды пришлось обратиться к оцепеневшему Павлову, прежде чем до того дошел смысл вопроса:

— Не кажутся ли вам, Юрий Васильевич, несостоятельными и далеко не полными ваши вчерашние показания?

— Нет, не кажутся...

— Вы по-прежнему утверждаете, что встреча с незнакомцем в Гамбурге была единственной?

— Да...

— Никаких инструкций, указаний от него не получали?

— Нет...

— И сейчас не знаете, какой «фирме» вы посодействовали?

— Нет, не знаю...

— Вы не производите впечатления легкомысленного человека, Павлов. И вдруг закладываете контейнер с секретными документами и даже не знаете, для кого они предназначены. Неправдоподобно все это. Хотите знать, кому, какой фирме вы оказали услугу? Вот прочтите. — Следователь развернул газету, лежавшую у него на столе, что-то подчеркнул в ней и протянул Павлову.

Фломастером на газетной полосе было обведено сообщение Комитета государственной безопасности СССР. В нем говорилось: «11 сентября с. г. в районе Ленинграда при проведении шпионской акции были задержаны с поличным вице-консул генконсульства США Лон Дэвид Аугустенборг и его жена Денис Аугустенборг. В ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие американского дипломата и его жену в осуществлении разведывательной деятельности, несовместимой с их официальным статусом.

За противоправные действия Л. Аугустенборг объявлен персона нон грата».

Павлов молча вернул газету.

— Теперь, Юрий Васильевич, внимательно выслушайте то, что я вам сейчас скажу. Давать показания ваше право, но не обязанность. Вы можете не отвечать на мои вопросы или говорить неправду, как вы это делаете сейчас. Ваше право. Но есть ли смысл пользоваться им в вашем положении? От этого ничего не изменится, вашу вину мы докажем. Подумайте, как вам дальше вести себя. Шанс у вас один. Не буду вас торопить. Подумайте. Хорошо подумайте, Юрий Васильевич. Будете готовы к разговору — дадите знать...

Павлов, не проронив ни слова, покинул кабинет следователя.

Думал Павлов недолго. Прав оказался майор, когда сказал генералу о способности Павлова быстро просчитывать ситуацию.

Следователю Седову позвонили из изолятора:

— Ваш подследственный нервничает, требует встречи с вами.

— Передайте: сегодня вызову, — ответил майор.

Во второй половине дня Павлов оказался в знакомом ему кабинете. На этот раз разговор он начал первым.

— Согласен с вами. Лгать или говорить полуправду в моем положении нет смысла... Я готов отвечать. Спрашивайте...

— Когда вы впервые вступили в контакт с представителями иностранной разведки?

— В конце марта 1982 года, в Гамбурге...

— Эта встреча была обусловлена?

— Да, я сам просил о такой встрече в своем письме.

— В каком письме?

— В моем письме в консульство ФРГ.

— Что это было за письмо, когда оно составлено и отправлено?

В протоколе ответ Павлова на этот вопрос выглядел так: «В октябре 1981 года, находясь в заграничном рейсе на научно-исследовательском судне «Профессор Визе», я оказался в городе Олесунне (Норвегия), где наше судно было на стоянке. По собственной инициативе тогда же я написал письмо в адрес консульства ФРГ, находившегося в Олесунне. В этом письме я предложил представителям ФРГ вступить со мной в контакт, сообщив о себе, что я работаю начальником лаборатории на „Профессоре Визе“ и располагаю секретными сведениями».

И еще в этом письме Павлов написал о том, что ненавидит Советскую власть, нуждается в деньгах и не может реализовать себя как ученый. Никакого двусмыслия — все предельно ясно: готов служить. Не позабыл Павлов сообщить о дальнейшем маршруте «Профессора Визе» и о том, как узнать его: «Я буду одет в старое темное пальто, на голове — вязаная шапочка, в правой руке буду держать красочный буклет...»

Письмо в западногерманское консульство было опущено в почтовый ящик в Олесунне. Заметим — в самом начале первого рейса, на первой же стоянке «Профессора Визе» у зарубежного причала. Стоянка его в этом маленьком норвежском порту была недолгой — теплоход ушел по своему маршруту. В том рейсе судно еще дважды бросало якорь в зарубежных портах — сначала в Рейкьявике, затем в Гамбурге. Всякий раз Павлов с цветным буклетом в правой руке сходил на берег. Но ни в Рейкьявике, ни в Гамбурге никто не подошел к нему. Обескураженный, он вернулся в Ленинград.

Павлову было невдомек, что письмо, опущенное на почте норвежского городка, проделало немалый путь: оно прошло через десятки рук, прежде чем специалисты БНД — западногерманской разведки приняли решение: «С Павловым стоит иметь дело». И когда весной 1982 года «Профессор Визе» вновь ошвартовался в Гамбурге и Павлов сошел на берег, его уже ждали.

От самого порта до центра города за группой советских моряков, в которой находился Павлов, следовали двое мужчин. Один из них, постарше возрастом, шел почти рядом и всячески пытался привлечь к себе внимание Павлова: кивал головой, подмигивал. Вторым, тот что помоложе, держался поодаль, но от группы не отставал. Павлову стало ясно, ищут встречи с ним.

В универмаге «Карштадт», куда вместе с товарищами зашел и Павлов, к нему, улучив удобную минутку, подошел один из неизвестных (Павлов будет его в дальнейшем называть «пожилой немец»), обратился к нему на плохом английском со словами: «Вы нам писали» — и показал надписанный рукой Павлова коричневый конверт от письма, опущенного прошлой осенью на норвежском берегу. Первая встреча-знакомство была недолгой. Павлов нервничал, «пожилой» во время разговора убеждал его: наши контакты полезны обеим сторонам, все будет хорошо, о вашей безопасности беспокоились. «Пожилой» немец попросил к следующей встрече написать подробнее о себе, о своей научной работе. При расставании Павлов получил от него конверт. Вернувшись с берега, вскрыл его. В конверте были деньги. Павлов пересчитал — 800 западногерманских марок. Все оказалось проще, чем предполагал Павлов. С ним не церемонились.

«После встречи в Гамбурге в марте 1982 года и до мая 1983 года у меня состоялось семь встреч с представителями иностранной разведки в разных городах и странах. Эти люди не называли мне своих фамилий и должностей, но, общаясь с ними, я ясно понимал, что имею дело с представителями разведывательных организаций. Такой вывод я делал из самого характера и содержания наших контактов, из направленности задаваемых мне вопросов и получаемых мной инструкций.

В течение этого времени я неоднократно получал от них в устной и письменной форме вопросы, касавшиеся в основном военно-морской тематики...»

Теперь, казалось, Павлов стал называть своими именами собственные поступки, ясно охарактеризовал те отношения, в которые он по собственной воле вступил с представителями иностранной разведки. Одна только мысль не давала ему покоя: обо всем ли известно следствию, все ли стоит рассказывать? Став по убеждению предателем, от этих убеждений он избавлялся медленно, сдавая позиции одну за другой, но не капитулируя сразу.

— Как вы действовали после установления в марте 1982 года контакта с представителем спецслужб ФРГ? — спросил следователь, приступив к очередному допросу.

— В дальнейшем я действовал так, как мне это рекомендовалось моими новыми знакомыми. — После вчерашнего признания Павлов был готов к такому вопросу.

Выйдя из гамбургского порта, судно направилось в море для выполнения экспериментов, которые продолжались около месяца. Следующим портом стоянки был Рио-де-Жанейро. Сюда «Профессор Визе» пришел в апреле, дней на десять позже, чем предполагалось.

Перед тем как отправиться на берег, Павлов зашел в каюту и взял с собой печатную программу рейса и научно-исследовательских работ, проводимых на судне. Этот документ представлял собой около 30 страниц машинописного текста, излагавшего план и направление научных исследований. Здесь проводился расчет времени на каждую тему, упоминались даты посещения иностранных портов.

Предполагая, что в городе с ним может встретиться гамбургский знакомый, Павлов специально завернул программу в газету, соорудив из нее нечто вроде компактной пачки. Сунув ее в карман брюк, он сошел на берег. Выходя в увольнение, не забыл захватить и деньги — 800 западногерманских марок, полученных в Гамбурге.

В теплом и шумном Рио-де-Жанейро Павлова ожидало разочарование: за два увольнения в город встречи с «пожилым» немцем не произошло. По какой-то причине на контакт никто не вышел. Пришлось вернуться на судно, так и не передав заготовленные документы. Огорчившись, не потратил и денег — 800 марок оставались при нем. Далее по маршруту следующая стоянка была на Канарских островах в испанском порту Санта-Крус-де-Тенерифе.

О встречах с западногерманским разведчиком на Канарских островах Павлов рассказывал:

— Здесь во время стоянки я дважды встретился с «пожилым». В первый день после прогулки по Санта-Крус наша группа решила возвратиться в порт на автобусе. Войдя в салон автобуса, я сразу увидел немца из Гамбурга. Он сидел с правой стороны, во втором или третьем ряду. Я подумал, что «пожилой» мог опере-

дить меня при посадке. Не подавая вида, я прошел мимо него и занял место несколько позади. Через две-три остановки «пожилой» демонстративно поднялся и медленно двинулся в сторону задней двери автобуса, явно собираясь пройти мимо меня. К этому времени в салоне стало довольно многолюдно, все кресла были заняты, кое-кто даже стоял в проходе. Я тоже встал и в момент, когда «пожилой» поравнялся со мной, подвинулся, как бы пропуская его. Тут же мы незаметно обменялись пакетами: я передал ему программу рейса, завернутую в газету, а он мне — небольшой конверт.

Немец вышел. Никто из моих спутников не обратил внимания на эти маневры. У порта мы высадились из автобуса и вернулись на судно.

Вторая встреча состоялась на следующий день. Местом для нее «пожилой» выбрал небольшой магазин, куда я зашел со своими попутчиками. Когда группа разбрелась вдоль витрин и прилавков, немец подошел ко мне поближе. Помню, что беседа шла урывками: я боялся, как бы нас не заметили мои сослуживцы. Отвлекая от себя внимание, мы то расходились, то снова вставали рядом. При этом оба делали вид, что выбираем покупки. «Пожилой» перебирал и ощупывал белье, а я примерял какую-то матерчатую кепку с длинным козырьком.

Говорил в основном немец. Он сообщил мне, что лицензия на предложенный мной способ получения искусственных алмазов при ядерном взрыве уже продана. При этом он ссылаясь на мнение каких-то экспертов о «жизнеспособности» такой технологии, о «доработке» идеи, проделанной за границей соответствующими специалистами. Сказал, что завершены переговоры с Южно-Африканской Республикой о продаже лицензии. О том, что подобные переговоры ведутся в США и Франции.

Более того, немец заверил меня, что в качестве авторского вознаграждения мне будто бы полагается сумма в 100 тысяч долларов США.

— Как вы отнеслись к этому сообщению?

— Мне показались неискренними слова разведчика. У меня сложилось впечатление, что все это было сказано для того, чтобы выгодно повлиять на меня, заинтересовать в продолжении контактов с ними. Поэтому я не стал уточнять частности. Например, куда, в какой банк положены на мое имя сто тысяч долларов, как я могу получить эти деньги. Он как-то чересчур активно

приводил аргументы в пользу сотрудничества с ними. Я понял, что верить всем его посулам нельзя. При расставании в Санта-Крус представитель спецслужбы ФРГ не давал мне никаких поручений, не говорил ничего конкретного о наших будущих отношениях.

— А что было в конверте, полученном вами от него при первой встрече в автобусе?

— В конверте были деньги: четыре тысячи испанских песет, триста марок ФРГ и сто пятьдесят голландских гульденов.

5

Раз за разом, возвращаясь к показаниям Павлова об обстоятельствах встреч с иностранными разведчиками, следователь обнаруживал, что тот с готовностью говорит о времени, месте, деталях этих встреч, но сводит их к общим разговорам, своеобразному «прощупыванию». По словам Павлова выходило, что представителей спецслужб больше интересовали его «личная безопасность», денежные затруднения и планы на будущее.

Регулярно докладывая начальнику отдела о ходе работы с Павловым, Седов не мог не поделиться своими сомнениями:

— Все, что Павлов рассказывает нам о стоянках и прогулках по городу, о местах встреч с разведчиком и продолжительности таких контактов, в целом совпадает с нашими данными. Но он упорно уходит от главного, от основной сути своей шпионской деятельности: о передаче известной ему секретной информации. Увлечшись своей защитной «легендой», он, видимо, сам позабыл, что в письме, брошенном в почтовый ящик в Олесунне, не только просил о деньгах, но и называл себя специалистом по советскому военному флоту.

— Да, пожалуй,— заметил начальник отдела,— деньги ему ведь не только обещали. Ему эти деньги давали. И встречи назначались весьма интенсивно, на разных континентах, что не только способствует конспирации, но и подразумевает большие расходы. Вряд ли так дорого стоит одна лишь безопасность Павлова. Посмотрите на те факты, которыми мы уже сейчас располагаем, выберите наиболее убедительные и дайте еще раз понять Павлову, что мы ждем от него полной откровенности, а не россыпей искусственных алмазов. Кстати, проверена достоверность этой технологии?

— Мы получили ответ на наш запрос. Из него следует, что схема «изобретения», которая, по словам Павлова, заинтересовала сразу три государства, может быть составлена любителем, прочитавшим научно-популярную книжку по ядерной физике. А ведь Павлов — физик-ядерщик с высшим образованием. Зачем ему нужны эти отвлекающие маневры? Может быть, только потому, что страшится истины...

— Скорее всего, именно по последней причине. И знаете, все-таки не надо форсировать события. Дадим ему еще одну возможность самому выбрать правильный путь. Это, наверное, дольше, но надежнее.

Шло время. Павлов заметно успокоился. Почти каждый день одним и тем же путем он шел в знакомый ему кабинет Седова. Он появлялся теперь здесь в своем обычном платье, тщательно выбритый. К нему вернулось нечто от прежнего Павлова, человека, верно выбирающего манеру поведения в определенной ситуации. О таких, перечисляя их достоинства, говорят: умеет держаться. Выдавала Павлова лишь настороженность, которая его не покидала, как только он переступал порог кабинета следователя. Казалось, можно было и расслабиться. Самое тяжелое осталось позади — признание о контактах с представителями западных спецслужб сделано. Теперь на допросах Павлова спрашивали о том, где и как происходили эти встречи. Рассказ шел по маршруту его рейсов на научно-исследовательских судах, сначала на «Профессоре Визе», затем на «Профессоре Зубове». Майор Седов спокойно его выслушивал, подробно заносил слова обвиняемого в протокол. Иногда только любопытствовал о деталях, порой предлагал поточнее назвать дату, описать внешность собеседника. Было и такое, когда следователь возвращался к тому, что слышал от Павлова несколько дней назад.

Вот и на этот раз, начиная допрос, он сказал:

— Давайте, Юрий Васильевич, вернемся сегодня на Канарские острова. Не возражаете? Давая показания о встречах в Санта-Крус, вы говорили, что в конверте, переданном вам в автобусе, ничего, кроме денег, не было. Подтверждаете ли вы сейчас, что во время той встречи вы никаких заданий, писем, инструкций от «пожилого» немца не получали?

— Да, ничего, кроме денег...

— Подтверждаете ли вы свои показания о содержании разговора при второй встрече с ним в магазине?

— Да, как я уже говорил, разговор шел о судьбе моего способа получения искусственных алмазов.

— Тогда еще вопрос, Юрий Васильевич. Кому еще вы рассказывали о своих встречах с иностранным разведчиком на Канарских островах?

— Кроме вас, никому...

— Вы поторопились с ответом, Юрий Васильевич. О ваших встречах в Санта-Крус я слышал и от другого человека...

— Это Комарова. Я все понял...

...В то утро майор Седов принимал у себя гостью из Москвы — сотрудницу Института прикладной геофизики Тамару Петровну Комарову. Разговор шел об экспедициях на научно-исследовательском судне «Профессор Визе», в которых она участвовала. Наступил черед и для вопроса:

— Вы знали Павлова Юрия Васильевича?

— Конечно.

— В каких отношениях вы были с ним?

— А что вы имеете в виду?

— Ничего. Просто интересуюсь, какие отношения у вас были с Павловым? Дружеские, приятельские или напротив.

— Отношения были хорошие, пожалуй, дружеские...

— Что породило их?

— Юрий Васильевич заметно отличался от остальных, с ним было интересно — умный, деликатный, начитанный. Словом, интеллигентный человек. Мы обычно в одной группе увольнялись на берег. Он свободно владел английским языком, в отличие от многих предпочитал магазинам музеи и прогулки по городу... Представляете, на валюту покупал цветы! Это удивляло всех...

— Быть может, у него валюты было больше, чем у других?

— Да нет. Дело не в этом...

— Не замечали ли вы в поведении Павлова других странностей?

— По-моему, его поступки странными не назовешь. Они просто выделяли Павлова из многих. Правда, он еще большой фантазер. Я это не сразу поняла, вначале верила каждому его слову. Но порой трудно было поверить всему, что он говорил.

— Например?

— Ну, скажем, тому, что он сделал крупное открытие в науке, которое должно изменить его судьбу. О невероятных встречах чуть ли не с американским пре-

зидентом где-то на Гавайях. Выдумщик он был изрядный...

— Когда вы в последний раз встречались с Павловым?

— В прошлом году в Москве.

— Он приезжал к вам?

— Да, зашел попрощаться перед рейсом на «Профессоре Зубове». Меня удивил тогда мрачный вид Юрия Васильевича. Он говорил что-то непонятное о своей незадавшейся судьбе, о предопределенности ожидавших его каких-то крупных неприятностей. Мне это показалось ненатуральным, чрезмерным. Я решила, что он просто рисуется, пытается представить себя какой-то мятущейся личностью.

— А вы знаете, где сейчас Павлов?

— Нет. Видимо, в плавании.

— Вы ошибаетесь. Павлов находится в камере следственного изолятора. Он арестован, ему предъявлено обвинение в шпионаже... Теперь вы понимаете, почему мы пригласили вас. Поэтому я спрашиваю: что вы можете еще рассказать о Павлове Юрии Васильевиче? Вынужден напомнить, вы допрашиваетесь в качестве свидетеля и обязаны говорить только правду...

— Боже мой! Павлов и тюрьма, преступление... Простите, но я не думала, что ваши вопросы имели такое значение. Да, виновата, когда вы спросили, была ли у Павлова лишняя валюта, я сказала неправду. После стоянки в Гамбурге, когда мы уже вышли в море, Павлов как-то показал мне пачку банкнот — восемьсот западногерманских марок. Я, конечно, спросила, откуда у него такая сумма, ведь экипажу валюта выдается только в пределах зарплаты. Еще раньше, в разговорах, Павлов давал понять, что плавание на нашем судне для него «ссылка», «опала». По его словам, причина перехода из Морского регистра была в том, что во время поездок за рубеж он подружился с французским ученым. Как я могла понять, все это было связано еще с каким-то открытием Павлова, которое не признали у нас, но вызвавшим большой интерес на Западе.

Юрий Васильевич сказал мне, что в Гамбурге его встречал тот самый французский ученый. Так вот, он и передал ему эти восемьсот марок. Позднее, в Санта-Крус, он показал мне своего иностранного друга. Это было в автобусе, которым мы возвращались на судно из поездки по городу. Француз выглядел весьма импозантно. Я удивилась такой привязанности этого чело-

века к Павлову, ведь для встречи с Юрием Васильевичем он приехал из Европы. На другой день Павлов показал мне письмо, переданное ему другом из Франции. Текст был английский, сама его прочесть я не могла, но Юрий Васильевич перевел письмо. В нем Павлову предлагалась обеспеченная жизнь на Западе, обещалась удачная научная карьера. Вообще-то, про себя я решила, что это либо очередная мистификация со стороны Павлова, либо провокация, которую против него затеял француз. Но вы, наверное, знаете характер Юрия Васильевича... Спорить с ним не имело смысла, да я и не посчитала себя вправе поучать его.

— Что же все-таки ему сказали?

— Я прежде всего потребовала от него вернуть восемьсот марок своему другу. Он согласился и еще в Санта-Крус сказал мне, что деньги вернул.

— Появлялась ли после этого иностранная валюта у Павлова?

— Нет, мне об этом неизвестно... Вы знаете, я еще вот в чем должна признаться. Это было полгода тому назад. Я не хотела, но после настойчивых просьб уступила: приняла от Юрия Васильевича подарок — наручные часики. Как утверждал Павлов, цена им сто долларов, и купил он их на валюту, которую заработал во время плавания.

— Тамара Петровна, рассказывая о Павлове, вы несколько раз упомянули о его чудачествах. А не кажется ли вам, по крайней мере, странным ваше собственное поведение?

— Почему? Что вы имеете в виду?

— Ну как же. Ваш друг...

— Простите, друг — это другое...

— Ну, хорошо, ваш коллега вдруг показывает вам крупную сумму валюты, полученную, по его словам, от какого-то иностранца, который, видите ли, специально «на минутку» приехал в Гамбург, дабы только заключить в объятия своего старого знакомого. Как вы реагируете? Советуете вернуть их: мол, деньги — это нехорошо, они омрачают дружбу. Затем Павлов показывает вам письмо с ясным предложением остаться за границей, то есть бросить все: семью, близких, свою Родину. А ваша реакция? Вы даже сегодня, здесь, на допросе в качестве свидетеля, пытаетесь умолчать об этом. Понимаете ли вы наконец, как выглядит ваше поведение?

— Сейчас понимаю...

Пауза длилась недолго. После некоторого раздумья Павлов продолжал:

— Вы правы, с ответами лучше не торопиться. Я скажу правду. После получения в Гамбурге от «пожилого» немца восьмисот марок я не мог жить спокойно. Я вспоминал свое злополучное письмо, настойчивость «пожилого» при обсуждении наших будущих отношений и понял, что становлюсь их платным агентом и попадаю в зависимость от них. Поверьте, эти деньги легли тяжким грузом на мою совесть. Мне было невозможно и захотелось поделиться этой душевной тяжестью с кем-нибудь.

Таким человеком оказалась Тамара Петровна Комарова, старший научный сотрудник нашей экспедиции. Она — добрый, отзывчивый человек, я испытывал к ней симпатию и решил отчасти довериться ей. «Довериться» — это сильно сказано. Признаться ей во всем я, конечно, не мог, но предвидел, что во время плавания она, будучи в одной со мной группе увольняемых на берег, может случайно увидеть меня с разведчиками. В беседах с Комаровой я «отработал» легенду происхождения крупной суммы иностранной валюты. Я рассказал ей, что на «Профессоре Визе» отбываю «ссылку» за прежние провинности. Вина моя была якобы в том, что во время прежних научных командировок я близко подружился с одним французским физиком, а точнее, с его супругой. Это, мол, и послужило поводом для недоверия ко мне. Из-за него пришлось уйти из Морского регистра.

Я даже назвал ей имя французского ученого, с которым действительно встречался на международных симпозиумах. Я сказал Комаровой, что перед уходом в рейс сумел передать ему весточку о себе, а затем и встретиться с французом в Гамбурге. И там получил от него в подарок восемьсот марок. Эти деньги, как я объяснил Комаровой, «Жан» дал мне, зная о моих материальных затруднениях. Таким образом я пытался закамуфлировать свою встречу с «пожилым» немцем в Гамбурге и то, что деньги получены от него.

Предпринятые мной меры предосторожности оказались не напрасными. Именно в Санта-Крус мне пришлось воспользоваться так удачно придуманной версией. Увидев в автобусе «пожилого» немца и понимая, что его появление здесь не случайно, за этим будет и лич-

ная встреча, я решил поступить дерзко и сам сказал Комаровой, что рядом с нами едет тот самый французский ученый, с которым я должен встретиться.

Позднее Комарова могла видеть и нашу вторую встречу с «французским ученым» в магазине.

— Какое письмо или записку от «Жана» вы показывали Комаровой?

— Это была записка на английском языке, которую вместе с деньгами я получил при встрече с «пожилым» в автобусе. В ней говорилось о моем перемещении на Запад. Говорилось о том, что за рубежом я получу все условия для благополучной жизни и широкие возможности для научной работы.

— Как вы отнеслись к этому предложению, и обсуждалось ли оно во время второй встречи в Санта-Крус?

— На прежнем допросе я дал неверные показания о разговоре, который был у меня с немцем во время второй встречи. Об искусственных алмазах речи не было. Был разговор по поводу записки с предложением остаться на Западе. Я не дал тогда окончательного ответа, сказав, что оставить семью я не смогу. Немец заметил, что организация отъезда всей моей семьи дело куда более трудоемкое.

— Почему вы пытались скрыть от следствия факты получения письменного предложения о невозвращении на Родину и разговора об этом с западногерманским разведчиком?

— Мне не хотелось говорить о моем согласии остаться на Западе, тем более что впоследствии подобный вариант был оставлен. К тому же мне не хотелось упоминать о Комаровой.

— После отплытия из Санта-Крус вы сказали Комаровой, что вернули «французскому ученому» восемьсот марок, полученных от него в Гамбурге. Так ли это было в действительности?

— Нет, конечно.

— Как вы поступили с валютой, полученной вами в Гамбурге и Санта-Крус?

— Там же, в Санта-Крус, я потратил большую часть валюты на покупку золотого браслета. Спрятал его в ящике с запасными деталями. Помещение лаборатории таможенниками не досматривалось, я благополучно провез его в Ленинград и подарил своей жене. Оставшуюся валюту мне также удалось провезти в Ленинград. И до следующего рейса я хранил ее дома...

— Сегодня, Юрий Васильевич, начнем разговор о вашем втором путешествии. Когда вышел в море «Профессор Зубов»?

— Осенью восемьдесят второго года.

— Вам удалось заранее сообщить представителям спецслужб ФРГ о том, что вы отправляетесь во второй рейс на новом судне?

— Нет. Для меня самого это было неожиданно-стью...

— И еще вопрос: готовились ли вы специально к встрече с представителями спецслужб в рейсе на научно-исследовательском судне «Профессор Зубов»?

— Если вы под этим подразумеваете подготовку какой-либо информации, то ее у меня тогда не было, никаких заданий между рейсами я не получал. Да и собственной инициативы в этом направлении я не проявлял. Мне казалось, что мои контакты с «пожилым» и его «фирмой» носят поверхностный характер, малозначимы и ни к чему меня не обязывают. Я думал, что они просто подбирают ко мне ключи, присматриваются, и только.

— Вы и сейчас так думаете?

— Тогда, по крайней мере, я думал именно так... Более того, до выхода в следующий рейс я сумел убедить себя, что моя связь с ними отошла в прошлое. Конечно, возможности встретиться с ними я полностью не исключал, но все-таки думал, что мой переход на другое судно их запутает. Все мои иллюзии развеялись в Копенгагене, где была первая стоянка «Профессора Зубова». Едва ли не через десять минут после того, как наша группа сошла на берег, метрах в десяти — пятнадцати от себя я увидел «пожилого» немца и понял, что ничего не изменилось и встреча неминуема...

— Расскажите о ней подробнее.

— Да, конечно. Наше судно стояло не в порту, а у причальной стенки, буквально в черте города. Неподалеку от места стоянки расположена тамошняя достопримечательность — большущий фонтан, даже каскад фонтанов с фигурной композицией на тему датской легенды — упряжка из трех волов и женщина с плугом. Вот здесь, у фонтана, в первый же день увольнения я и увидел «пожилого». Чашу фонтана огибали две дорожки. По одной из них двигалась наша группа, а напротив — мой злополучный знакомый, одетый в корот-

кую куртку. Он был в тирольской шляпé с перышком, на плече у него была небольшая плоская сумка. Никаких знаков он мне не делал, просто пристроился за нами и шел следом в течение полутора-двух часов нашей прогулки. Я разволновался, не мог решить, что же мне делать, и все-таки решил не отрываться от группы. Время от времени я оглядывался на идущего следом «пожилого». На душе у меня было беспокойно, но я не подавал виду, шагая вместе с попутчиками по улицам Копенгагена, где, кстати, был впервые.

Помню, мы зашли в туристическое бюро, где приобрели карту Копенгагена. Затем побывали на площади перед Королевским дворцом, где увидели смену караула. Это было красиво, но у меня не выходило из головы немец. Затем, помню, мы вышли на канал у здания Фондовой биржи. Вот здесь я заметил, что «пожилой» стал подавать мне знаки, показывая рукой на часы. Наверное, ему надоело ходить за мной без толку. Как раз в это время на глаза моим попутчикам попался какой-то магазинчик, и они направились туда. Я решил, что от судьбы не уйти, и сказал своим, что подожду их на улице. Я остался один. Напротив магазинчика прямо на тротуаре стоял лоток с цветами. У цветов мы и сошлись с «пожилым».

Наш разговор продолжался около двадцати минут и шел, как всегда, по-английски. Я уже приучился к разным трюкам и усиленно делал вид, что рассматриваю цветы, хотя спокойствие мое было показным. Первый вопрос немца был: «Что-нибудь случилось?» Я сказал, что ничего не случилось, но что продолжать контакты с ними боюсь, ибо опасюсь ареста и репрессий со стороны КГБ. «Пожилой» спросил, нет ли у меня конкретных оснований для таких опасений. Я ответил: пока нет, но мне все равно страшно, и долго я не продержусь. Он стал успокаивать меня, уверять, что делает все для обеспечения безопасности наших контактов, что при соблюдении конспирации они не принесут мне вреда. Не знаю, насколько он был силен профессионально, но здесь давил на меня одной только уверенностью в своих силах. Это действовало усыпляюще.

По инерции я хотел довести до конца свою линию и сказал, что хотел бы прервать наши отношения. Но на «пожилого» это не произвело особого впечатления. Он продолжал меня уверять, что оснований для разрыва нет, мне ничего не грозит и наши отношения будут взаимопользны. Он тут же похвалил меня за то, что

на прошлой нашей встрече я отказался остаться за границей. Ведь этим, солидно рассуждал он, я затруднил бы отъезд на Запад моей семьи. А разлука с семьей, сказал немец, действовала бы на меня угнетающе. После этого он спросил, не нужны ли мне деньги. Я ответил, что не истратил еще и тех, что получил от него в Гамбурге и Санта-Крус. Пришлось объяснять, что валюту мне нужно обращать в товары, а крупные приобретения трудно скрыть от сослуживцев. «Пожилой» похвалил мою предусмотрительность.

Затем он сказал, что требуется организовать со мной более длительную встречу, нежели те, что были у нас до того. С этой целью он предложил мне какие-то таблетки, вызывающие внешние симптомы тяжелого заболевания. Приняв такую таблетку, я мог рассчитывать на списание с судна на берег в Копенгагене. а здесь меня поместили бы в больницу, где со мной встретятся разведчики ФРГ для обстоятельных бесед. Я отказался брать такие таблетки, хотя по всему было видно, что они при нем имелись.

Отказался я и от предложенного мне фотоаппарата «Минокс» для фотографирования секретных документов. Сослался на то, что в данный момент у меня нет секретных материалов, из-за которых стоило бы рисковать, работая с миниатюрным фотоаппаратом.

В заключение разговора «пожилой» передал мне лист белой плотной бумаги, свернутый пополам. Он сказал, что там вопросы, на которые надо ответить. Мельком взглянув на лист, я понял, что в нем вопросы автобиографического характера, да и сам документ был озаглавлен по-русски: «Анкета». Я согласился выполнить просьбу немца и положил этот бланк в карман.

Вечером того же дня, оставшись один в своей каюте, я внимательно рассмотрел бланк с переданной мне анкетой. Текст ее был отпечатан на машинке почему-то по-русски. Наверное, нужна была точность в ответах. Указывалось, что ответы почему-то желательно записывать печатными буквами. Именно так я и заполнил бланк анкеты.

— Какие вопросы там были?

— Анкета мало чем отличалась от обычных, наших, которые мне не раз приходилось заполнять до этого. Разве только в ней следовало сообщить не только все места моей службы, но и перечислить в хронологическом порядке все города, в которых жил и работал. Несколько вопросов касались моей семьи, интересовал мой до-

машинный адрес, номер телефона, номер машины. Заполнив анкету, я взял ее с собой во второй день увольнения на берег.

Хотя я и предвидел встречу с немецким разведчиком, на этот раз она была для меня все же неожиданной. Дело в том, что на встречу со мной вышел новый человек. Правда, раньше я его видел, но только мельком, когда вместе с «пожилым» он сопровождал меня от гамбургского порта до универмага «Карштадт». Этот второй разведчик был значительно моложе своего коллеги. Он настиг меня у входа в маленький банк, куда я шел, чтобы обменять выданную нам на судне валюту на датские кроны. Он спросил, выполнил ли я их просьбу. Я сразу понял, что речь идет об анкете, достал ее и отдал. Меня удивило, что, получив мою анкету, «молодой» немец тут же достал откуда-то другой похожий лист и демонстративно сравнил его с заполненным мной бланком. Я заглянул в его бумагу и обратил внимание на запись своей фамилии. Там моя фамилия была написана на немецкий лад. Поблагодарив меня на чистом английском языке, «молодой» распрощался со мной. Я не стал заходить в банк и пошел к своим попутчикам. Неожиданно на другой стороне узкой улочки я увидел «пожилого» разведчика. Он стоял с отсутствующим видом и как будто бы не обратил на меня никакого внимания.

Других встреч с западногерманскими разведчиками ни в этот, ни на другой день перед уходом из Копенгагена у меня не было. Уверяю вас, никакой другой информации, кроме анкеты, я им не передавал.

На следующий допрос Павлов явился, готовый продолжить свои показания о плавании на «Профессоре Зубове». Точнее, о стоянках научно-исследовательского судна, о встречах с представителями западногерманских спецслужб. Павлов готов был начать рассказ о той, которая произошла у него в Рио-де-Жанейро.

Но следователь вернулся к его прежним показаниям о стоянке в Копенгагене, о встречах его с западными немцами в датской столице.

— Давайте уточним ваши вчерашние показания, Юрий Васильевич,— сказал Седов, начиная допрос,— вчера вы подробно рассказывали о встрече с «пожилым» немцем у цветочного лотка. Встреча, как вы говорили, продолжалась около двадцати минут. Скажите, неужели все это время было потрачено разведчиком только лишь для того, чтобы убедить вас в безопасности

контактов с ним и передать анкету? Вспомните, о чем еще шел разговор?

— Но, по-моему, я передал его весь, полностью.

— Не было ли речи о следующем свидании? Просто встретились, поговорили и разошлись?

— Нет. Я забыл, он предупредил меня, что очередные встречи со мной состоятся в Рио-де-Жанейро и в Монтевидео...

— Откуда он знал, что вы будете там?

— «Пожилой» осведомился у меня о дальнейшем маршруте «Профессора Зубова», и я сообщил ему, когда и куда наше судно будет заходить на стоянки. Теперь припоминаю — немец спросил у меня тогда, не выполняет ли судно, как он выразился, «разведывательные функции». Я ответил, естественно, отрицательно и в подтверждение своих слов предложил ему передать программу рейса судна. По реакции «пожилого» я заметил, что этот документ большого интереса для него не представлял.

— Ну вот, видите, Юрий Васильевич, кое-что, оказывается, было еще. И другие вопросы были, и не только о программе плавания. О чем еще он спрашивал вас?

— По-моему, в ту встречу «пожилой» задал походя несколько вопросов, касающихся моей работы в Регистре, интересовался возможностью возвращения в это учреждение. Это были технические вопросы, они касались деталей. Так же вскользь он задал мне несколько вопросов, касающихся судостроения.

— Почему же вы, Юрий Васильевич, умолчали о них на последнем допросе?

— Видимо, потому, что не придавал им значения. К тому же я заявил «пожилому», что над ответами надо подумать. Как я понял, немец согласился со мной и обещал составить письменный вопросник.

— Вы получили его при следующей встрече в Копенгагене?

— Нет, не получал. Как я уже говорил, при второй встрече у входа в банк я передал разведчику, «молодому» немцу, только заполненную мной анкету. Никакой обратной почты я в тот раз не получал. Могу лишь добавить: вопросы о флоте западногерманский разведчик задавал мне в свободной манере, не сверяясь с какими-либо шпаргалками, не путаясь в терминологии. Это свидетельствовало о том, что передо мной специалист по флоту, человек, владеющий материалом.

Следователя, казалось, удовлетворили объяснения Павлова, больше вопросов о встречах с разведчиками в Копенгагене на этот раз он не задавал.

— Хорошо,— сказал он,— продолжим наше путешествие дальше. Что у нас сегодня? Рио-де-Жанейро? Слушаю вас, Юрий Васильевич.

— Я хорошо помню, что наша стоянка в Рио-де-Жанейро имела место в последних числах ноября — начале декабря 1982 года. «Профессор Зубов» стоял на рейде, а уволенных в город доставляли на берег катерами. Перед тем как сойти на берег, я нашел в своей лаборатории пачку чистых белых конвертов размером со стандартный лист бумаги для машинописи.

Эти конверты отличались тем, что изнутри были синими, а на клапане имели надпись «Пермская ф-ка Гознака». Я хорошо запомнил эти конверты потому, что все свои последующие послания для спецслужб закладывал именно в такие конверты...

На этот раз я вложил в конверт подготовленные мной листы с программой рейса нашего судна, которую я обещал «пожилому» немцу на встрече в Копенгагене. Конверт с программой я захватил с собой, отправляясь в увольнение на берег.

После прогулки по городу мы возвращались в порт, торопясь к отходу катера. Уже в самом начале Рио-Бранко — улицы, ведущей от морского порта, я увидел «молодого» немца, который в Копенгагене забрал мою анкету. Дальше события развивались следующим образом: вместе с попутчиками я стал пересекать Рио-Бранко, остановившись посередине, на «островке безопасности». Разведчик направился туда же за нами. Я встал позади группы, достал из кармана конверт и завел руку с конвертом за спину. Очень быстро я почувствовал, что конверт у меня из рук взяли, а мне вложили в руку что-то узкое и длинное, напоминающее карандаш. Я быстро убрал этот предмет в карман и продолжил путь со своей группой. Оглянувшись, я увидел, что «молодого» немца уже нет рядом...

В своей каюте, оставшись один, я рассмотрел предмет, полученный при встрече на перекрестке. Это был полый контейнер в виде трубки. Материал, из которого он был изготовлен, напоминал пластмассу, был достаточно прочным и упругим. Концы контейнера были незапаянными, и можно было заметить, что внутри него лежит скрученный лист бумаги. Для того чтобы достать его, мне пришлось обрезать контейнер с обеих

сторон ножницами. В нем оказался не один, а целых два листка тонкой белой бумаги с текстом на английском языке. Текст документа был напечатан на машинке. Никаких сопроводительных писем в контейнере я не обнаружил, а на тех двух листках перечислялись разнообразные вопросы.

Этот документ произвел на меня сильное впечатление. Я был расстроен и даже растерян...

— Чем же он так взволновал вас?

— Это были первые вопросы, которые прямо говорили, что мои отношения со службами ФРГ приобретают самый серьезный оборот.

— Разве для вас это было неожиданно?

— Нет. Я, конечно, ожидал вопросов технического порядка. Я даже сам предлагал на встрече в Копенгагене задать мне их письменно. Я полагал, что меня будут спрашивать о таких вещах. Я учитывал, что в письме, отправленном в Олесунне, представил себя специалистом по применению атомной энергии на флоте, обладающим возможностями для сбора информации по такой тематике.

— Так что же вас удивило? Разве не за такими именно сведениями и обратились к вам представители западных спецслужб?

— Но я не думал, что так скоро ко мне поступят вопросы такого глубокого и обширного характера.

— А что же вы решили сделать тогда в Рио-де-Жанейро?

— Под влиянием таких сомнений я отказался сначала от увольнения в город на следующий день.

— Чтобы избежать контактов с немцами?

— Прежде всего поэтому. Никаких подготовительных действий, поверьте, я к встрече с ними не предпринимал. Ответы на заданные мне вопросы не готовил.

— И встречи с ними в Рио-де-Жанейро не было?

— Нет, встреча была. Хотя я и отказался от увольнения, мне пришлось в тот день все же сойти на берег. Получилось так, что несколько человек из команды попросились на пляж. Капитан попросил меня пойти с ними. Я попробовал сослаться на усталость, но в конце концов отказаться посчитал неудобным. Вечером во главе группы я сошел на берег.

— Взяли ли вы с собой какие-либо материалы для передачи иностранным разведчикам?

— Да, пока собиралась группа, я набросал ответы на вопросы и взял их с собой.

— Как же совместить это с тем, что вы говорили о своем желании порвать контакты с западногерманскими разведчиками?

— Уходя на берег, я понимал, что раз так вышло, то встречи с ними в городе мне не избежать. Должен сказать, что тогда твердого решения я еще не принял и не знал, что будет правильнее: совсем прекратить эти контакты или дождаться конца рейса. Я их боялся...

— При каких обстоятельствах вы передали представителям иностранной спецслужбы свои письменные ответы?

— До берега нас доставил катер, а к пляжу «Фламинго» вся группа отправилась пешком по улице Рио-Бранко. Обычно этот путь занимает около получаса. По дороге нам встретилась аптека, куда я решил зайти купить новую бритву. На сей раз повода для отрыва от группы я не выдумывал — бритва мне действительно была нужна. Когда я вышел из аптеки, то своих не обнаружил, а вместо попутчиков увидел у газетного киоска рядом с аптекой «пожилого» немца. Он стоял один и спокойно смотрел в мою сторону. Деваться мне было некуда, я подошел к нему, и он сообщил, что мои товарищи ушли вперед и, вероятно, ждут меня на ближайшем перекрестке. Я, не мешкая, передал «пожилому» конверт с ответами на вопросы.

— Вы ничего не сказали о своем отношении к той новой информации, которую от вас желали теперь получить?

— Нет. Никаких словесных комментариев я при этом не делал. И о своих настроениях и колебаниях не говорил. Понял, что мои страхи в расчет не берутся. Просто передал конверт.

— Но о чем-то был разговор во время этой встречи?

— Как мне помнится, «пожилой» снова завел речь о мерах предосторожности, которые нужно предусмотреть для успешного осуществления наших контактов в будущем. На этот раз он сказал, что я должен подумать об удобных для меня «знаках тревоги». Я вначале его не понял, решив, что мне предлагают завести систему обозначения вроде горшка с цветами, появление которого в окошке означало «все спокойно» или, наоборот, — «опасно». Знаете, как в кино... Далее я все же понял, что речь идет о другом. «Пожилой» объяснил, что я могу попасть под контроль советской контрразведки и в связи с этим должен буду подать сигнал тревоги своим партнерам. Таким сигналом в письменном

сообщении может быть, например, написание печатной буквы в начале текста, исполненного скорописью. Он советовал мне самому решить, какие именно обозначения были бы приемлемыми для меня. Больше ни о чем мы не говорили, никаких новых письменных вопросников, устных заданий я от «пожилого» немца в тот раз не получал. И больше ни с ним, ни с «молодым» немцем во время стоянки судна в Рио-де-Жанейро не встречался.

— Вы все время называете западногерманских разведчиков «пожилой» и «молодой» немцы. Вам не знакомы их имена?

— Нет. С «молодым» немцем я обычно встречался на ходу, имя его не знаю. «Пожилой» немец, несмотря на то что мы с ним общались неоднократно и даже как-то привыкли друг к другу, тоже никогда не называл своего имени. А я не спрашивал.

— Как они обращались к вам? Ведь фамилия, имя, отчество ваши им были известны.

— Не знаю почему, но и «пожилой» немец избегал обращаться ко мне по имени. Обычным было просто «мой друг»...

8

В середине февраля, в разгар южноамериканского лета, «Профессор Зубов» вернулся в Монтевидео, где простоял трое суток. В первое же утро прямо к пирсу, где пришвартовалось судно, подъехало несколько автомашин, присланных владельцами магазинов. Выезжая на одной из них из ворот порта, Павлов увидел у самого тротуара знакомые фигуры «пожилого» и «молодого» немцев. Поравнявшись с ними, он слегка взмахнул рукой, высунутой из окна машины. Оба смотрели в сторону машины, но никак не ответили на этот жест, словно не заметили поданного им сигнала. Машина подвезла Павлова вместе с его попутчиками к меховому магазину, где моряков радостно приветствовал хозяин — облезлый старик небольшого роста, которого продавцы почему-то называли «месье Попов». После магазина группа некоторое время бродила по городу, а к обеду направилась в сторону порта. Путь лежал через площадь Индепенденте. Здесь, неподалеку от памятника национальному герою Уругвая Артигасу, Павлову на глаза попался «молодой» немец, сидевший на лавочке. Одет он был по сезону: в яркой спортивной майке, легких брюках, кроссовках.

Когда через некоторое время Павлов оглянулся, он увидел, что «молодой» пристроился вслед за группой, но близко не подходил, держался метрах в тридцати. Была середина летнего дня, и на душных улицах города людей оставалось немного. «Молодому» немцу не стоило большого труда не терять группу из виду. Чуть ли не на каждом шагу попадались магазины, торгующие изделиями из меха и кожи. В один из таких магазинов, «Каса Мария», предложили зайти попутчики Павлова, он отказался, сказав, что подождет их на улице. Оглядевшись по сторонам, Павлов увидел спешащего навстречу «молодого» немца и направился к нему. Оба свернули под арку соседнего с магазином здания и оказались в длинном, заброшенном дворе, окруженном обшарпанными стенами. Встреча была краткой, длилась не более пяти минут. Немец неожиданно для Павлова заговорил по-русски, выговаривая слова с небольшим акцентом, какой бывает у жителей Прибалтики.

Едва начав разговор, немец передал Павлову конверт, который тот, не рассматривая, свернул пополам и сунул в карман. Затем, очень четко стараясь произносить русские слова, как будто впечатывая их в сознание Павлова, разведчик сказал:

— Завтра в одиннадцать часов вы обязательно должны подойти к отелю «Президент», что на улице 18 Июля. Это в двух кварталах от площади Индепенденте. Зайдя в отель, поднимитесь на второй этаж по лестнице, которую вы увидите на правой стороне. На втором этаже вас будут ждать.

Расставшись с «молодым», Павлов вернулся к магазину, откуда вскоре вышли его попутчики. Обедали все на судне, и перед новым походом в город, закрывшись в своей каюте, Павлов вскрыл почтовый конверт, переданный немцем. В нем обнаружили две денежные купюры, одна достоинством в 100 долларов США, другая — 1000 испанских песет. Кроме валюты в конверте были вложены шесть листов тонкой, почти прозрачной бумаги с текстом на русском языке. До этого представители спецслужбы общались с ним исключительно по-английски.

Нумерации листки не имели, но текст в них излагался в определенной последовательности. Прежде всего сообщалось, что отныне с Павловым будут работать американцы. Как уверяли авторы инструкции, такая перемена будет во всех отношениях выгодна именно Павлову. Далее говорилось, что совершенно необходима

длительная беседа, и она состоится в отеле «Президент». С сожалением отмечалось, что до сих пор обстановка не позволяла провести такую беседу. Особое внимание в инструкции уделялось тому, что в отель «Президент» Павлов должен идти только при наличии полной безопасности, то есть при условии, что его действия не будут подозрительными для сослуживцев.

В инструкции Павлов уведомлялся, что ему отныне присваивается псевдоним «Рольф Даниэл», которым теперь надлежало пользоваться. Давался подставной адрес для связи на территории США, сообщался и телефон в Америке, по которому можно связаться с представителями американской разведки. Инструкция гласила, что в дальнейшем Павлов должен исполнять все указания человека, который представится как «Павел Дуклов». Такая связь может быть как личной, так и почтовой.

Павлова несколько озадачило, что раньше при беседах с западногерманскими разведчиками речи об американцах не было. Такая «переадресовка» была для него неожиданностью, хотя и мало что меняла в сложившейся ситуации.

В тексте инструкции разъяснялось, что она отпечатана на бумаге, легко растворяющейся в воде. После ознакомления рекомендовалось эти листки уничтожить.

Павлов еще раз пробежал глазами, набранные убогим шрифтом документы, положил листки на дно раковины и пустил воду. Бумага на глазах стала расползаться на куски и в несколько секунд растворилась...

На второй день стоянки в Монтевидео Павлов вместе с другими членами экипажа снова отправился в город. Они шли по центральным улицам, наталкиваясь на те места, где уже побывали вчера. Павлов предложил попутчикам зайти в отель «Президент», где, как он слышал, есть интересный филателистический киоск. Все знали о пристрастии Юрия Васильевича к почтовым маркам, ведь не было такого филателистического магазина или даже маленькой лавочки в портовых городах, куда заходило судно, в которые не заглянул бы Павлов в поисках экспонатов для своей коллекции. Он был единственным коллекционером в группе, но так уж было принято — идти навстречу желаниям и планам попутчиков. Поэтому все дружно отправились искать отель «Президент».

Сверяясь с картой, пересекали одну улочку, другую.

Отеля все не было видно. После кружений по центру Монтевидео оказались наконец около этой гостиницы. Тут только Павлов понял, что бывал здесь и раньше, когда гулял по городу, но не обращал внимания на это ничем не примечательное здание... Едва завидев вывеску «Президента», он стал оборачиваться, разглядывая прохожих и отыскивая среди них знакомые лица западногерманских разведчиков.

На одной из малолюдных боковых улиц Павлов увидел вдруг идущего чуть впереди «пожилого» немца, рядом с которым вышагивал человек небольшого роста. Они шли не спеша. «Пожилой» был одет легко, по-летнему, а его спутник выделялся своим не по сезону основательным костюмом-тройкой густого синего цвета. Этот человек был на полголовы ниже «пожилого» немца. Своей осанкой и походкой он напоминал больного радикулитом: при ходьбе он поворачивался, как-то всем телом, неуклюже ставил ноги.

Павлов рассчитывал на то, что попутчики отстанут от него где-нибудь по дороге к отелю, благо что путь неблизкий, марки никому, кроме него, не нужны. Но все складывалось не в его пользу: группа дружно шагала за товарищем-филателистом. У Павлова еще оставалась надежда на то, что попутчики останутся ждать его на улице. Но то ли всем хотелось скрыться в прохладе гостиничного холла от предполуденного зноя, то ли по другой, неизвестной Павлову причине, все решили проводить его прямо до киоска с марками. Ничего не оставалось делать, как войти через стеклянную дверь в помещение отеля и спросить у портье, есть ли здесь филателистический киоск. Портье покачал головой отрицательно, и Павлов понял, что подняться на второй этаж у него предлога нет.

Он еще раз окинул взглядом стойку портье, увидел ту самую лестницу с правой стороны, о которой говорил накануне «молодой» немец, и понуро поплелся к выходу. Вот тут обстановка неожиданно изменилась. Такие внимательные к его интересам попутчики, ни на шаг не отстававшие от него всю дорогу до отеля, неожиданно оставили Павлова одного. Увидели сувенирную лавку и направились к ней.

Почти сразу, после того как он остался один, Павлов столкнулся с «пожилым», который повел его за собой. Свернув за угол отеля, подошли к человеку в синем костюме. На вид тому было лет 40—45. В его лице выделялись широкий лоб с большими залысинами и

пронзительные серые глаза. Их взгляд был острым и одновременно располагающим.

Разговор начал немец и на дурном английском языке представил своего спутника, назвав его «коллегой из Соединенных Штатов». После этих слов американец назвал свое имя, которое прозвучало как «Павел».

Скрученный радикулитом, «Павел» произнес традиционные слова, сопровождающие процедуру знакомства, и добавил, что для свидания с Павловым он специально прилетел из Соединенных Штатов. Говорил он быстро, уверенно, в отличие от «пожилого» немца, подчас с трудом подбиравшего английские слова. Павлов то и дело косился в ту сторону, откуда могли появиться его попутчики, и даже специально напомнил американцу, что у него очень мало времени, так как в любой момент могут появиться его коллеги по экипажу. «Пожилой» немец, все еще чувствовавший себя хозяином встречи, успокоил Павлова, заверив, что ненужные очевидцы не успеют быстро и незаметно подойти. При этих словах он кивнул головой. Оглянувшись, Павлов понял, что их охраняют. Поблизости стояли два здоровенных парня в цветастых рубашках навывпуск, из-под коротких рукавов которых впечатляюще выступали бугры мощных бицепсов. Рядом с такими Павлову стало страшно вато стоять, хотя по логике вещей они должны были беречь именно его покой.

Один из них стоял в двух-трех метрах от Павлова посредине тротуара, второй — у металлического барьера, разделявшего проезжую и пешеходную части. Видимо, эти двое контролировали выход из сувенирной лавки, где находились моряки с «Профессора Зубова». Один из этой пары своей внешностью напоминал мексиканца — смуглый, черноглазый, темноволосый...

После короткой паузы «пожилой» немец передал Павлову конверт, пояснив, что там есть вопросы для него. Тут же «пожилой» спросил, нужны ли ему деньги.

Встреча у отеля «Президент» получилась короткой, Павлов явно ждал от нее большего. Передача его американцам произошла буквально на ходу, без сантиментов и церемоний. Обменявшись какими-то прощальными словами, все разошлись.

Уже на судне Павлов ознакомился с содержимым конверта, полученного на встрече у отеля «Президент». Конверт был зеленоватого цвета, обычного почтового формата, без маркировки и подписей. В нем оказались два листка бумаги с плотно отпечатанным текстом,

банкнота в 5 долларов и еще один конверт — меньшего, чем основной, размера. Во втором конверте была пачка банкнот. Павлов быстро пересчитал их. Там оказалось 900 долларов. Валюта почему-то была не новой, купюры были потеряны.

Печатный текст на листках снова оказался подробным, обстоятельным вопросником. Все вопросы в прямой форме касались достижений советской судостроительной промышленности.

9

Завершая один из очередных допросов, майор Седов предложил Павлову:

— Давайте все-таки вернемся к вашим встречам в Монтевидео...

— Я о них рассказал. Их было только две, в первый и второй день стоянки судна в Монтевидео.

— Сколько же дней находилось в Монтевидео судно «Профессор Зубов»?

— Два дня...

— Давайте уточним, Юрий Васильевич, — сказал следователь. — Вы доверяете записям в вахтенном журнале?

— Конечно.

— Тогда заглянем в него. Если верить пометкам вахтенного помощника капитана, вы стояли в Монтевидео трое суток...

— Да, пожалуй, так и было, теперь я вспомнил. После двух подряд увольнений на берег я не собирался больше покидать судно, но меня попросили пойти в город с группой, которая захотела побывать на пляже Карраско. Там мы провели весь день. И никаких встреч я ни с кем в тот день не имел...

— Еще вопрос. При знакомстве с американским разведчиком у отеля «Президент» вам было назначено место и время новой встречи?

— При самой встрече нет. Но в письме, переданном мне тогда же, было сказано, что ответы на поставленные вопросы от меня ждут в Порт-Луи...

— Хотите что-нибудь добавить к сказанному?

— Нет.

— Тогда подпишите протокол...

После ухода Павлова следователь разложил на столе множество цветных и черно-белых фотографий. Отдельно развернул нарядные туристские карты-схемы

приморских городов разных стран, в которых побывал Павлов. Мысленное путешествие по маршрутам экипажей научно-исследовательских судов «Профессор Визе» и «Профессор Зубов» продолжалось.

Путь Павлова по улицам и проспектам далеких стран теперь можно было представить не только по рассказам его самого и свидетелей — его коллег по экспедициям. Оказалось, что моряки, как завзятые туристы, были людьми любознательными, склонными дотошно собирать полученные за тридцать земель впечатления. Они исправно запасались во всех портах разнообразными картами-путеводителями, рекламными буклетами и открытками с видами достопримечательностей и типичных уголков того или иного города. Моряки фотографировались на улицах, площадях, у дворцов и памятников, в компании местных жителей и рядом с рыночными торговцами. Они снимали на цветную пленку любительские кинофильмы и даже вели дневники путешествий.

Вся эта масса информации, иллюстративного материала прошла через руки следователей. Не выходя из собственного кабинета в здании на берегу Невы, чекисты, занимавшиеся делом Павлова, побывали в Южной Америке и Скандинавии, увидели характерные городские сценки столицы Дании и автобусную остановку на площади Святого Креста в центре города Санта-Крус-де-Тенерифе на Канарских островах.

Показания Павлова, рассказы его попутчиков, ставших очевидцами его встреч с иностранными разведчиками, наполнялись и подкреплялись деталями окружавшей их подлинной обстановки. Оказалось, что сослуживцы Павлова зафиксировали на фотопленке уличный перекресток с цветочным киоском в Копенгагене, где состоялась одна из встреч с «пожилым» немцем. На фотографиях можно было увидеть неприметную на первый взгляд вывеску отеля «Президент» в Монтевидео, где американской разведкой планировалось провести обстоятельный разговор со своим агентом Рольфом Даниэлом.

Попадал в кадр фотоаппарата и Павлов. Вот он стоит у католического храма в Санта-Крус, на другой фотографии шагает по широкой Рио-Бранко в Рио-де-Жанейро. На одном из снимков выходит из ворот гамбургского порта. Не найти только изображений его партнеров по шпионскому ремеслу — иностранных разведчиков. Что ж, они ведь профессионалы, им «светиться» нельзя,

своих визитных карточек и фотопортретов с дарственной надписью: «Дорогому другу» они не оставляют.

И все-таки в материалах дела можно увидеть эти лица. Впечатляющая галерея портретов «тихих американцев» и их преданных западноевропейских союзников сложилась из составленных при помощи криминалистической техники композиционных изображений. Теперь нам доподлинно известно, кто бегаёт за советскими моряками по улицам портовых городов в надежде на «полезные контакты», кто сулит им «выгодные условия», обещает «полную безопасность», выпытывает информацию и берет потом за душу мертвой хваткой.

10

Над дверью кабинета следователя горит яркое табло: «Не входить». И никто не посмеет постучать или открыть незапертую дверь кабинета. «Не входить» — значит, следователь не один. Идет допрос. Более полугода шло следствие по делу Павлова, десятки раз вспыхивало и гасло табло после того, как в кабинете майора Седова впервые появился Павлов. Светится табло, идет допрос. Павлов дает показания. Заканчивается его рассказ о плавании по морям и океанам, о стоянках в зарубежных портах, о встречах с разведчиками из спецслужб ФРГ и США. В протоколах допросов ни слова об экзотике и красоте далеких стран. Только факты, только названия — Гамбург, Рио-де-Жанейро, Канарские острова, Монтевидео, Маврикий. География подчинена неумолимой логике событий: где, в каком городе, в каком конкретном месте происходила очередная встреча с представителями иностранных разведок. Что передано, что получено. Но в папке следователя накапливаются и другие протоколы, множество разнообразных документов, которые подтверждают или опровергают показания обвиняемого.

Следствие — это не только поиск, фиксация событий и персонажей. Это точный и глубокий анализ, при котором порой внешне заурядные события приобретают новую «окраску», становятся значимыми, наполняются самым значительным смыслом — правдой факта.

Очередной допрос Павлова. Он начинает:

— В Порт-Луи, столицу Маврикия, наше судно «Профессор Зубов» пришло 5 апреля 1983 года. Стоянка продолжалась четыре дня. Судно поставили в отдален-

ной части порта, из-за чего увольнявшихся на берег доставляли катером...

И здесь, в Порт-Луи, повторяется ситуация, схема которой в общих чертах была отработана в тех местах, где бросал якорь «Профессор Зубов».

В первый же день стоянки на Маврикии катер доставил с рейда на берег группу, старшим в которой был Павлов. Буквально у выхода из порта он увидел плотно сбитого парня с мексиканской наружностью, из тех, кто охранял его на встрече с американским разведчиком в Монтевидео. «Мексиканец» сидел на ступеньках низенького здания у ворот порта. Они оба ожидали эту встречу, встретились взглядами, и «мексиканец» кивнул головой, давая понять, что, мол, все в порядке. А дальше произошло то, что уже не раз бывало. Разведчик пристроился к группе Павлова, направлявшейся к городскому рынку, расположенному рядом с портом. Рынок составлял одну из главных достопримечательностей города. Он был шумным, ярким, суматошным, похожим на десятки таких же тропических торжищ и одновременно неповторимым.

Павлов задержался у лотка с сувенирами и оказался позади всех. Не оглядываясь и будучи уверенным, что «мексиканец» идет следом, он достал конверт с письмом и завел руку за спину. Почти сразу почувствовал, как из руки взяли конверт и вложили другой. Павлов на ходу сунул его в карман и прибавил шагу, догоняя своих.

— Пройдя по рынку, мы зашли в обувной магазин, где я купил мужские туфли, расплатившись за них маврикийскими рупиями... Эти деньги,— уточняет Павлов,— я получил в установленном порядке на судне перед увольнением.

Павлову во всем приходится вести двойной счет. Его увольнения на берег имеют двоякую цель, и деньги он считает по разным статьям: отдельно те, что получены «в установленном порядке», и те, что выданы в оплату предательства.

Что же было в конверте, переданном «мексиканцу» в сутолоке рыночной площади? Павлов вложил в него несколько листов с развернутыми ответами на дотошные вопросы двух разведчиков, заданные ему в Монтевидео. В том же письме Павлов сообщал последние новости о своем плавании. Произошли изменения в маршруте «Профессора Зубова». Вместо предполагавшейся стоянки в Антверпене судно по пути в Ленинград бросит

якорь в Копенгагене. Это имело значение для организации очередной встречи с представителями американской разведки.

Что было в конверте, полученном от «мексиканца»? Опять несколько страничек мелкого машинописного текста с новыми вопросами, на которые должен был ответить Павлов. Его предупреждали, что на очередной встрече ему будет передан пластиковый блокнот с «важным сообщением».

На второй и на третий день стоянки в Порт-Луи Павлов вместе с сослуживцами сходит на берег. Примерно по тому же, как и в первый день, маршруту идет прогулка по городу. Павлов надеется встретить «мексиканца», ведь он сообщил о том, что захода в Антверпен не будет, и рассчитывает, что блокнот с «важным сообщением» ему могут передать здесь, на Маврикии. В кармане Павлова ответы на вопросник, переданный «мексиканцем». Но второй встречи, как утверждал Павлов, с «мексиканцем» не было.

Маврикий остался за кормой. «Профессор Зубов» покидал южные широты, он шел к берегам Европы. Копенгаген — последняя стоянка на пути в родной порт.

— В Копенгаген мы пришли,— вновь начинает свои показания Павлов,— в десятых числах мая 1983 года... Место для стоянки судна было отведено неподалеку от знаменитого памятника андерсеновской Русалочке...

Вот около Русалочки он еще с борта судна увидел своего старого знакомого — человека, с которым он встречался в Гамбурге, в том же Копенгагене, Санта-Крус, Рио-де-Жанейро, Монтевидео. Это был «пожилой» немец. Он стоял на пирсе и наблюдал, как швартовалось судно.

Однако, когда Павлов после соблюдения обычных формальностей спустился на берег, западногерманского разведчика на пирсе уже не было. Недоумение Павлова быстро прошло: отойдя немного от пристани, в небольшом сквере он увидел еще одного своего знакомого — связника, с которым он недавно встречался в Порт-Луи. «Мексиканец» сидел на скамейке, мимо которой прошли Павлов и его попутчики. Он сделал ничем не примечательный жест рукой, достаточный для того, чтобы Павлов понял: его встречают.

По дороге к Королевской площади, куда направлялась группа, чтобы посмотреть смену караула, Павлова ожидал еще один сюрприз. Впереди себя он увидел «Павла», американского разведчика. Павлов узнал его

сразу. Тот был в том же плотном синем костюме, как и при первой встрече. Но американец не пытался сблизиться, не подавал никаких знаков.

Позади группы, в которой был Павлов, неотступно шел «мексиканец». Ни тогда, ни потом Павлов не мог объяснить себе, чем была вызвана такая встреча. Впервые он шел в сопровождении целого эскорта разведчиков.

Оглянувшись, Павлов увидел почти вплотную приблизившегося к нему «мексиканца». Дальше повторилось уже знакомое. Вместо конверта Павлов получил небольшой плоский пакет. Одно мгновение, ни одного слова, «мексиканец» затерялся в уличной толпе. Павлов с пакетом в кармане продолжал свой путь.

Дальше Павлов расскажет о том, что развода караула у Королевского дворца увидеть так и не пришлось, не было времени: все торопились сделать покупки в последнем порту перед возвращением домой. Павлов перечисляет все, что он купил на датские марки, полученные «в установленном порядке». Он еще дважды пойдет на берег, но никого из своих хозяев не встретит. Павлов будет несколько разочарован, но он еще не знает, что и «пожилого», и «молодого» немцев, и американца «Павла», и шустрого «мексиканца» больше никогда не увидит.

Получив от «мексиканца» пакет, Павлов с нетерпением ждал возвращения на судно. Ведь еще в Порт-Луи его предупредили о «важном сообщении», которое он должен получить. Его насторожило появление в Копенгагене и «пожилого» немца и американца «Павла», к тому же это была последняя встреча с ними — рейс заканчивался. Павлова жег пакет, лежащий в кармане брюк. Что в нем? Очутившись вместе с попутчиками в торговом зале магазина, когда рядом никого из его попутчиков не было, он достал пакет и вскрыл его. Там находился блокнот. Внешне он был ничем не примечательный: обложка из черного пластика, внутри — блок чистых белых линованных листов. Вместе с блокнотом в пакет был вложен обычного почтового размера конверт. Вскрыть его в магазине Павлов не решился. Он сделал это, как только очутился в своей каюте на борту судна.

В конверте Павлов обнаружил очередную инструкцию. В ней говорилось: «В задней крышке обложки переданного вам блокнота расположен тайник. Вскрывать его нужно осторожно, проводя острой бритвой по краю

обложки». Павлову рекомендовали вскрыть тайник дома, в Ленинграде. Вытащив из него содержимое, блокнот требовалось уничтожить. Его следовало сжечь или разорвать на мелкие кусочки и выбросить в туалет. Ни в коем случае не выбрасывать его на помойку или на свалку. «В тайнике,— сообщалось Павлову,— вы найдете план связи с нами на три случая: 1. Когда есть контакт с Западом; 2. Когда с Западом контакта нет; 3. Когда контакт потерян. Все линии связи вы должны запомнить наизусть, а листочки уничтожить. Для осуществления связи от вас требуется выставить простейшие знаки. Гарантируется полнейшая ваша безопасность...» Как ни старались хозяева внушить Павлову спокойствие, агент Рольф Даниэл продолжал бояться.

Но, пожалуй, самым важным в инструкции был вопрос о будущей работе Павлова. Его хозяева вполне откровенно заявляли, что его плавание на экспедиционных судах удобно для поддержания личной связи, но оно не дает доступа к секретной информации, которая интересует американскую разведку. У Павлова спрашивали, сможет ли он сменить работу, и называли один из НИИ в Ленинграде, где Павлов был бы весьма полезен. Об этом, а также о лицах, через которых будет идти сбор информации, Павлов должен будет сообщить, выйдя на связь в Ленинграде.

Как только «Профессор Зубов» вышел из Копенгагена в море, Павлов нарушил полученную инструкцию — вскрыл тайник в блокноте. И так же вопреки инструкции он не уничтожил его содержимое: схемы и способы связи со спецслужбами.

11

Бронзовая Русалка осталась на датском берегу за кормой «Профессора Зубова». Судно покинуло Копенгаген — последнюю стоянку на пути в Ленинград. Прелесть всякого путешествия — возвращение домой. Ибо, отправляясь в любую дорогу, человек прежде всего думает о благополучном возвращении на родной берег. И ни прелести новых мест, ни тяготы на его пути не гасят в нем тоску по родному дому. Но это тогда, когда у человека он есть.

У одного из тех, кто шел на «Профессоре Зубове» из Копенгагена в Ленинград, не было причин торопиться домой, ибо дома у него уже не было. И самое страшное, что нигде в другом месте, ни на одном материке у это-

го человека уже не было и Родины. Он чужим возвращался на землю, на которой родился, жил. Откуда отправился в дорогу, по которой уже нельзя вернуться назад.

И главное, что он испытывал — это страх, который возрастал с каждым часом приближения к Ленинграду, хотя ничто не предвещало близкого конца его новой карьеры. К роли двойника уже можно было в какой-то степени привыкнуть. Ведь это уже было не первое возвращение Павлова в качестве агента иностранной разведки в Ленинград. Он стал им еще во время первого путешествия на судне «Профессор Визе» около года назад.

Тогда еще не поздно было, сойдя на берег, признаться в совершении преступления, снять с души тяжкий грех и ношу страха перед разоблачением. Путь в родной дом еще не был закрыт. Но с чем сошел после того рейса на ленинградский берег Павлов? С контрабандой, приобретенной на сребреники, полученные за предательство. Он сошел двурушником, который не мог сказать правду ни одному, даже самому близкому, человеку. Он лгал, когда дома прятал в полиэтиленовом мешочке валюту, когда дарил родным подарки, когда рассказывал о своем плавании. Он должен был лгать и бояться лишь своего разоблачения.

У него тогда еще была надежда, что он получит настоящую, желанную цену за совершенное. Но надежда эта не крепла, а таяла с каждым днем. И Павлов прекрасно понимал это. Понимал, что он полностью оказался во власти иностранной разведки и что коготок его будет увязать все больше и больше. Можно, пожалуй, поверить Павлову, говорившему что он обрадовался, когда в Рио-де-Жанейро к нему не вышли на связь. Он был бы, может быть, и рад, чтобы оборвалось, окончилось его знакомство с «пожилым» и «молодым» немцами, чтобы кончилось, как в страшном сне, — пробуждением.

У Павлова не хватило духу заявить следователю, что его мучит совесть и раскаяние за содеянное им. Только в своем последнем слове на заседании трибунала он скажет: «Я не достоин жить среди советских людей. Я не могу смотреть им в глаза». Это будет сказано за несколько часов до вынесения ему сурового приговора.

До ареста Павлов мог смотреть в глаза людям, которых предал, он мог и надеялся жить среди них и слу-

жить против них. А недоволен, разочарован он был своими хозяевами. И причины у него для этого, надо признаться, были. Что огорчало, угнетало Павлова? Его недооценивали. Разве о такой карьере мечтал он, опуская конверт с письмом в почтовый ящик в норвежском порту Олесунн! Он видел себя крупной фигурой, за которую ухватится западная разведка. Он мнил себя выдающимся ученым, которого оценят по-настоящему в «свободном» мире, а посему и встреча с ним и разговоры будут вестись на высшем, достойном его, Павлова, уровне. А его хозяином стал какой-то угрюмый верзила, безымянный немец, говорящий на плохом английском. При первой же встрече ему сунули 800 марок и без долгих разговоров сказали, что надо сделать до следующей встречи. Ему лишь сулили шикарную жизнь в том мире, говорили о каких-то суммах, положенных на его счет. Но ни разу не сказали, сколько накопилось денег, в каком банке, когда и как он сможет ими воспользоваться. Как мелкому филеру, тайком при встречах совали понемногу то марки, то песеты, то доллары. Павлов очень скоро понял — главная забота его шефов заключалась в том, чтобы агент Рольф Даниэл действовал как можно дольше. И не он, Павлов, им нужен, а информация, которую можно через него получить. И хотя его хозяева работали профессионально, Павлов обижался на их бесцеремонность, никак не мог свыкнуться со своей жалкой ролью.

Павлов как-то не выдержал и поделился своими обидами со следователем. Его, например, оскорбило то, что, не испросив у него согласия, его на ходу передали новым хозяевам — американцам. И произошла эта церемония на панели перед затрапезным отелем с громким названием «Президент». И окрестили его новые хозяева неудачно: «Рольф Даниэл». Откуда им было знать, что в одном доме с ним живет эрдель, глуповатый раскормленный пес по кличке Рольф. И платили Павлову мятыми мелкими купюрами. И с днем рождения не поздравили.

Но не в этом, не в этих мелких уколах самолюбия было дело: Рольфа Даниэла, когда он возвращался из плавания в Ленинград, страшило другое. И настроение его было куда хуже, чем при возвращении из первого рейса. Во время встреч в зарубежных портах со своими хозяевами Павлов «дергался». Как его ни успокаивали, он продолжал опасаться. Но это были какие-то считанные минуты, встречи происходили на чужих берегах,

среди чужих людей, которые его опекали. Теперь же Павлов оставался один, и «дорогой друг» должен был действовать на свой страх и риск и, что самое главное, быть чужим среди своих. А это куда труднее.

Павлов не случайно раньше времени вскрыл тайник в блокноте — ему не терпелось узнать, что предстоит ему делать в Ленинграде. И, ознакомившись с инструкцией, он окончательно убедился: на Западе он своим шефам не нужен. Не нужен им и «плавающий» Павлов. Американской разведке необходим агент, действующий в Советском Союзе, в Ленинграде. Ясно Павлову стало и другое — от него потребуют целенаправленного сбора информации, интересующей ЦРУ. Все, что от него узнали во время плавания, — это были только «цветочки», настоящей работы от него ждали только теперь, когда Павлов сойдет с корабля и обоснуется в Ленинграде. Разные каналы связи, рассчитанные на долгое время, свидетельствовали о том, что теперь от Павлова почти ничего не будет зависеть, он полностью в руках своих хозяев.

Путешествие для Павлова закончилось. Рольф Даниэл, агент ЦРУ, сошел на берег.

12

Очередной допрос Седов начал с уточнений:

— При обыске в вашей квартире среди прочего имущества изъяты золотой браслет и женская меховая шуба. Ваша жена говорит, что эти вещи привезены вами из последних рейсов, однако, судя по вашей зарплате и обилию других покупок, приобрести их в обычном порядке было бы трудновато.

Павлов не спорил:

— Вы правы, браслет и шубу я купил на те деньги, что мне дали иностранные разведчики. Потом я спрята́л браслет от таможни в одном из ящиков с оборудованием, шубу тоже при досмотре не предъявлял.

— Ваши сослуживцы в один голос рассказывают, как вы разыскивали в разных портах филателистические магазины, лавки, киоски в поисках почтовых марок. Давно ли вы стали филателистом?

— В отличие от многих коллекционеров в юности я был чужд какому-либо собирательству. Само понятие накопительства в любой форме вызывало во мне протест, раздражало. Знаете, большинство мальчишек за все хватается, тащит в дом; одни набивают альбомы мар-

ками, значками, другие трясутся над монетами и стреляными гильзами от патронов, третьи ищут какие-то железки... Я этой болезни избежал, да и некогда было баловаться: старался получше учиться, занимался музыкой, много читал специальной литературы по физике, которая в годы моей юности переживала пик своей популярности у молодежи. Вот так: учеба, работа, семья — вроде бы никаких посторонних интересов. А тут вдруг мне попали подряд несколько книжек о бывшем американском президенте Джоне Кеннеди. Яркая судьба, своеобразный и значительный характер — мне все в нем стало интересно. Так получилось, что лет пять-шесть назад в одной из заграничных командировок я увидел случайно на витрине комплект почтовых марок с портретами Кеннеди. С этого и началось. В следующих поездках за границу я приобретал марки с Кеннеди, что называется, от случая к случаю, а потом стал разыскивать их постоянно. Когда слышал об отъезде за границу знакомых, просил их привезти для меня марки в качестве сувенира, изучал почтовые каталоги в поисках новых серий. Короче — затянуло, увлекся.

— Коллекция у вас, действительно, подобралась солидная, и тематика довольно своеобразная. Много ли у нас филателистов, собирающих, как вы, марки о Кеннеди?

— Вы знаете, я себя филателистом в буквальном смысле не считаю. Правда, бывал несколько раз в их клубе, кое с кем познакомился, но фанатиком этого дела не стал. Кто еще собирает такие марки, сказать затрудняюсь.

— Для сведения сообщаю: их всего пятеро на весь город. Естественно, включая вас.

— Надо же, зачем-то и это проверяли. Я же от своей коллекции не отказываюсь, своего увлечения никогда не скрывал. В чем же меня здесь можно подозревать?

— Новых подозрений у нас нет. Вы по-прежнему обвиняетесь в шпионаже. Ну а марки из вашей коллекции, как мне кажется, имеют каждая свою судьбу. Вот, скажем, эти три блока Либерии. Откуда они у вас?

— Либерия, Либерия... Если не ошибаюсь, я купил их в Генуе три года назад, будучи там в командировке по делам Морского регистра. Эти блоки не из самых дорогих.

— Все было именно так? Вы твердо это помните, Юрий Васильевич?

— Да, конечно. Я хоть и не заядлый коллекционер, но почти все свои марки добыл самолично и помню происхождение каждой. Пожалуйста, спрашивайте. Может быть, вас еще что-то интересует?

— Есть еще вопросы. Скажите, какие пределы используются в расчетах температуры топлива при проектировании реактора?

— Что, что? Я вас не понимаю. Какое это имеет отношение к маркам, да и вообще к моему делу?

— Тогда другой вопрос. Как часто заряжаются корабельные реакторы, сколько тепловыделяющих элементов имеет ядро?

— Это какой-то экзамен? Почему вы меня об этом спрашиваете?

— А раньше, Павлов, эти вопросы вам никто не задавал?

— Обо всем, что у меня спрашивали иностранцы, я уже рассказал на допросах.

— Когда же наступит предел, Павлов? Поймите, что вы обманываете лишь самого себя. Сколько можно говорить о шикарных набережных, универмагах и цветочных лотках? Перестаньте же наконец. Ведь не для совместных экскурсий по городу вас встречали за границей представители спецслужб. И вы им не одни лишь обещания, как пытаетесь здесь объяснить, давали.

— Вы опять мне не верите. Чего же еще вы от меня ждете? Я сказал все: когда, где и с кем мне пришлось общаться. Я признаю свою вину, что может быть важнее этого?

— Правда, одна только правда, и вся правда. Понимаете, Павлов, вся. А чтобы сегодняшняя расстановка сил была вам ясней, скажу: заданные мной технические вопросы — не упражнение в инженерной грамотности. Да и сами вопросы, в сущности, не мои. Перед вами они ставятся уже вторично. Сегодня мной, а в июле прошлого года — американской разведкой. Причем ими — письменно, с расчетом на ваш скорый и обстоятельный ответ. Тоже письменный, но с соблюдением специальных шпионских средств и условностей. Могу еще сказать, каким образом вами были получены эти инструкции, а заодно с ними — недорогие, но достаточно редкие почтовые блоки Либерии из вашего альбома.

— Не надо. Это кошмар. Значит, вы видели контейнер... Простите меня, я все скажу.

— Жаль, что вы пришли к такому разумному решению только сейчас.

— Поверьте, я не лгал, не хотел никого запутать. Все, что я говорил о своих контактах с западногерманской и американской разведками, правда. Именно так они встречались со мной. И письмо в Олесунне я бросил специально с намерением связаться со спецслужбами. Я же этого не отрицал. Не говорил я только о двух важных для меня вещах: о секретах, которые выдал иностранцам, и об истинных размерах причитавшегося мне за это вознаграждения. Мне было страшно признаваться, и я надеялся, что никто об этом, кроме меня самого и «шефов», не узнает. Да еще и они меня убеждали в «полнейшей безопасности», «абсолютных гарантиях». Теперь я понимаю, что инструкции из тайника в Измайловском парке Москвы вы изучили не хуже меня. И здесь провал... Мне очень хотелось иметь несколько интересных марок с Кеннеди, выпущенных африканскими странами. Поэтому я попросил американцев прислать марки вместе с другими материалами в очередном контейнере. Я думал, вставлю в альбом, они растворятся среди сотен других похожих в моей коллекции. Но и они вычислены. Что ж теперь скрывать главное. Поймите, сегодня я говорю полную правду. Известные мне по прежней работе данные в области советского атомного кораблестроения я сообщал в разведку начиная с первого своего письма, отправленного в Олесунне. Я понимал при составлении этого письма, что только серьезная информация может стоить денег. Денег мне хотелось больших, очень больших, поэтому при дальнейших встречах с разведчиками я продолжал подробно освещать поставленные передо мной технические вопросы. А их появлялось с той стороны все больше и больше. Я понимал, что увязаю в предательстве, но первые шаги были сделаны, а отступать оказалось так же трудно, как на это решиться. После того как меня передали на связь американцам, стало понятно, что я больше интересую разведку как перспективный агент для добывания информации в СССР. Это их привлекало явно сильнее, нежели продолжение опросов в иностранных портах по моей прежней осведомленности в секретах. Отсюда и указание перейти на тайниковый способ связи на территории Советского Союза, потом пошли закладки контейнеров в Измайловском парке и на Приморском шоссе.

Я действительно принимал от иностранных разведчиков различные суммы на текущие расходы. Но как было тратить эту валюту, если все вокруг знают, сколько

я зарабатываю на судне? Безопаснее было держать «наградные» в надежном месте. На одной из встреч с «пожилым» немцем я предложил переводить валюту в иностранный банк на мое имя. Надеялся, что накоплю крупную сумму, смогу потом хорошо устроиться на Западе. Вот и устроился.

13

Любое правонарушение, проступок перед законом вызывает, как правило, однозначную и вполне закономерную реакцию — возмущение общества. Тем более праведен гнев каждого из нас, когда речь идет о таком тяжком государственном преступлении, как измена Родине. И всякий раз неизбежно возникает вопрос: как такое могло случиться?

Довольно долгое время мы отвечали на него легко и уверенно: это «родимые пятна» прошлого, пороки и зло получены в наследство от старого мира. Но появлялись поколения людей, родившихся и воспитанных при нашем строе, а правонарушений не становилось заметно меньше, преступность не исчезала. И все же догматическое мышление мешало нам поставить верный социальный диагноз этого явления. Мы все еще пытались утешать себя тем, что негативные проявления в нашем обществе случайны, что это лишь отдельные факты. Сегодня, в условиях революционного процесса оздоровления и демократизации нашей жизни, этот вопрос звучит с особой остротой. Сегодня на него уже дан ответ. Да, и при нашем социалистическом строе возможно отчуждение личности, отделение человека от общества, неприятие его идеалов. Возможно отчуждение, которое порождает двурушничество и может привести человека к преступлению против своего государства. Борьба за построение нового социалистического общества не может обойтись без противников. «Победы и достижения не даются без потерь». Есть у нас и люди, которые осмеливаются преступить закон, не принимают кодекса нашей морали, есть отщепенцы и даже предатели. И то, что они нетипичны, что их ничтожно мало, ни в коей мере не может оправдывать терпимость и недооценку их опасности, зла и вреда, которые они наносят нашему делу, нашему государству. И здесь важно рубить корень зла, трезво, не обманывая себя, видеть причину злокачественной опухоли.

Возьмите того же Павлова. Как мог вырасти среди

нас этот чертополох? «Родимых пятен» — никаких. Его отец жил в рабочем заводском общежитии, пока не стал горным инженером. Ничему плохому его не учили в школе, которую он окончил с медалью. Павлов успешно защитил диплом инженера-физика. Им были довольны на работе — поощряли, выдвигали и даже награждали. Безупречная анкета, все звенья биографии одно к одному. В характеристиках — и морально устойчив, и способный, и трудолюбивый, и прочее. А главное, ни одного срыва, все, как должно быть. Хороший мальчик в школе, способный студент, эрудированный инженер. Ни одного разбитого стекла, блестящая хрестоматийная биография, чин чином, как и положено.

И вот этот, по всем анкетным параметрам, добропорядочный советский инженер на первой же остановке в зарубежном порту отправляет письмо в адрес иностранной разведки. Оно начинается словами: «Я ненавижу Советскую власть». Политическая цена этого заявления отщепенца — гроши. Павлов сам понимал, что никакого впечатления оно не произведет. Полезность спецслужбе предатель продемонстрировал более убедительным аргументом — схемой судового атомного двигателя. Это и заинтересовало иностранную спецслужбу.

Но все же, чем провинилась Советская власть перед Павловым? За что возненавидел ее этот человек и решил посчитаться с ней, совершив предательство? Он не только, как мы уже сказали, родился при советском строе, но и рос и жил многие годы при нем. Жил только для себя, к Советской власти относился «лояльно», ведя свой особый счет с нею. Он как должное принимал, пользовался всем, что она ему давала, заботясь только об одном — как бы получить побольше. Жил неглупый человек, инженер не без способностей, равнодушный, заботящийся лишь о себе, честолюбивый эгоист. Отчуждение его началось задолго до совершения преступления. Первые шаги на обочину были сделаны еще смолоду, а жизнь без цели — безнравственна, и закономерно падение этого человека.

«Обиды» на Советскую власть не могли не появиться, ведь счет к ней, меру вознаграждения за свои заслуги Павлов определял сам. И однажды ему показалось — мало! Помните, в начале следствия Павлов выдал версию и довольно долго отстаивал ее — об искусственных алмазах. Затем был вынужден отказаться от нее, признать, что о них с иностранными разведчиками у него и разговора не было. Но все же искусственные

алмазы были. Вернее, идея получить их путем ядерного взрыва. Эта идея довольно долго занимала Павлова. Но она не получила признания в научных кругах. Может, и отнеслись неуважительно к инженеру и его идее, не пощадили авторского самолюбия. Такое могло быть. Но кто же мог ждать, что личная обида обернется враждой к родной стране и своему народу, толкнет человека на самое страшное — измену. А для Павлова этого было достаточно. Для предательства ему было нужно немного. Ибо по сути он давно был чужой, не наш, по крайней мере, ничей. Советским человеком он был по паспорту. Он, кстати, и сейчас, отбывая наказание, не лишен «всех прав и состояния» и остается гражданином нашей страны.

Госприемка, начатая в промышленности, обнаружила главную причину брака: несовершенство измерительного инструментария, несоблюдение элементарных технологических норм. А ведь именно по уровню измерительной техники можно судить о высоте современного производства и всего промышленного прогресса. В общественной жизни, конечно, все сложнее. Для нее нет ГОСТов и других стандартов, каждое ее явление не измеришь, не откалибруешь при помощи даже самой совершенной техники.

Но в ней непозволительна и опасна девальвация нравственных критериев, догматизм при анализе общественных явлений, социальной оценке поведения и поступков каждого отдельного члена общества. Следствие по делу Павлова не только неопровержимо доказало, что им совершено тяжкое преступление, последствия которого ему были известны. Правовая квалификация — лишь одна сторона дела. Но после следствия перед трибуналом предстал совсем не тот Павлов, который был известен по анкетам и характеристикам.

За маской, которую долгие годы носил Павлов, скрывался прежде всего эгоист и честолюбец. Он мечтал о мировой славе, о Нобелевской премии и... о вилле на Багамских островах. Не получилось с искусственными алмазами, не пришло признание, и он решился продать единственное и самое дорогое, что есть у человека. По сути своей потребитель, он был бесстыдно жаден. Павлов возвращается после рейса на судне «Профессор Визе» в Ленинград. Он сходит на берег с довольно крупной суммой иностранной валюты — серебряниками, полученными за предательство. Также контрабандным путем ему удастся привезти шубу из парагвай-

ских лис и кое-что еще из западного ширпотреба. Что делает Павлов во время отпуска на берегу? Он идет подработать. Куда? Рабочим-подсобником в соседний с его домом универсам. Из домашних никто не протестует — в доме ценят деньги. Жена Павлова охотно верит: валюта, которую прячет в бельевом шкафу ее муж, приобретена законно. И еще одна деталь. Позднее, когда судьба Павлова уже была решена, его жена пришла получить несколько вещей, изъятых на время следствия. Надо было видеть, с какой хозяйской придирчивостью эта женщина осматривала эти вещи. И усмотрела — батарейка в магнитофоне за несколько месяцев «села», нужно возместить...

Расследование уже было закончено. У следователя не осталось больше вопросов к Павлову. Он по-прежнему появлялся в его кабинете. Обвиняемый знакомился с делом — тринадцать толстых, плотно сброшюрованных томов. Чтение не из легких. Как отнесся Павлов к материалам обвинения, которые определили его дальнейшую судьбу?

Нет, он не возражал, не предъявлял претензий. Не воспользовался своим правом потребовать уточнения отдельных эпизодов или сбора дополнительных доказательств. Он еще во время следствия продемонстрировал свою способность трезво и быстро оценивать ситуацию, защищаясь до последней возможности, он не отвергал очевидного. Следователь, казалось бы, как никто другой знавший Павлова, был удивлен сделанным им признанием. Как-то, закончив знакомство с очередным томом своего дела, Павлов произнес: «А все-таки это был мой звездный час! Но где-то я ошибся!..» И это не было бравадой. Это было признание авантюриста, игрока, ставка которого оказалась битой. Он не раскаивался, а искал ошибки — где и что сделал не так: не сбежал во время рейса на Запад, неумело заложил контейнер, нарушил конспирацию? И конечно же его одолевал страх перед расплатой за содеянное.

Отшепенец, изменник получил то, что заслужил. Другого конца в этой истории не могло быть. Но из дела Павлова надлежит извлечь урок — признать, что мы все еще слишком терпимо относимся к негативным проявлениям, чуждым нашей идеологии и морали. А порой мы просто непозволительно безразличны к тому, с чем должны бороться не только правоохранительные орга-

ны, но и каждый из нас, все общество. Вот почему не сразу была сорвана маска с двуликого Павлова. Ведь чекистами был обезврежен предатель, который смог нанести серьезный урон безопасности нашей страны.

14

В тот день в «Вечернем Ленинграде» появилось традиционное сообщение о возвращении в родную гавань после многомесячного плавания в южных широтах научно-исследовательского судна «Профессор Зубов». Но еще не были отлиты в свинец строчки газетной полосы, как на стол начальника контрразведывательного подразделения Управления КГБ легло сообщение о том, что сегодня, в такое-то время, на борту «Профессора Зубова» в Ленинград прибыл Павлов Юрий Васильевич. В гавани был встречен семьей, друзей контактов не имел.

Чем же был вызван специальный интерес к столь незначительному событию — возвращению в родной город одного из рядовых участников экспедиции? А дело в том, что чекисты знали: во время рейса при стоянках судна в разных портах начальник лаборатории Павлов имел несколько подозрительных контактов с иностранцами. Более того, к моменту прибытия «Профессора Зубова» в Ленинград советской контрразведке стало известно содержимое тайника в черном блокноте, полученном Павловым в Копенгагене.

Как же отреагировали чекисты на появление Павлова в Ленинграде? Почему он благополучно сошел на берег, отправился к себе домой, вручил родным подарки и сел за праздничный стол? А на другой день, как ни в чем не бывало, появился на Фонтанке и вошел в вестибюль Арктического и Антарктического научно-исследовательского института? Мы не могли не спросить об этом у руководителя операции «Румб».

— Да,— сказал он,— у нас были веские причины для личного знакомства и серьезного разговора с Павловым. У нас были основания прервать путешествие Павлова, снять его с борта судна в том же Санта-Крус или в Порт-Луи. Но что бы это нам дало? Ведь Павлов не главный наш противник. Он орудие, инструмент, который удалось заполучить спецслужбам, от чьих происков мы оберегаем наши государственные секреты. Обезвредив Павлова, мы могли просто оборвать цепочку крупной шпионской акции против нашей страны.

— Но в том, что Павлов оставался на свободе, была, и немалая, доля риска?

— Доля риска, непредсказуемости присутствует в любой операции, без них не обойтись в нашей работе. Но всегда делается все, чтобы свести этот риск к возможному минимуму.

И еще об одном аспекте, который подчеркнул наш собеседник в разговоре о деле Павлова.

Объектом особого внимания разведок капиталистических государств часто становятся советские люди, оказавшиеся за рубежом. Здесь, на чужой земле, у западных спецслужб куда больше возможностей для вербовки путем подкупа, шантажа и различных провокаций. Действуют они нагло и бесцеремонно. Несколько лет назад таким образом в одной из стран был завербован молодой специалист из Ленинграда. Поначалу ни к чему не обязывающее знакомство с сотрудником американского консульства: игра в теннис, уроки русского языка, доллары в долг — закончилось шантажом. Молодому человеку, Борису Н., был поставлен ультиматум: или услуги для разведки, или компрометация на Родине. Он тоже вернулся в родной город с инструкциями и планом связи, но у него хватило мужества прийти с этими документами к чекистам. Американский разведчик, один из сотрудников консульства США в Ленинграде, был схвачен, когда вышел на контакт с этим несостоявшимся агентом возле Боткинской больницы.

Событие это не отразилось на дальнейшей судьбе молодого специалиста Бориса Н. Ибо советский закон освобождает от уголовной ответственности, если гражданин, завербованный иностранной разведкой, попавший в ее сети, никаких заданий разведки не выполнил и добровольно явился с повинной.

У Павлова была такая возможность. Еще после возвращения из первого плавания на судне «Профессор Визе» он мог прийти на Литейный, 4. У него уже тогда было о чем рассказать и в чем повиниться. Он этого не сделал.

Что же еще было в тайнике из обложки блокнота, врученного «мексиканцем» Павлову в Копенгагене? А было в нем несколько небольших листков, заполненных схемами-рисунками мест, где Павлов должен был стоять и получать условные сигналы для связи. И еще несколько страничек мелкого машинописного текста с пояснениями и наставлениями.

Первое, что бросалось в глаза, — дотошность и скру-

пулезность, с какой они были сделаны. Полностью исключалась возможность ошибиться или что-либо понять двояко. Текст рекомендаций был написан по-русски, вполне грамотно. Автором схем и инструкций безусловно был человек, который не только бывал в Ленинграде, но или с натуры или с фотографий мог зарисовать все детали маршрутов и конкретных мест, где предполагалось выставлять сигналы для связи. Только детали, лексические ошибки выдавали в авторе иностранца. Так, вместо нашего привычного выражения «станция метро» было нескладное «метростанция».

В инструкциях и схемах связи не только точно назывались станции метро, улицы, но даже названия автобусных остановок, номера троллейбусов и трамваев. Маршрут и поведение Павлова во время выхода на связь были отработаны до мельчайших подробностей. Если бы он впервые очутился в Ленинграде, то без труда мог бы ориентироваться по полученным схемам.

Уже первое знакомство чекистов с «планом связи» подтвердило их предположение, что Павлов завербован именно Центральным разведывательным управлением США. Разумеется, в инструкции ни одним словом не упоминалось об этом, но в ней, например, был назван номер автомашины, принадлежащей американскому консульству в Ленинграде.

Чекисты не могли не обратить внимания еще на одно обстоятельство: как выбраны места для установки и прочтения сигналов связи. Павлов мог и не догадываться, почему он должен поставить свой первый условный сигнал на Кронверкской улице, на ее четной стороне, под аркой ворот ничем не примечательного дома под номером 16. Почему именно здесь, а не в другом месте? Это обстоятельство объясняется просто: сигнал (цифра «2») на Кронверкской был поставлен на пути, которым пользовались американские разведчики из генконсульства, отправляясь на службу или возвращаясь с нее домой. Так же не случайно были выбраны и другие места для установки условных сигналов.

«Двойка», которая появилась под аркой дома на Кронверкской, означала: остаюсь работать в Ленинграде, готов получать задания.

Что должен был делать Павлов, подав условный сигнал связи?

«Просигнализовав нам,—говорилось в инструкции,— что вы готовы получить следующий пакет от нас, вы теперь должны искать наш сигнал — нашу машину,

стоящую на месте «Влад» между 13.15 и 13.45, начиная с четвертого воскресенья после вашего сигнала. Продолжайте высматривать наш сигнал каждое воскресенье. Мы будем выставять машину три воскресенья подряд».

«Влад» — это Владимирская площадь в Ленинграде, где должен появиться сигнал для Павлова — машина с номером 004. Это был один из дипломатических номеров автомашин, принадлежащих американскому консульству. Павлову объяснялось, как вести себя. «Чтобы добраться до места «Влад», поезжайте от метро-станции «Пушкинская» троллейбусом в северо-восточном направлении (к Невскому проспекту). Сядьте или стойте с правой стороны троллейбуса. Как только троллейбус въедет на Владимирскую площадь и завернет налево мимо метростанции «Владимирская», ищите тут же справа нашу машину, которая будет стоять перед Владимирской церковью».

И наконец, сообщалось главное:

«Посмотрите, как будет стоять машина под номером 004. Если мы заложили пакет для вас в Ленинграде, мы поставим машину передом к тротуару, если же мы заложили для вас пакет в Москве, мы поставим машину задом к тротуару...»

Для закладки «пакета» в Ленинграде было выбрано место на Обводном канале. По московскому варианту — «Аллея» — контейнер должен был быть заложен в Измайловском парке столицы.

Наступило воскресенье, когда на Владимирской площади в указанное инструкцией время должна была появиться машина американского консульства с номером 004. И она появилась даже чуть раньше со стороны Невского проспекта. За рулем бежевой «Хонды» с дипломатическим номером 004 сидела молодая женщина. Обогнув площадь, она притормозила у стоянки возле Владимирской церкви и поставила ее радиатором к площади. Хозяйка «Хонды», оставив машину на площади, отправилась на расположенный рядом Кузнечный рынок. Через полчаса она вернулась с сумкой в руках, села в машину и уехала. Все было обычным: и парковка у церкви, и сам приезд иностранки на известный, удобно расположенный в центре города рынок.

Чекисты увидели машину на месте «Влад» раньше Павлова, но они дождались и его появления на условном месте. Он шел со стороны Невского, миновал стоянку и, конечно, заметил припаркованную здесь «Хон-

ду» со знакомыми ему цифрами номерного знака. Сигнал был прочитан: за «пакетом» надо ехать в Москву. Значит, выбран вариант «Аллея».

Ничто не мешало человеку, который в поздний вечерний час приехал в Измайловский парк столицы, заложить в укромном месте на берегу пруда контейнер для новоиспеченного агента ЦРУ Даниэла — Павлова. Словно по заказу над Москвой в тот вечер шел щедрый дождь. Изрядно промокшим вернулся из парка американский связник к машине. Это был Алекс Гришук, работавший под прикрытием гражданского помощника атташе по вопросам обороны при посольстве США в Москве. На машине также номер дипломатической службы США.

Но все же на этот раз сотрудники советской контрразведки вмешались в ход операции ЦРУ. У них было время «позаимствовать» контейнер до приезда за ним в Москву Павлова. Контейнер был изъят на время, вполне достаточное, чтобы тщательно ознакомиться с его содержимым. Из него, разумеется, ничего не было взято, не оставлено никаких следов знакомства с ним.

А контейнер оказался весьма интересным. С виду это был обыкновенный кусок каменного угля. Но сделан был из особого синтетического материала и по сути представлял собой как бы орех из двух незаметно и прочно склеенных половинок. «Орех» этот оказался довольно вместительным. Что же было в шпионском контейнере? Чем снабдили Рольфа Даниэла его шефы? В контейнере были инструкции-задания, схемы для выхода на связь и самое необходимое снаряжение для шпионажа. Прежде всего это были задания — множество тонких листков бумаги уменьшенного формата с вопросами, на которые рассчитывали получить ответ «друзья и коллеги». Их очень интересовала секретная информация о советском атомном судостроении. Павлову вновь рекомендовалось устроиться на работу в уже однажды названный ему научно-исследовательский институт. Многие вопросы задавались впрок, подсказывали Павлову круг интересов его шефов. Были еще группы вопросов, которые на первый взгляд непрофессионалу могли показаться безобидными и даже праздными. Например, люди из Лэнгли интересовались «какая у вас обычная рутина, когда вы сидите дома, можете ли выйти ночью из дома без жены?» Спрашивали, казалось бы, о вещах совершенно пустых и даже обычного любопытства не заслуживающих. Но тут же ставился

вопрос: «Как организована охрана в вашем институте, где расположены сейфы, применяется ли при охране электроника?»

Рольф Даниэл получил в «пакете», доставленном из московского парка, новые задания по выходу на связь. Это была новая схема сигналов, которые должен выставить Павлов перед закладкой очередного контейнера с добытой секретной информацией. В «пакете» было и снаряжение, необходимое для передачи собранных шпионских сведений. Для осуществления односторонней радиосвязи Павлову был прислан миниатюрный радиоприемник с оригинальной приставкой, которая упрощала прием шифрованных радиogramм. Его снабдили шифровальным блокнотом и кодами.

Для обратной связи в контейнер были вложены пять писем, написанных по-английски, в конвертах, адресованных в разные города США. Внешне это были письма американских туристов, посетивших Москву. Какой-то «Стэн» писал своему другу в Калифорнию о своих московских впечатлениях. Обещал привезти меховую шапку. А в другом письме некая «Мэри» рассказывала своей знакомой из Чикаго о том, что продается в московском ГУМе и как одеты москвичи...

Пять безобидных, в меру коротких писем туристов, скорее всего впервые оказавшихся в Москве. Для полного правдоподобия им придавался, правда в меру, антисоветский запашок. Их авторы — Стэны, Мэри, Дэвиды — хвалили московскую «подземку» и сообщали об очередях в магазинах, восторгались красотами Москвы и писали о том, что увидели город «подавленных людей»...

Но в каждом из этих писем оставалось место и для Рольфа Даниэла. При помощи специальной копирки он мог заполнить обратную чистую сторону бумаги своим текстом и затем просто опустить конверт в почтовый ящик. Письма с тайнописью должны были попасть в нужные руки.

«Друзья и коллеги» не забыли вложить в пакет и деньги. И еще в контейнере был особый презент для Павлова — коллекционный блок марок, посвященных президенту США Джону Кеннеди.

Чекисты не без оснований предполагали, что вербовка осуществлена с далеко идущими целями. Опыт подсказывал, что все эти краткие встречи при стоянках в зарубежных портах — это лишь подготовка к крупной шпионской операции. После знакомства с содержимым

контейнера из Измайловского парка все эти предположения полностью подтвердились. Шефы из Лэнгли тщательно и основательно готовили Рольфа Даниэла к работе в нашей стране. Они ждали от него многого. А меж тем операция, условно названная чекистами «Румб», подходила к концу.

Что же должен был сделать Павлов — Рольф Даниэл после получения «пакета»? Прежде всего, дать сигнал о том, что он его «благополучно изъясил». Он это и сделал. На этот раз все та же «двойка», уже опробованным способом — мазком губной помады, была сделана под аркой старинного многоэтажного дома на улице Пестеля, той улице, что недалеко от генерального консульства США в Ленинграде.

Сигнал на улице Пестеля был прочитан немедленно. Ибо уже через два дня после того, как он был дан, в эфире появилась шифрованная радиogramма для Рольфа Даниэла. «Коллеги» радиовали: «Рады, что вы получили пакет. Готовьтесь к выходу на связь по схеме „Сорок“». Радиogramма в то же, заранее определенное время, на той же частоте была повторена на следующий день. Обе радиogramмы были посланы из одного места — с одной из американских военных баз в Греции. В ЦРУ были довольны: их агент начинал работать в Ленинграде.

Да, Рольф Даниэл теперь должен был приступить к выполнению основного шпионского задания, для которого его долго и тщательно готовили. Теперь от него ждали «посылки» с сугубо секретной информацией, которую Павлову было поручено добыть в Ленинграде.

О том, что информация собрана и Рольф Даниэл готов ее передать, нужно было сообщить шефам очередным сигналом. Прошло больше месяца, и в условном месте «Максим» на Петроградской стороне такой сигнал появляется. Далее шпион должен действовать по одному из вариантов инструкции, который носил кодовое название «сорок». В названии ничего необычного. Оно являлось кодовым сокращением слов «сороковой километр» — места, выбранного для закладки шпионского контейнера. С уже знакомой тщательностью и дотошностью инструктировали своего агента заокеанские хозяева.

«Сделав пометку у „Максима“, — говорилось в инструкции, — вы должны теперь приготовиться к вашей первой доставке нам на месте „Сорок“. Когда кругом никого не будет, положите там ваш пакет на землю, что-

бы пакет прикасался к основе столба на стороне, выходящей к Ленинграду. Ваш пакет должен быть в виде грязной жирной тряпки размером не более 16×8×8 см. Содержимое пакета должно быть предохранено от влаги. Пакет должен быть также достаточно тяжелым, чтобы его не могло унести сильным ветром».

Вечером в субботу, 10 сентября, на сороковом километре Приморского шоссе у основания дорожного столбика появился шпионский контейнер — небольшая плоская консервная банка, обернутая в запачканную чем-то жирным тряпку. Она лежала точно в назначенном месте, ее не могло сдуть ветром. Она выглядела так, что ни у кого не возникло бы желания взять ее в руки. В тот же вечер появился и условный сигнал. Опять же «двойка», только на этот раз под аркой ворот на проспекте Добролюбова, все на той же Петроградской стороне. Это был последний сигнал связи, который выставил для своих хозяев Рольф Даниэл.

План связи с Рольфом Даниэлом его шефы составили на вполне профессиональном уровне. С умыслом было выбрано место и для закладки первого контейнера — по Приморскому шоссе из Ленинграда на дачу в Зеленогорск ездили сотрудники американского консульства. Почему именно на сороковом километре Приморского шоссе? Потому что подходы к нему открыты со всех сторон, и связник, который явится за контейнером, сможет оглянуться окрест и убедиться в своей полной безопасности. Кроме того, там хороший ориентир — столбик с дорожным знаком, предупреждающим о близком крутом повороте.

Вот здесь, вблизи живописных пригородов Ленинграда, и должна была закончиться так тщательно готовившаяся шпионская операция американской разведки. Пришло время вмешаться органам государственной безопасности — обезвредить Рольфа Даниэла, ударить по грязным рукам его шефов. Было принято решение — взять с поличным связного, который придет за контейнером со шпионской информацией, заложенным на сороковом километре.

Место это для операции чекистов было неудобным — по тем же причинам, по которым оно устраивало американских разведчиков. Ведь связной должен был быть схвачен в буквальном смысле за руку и именно на месте преступления.

На первый взгляд задача сотрудников госбезопасности была не так уж сложна: они ведь не только знали

план связи, по которому действовал Рольф Даниэл, но и могли убедиться, что опекают агента, непосредственно выходят на связь с ним сотрудники американского генконсульства. Но оставалось неизвестным, кто именно появится у тайника на сороковом километре.

Для этой цели мог быть использован человек, не попадавший в поле зрения чекистов. Связник мог приехать на сороковой километр на машине или на рейсовом автобусе, остановка которого была рядом. Мог приехать велосипедист и прислонить к дорожному столбику машину, чтобы поправить крепление педалей. Из лесу мог выйти по пешеходной дорожке человек с корзиной грибов и остановиться у обочины, прежде чем шагнуть на шоссе.

Больше того, на условном месте мог появиться и человек случайный. Все могло случиться, и ко всему нужно было быть готовыми. Полностью исключался единственный вариант: возможность для связника изъять контейнер и покинуть место, где он был заложен Рольфом Даниэлом. Для этого было продумано и предусмотрено все, до самой мельчайшей детали. Неожиданностей быть не должно.

В инструкции Рольфу Даниэлу предлагалось не позже 22 часов в субботу выставить в условном месте знак «Добро», означавший, что контейнер заложен. Значит, в тот же вечер или ночью, а может быть, на следующий день за контейнером могли прийти или приехать. Как только появилась под аркой дома на проспекте Добролюбова «двойка», место сигнала было взято под наблюдение: была надежда узнать того, кто появится здесь, чтобы прочесть сигнал. Оперативная группа заняла свое место на сороковом километре. В тревожном, напряженном ожидании прошел вечер, наступила долгая осенняя ночь. Рано замерло движение, растаяли в темноте огоньки последнего автобуса. Всего несколько машин прошло по ночному Приморскому шоссе. Наступило утро, никто не появился у тайника на обочине шоссе.

Но вот вновь дорога ожила. В это воскресное солнечное утро десятки и сотни машин пошли по шоссе со стороны Ленинграда. Прошла в этом направлении и элегантная «Тойота» с номером американского генконсульства. За рулем сидел новый вице-консул Миллер, недавно прибывший в Ленинград.

Позавтракав в ресторане гостиницы «Прибалтийская» и никуда больше не заезжая, он завернул на

Петроградскую сторону и проехал по проспекту Добролюбова, мимо дома, где был поставлен сигнал о закладке контейнера на Приморском шоссе. Однако мимо тайника на сороковом километре Приморского шоссе машина Миллера проследовала как ни в чем не бывало. Теперь уже почти не оставалось сомнений относительно целей его поездки в Зеленогорск: он должен был сообщить другому сотруднику разведки, уже находившемуся на консульской даче, что знак о закладке контейнера Рольфом Даниэлом появился, и дать разрешение на его изъятие.

Оперативная группа получила предупреждение: быть наготове. Ждать пришлось недолго. Вскоре после того, как вице-консул Миллер прибыл на консульскую дачу, ее покинул другой американский дипломат — Лон Аугустенборг. Рядом с ним в машине сидела его жена с маленькой дочкой на коленях. Чета дипломатов направилась по шоссе в сторону Ленинграда. Миновав развилку у пансионата «Дюны», машина притормозила и остановилась рядом с осветительным столбом, на сороковом километре. Мягко распахнулась дверца машины, из нее на обочину шагнула г-жа Аугустенборг с детским одеяльцем в руках. Молниеносно накрыв им завернутый в грязную промасленную тряпку контейнер, она схватила его вместе с одеяльцем. Все, что происходило дальше, было для супругов Аугустенборг неожиданным и, главное, уже не зависело от их намерений и желаний. После этой краткой остановки на Приморском шоссе они вновь тронулись по дороге в Ленинград. Только ехали теперь супруги в разных машинах и не одни.

* * *

В то воскресное утро Павлов из своего дома в районе новостроек на юго-западе Ленинграда собрался отправиться «в город». Там, в центре, на Невском, у магазина «Березка» в определенный час должна была стоять машина с дипломатическим номером 004. Это был сигнал, что контейнер, заложенный Рольфом Даниэлом, изъят. И хотя это действительно произошло, машина у «Березки» не появилась. Не пришел в урочный час к зеркальной витрине «Березки» и Павлов. Помешал приезд в дом неожиданных гостей — сотрудников Комитета государственной безопасности.

А спустя несколько дней из Пулкова навсегда улетали из Ленинграда супруги Аугустенборг. Дипломатиче-

ская карьера разведчика и его жены-пособницы была в нашей стране окончена. Среди горстки провожавших их друзей и коллег был уже знакомый нам господин Миллер. Он улыбался, еще не зная, что через некоторое время так же будет объявлен персона нон грата и выдворен из нашей страны. Тщательно продуманная и подготовленная шпионская акция разведывательного ведомства США окончилась провалом.

Соединенные Штаты ежегодно бросают гигантские суммы на подрывную работу за рубежом. Большая часть — около 65 процентов выделяемых на разведку средств — по оценке сенатской комиссии США, используется непосредственно против СССР.

Американские спецслужбы — в первых рядах крестоносцев, ведущих необъявленную психологическую войну против социалистического мира. И не случайно, что именно в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ, обращаясь к своим «рыцарям плаща и кинжала», президент США Рейган сказал: «Вы, мужчины и женщины, работающие в ЦРУ,— глаза и уши свободного мира... Мы должны призвать все страны мира к крестовому походу за свободу и к глобальной кампании за права человека; вы находитесь на переднем крае этой борьбы. Вы должны быть на переднем крае борьбы за свободу в условиях мира и войны и в том призрачном мире, который находится между ними...»

Можно не сомневаться, что «борцы за свободу», воодушевленные своим президентом, не убавят своего рвения. Год от года растет арсенал их оружия, изощряются их методы в невидимой, необъявленной и преступной войне против Советской страны. Им противостоят не только чекисты, на которых возложена высокая ответственность за безопасность нашего государства, но и весь наш советский народ. Главное же оружие в этой борьбе — бдительность. Оружие, которое никогда не ставят в пирамиду.

Не при случайных обстоятельствах

1

Бронзовый кораблик перед фронтоном гостиницы плыл в мареве уже нагретого солнцем влажного воздуха. Только круто выгнутые литые вымпела на его мачтах напоминали о ветре в это душное утро: пока Виталий Иванович добрался до работы, рубашка пристала к спине. Жарынь, о галстук и вспомнить страшно. Но — Сметанин даже усмехнулся — портье и расстегнутый ворот... Нет, через пять минут, время рассчитано, он аккуратно — не широко, не узко, а в меру — затянет перед зеркалом узел, наведет пробор. Портье — лицо гостиницы.

И без галстука не обойтись. Мысль о нагнетающих прохладу кондиционерах мирила с подобной перспективой. А вот Ляльке придется помучиться в крахмальном воротничке — у нее сегодня сочинение. Выпускной класс... Вчера весь вечер надрывался телефон, подружки делились страхами, гадали о темах. В этих охах и ахах было для Виталия Ивановича нечто успокоительное, бальзам для души. Нынешние девчонки такие же трусихи, какими были и двадцать лет назад их предшественницы, так же волнуются и шпаргалки строчат, глупышки, и за это, пожалуй, можно им простить дискотеки, немислимые брючонки в обтяжку, раскованность нарочитую. Впрочем, и двадцать лет назад находилось, за что тягать бедных девчонок к директору. И тогдашние мини-юбки стоили нынешних брюк...

А сейчас мода на мини возвращается. И, как всегда, первыми начинают иностранцы: его клиентура. Гости.

У входа Виталий Иванович чуть задержался. Перед дежурством он любил постоять вот так, ни о чем не думая, глядя, как солнечные лучи чеканят в Неве золотые блики. Без стройного силуэта «Авроры», уведенной на ремонт, набережная напротив казалась неприятно-голой, как лацкан ветеранского пиджака без ордена. В этот час на крейсере отбивали склянки. Десять. Пора.

В холле было прохладно. Высокой стеклянной стеной, притененным светом он напоминал аквариум, где неспешно текла своя жизнь. Солидно прошествовал немец с трубкой, в шляпе и шортах. Пестрой стайкой по широкой лестнице спускалась группа туристов. Итальянцы — Виталий Иванович видел, как их оформляли неделю назад — сегодня, кажется, уезжают. Глянул на рапортичку — да, точно. Вот это уже работа. День начался.

...— Ну, что там дочка, Виталий Иванович? Не звонила еще?

— Рано, Танюша, и двенадцати нет. Подожду.

— Пойдемте тогда, я вам кофейку заварю, двойной и чтобы с пенкой.

— Отлично.

Наверное, не стоило приниматься за кофе так рано, слишком много выходит за день. Лучше бы оттянуть к вечеру поближе, там все равно бессонная ночь впереди, но кофе новая буфетчица готовила замечательно. Да и неожиданный «тайм-аут» чем-то нужно заполнить: И Лялька не звонит...

Пестрая обложка пятном выделялась на темном кожаном заменителе. Журнал лежал в кресле, придвинутом к пепельнице. Над никелированным шаром на высокой ножке еще слоился дымок незагашенной сигареты. Здесь сидел кто-то из итальянцев, дожидаясь автобуса.

Сметанин прихватил журнал — полистать с девчонками за кофе, им нравится фотографии разглядывать. Из гляцевых страниц выпорхнул листок — Виталий Иванович подхватил его в воздухе и порадовался еще реакции — не совсем, значит, старик...

Это было письмо. Но так показалось вначале. Приглядевшись, Виталий Иванович понял, что держит в руках ксерокопию какой-то записки на английском языке, начинавшейся словами: «Дорогой Даниэл!»

Виталий Иванович посмотрел на стоянку машин сквозь стеклянную стену холла. Итальянцы уехали только что. Позвонить в аэропорт? Но кого спросить? Даниэла? Вряд ли...

Разговорный английский Сметанин еще знал, а вот читать мог только со словарем, как и писал в анкетах, поэтому многого в послании к «дорогому Даниэлу» не понял, но подпись была разборчивой — «Гена», и аббревиатуры различных типов советских самолетов ни с чем не спутаешь. «Як», «миг» — боевые машины... В письме шла речь именно о них, сообщались какие-то данные:

Эх, черт, кого тут помянуть в сердцах за это, «со словарем»,— школу ли, себя ли самого? А позвонить и в самом деле нужно. Только не в аэропорт, наверное...

— Виталий Иванович, ну что же вы?

— Сейчас, хорошая, я сейчас. Ты меня не жди...

Виталий Иванович вернулся к своей конторке. И тут же зазвонил телефон. В трубке — счастливый Лялькин голосок:

— Папочка, я, кажется, отстрелялась. Был Лермонтов, «Герой нашего времени». Словом, все хорошо. А как ты?

— А я еще нет.

— Что «нет»?

— Еще не отстрелялся. Ты позвони позднее, дочка, дело у меня важное.

Короткие гудки прозвучали обиженно. Так всегда, молодым вечно кажется, будто важнее их дел нет ничего на свете.

Сметанин еще раз посмотрел на листок с серыми оттисками английских слов. Стало темнее, он зажег дежурную лампу, а там, за стеклянной стеной холла, словно только и ждали щелчка выключателя: хлынул дождь, быстрый, тяжелый, летний ливень.

Виталий Иванович снова вспомнил итальянцев. Сейчас они в аэропорту. Нет, рейс на Рим не отменят. В такую погоду самолеты летают. Солдатом Сметанин служил в отдельном батальоне аэродромно-технического обеспечения и разбирался в авиации.

Машинально поправил галстук. Тем же движением, которым когда-то проверял пуговицы на вороте гимнастерки перед заступлением в наряд. Упаси бог, если расстегнута хоть одна, в авиации все с мелочей начинается, да и не только там.

Не только... Рядовой запаса Сметанин достал чистый лист бумаги:

«В Управление КГБ по Ленинградской области...»
Дождь прекратился, как и начался,— разом.

2

Жена с детьми барахтались у берега — пусть, ее заботы, Петров размашистыми саженками погнал на глубину. Морская вода держала хорошо, каждый гребок оставлял ощущение силы и уверенности, что можешь плыть вот так до самого горизонта, где зубчатые полодски кораблей царапают небо надстройками. Кажется,

тральщики. Флот Петрова интересовал не в первую голову.

За буйками перевернулся на спину. В глаза плеснула голубизна. Среди облаков таяла белопенная полоса. След инверсии — визитная карточка истребителя. Вот это уже ближе к теме. Ничего, час придет — познакомимся поближе. Для этого свидания все припасено.

— Гражданин, вернитесь в зону купания!

Мегафонный голос застиг врасплох, заставил вздрогнуть. Вода, как положено, была солено-горькой. Петров чертыхнулся: так всегда, одни запреты. Не ходи, не рви, не переступай. С детских лет одно и то же. А если хочется?!

Скосил глаза — лодка спасателей качалась вдалеке. Ничего, перебьются. Мегафон замолчал, но на шлюпке поднялись весла. Настырные ребята, своего добьются. Петров таких уважал, сам такой, что решил — зубами вцепится, не упустит.

Пришлось повернуть к берегу, хоть и обидно: в первый же день щелчок по носу, как маленькому.

Вытираться Петров не стал, зарылся в горячий песок. Лена пристроилась рядом:

— Ешь виноград, мытый...

Жена успела загореть.

— Ты даже не спросил, как мы добрались...

В голосе — обида. Дурашка. Петров потрепал жену по плечу.

Не успокоилась:

— Ну а твоя поездка? Доволен?

— Ты знаешь, что сгубило кошку?

— Чью кошку? — удивилась Лена доверчиво.

— Присказка такая есть, — снисходительно объяснил Петров. — Любопытство сгубило кошку. Ну довольна?

Он отщипнул виноградину и уткнулся лицом в песок. А поездка удалась, даже очень. Не напрасно сделал крюк.

Песок приятно нежил тело, море дышало сказками и йодом, прибой убаюкивал...

Саввич захлопнул альбом, встал, прошелся по комнате, довольно потирая ладони. Еще бы, материалы получил редкие. Петров, сидя в кресле, ждал, каким будет ответный ход. Несколько негативов он для себя уже присмотрел, но в таких делах торопиться не резон, а сейчас Саввич расчувствовался и размяк, может пред-

ложить что-нибудь более интересное. И тот предложил:

— Заночуешь у меня, Крым подождет. Завтра на аэродром поедем, за город. Такие машины ты «живьем», я думаю, не видел. Каков сюрпризик подготовил, а?

Да, это удача расправила свои розовые крылышки в полусумраке тесного кабинета. Петров подобрался — не спугнуть бы. Однако на военный аэродром так просто не пройти. Когда спросить Саввича о пропуске — сегодня или подождать до утра? Нет, лучше сейчас, чтобы потом у него не было пути к отступлению:

— Сюрпризик будет, когда меня туда не пустят, Василий Васильевич.

— Ну вот еще, — пожал плечами Саввич. — Я все же подполковник.

Против этого возразить было нечего. Оставалось надеяться, что и на КПП подобный довод сочтут убедительным. Закатный луч косо падал через окно на стол, споря с жестким светом электрической лампы. Петров подхватил пинцетом отрезок широкой пленки.

— Интересует? — Саввич присел рядом.

— Качество хорошее.

— Профессионал фотографировал. Бери, если понравилось.

Петров положил негативы за обложку записной книжки.

— Верну, когда отпечатки сделаю. Как обычно, почтой... И еще будет просьба. Если что-то новенькое появится, пересылайте не мне домой, а вот по этому адресу... Козыреву Александру. Он в курсе.

Василий Васильевич повертел листок, сделал пометку, отложил без энтузиазма. Видно, такой оборот ему не понравился, но — промолчал, как и Петров в свою очередь не спросил, откуда у Саввича эти прекрасные негативы. Истребители Су-15 с бортовыми номерами 05 и 06 были сняты на летном поле возле укрытия. Маскировочные сети откинута, под плоскостями хорошо видны ракеты. Картинка!

И-да... Они помолчали, думая каждый о своем. Незаданные вопросы витали в воздухе вместе с табачным дымком. Таковы правила игры, и тут ничего не поделаешь. Остаток вечера добились на кухне с помощью бутылки.

Ясное утро обещало жаркий день. Несмотря на это, Саввич надел в прихожей китель, перед зеркалом поправил фуражку. В форме выглядел представительно,

хоть сейчас посылай в школу выступать о героях ратных будней. Петров тоже накинул куртку — под ней фотоаппарат не так бросался в глаза.

Когда ворота со звездой распахнулись перед запыленным капотом служебного «уазика» и солдат в кителе с голубыми погонями отдал честь, Петров наконец поверил: да, вот оно! Машина медленно катилась по асфальту военного городка, потом выехала на широкую, уложенную бетонными плитами дорогу, которая и сама по себе уже напоминала взлетную полосу. Свежий ветер крепко рванул брезентовый тент вездехода, горизонт распахнулся: в утренней дымке плыл аэродром.

— Прибыли! — Саввич ловко соскочил на бетонку, повел рукой, словно приглашал полюбоваться собственным хозяйством. Солнце слепило, отражаясь в щедром остеклении стартового командного пункта, сверкали серебром плоскости истребителей на стоянке. В машине Петров через голову потянул аппарат, установил выдержку и диафрагму и тоже вышел.

Магнитом тянули самолеты. Они были готовы к полету и бою. Петров взвел затвор. Саввич смотрел равнодушно: «миги» этой модификации, на его взгляд, секрет не представляли. Присев на корточки, Петров ловил резкость, вращая длиннофокусный объектив. В визир вошли ракеты — крупным планом...

За ужином жена сказала:

— Меня на пляже знакомая спросила, в шутку, конечно...

Петров зевнул и отложил журнал:

— И что она тебя спросила?

— Она спросила: ваш муж, случайно, не шпион?

3

На просторном столе перед старшим следователем по особо важным делам майором Верещагиным лежало заявление портье гостиницы «Ленинград», ксерокопия письма к «дорогому Даниэлу» и его перевод. Сергей Иванович уже посмотрел бумаги и теперь сидел, постукивая тупым концом карандаша по толстой столешнице, как бы заново после отпуска привыкая к просторному кабинету.

Здесь все было массивно и основательно — старинный стол, лобастый сейф, и только самому хозяину не хватало солидности. Сухопарый, нарядный, в легком светлом костюме, он, казалось, заскочил сюда ненаро-

ком или на спор, как отчаянный старшеклассник в директорский кабинет. Хороший ровный загар убавлял годы, в модной прическе не наблюдалось покуда благородной седины — молодой человек, да и только, как величали его на улице, в магазинах или автобусах, прося передать билетик. Впрочем, тако оно и было. Тридцать два года не возраст, если, конечно, оставить за кадром все, что сопутствовало его должности и разнообразило жизненные опыты.

Легкий ветерок теребил занавеску на высоком окне, осторожно трогал подколотые листки. Верещагин вновь пробежал по строчкам взглядом.

«Дорогой Даниэл!

Я получил твое письмо. Теперь я хочу тебе сказать, что ты можешь связаться с фирмой „Эски“ и предложить им начать производство моделей советских самолетов. Со своей стороны я могу достать все материалы, которые им нужны, такие, как детальные изображения, хорошие фотографии и виды в цвете...

Думаю, что для нас это было бы очень прибыльно».

Предложение было составлено грамотно. Верещагин видел такие модели в масштабах 1 : 35 и 1 : 72, выпускаемые фирмами «Тамия», «Эрфикс», «Италаэрл»... До последней заклепки и мельчайшей детали миниатюрные самолеты, танки, бронетранспортеры повторяют боевую технику армий всех стран, в том числе и советскую. Правда, многое зависит от искусства того, кто их склеивает, наносит камуфляж. Верещагин вспомнил джип величиной со спичечную коробку. Малыш выглядел так, будто одолел немало километров, на ветровом стекле запеклась дорожная пыль, но лишь там, где ее не тронули щетки «дворников», а все-то стекло — чуть больше ногтя...

Достоверные подробности и придают цену в глазах коллекционеров. Раскраска, опознавательные знаки... Да, Гена, подписавший письмо, хорошо знал это. Как настоящий купец, предлагал товар лицом. И пожалуй, не мешало бы посмотреть на него самого.

Хотя... Сергей Иванович задумался. Да, вполне возможно, что он уже встречался с этим Геной...

Ровно в девять майор Верещагин докладывал начальнику отдела о возвращении из отпуска. Полковник пожал руку:

— Присаживайся, Сергей Иванович. Значит, отдохнул, говоришь. Тогда включайся в работу. Вот заявление, разберись-ка с ним сначала. Боевая техника, пере-

писка с заграницей... Похоже, опять с коллекционерами дело имеем.

— Обстоятельства сходятся, Василий Николаевич. Знакомый почерк.

— Кстати, и на почерк посмотри...

Верещагин кивнул. Не первый раз он получал задание и ценил доверительные минуты, когда полковник штрихами намечал направление поиска, делился мыслями, проигрывая различные варианты.

Не первый и, наверняка, не последний. В кабинет начальника отдела не доносился шум большого города: на границе всегда тихо. А она проходила и здесь, та граница, тот передний край, где чекисты принимают бой с контрабандистами и шпионами, идеологическими диверсантами, пресекают попытки тех, кто из корысти, по недомыслию или другим причинам оборачивают в товар государственную и военную тайну.

Тихо в кабинете. Пристально смотрит с портрета Феликс Эдмундович. Чекисты — солдаты тишины.

— Люблю, когда за окном дождь, — сказал Василий Николаевич. — Мелкий, грибной... Или снег. Лучше тогда работается.

— Август. Скоро и дожди зарядят.

— Да, летит время, летит... Дело Иванова, кажется, года три назад у нас проходило?

— Четыре.

— Не забыл, это хорошо. Тогда ты со многими коллекционерами встречался, пройди по старым адресам. Собиратели народ памятный...

— Интересный народ, — согласился Верещагин, — и своеобразный. Один, помню, планами делился. Хотел сделать серию моделей исторических кораблей — и из чего бы вы думали? Из титана!

— Размах, однако, — усмехнулся полковник. — Чтоб на века — так надо понимать?

Верещагин покачал головой:

— Здесь психология другая: ни у кого нет, а я — имею. С моделями из титана чудачество, конечно, чистей воды, но если в рамках не удержатся... Ведь как оно бывает — сначала в коллекции фотографии, флаги, потом медали памятные в честь спуска кораблей, а там и чертеж крейсера последнего проекта.

— Своего рода диалектика накопительства.

— Абсолютно точно. Квартира того же Иванова музей напоминала.

— Из Военно-морского музея к нему как будто кое-

что и приплывало,—заметил Василий Николаевич. — Короче, нужно обратиться к архивам. Думаю, отыщется зацепка... Ну и в гостинице поработай: что за итальянцы к нам приезжали, был ли кто из них в нашей стране прежде? Исключать возможность шпионажа мы права не имеем.

Полковник передал Верещагину тоненькую папочку, еще раз повторил:

— И само собой, коллекционеры. Все же мне сдается, что мы имеем дело с кем-то из старых знакомых.

Тогда-то мелькнула у Верещагина впервые мысль: а не знаком ли он с автором письма к неведомому покупцу Даниэлу? Свидетелями по делу Евгения Иванова, осужденного за разглашение секретных сведений, составляющих государственную тайну, проходили десятки людей. В основном коллекционеры по военно-морской тематике, но были и те, кто «собирал авиацию». Предметами обмена служили фотографии боевых кораблей, модели, чертежи — все, так или иначе связанное с флотом.

Во время следствия Верещагин не раз поражался энергии и разворотливости Иванова — модельщика с золотыми руками, но в разговоре не без труда подбиравшего слова, скорее замкнутого, чем общительного. Высокий лоб с залысинами, близорукие глаза, очки в тяжелой оправе... И образ жизни соответствовал внешности типичного затворника: большую часть времени Иванов проводил в своей комнате за столом-верстаком, выпиливая, вытачивая, раскрашивая модели. Но в его записной книжке было свыше полусотни адресов и фамилий. Негативы, снимки новейших десантных судов и крейсеров, тральщиков и подводных лодок, бронекатеров путешествовали в конвертах и бандеролях между Ленинградом и Москвой, Севастополем, Керчью, Херсоном и Куйбышевом, Алма-Атой и Кронштадтом и уж совсем неприметным городком Конаково. Оттуда, через Бориса Лемачко, материалы Иванова уходили за рубеж. А вскоре и сам он начал посылать за границу фотографии, познакомившись с Рене Егером.

Это было долгое дело... Чтобы раскрыть все связи, установить утечку информации, работала целая бригада, подключились товарищи из страны, где жил Егер. Они и предоставили ленинградским чекистам одно интересное письмо...

Верещагин набрал номер телефона:

— Слава, здравствуй. Ты на месте? Тогда приготовь, пожалуйста, дело коллекционера Иванова. Сейчас поднимусь, ладно?

«Джейнс»

Редактор капитан Джон Е. Мур
Королевский военно-морской флот
Элмхерет, Рикней,
Хайлсхэм, Сассекс ВН 271 СФ
Англия

Мой дорогой Рене!

Ваши три фотографии благополучно прибыли, но я не мог Вам сразу ответить, так как только что вернулся из США.

К сожалению, мне не удалось пока решить вопрос о снабжении Вашего юного техника необходимыми ему вещами.. Я также буду очень рад начать этот обмен, который может быть чрезвычайно полезным и ценным.

В свое время Верещагин основательно изучил справочник «Джейнс файтинг шипс». Роскошное издание, цветные иллюстрации, цена немалая — 23 фунта. В нем были опубликованы фотографии из коллекции Иванова. Мнение экспертов о них было однозначным: публикации в открытой печати и вывозу за границу не подлежат.

Капитан Мур все же расстарался и решил вопрос о снабжении «юного техника». За снимки советских кораблей рассчитывался наборами для сборки моделей бронетанковой техники фашистской Германии производства японских фирм. Было в этом обмене что-то не укладывающееся в сознании, выходящее за рамки не только правовых норм...

За модель танка типа «Ягдтигер» — шесть фотографий торпедных и ракетных катеров. За «Штурм-Гешютц» — суда на воздушной подушке. Малые корабли были в цене особой. Те, что не выходят из территориальных вод СССР. Шеф-редактор «Джейнс», в недавнем прошлом заместитель начальника военно-морской разведки Великобритании, капитан 1-го ранга Джон Е. Мур хорошо знал свое дело.

Верещагин отложил увесистый том. Закладка отметила страницу с текстом письма капитана Мура. Интонацией, предметом разговора оно напоминало послание, найденное в гостинице. Там — корабли, здесь — самолеты...

Тома громоздились перед следователем. Пылиться бы и дальше им за семью замками. Но — нет...

И в тишине архивов нет покоя.

Гриф «Секретно» на обложке серого картона был перечеркнут. Вместо него жирно тиснут другой, не столь грозный: «Из части не выносить». А все же Андрей трусил. Пыльный воздух в заставленной стеллажами библиотеке специальной литературы был сух и душен, а под пропотелой рубашкой — знобкий холодок. И пальцы дрожали, предатели, когда переворачивал листы.

Через страницу-другую — фотографии. Палубные вертолеты, дальние бомбардировщики, другие машины... Отчеты об испытаниях. Да, Петров их точно вычислил. Еще давно. Иногда казалось, что именно он присоветовал устроиться на работу в эту воинскую часть, когда Андрей уходил из музея.

Но вспомнить не мог. Неладное творилось с головой в последнее время. Жара, наверное, все она... Явственно представилась вдруг кружка пива, холодного, с кружевной опадающей пеной. Пожевал пересохшими губами. Бросить все, вернуть отчеты, закатиться в «Дубок» под прохладные своды...

Нельзя: что скажет Петров? Известно что... В глазах, чуть навывкате, плеснет презрительное недоумение: «Растяпа, простого не сумел...» Так уже было, когда Андрей, робея, показал свои поделки — муляжи самурайского меча и револьвера Лефоше. Петров хмыкнул, повертел в руках: «Размер не соблюден, детали не проработаны». Потом и стороной дошел, через других, нелестный отзыв. Андрюха, мол, микрон не ловит, на поллаптя ошибется — не заметит.

Проглотил, стерпел и это. Так из чего, Андрей, стараешься? Самому себе признаться можно: авторитет в кругу избранных, напористая удачливость Петрова влекли неудержимо, как огонек ночную бабочку. Интересен был разговор с ним, приятно мимолетное внимание. Все вместе — вытягивало из рутины плоских дней, хоть и понимал — до Петрова ему не подняться, о его влиянии и связях — только помечтать. За границей человека знают. А тут...

А тут просто работали. Двое парней в синих халатах, склоняясь над столом, разбирали чертеж. Знакомая девушка из КБ со стопкой книг, спеша, процокала каблучками, скользнула по Андрею равнодушным взглядом. Все были заняты.

«Не у кого просить прощения за несвершенные свершения...» — припомнилась строчка где-то прочитанного стихотворения. Нет, Андрей решительно сгреб папки — на этот раз он доведет дело до конца.

— Пойдите, молодой человек, минуточку...

Голос библиотекаря был строг. Андрей едва не выронил отчеты. Вернулся.

— Надо записать то, что вы взяли, — мягче пояснила женщина. — Свою фамилию напечатайте.

— Рогачев.

На душе отлегло. Все так просто! А через проходную как-нибудь проскочит.

В Гавани по широким улицам между высоких домов бродил ветер с залива и кружил голову. Петров вздохнул, стоя у распахнутого окна. Теплый вечер звал на приключения. Иногда и такое настроение у него бывало.

Посмотрел вниз. Фигурка Рогачева затерялась в толпе на автобусной остановке. Маленький человечек среди других, таких же маленьких, — ему было чуть жаль Андрея. А как тот обрадовался, получив книгу об английском истребителе «Корсар», сразу модель засобирался делать.

Не много же человеку для счастья нужно... Тут не жалеть, а, может быть, позавидовать — Рогачеву надо. Склеил самолетик, вот и рад. Хорошо... для среднего школьного возраста.

Петров из него вырос. Модели продал за хорошие деньги несколько лет назад. Тогда же последний раз был на проспекте Римского-Корсакова, 53. И прекрасно обходился без общества коллекционеров.

— Сквозняк, детей простудишь, — долетел из кухни голос жены. — Закрой окно!

С сожалением притворил Петров створки рамы. Раздразнил хмельной август. Еще раз подумалось, что многое проходит мимо, мимо... Но зато оставалась перспектива — скоро приедет Карл. Тогда они и погуляют. Не как те, что там, на остановке, затолкались сейчас в тесную коробку автобуса — и Рогачев вместе со всеми. По-европейски. Затемненный бар, хорошая музыка.

Стрельнув сизым дымком выхлопа, автобус укатил по улице. Петров вернулся к столу, где остались принесенные Рогачевым документы.

Фотографии самолетов на плотной бумаге отменного качества. Ту-14 и -16, Бе-8, МБР-2... Коричневые тона, положенные временем, как патина на бронзу, сообщали

снимкам особую — историческую достоверность. Такие могли бы украсить стенды любого музея.

За долгие годы клейстер почти разложился. Фотографии отделялись легко. На обороте стояли даты съемки, что еще умножало их ценность. Петрова охватило нетерпение. Он придвинул телефон и набрал знакомый номер.

— Женя? Да, это я... Если ты свободен, заеду через часок. Нужно несколько фотографий переснять... Конечно, только исторические... И еще тексты — у меня не получится, а ты мастер... Ну, спасибо, ты всегда меня выручаешь. Да, фотоаппарат тоже завезу, конечно...

Надо было собираться. Вечер обрел смысл.

— Пойдем, ужин готов. — Лена стояла в дверях.

— Некогда. Потом. Или у Жени перекушу.

— Гляди, Петров, доиграешься...

Он даже не ответил. Был занят делом. И хотя понимал, что торопливость ни к чему, что это даже мальчишеством отдает, вот и пальцы уже в чернилах, спешил на обороте фотографий оттиснуть свой личный штамп: «Архив Петрова».

Много ли человеку для счастья надо? Кому как.

5

Верещагин перевернул еще одну страницу старого дела.

Рене Егер, инженер исследовательского института водного хозяйства одной из дружественных стран, был членом международного «Нэви рекордс клуб» и постоянным автором западногерманского журнала «Маринер рундшау», благо немецкий язык хорошо знал. В 1943 году юный Рене служил писарем в организации «Технише нотхильфе» в Гамбурге. После войны не раз выезжает по приглашению в Западный Берлин, Мюнхен, Нюрнберг, где его работы по истории русского флота пользуются определенной известностью.

Интерес к Егеру возрастает, когда Мур начинает публиковать в «Джейнс» полученные через него фотографии боевых кораблей из коллекции Иванова. В ФРГ встречи со скромным инженером института водного хозяйства настойчиво добиваются Брейер и Шульц-Торге, «специалисты» по советскому Военно-Морскому Флоту. В разделе новостей «Маринер Рундшау» появляется рисунок десантного судна на воздушной подушке, имеющего по классификации НАТО наименование «Аист».

Верещагин раскрыл папку с протоколами старого дела. Пояснения насчет «Аиста» давал тогда проходивший свидетелем Геннадий Петров.

«— Вам предъявляется журнал „Маринер рундшау“. Что вы можете пояснить в отношении имеющихся в нем рисунков и фотографий?

— На сто сорок четвертой странице помещен мой рисунок десантного судна на воздушной подушке и выходящего из него танка.

— Судно это современное, а Рене Егер, по вашим словам, интересовался только старыми моделями кораблей. Что вас толкнуло сделать зарисовку, а затем отправить рисунок за границу?

— С начала нашего знакомства Егер интересовался различными опытными и неосуществленными проектами. В то время я прочитал статью о конструкторе Левкове. Он проектировал катера с воздушным наддувом под корпус. Их развитием стали современные суда на воздушной подушке.

Случайно увидев такое, я решил, что, возможно, оно является разработкой Левкова. Судно я по памяти нарисовал у себя дома и рисунок выслал Егеру. Тогда я еще не видел, чтобы из такого десантного судна могли выходить танки, но предположил подобную возможность.

— В «Маринер рундшау», где опубликован ваш рисунок, даются некоторые характеристики судна — длина, высота, вооружение. Что вы можете объяснить в связи с этим?

— Вполне возможно, что указанные в заметке данные были написаны мной в письме, просто я этого не помню. Также хочу отметить, что, без указания мной размеров, они могли быть определены по самому рисунку. В основу измерения можно положить длину танка... А зенитная пушка и так хорошо видна на рисунке.

— В связи с чем Егер предложил написать о вас английскому авиаспециалисту Пэссингэму и какую цель при этом преследовал?

— Имя английского авиационного специалиста Пэссингэма мне знакомо. Егер предложил роль посредника в нашем обмене, что было бы для него очень выгодно».

Очень выгодно... Такой фразой заканчивалось письмо, найденное в гостинице. Совпадение? Верещагин отодвинул плотно сброшюрованный том на край стола. В нем были подшиты показания свидетелей, проходивших по делу Иванова. Среди них и отыскался Гена. Он,

кстати, и познакомил своего друга с Рене Егером.

Сошлось все: имя, почерк. Тут, правда, еще предстояло поработать экспертам. Подпись под протоколом — размашистая, острая, а строчки письма — сугубо аккуратные, с округлыми буквами. Впрочем, так обычно бывает, когда пишут не на родном языке. Или переписывают кем-то составленный текст. Но это уже детали, они выяснятся потом, постепенно проступят, как на снимке в кювете с проявителем.

Верещагин усмехнулся — снимок, проявитель... Капительно въелось в него это дело, где фотографии были главными вещественными доказательствами — целое море разноформатных отпечатков. А точнее — четырнадцать мешков, от которых в просторном кабинете было не пройти.

...Большой противолодочный корабль в море. Острый форштевень разбрасывает усы пены, тяжесть массивных надстроек не давит, все здесь — мощь и сила. Стремительный силуэт красивой архитектуры. Распластанные крылья чаек на фоне высокого борта...

Верещагин отвел глаза от фотографии. Сначала она была приколота к стенке шкафа, обращенной к окну, и успела выгореть на солнце, потом Верещагин поставил ее на сейф — расставаться с ней не хотелось. Память о прежнем деле, а каждое из них — кусок жизни следователя... Сама жизнь.

И вот от фотографии противолодочного корабля перекинулся мостик в сегодняшний день. Рецедив старой болезни. Когда такое случалось, Верещагин долго не находил себе покоя. Еще одно подтверждение мысли: никогда не говори, будто сделал все, что смог. Если подумать, всегда найдется то, чего не успел или не сумел сделать.

Хотя в данном случае винить себя Верещагину было не в чем. Взять того же Геннадия: говорили с ним, на живом примере показывали, к чему может привести его опасное хобби, — не спичечные этикетки коллекционировал. Было вынесено официальное предостережение с уведомлением о нем прокурора. Не внял.

Ну, что же...

Теперь, когда автор письма известен, оставалось выяснить, кто такой Даниэл и какие материалы он успел получить от любезного друга Гены. (Снова вспомнилась цепочка Иванов — Егер — Мур. Их переписка. Обращение Мура к Егеру со слов: «Мой дорогой...», характер-

ное для инструкций западных спецслужб. Одно к одному.) Требовалось перекрыть канал утечки информации, что беспокоило Верещагина особенно. Первым постановлением по новому делу будет арест на корреспонденцию...

А пока... Письмо было обнаружено в итальянском журнале. Верещагин задумался. Упоминание об этой стране тоже встречалось в материалах следствия. Да, вот, в протоколе допроса самого Егера.

«Что касается Италии, то в период, который, очевидно, имеется в виду, я на самом деле поддерживал контакт с неким Л. Аккорси, мэром города Аньяно. Он известный во всем мире коллекционер исторических фотографий. Для Геннадия он мне прислал несколько моделей самолетов и миниатюрных танков итальянского производства... Этот старый господин приблизительно три года назад умер».

Не то. Ну да ладно. Опять придется листать зарубежные издания, наводить бесчисленные справки: такая работа.

Верещагин поднялся из-за стола, подошел к окну. Вечерело. Небо в прямоугольнике окна, выцветшее за знойное в этом году лето, снова уходило в голубизну. Сейчас он выберется на шумный Литейный, поедет домой, как тысячи других горожан, завершивших свой рабочий день. Однако и повернув ключ в дверце сейфа, не перестанет думать о начатом следствии. О Геннадии и Даниэле, о коллекционерах и о том, что в этом деле должно объявиться еще одно действующее лицо. И вернее всего, ниточка опять потянется за границу.

6

На площадке первого этажа Петров задержался. Крышка почтового ящика сквозила черными дырками: писем не было. Не подарок, конечно, кататься теперь за ними на другой конец города, но так лучше. Береженого, говорят, бог бережет. Вон Женя Иванов даже сына окрестил на всякий случай.

А сам не уберегся... Да. Думать об этом не хотелось, и Петров постучал костяшками пальцев по дереву. В колодце лестничной клетки стояла глубокая тишина. В ней дробно отдались его шаги. Длинно проскрипела тугая пружина, дверь хлопнула, едва не поддав сзади. Деловой человек вышел на орбиту выходного дня.

На улице свежий ветер разметал по тротуару холодную пыль. Пусто — в субботнее утро самый сон. Только несколько «шизиков» трусцой бежали от инфаркта. Похожая на лисицу собака из соседнего подъезда задрала лапку у телефонной будки. У всех свои проблемы.

Петров огладил карман куртки, где, завернутые в плотную бумагу, лежали триста марок мелкими купюрами. Перспектива держать валюту дома его не устраивала. В другом кармане был пакет с фотографиями, отпечатанными с негатива, полученного от Саввича. Дел на сегодня предстояло много.

Желтый трамвай с двузначным номером, погромыхая, подкатил к остановке. Нырнуть в метро — доехал бы быстрее, но отчего-то не хотелось забираться под землю в такое утро, тихое, светлое. Петров вскочил в вагон, оторвал билет, проверил номер.

Билет оказался счастливым. Настроение поднялось. Удача улыбалась сквозь пыльное стекло скупым осенним солнцем. С Тучкова моста открывалась Нева: жемчужно-серая, в гранитных берегах. Петропавловская крепость врзалась в рассвет золотым шпилем.

Петров любил похвалиться городом, как редким снимком из своей коллекции, перед гостями. Особенно много их бывало летом. Некоторые приезжали специально к Дню Военно-Морского Флота фотографировать на Неве боевые корабли. На Неве многое можно увидеть, если знать, куда смотреть. И откуда. Помнится, сильно удивился Рене Егер, подбирая русские слова, когда Петров показал ему с такого места корабль...

Раскатившись на повороте, трамвай выбежал на проспект Карла Маркса. Здесь, между кафе «Ровесник» и церквушкой, зажатой среди домов, был прежде садик, известный всем коллекционерам. Возле скамеек, где — рядами — планшеты со значками, кляссеры, монеты и медали, топтались кучками филателисты, нумизматы и темные людишки, готовые что угодно продать и обменять, лишь бы с наваром. Иванов называл их «маклаками», сильно не любил. Тут Петров, кстати, и познакомился с Ивановым, привык к здешней атмосфере, был как рыба в воде. Но в те времена его могли еще бесцеремонно дернуть за рукав: «Парень, что у тебя?»

В общество коллекционеров на проспекте Римского-Корсакова Петров приходил уже мэтром. Был председателем секции масштабных моделей, получал грамоты за участие на выставках, о нем прошел сюжет по телеви-

дению. Хорошее было время, если честно признаться...

Осталось позади, уплыло, как в трамвайном окне — тусклый купол церквушки, за оградой которой, рассказывали, зарыт прах Артемия Волинского, за что-то казненного в царство Анны Иоанновны. Тысячу раз проходил мимо, все хотел посмотреть, да так и не собрался.

Пыльный купол пропал за домами. И — на мгновение — шальная мысль толчком, словно кто-то по плечу хлопнул, — выйти на следующей остановке, вернуться назад, не спеша прогуляться по осеннему городу. Может быть, не случайно выпал ему счастливый билетик, может быть... Но в карманах куртки два пакета — осязаемо плотных.

Нечего рыпаться. Петров откинулся на спинку креслица, устался в затылок впередисидящего и больше не глядел по сторонам.

Дверь открыл сам Козырев с помятым после сна лицом. Раньше он был техником вертолета, теперь работал машинистом в метро. Но моделизм не оставил. И, надеялся Петров, не оставит. Пока Саша мастерит свои самолетики, а их набралось уже сотни полторы, без консультаций Петрова ему не обойтись — модельщика по специальности и профессора в авиации. Он — мастер, Козырев — подмастерье.

— Чего лыбишься-то? — спросил Козырев, пожав протянутую руку.

— Да вот, думаю, что помру не от скромности, — стерев улыбку с лица, сказал Петров правду. — Дело есть.

— На миллион? — постарался подстроиться Козырев под настроение приятеля. — Тогда проходи, семья растет, а денег не хватает.

— На миллион — нет, — сменил тон Петров. — Всего на триста марок. Пусть у тебя полежат, ладно, Саша?

— Откуда они у тебя? От этого?..

Петров заторопился, Козырев не отказался сразу, это главное:

— Светлана Александровна передала, после смерти мужа остались. Он тоже коллекционером был, ну, из Таллина, ты должен знать. Попросила кое-что купить в «Березке». А я не могу... пока.

— А почему у себя не хочешь держать?

Почему? Вопрос был как удар в поддых. Почему? Петров мог бы на него ответить... Как и на тот — зачем он оставил Саввичу для переписки чужой адрес. Офлажкованный вопросами и вдруг явственно ощутивший тре-

вогу, он молчал. Из плохо завернутого крана на кухне бежала вода прерывистой струйкой.

Пауза затягивалась. Козырев первым прервал молчание:

— Тебе, кстати, бандероль пришла. Вот.

Петров разорвал обертку. От Саввича пришло десять снимков, не особенно редких. Александр, в всяком случае, посмотрел их равнодушно. Но еще оставались на руках козыри: выкраденные из отчетов фотографии МБР-2. Петров захватил их не случайно. Над моделью этого самолета как раз и работал сейчас Саня.

Вытащил из кармана, протянул скрепя сердце. По тому, как плеснул азарт в глазах у Козырева, нетерпеливо дрогнул уголок рта, понял: клюнуло. Теперь разговор получится...

В ближайшее отделение связи Петров поспел вприценку. Последним проскочил в дверь перед обеденным перерывом. Блондинка в окошечке заказной корреспонденции нетерпеливо постучала по стеклу наманикюренными ноготками.

«Ничего куколка», — подумал Петров, протягивая конверт с красно-синей полосой через угол. В нем были только фотографии — Су-15 и сверху несколько исторических самолетов для маскировки. Так, вперемешку, советовал отправлять снимки еще Егер, а он был опытный человек. Хорошо бы, конечно, сопроводить их письмом, но Преображенский отбывал срок наказания, а самостоятельно составить текст на английском языке Петров не смог. Жалко было Димку — светлая голова, хоть и коллекционер липовый — и спалился на пустяке: задрался в баре с официантом. Но красиво жить не запретишь.

На фарфоровом личике почтарки обозначились удивление и любопытство, когда пробежала адрес на конверте: «Италия, Флоренция...»

«Так-то, милая, — ухмыльнулся Петров. — Знай наших!» К перерыву он подгадал специально, чтобы у оператора было меньше охоты валандаться с письмом, проверять содержимое...

Даниэл Риги останется доволен. И, надеялся Петров, не будет жмотничать при расчете.

7

Максим прилепился к проволочной сетке, кольцом охватившей ровную площадку: красная курточка выделялась ярким пятном. Верещагин с женой стояли

чуть поодаль. В Приморский парк Победы завела их осень — грех было сидеть дома в такой день, на кордодром привлек треск моторчиков, слышный издалека. В промытом ночным дождем воздухе плыли запахи эфира и бензина, будоража нервы ожиданием.

Творцы зрелища суетились за ячеистой оградой. Испытывались кордовые модели. На черном асфальте подрагивал крылышками под несильным ветром маленький истребитель. Верещагин узнал характерный силуэт «Аэрокобры». Поднаторел все же, просматривая авиационные журналы. После расскажет сыну об этом самолете.

А спортсмен уже разматывал корд, уходя к центру площадки. Стальные паутинки взблескивали на солнце. Помощник, удерживая модель, крутнул пропеллер. Мотор принял обороты.

Подходили еще люди — взрослые и дети. Какой-то мальчуган пытался даже вскарабкаться по сетке. Максим забыл свое мороженое. Самолетик сделал первый круг.

Раз за разом — все выше и выше. Выше ограды, выше деревьев, сужая кольца и как будто набирая скорость. Хозяин модели (и пилот, и конструктор — все вместе) медленно кружился вслед за ней с отрешенным и счастливым лицом. И было непонятно, как не закружится у парня голова, и временами казалось, будто не он направляет полет, а рвущаяся с корда модель задает темп его безостановочному вращению на крохотном пяточке...

Следствие, стронувшись с мертвой точки, когда Верещагин вышел на Петрова, подвигалось вперед. Этому помогали уже многие люди и организации, включенные в орбиту кропотливой работы: таможенники, эксперты, военные, специалисты в области авиации. Письмо, с которого все началось, грозило кануть среди других документов, как камешек, вызвавший лавину.

Главное таможенное управление
Ленинградская таможня
О задержании международного почтового отправления
Петрова Г. Ф.

В соответствии со статьей 37 Всемирной почтовой конвенции было вскрыто в служебном порядке и предъявлено для таможенного досмотра письмо от Петрова Г. Ф. в адрес Даниэла Риги. Обнаружены и представляются фотоснимки боевого самолета на аэродроме...

Верещагин вложил фотографии в конверт. Истребитель был схвачен объективом возле укрытия, маскировочная сеть откинута... После того как щелкнул затвор аппарата, самолет, наверное, сразу был выкачен на бетонку взлетно-посадочной полосы. Кто нажал кнопку спуска — вопрос... Как попал снимок к Петрову — вопрос.

Но уже были в деле и ответы.

Не сегодня-завтра Верещагин ждал заключение экспертизы Генштаба. Сам он за это время пролистал сотни мелованных страниц авиационных зарубежных изданий последних лет. В подписях под снимками довольно часто мелькала строчка: «Архив Пессингэма», того англичанина, с которым в свое время Егер предлагал Петрову наладить обмен. В псевдоисторических книжонках Прайса и Хендерста, изданных в США, встретились фотографии самого Петрова.

Но нигде — сколько ни искал — не удалось обнаружить Верещагину следов коллекционных материалов итальянца Даниэла Риги, как и узнать о нем что-либо вообще. Создавалось впечатление, что человек с такой фамилией не живет по указанному адресу. Однако переписка велась, и велась активно. Задержанное таможенной письмо оказалось не единственным. Другое было уже от Риги к Петрову. Даниэл просил фотографии — опять фотографии! — ракет и самолетов, в том числе новейшего истребителя, проявляя хорошую осведомленность. И это послание — снова совпадение! — опять начиналось словами: «Дорогой друг...»

Такие результаты были получены следствием к понедельнику, когда в поле зрения Верещагина попал Карл Ф. Гест. Сначала Сергей Иванович равнодушно пробежал глазами по этой фамилии. Но через секунду напрягся — несколькими строчками ниже была напечатана другая, знакомая — Г. Ф. Петров.

Верещагин прочитал абзац сначала. Авторы сборника выражали особую благодарность ленинградцу Петрову, без помощи которого, так выходило, невозможно было бы составить эту книгу.

Одним из авторов как раз и был Гест. Гест... За четыре года, пролетевшие после завершения дела Иванова, майор Верещагин встречался не с одним десятком и даже сотней разных людей, но сейчас не подвела, работала профессиональная память. Да, уже тогда эта фамилия упоминалась. Всего лишь раз-другой прошла

в протоколе допроса, да и то, скажем так, по касательной. Но этого оказалось достаточно.

«Достаточно — для чего?» — остановил себя Верещагин. Не следовало торопиться с выводами. Покуда ясно лишь одно: фотографии для сборника Петров предоставил не за просто так, и этот его контакт с заграницей имеет долгие корни.

Книга «Красные звезды в небе», под обложкой которой «встретились» Петров и Гест, была издана в одной из скандинавских стран. В ней предвзято освещались события советско-финляндской войны 1939—1940 годов, восхвалялись подвиги белофинских асов: Текст дублировался на английском, поэтому Верещагин мог судить о содержании. Но основу сборника составляли фотографии советской авиационной техники того и более позднего времени. Скорее, это был фотоальманах, чем книга. На обложке — цифра «1». Следовательно, есть продолжение...

Возникал целый ряд вопросов. Петров, насколько было Верещагину известно, переписки со Скандинавией не вел. В таком случае, как передавал фотографии? Личные встречи? Если так, то они были заранее обусловлены, а это уже элемент конспирации. И — главный вопрос — только ли историей советской авиации интересовался Гест? Примеры с Егером и Риги позволяли в этом усомниться. А вот то, что Петров с готовностью предоставит материалы по современным боевым самолетам, сомнения как раз не вызвало.

Телефон под рукой звякнул короткой трелью. Верещагин быстро поднял трубку. Приглашал начальник отдела.

— Пришел ответ Генштаба на наш запрос, — сказал Василий Николаевич, протягивая заключение экспертизы.

— «Фотоснимки, на которых представлен самолет Су-15 с подвешенными авиационными ракетами в состоянии боевого дежурства, содержат секретные сведения и составляют военную тайну, — прочитал Верещагин вслух. — К публикации запрещены и вывозу из СССР не подлежат, поскольку это может нанести ущерб Вооруженным Силам СССР».

— Что мы и предполагали, — кивнул головой начальник. — Да, вот еще, посмотри... Здесь указывается, на каком аэродроме были сделаны фотографии. Кто-то сумел обойти запрет на съемки.

Верещагин просмотрел бумагу, присвистнул:

— Далеко же забрались наши коллекционеры... Кстати, деталь, Василий Николаевич... Съемка производилась на широкую пленку, профессиональным, как наши специалисты утверждают, аппаратом. «Киев-88» — здоровая коробка, подолой не спрячешь.

— Да, это не «Минокс», — согласился Василий Николаевич. — Объектив какой был?

— Нет, не «телевик», обычный штатный объектив, — ответил Верещагин и, угадав мысль полковника, добавил: — Да, с близкого расстояния фотографировали.

— И кто-то это видел, наблюдал и не остановил. Почему, Сергей Иванович?

— Может быть, военный корреспондент?

— Проверить не мешает, но едва ли... Точки съемки, по-моему, не самые выигрышные. Профессионал бы поддал машину лучше. Нет, — сказал полковник, — снимал любитель. Кто-то снимал, кто-то не остановил, кто-то кому-то передал — а в результате? Едва не ушли за рубеж военные секреты. Что это — умысел? Беспечность?

— Да, некоторые так и думают — раз самолет летает, раз его можно увидеть, значит, уже никакой тайны он не представляет.

— Мнение дилетанта.

— Или знатока, — возразил Верещагин, — который считает себя в этой области самым грамотным.

— В коллекционеров метишь, Сергей Иванович? Да, знаю я их рассуждения: эта машина «закрытая», а та, мол, «не очень закрытая». Подбрасывают нам работенку. Что, кстати, еще по этому делу прояснилось?

Верещагин коротко доложил о «Красных звездах в небе».

Полковник снял очки, потер переносицу.

— Интересная ситуация. Гест, Гест... Говоришь, он часто бывает в Ленинграде? Хорошо бы с ним встретиться, когда пожалует в следующий раз. Так?

Против этого возразить было нечего. Верещагин молча наклонил голову.

8

В очках Карла отражались огоньки люстры. Он поднял высокий бокал с толстым дном:

— Я приветствую друга Гену. Мы будем отмечать сегодня нашу встречу.

Кубики льда звякнули о стеклянные стенки стаканов. Петров сделал длинный глоток. Горьковатый запах до-

рогого одеколона и трубочного табака, негромкий разноречивый говор доносились словно из другого мира. Этот мир открыла ему авиация.

— Джин и тоник — хороший напиток, — сказал Гест, — когда они в одном бокале. Давай мы выпьем за нашу дружбу, которая дополняет наши деловые отношения.

Отхлебнув, добавил:

— Я думаю, ты будешь доволен своей покупкой. Слушая музыку, ты вспомнишь Карла.

Петров кивнул, искоса глянул на магнитолау в фирменной упаковке. «Симменс», модель «Клаб-722», — дорогая игрушка, заметно убавившая его валютный запас, лежала в соседнем кресле. Гест перехватил взгляд — умел читать мысли:

— О, я понимаю, ты беспокоишься. Вино, веселый разговор, а тут дорогая вещь... Гена, ты серьезный человек. Сейчас я поднимусь в свой номер, там она будет в порядке. После этого мы подумаем, где еще выпить джина. Здесь, — быстро огляделся, — совсем нет уюта и есть много людей. Правильно?

Не дожидаясь ответа, быстро поднялся и, подхватив коробку, пошел мимо столиков, за которыми, кстати, сидело всего несколько человек. А насчет уюта — тут Карл прав. Валютный бар на втором этаже гостиницы «Прибалтийская», куда они поднялись, сделав покупки на первом, в «Березке», был, по сути, продолжением холла. Но стойка радовала глаз. Разноцветно переливались подсвеченные бутылки.

Петров высыпал на ладонь соленые орешки, допил джин с тоником. Не мешало бы повторить, но — обидная заковыка — сам он ничего не мог купить здесь на свои марки. Все деньги были в бумажнике Геста: доля гонорара Петрова за книгу «Красные звезды в небе».

Так они условились с самого начала... Вспомнилась оторопь первого знакомства, когда Карл свалился ему на голову со всем своим семейством и друзьями в придачу, и доверительный, за хозяйственными хлопотами, разговор на кухне, и лестные слова, и выгодное предложение... Тогдашние планы счастливо исполнились. Гест привез уже третий том издания, даже ксерокопии которого идут в Союзе по полтиннику. Петров получил за это время четыре с половиной тысячи марок (вещами, авиационными журналами, разной мелочью). Теперь, если Риги уломает фирму «Эски», он, Петров, уже

окончательно станет коллекционером а европейским именем.

Живи и радуйся. Одно беспокоило, червяком точило нервы, что все это — как бутылка под полой на школьном вечере, тайно, в обход правил. Пытался было утешиться мыслью: возможно, правила не те? Брошюрки издательства «Посев», которые привозил Гест, говорили об этом прямо. Но верить потаскушкам, их писавшим, — себя не уважать. Они были вроде маклаков, тершихся среди коллекционеров с картинками из грязных журнальчиков, поскольку ничего другого на руках не имели, — гнать таких пинками...

Книжонки эти, скорее, умножали тревогу, и зря, пожалуй, давал их читать другим... Плюс ко всему прибавились и необъяснимые странности в поведении Карла, особенно в последнее время. В свой предыдущий приезд вовсе удивил — попросился ночевать. В гостинице, мол, не сумел устроиться... Уж соврал бы что-нибудь другое — на улице холодно, выпил много... Тогда действительно поздно засиделись. Петров рассказывал о новом самолете, которому еще только предстояло появиться в Бурже. Гест сильно интересовался подробностями: какие грузоподъемность, и скорость, и потолок «Руслана». А потом Лена постелила ему в комнате, где были материалы, альбомы фотографий, подробная картотека по конструкторским бюро.

Петров гнал сомнения прочь. Зачем бы Гесту искать приключений? Со всеми разделами его коллекции Карл и раньше был знаком. Но раньше он не интересовался современными боевыми самолетами. Внешне, во всяком случае. А вчера...

Вчера был день в середине недели, условленный для встреч, и Петров с раннего вечера ждал у телефона. Гест часто приезжал в Ленинград по делам фирмы, где работал начальником отдела, о своем появлении предупреждал звонком. И в этот раз все было как обычно.

За телефонным звонком — через полчаса — звонок в дверь. Гест переступил порог с любезной улыбкой, нарядный, в левой руке, обтянутой лайковой перчаткой, неизменный «дипломат», правой обнял за плечи «дорогого друга Гену». В портфеле оказались комплект журналов «Эйр интернейшнл», упаковка лезвий «Жиллет» (заказы Петрова), традиционная бутылка с пестрой этикеткой и брошюра «Советская военная угроза».

— Здесь есть много фотографий, — сказал Гест. — Тебе будет интересно.

Петрову было интересно. Вечер покатился, как состав по накатанным рельсам, от рюмки — к рюмке, от вопроса — к вопросу.

— Гена, ты все знаешь,— наклонив голову, произнес Карл, разливая вино,— и тебе не будет трудно сказать... Я имел с друзьями маленький спор. Они говорят: истребитель Су-15 — нет пушки. Я говорю обратное. Кто есть прав?

Для дорогого дружка — и сережку из ушка... На отпечатках с негативов Саввича Су-15 изображен во всей красе. Достать снимки было делом нескольких минут. Такие же Петров отослал Даниэлу...

Карл принял фотографии бережно, словно полную рюмку, которую боялся расплескать.

— Очень хорошо. Но я вижу под крыльями ракеты...

Петров объяснил что к чему. И только теперь, утлая в глубоком и мягком кресле бара, подумал: а зачем все это знать друзьям Геста?

Сидеть дураком над пустым стаканом было нелепо. Карл не торопился. Петров встал из-за низкого столика, пошел навстречу музыке, доносившейся из открытых дверей ресторана все на том же втором этаже. Здесь их было много — и этажей, и ресторанов — «Ленинград», «Петродворец», «Пушкин»... Гостиница напоминала город, раскинувшийся не вширь, но ввысь. Даже фонтан имелся. Фигурка обнаженной девушки из белого камня смотрелась в зеркало стоячей воды, где искрились блики десятков светильников. Возле фотографировались туристы.

Сделалось обидно за нее — бессловесную, а может быть, пожалел себя... Кто-то положил руку на плечо. Обернулся — Гест.

— Теперь ничто не мешает,— сказал он, промокая платком высокий, с залысинами, лоб. — Куда пойдем? Экспресс-бар, «Панорама» или русский бар? Сегодня ты мой гость.

— Все равно.

Карл кивнул, подхватил под руку, повел к лифту. С мелодичным звуком разошлись створки дверей. Гест легонько коснулся пальцами клавиши пятнадцатого этажа:

— Там ближе к небу. Мы поднимаем первый тост за авиацию.

За стеклянной стеной бара гасли огни города. С каждой опрокинутой рюмкой их становилось меньше — в окнах домов выключали свет, и под конец лишь пунк-

тиры уличных фонарей остались в тени осенней ночи. И Карл напротив — свеженький, будто не пил наравне, с поблескивающими в стеклах очков огоньками.

...Петров с трудом поднял тяжелые веки. Потолок качнулся.

На душе муторно. Вчерашняя ночь или сегодняшнее утро — разошлись с Карлом в четвертом часу — помнились нетвердо. Застряла в голове последняя фраза Геста:

— Пойдем, Гена, ты хорош... И мне не нравится парень за тем столиком. Он слишком долго пьет свой кофе...

Жена ворчала, но на это Петров привык не обращать внимания. Ладно еще на работу не нужно. Голова болела не только от выпитого. Приняв душ, он сразу взялся за магнитоу, распаковал, снял панель. Отверточка подрагивала, не сразу попал в шлицы винтов, а перед глазами стоял улыбающийся Гест. Никогда не снимавший пиджака в квартире Петрова. Не выпускавший из рук черный «дипломат». Даже переходя из комнаты в комнату, он прихватывал его с собой. Что было там, внутри, за наборными замками в отделении со всегда задвинутой «молнией»?

Петров перевел дух: ничего постороннего в магнитоле не обнаружил. Чуток отлегло от сердца. На смятой салфетке отыскал телефон гостиничного номера Геста. Семь раз крутнул диск, ждал ответа, сжимая трубку вспотевшей ладонью.

Ответа не было. Успел, значит, собраться. Быстро...

Следующая встреча через три недели, в среду. К этому времени Гест посоветовал Петрову оформить допуск к закрытым материалам.

Длинные гудки отдавались в висках. Перед глазами мерцали разноцветные круги, точно кто-то издали сигнализировал флотской азбукой флажного семафора: «Ваш курс ведет к опасности».

9

За рябым от дождя ветровым стеклом тлел огонек сигареты. Оперативная машина ждала майора Верещагина на стоянке у подъезда: группа в полной боевой... Открыл дверцу, сел рядом с водителем.

— Здравствуй, Коля. В Гавань...

Тот кивнул, включая зажигание. Адрес был известен. Серая «Волга» вывернула на Литейный, заняла

свое место в вечернем потоке спешащих машин. Щетки стеклоочистителей со скрипом разгоняли водяную морось. Огни светофоров плыли в радужном ореоле.

На перекрестке встали. Николай, молодой парень, недавно отслуживший в армии, покосился на Верещагина:

— Не успел... Надо было проскочить под желтый, да?

— Ничего, идем с запасом.

В отдел пришло сообщение, что Карл Фредерик Гест запросил визу на въезд, в Союзе пробудет три дня. Значит, подумал Верещагин, он не будет оттягивать встречу с Петровым, и, вернее всего, состоится она сегодня же вечером. И, пусть без приглашения, было очень заманчиво принять в ней участие. На месте познакомиться с действующими лицами этого дела.

Прокурор санкционировал обыск в квартире коллекционера, и теперь, по прикидке Верещагина, можно было не торопиться. Пусть там, куда они едут, все идет своим чередом до той минуты, пока интуиция и опыт не скажут: пора! Так искусный стрелок добивается момента совпадения мушки в прорези прицела и яблочка мишени, ощущая эту секунду холодком задержанного в груди дыхания.

Единство места, времени и действия — правило и классической трагедии, и меткого выстрела... Да и вообще, подумал Верещагин, не это ли главное в любой работе: в нужный час сделать то, что требуется?

Зеленый свет открыл дорогу. Николай рванул с места сразу на второй скорости, и Верещагин отметил: спешит, тревожится водитель, все ему в новинку. И хорошо, если первоначальная острота останется с ним на все время работы в органах госбезопасности. Равнодушные здесь не задерживаются.

Парень словно угадал его мысли:

— Сергей Иванович, а вы сейчас как — волнуетесь?

— Не без этого, — честно признался Верещагин.

— И у меня мурашки по коже, как в Афганистане бывало, когда в «зеленку» въезжаешь. Там по сторонам дороги сплошная зелень, виноградники. У душманов для засад излюбленные места. Катишь себе, солнце, птички поют, а сам все время ждешь подвоха... Напряжение постоянное. Иной раз думаешь — скорей бы уж стрельба...

— А вот этого нам не нужно, — улыбнулся Верещагин и толкнул треугольник форточки. Влажный ветер о

Невы залетел в кабину вместе со скороговоркой дождя и шумом шин по мокрому асфальту...

Черная «Волга» с эмблемой «Интуриста» была при-
ткнута у бровки тротуара. Шофер дремал за баранкой. Верещагин постучал по стеклу и показал удостоверение.

— Новиков, — назвался водитель. — Михаил Григорьевич. От гостиницы «Астория».

— Давно здесь стоите?

— Часа два. Велено было подождать... Я что-то не так сделал?

— Нет, все нормально, — успокоил Верещагин. — Тот, с кем вы приехали, был один?

— Да. Хорошо говорит по-русски. И, видно, по этому адресу не впервые. Подсказал, как подъехать, где лучше встать.

— А скажите, Михаил Григорьевич, он с пустыми руками вышел или...

— «Дипломат» у него, черный. Замочек цифровой. По дороге журналы покупал, укладывал, так я обратил внимание.

— Какие журналы — не заметили?

— Заметил. «Авиация и космонавтика», несколько номеров. Еще, помню, удивился — странный какой-то иностранец. Другие открытки, сувениры берут в киосках, а этот...

— Ясно, спасибо, — перебил Верещагин. — Оставайтесь пока здесь, — добавил уже на ходу и посмотрел на циферблат «Электроники». Время пришло.

На тускло освещенной лестничной площадке стало темно, когда поднялась вся группа.

— Позаботишься о понятих, — сказал Верещагин лейтенанту Вотинцеву. Придавил кнопку звонка.

Мелодичная трель погасла за дверью. Потом раздались быстрые шаги. Щелкнул замок.

— Петров Геннадий Федорович? — спросил Верещагин и по тому, как дернулся уголок рта у открывавшего дверь, понял: Петров его узнал. У коллекционеров хорошая память. — Ознакомьтесь с постановлением, санкционированным прокурором...

Верещагин — остальные за ним — прошел в квартиру. Из магнитолы приглушенно звучала музыка, пахло свежесмолотым кофе. С дивана поднялся мужчина с дымящейся чашкой в дрогнувшей руке. Стекла очков блеснули, казалось, настороженно.

— Аккуратнее, не расплескайте, — посоветовал Верещагин, представляясь. — К вам у нас тоже будет несколько вопросов. Переводчик потребуется?

— Языком владею. — Карл Гест поставил чашку на журнальный столик, поправил галстук, застегнул жилет. — Говорю и читаю по-русски свободно.

— А пишете с ошибками...

Гест обернулся на голос. Верещагин незаметно показал лейтенанту кулак, но остановить его было невозможно. Стоя у полки с раскрытой на первой странице книгой, уже знакомой Сергею Ивановичу, «Красные звезды в небе», прочитал с расстановкой и видимым удовольствием:

— «Дорогому другу Гену...» Имя не в том падеже. Нужно...

— Простите несдержанность моего коллеги, — перебил Верещагин. — По дороге у него будет время принести свои извинения. Но раз уже коснулись... Подумайте, что вы сможете пояснить нам об этой книге и об этой надписи.

— Мы куда-то едем? — поднял плечи, словно пожегился, Гест.

Вспыхнул блиц фотоаппарата — раз, другой. Таким он и останется на фотографии в деле.

— Да, — ответил Верещагин. — Вы едете. А я задержусь. Поговорим немного позже.

— Но меня ждет машина. Там чемодан, вещи...

— С вашего разрешения мы их тоже осмотрим. И «дипломат».

— Я друг Советского Союза!

— Очень хорошо, — невозмутимо сказал Верещагин. — Значит, своими показаниями поможете следствию. Шифр замка назовите, пожалуйста...

— Там записи по делам нашей фирмы.

— Надеюсь, в них нет секрета. Ведь фирма, которую вы представляете, торгует с нами. Разве нет?

Гест откинул крышку кейса, церемонно наклонил голову и направился в прихожую, ровно держа спину, обтянутую хорошо сшитым пиджаком. Петров без слов поглядел вслед. И ему пора было собираться.

Сотрудники, приехавшие с Верещагиным, приступили к осмотру.

Тайник обнаружили на антресоли.

— Размер ниши десять на тридцать на полтора сантиметра, — деловито продиктовал лейтенант Вотинцев. — В ней находились... Так, четыре цветных слайда порно-

графического содержания, восемнадцать снимков боевых самолетов, отрезок отснятой пленки длиной...

— Дай-ка взгляну...

— Вот, Сергей Иванович.

Верещагин принял тугой рулончик, расправил на свет, удерживая кончиками пальцев. Самолеты: пара истребителей над морем. На других негативах — технологические чертежи последних модификаций «мигов». Придется поработать, покуда не выяснится, как попали в тайник чертежи, проследить путь каждой фотографии из тех, что спрятаны за обложками книг, определить источники секретных сведений, составивших картотеку — одиннадцать ящиков.

Долго и трудно... Впереди экспертизы, очные ставки, допросы свидетелей. Кропотливая и настойчивая работа. Но уже сейчас, просматривая пленки, Верещагин мог угадать финальные кадры этого дела...

Скрипнула, разматываясь, лента рулетки в руках лейтенанта Вотинцева, сверкнула сталью в свете ярких ламп.

— ...длиной тридцать сантиметров.

А Верещагину вспомнилось: погожий осенний день, кордодром в затишье от ветра, звенящая модель — кругами в небе. Тогда никто не уловил момента, сломавшего полет. Очень быстро все свершилось: отрывистый металлический треск, и самолетик закувыркался, вмазался в проволочное ограждение. Ахнула, отхлынув, толпа. Человек в центре круга сжимал рукоятку управления. Оборванными паутинками взблескивали стальные нити, не выдержавшие напряжения.

«Предел есть у всего, — подумал Верещагин. — Даже у металла».

10

За окном было бело от косо летящего снега.

— Сергей Иванович, а на Неве — корабли.

— И что? — оторвался Верещагин от бумаг.

— Да так, к слову пришлось, — объяснил Вотинцев, взглянувший в кабинет на минутку. — Фотографию вот увидел на сейфе...

— Ясно, — кивнул головой Верещагин. — К параду готовятся.

— И с делом тоже полная ясность, — сказал Вотинцев. — Хорошо. Праздник можно спокойно встречать. Правда?

Верещагин молча пожал плечами. Вот оно — перед

ним на столе — дело Петрова. Протоколы допросов, показания свидетелей, заключения экспертизы. Сброшюрованы в аккуратные тома. Фотографии и негативы в плотных конвертах. Счета на оплату переводчикам (Даниэл Риги продолжал слать письма из Италии) — на месте. Все документы в порядке. Сдать и забыть?

Не так-то просто. За ровными машинописными строчками многое вставало в памяти. С момента, когда Верещагин впервые встретился с Петровым, объяснявшим, как появился на страницах «Маринер рундшау» рисунок десантного судна, тот успел немало. Помимо сбора секретных сведений о советских ВВС нарушал правила о валютных операциях, распространял среди знакомых клеветнические книжонки о советском строе, полученные от Геста. Передал, как сформулировано это в обвинительном заключении, представителю иностранной организации данные о самолете Су-15.

Далеко завело увлечение, в основе своей имевшее как будто цель благородную, страсть чистую — любовь к авиации, стремление в моделях повторить прославленные самолеты — оружие Победы. Так начиналось... А завершилось торговлей секретами, изданной за рубежом книгой, на обложке которой размалеванный под акулу истребитель служит наглядной иллюстрацией тезиса буржуазной пропаганды об «агрессивной природе» русских. Вот тебе и «Красные звезды в небе»...

Явственно, как в дождливый вечер обыска, Верещагину припомнился самолетик, потерявший управление на кордодроме. Где, когда, в какой момент случилось подобное с Петровым, почему, хорошо зная о секретном характере снимков, отправлял их за границу?

На первом допросе Петров уверенно отвечал: «При случайных обстоятельствах...» Случайно очутились в конверте фотографии боевого самолета, приклеившись якобы к другим, историческим, случайно и сам Петров оказался на аэродроме с Саввичем, от случайных людей попадали в коллекцию снимки новейшей техники.

Когда случайностей так много, они становятся закономерностью. Доказательства этому были получены в ходе следствия. Пополняя собрание снимков и сведений об авиации, Петров не был тем бескорыстным чудаком, какими иногда представляют коллекционеров. Руководили расчет, желание получать больше, чем давать. Увеличивалась коллекция, рос авторитет среди тех, для кого свет в окне — количество редких фотографий, «предметников», и вместе с тем росло самомнение. Не случайно

Петров вышел из общества коллекционеров, где все же существовали определенные рамки, стал «вольным стрелком», сам для себя определяя границы дозволенного. А точнее, преступив их. Не случайно переадресовал свою почту на чужой адрес, оборудовал тайник, комбинировал валютой.

Закономерным оказался и финал. Верещагин перелистал страницы, нашел протокол последнего допроса: «Я сейчас вообще проклинаю себя за то, что отправил Риги такого рода снимки. Хотел выглядеть солидным коллекционером, хотя и понимал, что он может их использовать по своему усмотрению, в том числе и опубликовать где-либо... Ранее говорил, что мог отправить их случайно. Это, конечно, нелепое и смешное объяснение...»

«Нелепое и смешное,— повторил про себя Верещагин, захлопывая том. — А сколько сил и времени потребовалось...»

Лейтенант Вотинцев помалкивал, разглядывая фотографию большого противолодочного корабля. Он не знал ее истории — дело Петрова было первым, в котором он принимал участие.

— Значит, говоришь, полная ясность? — вернулся Верещагин к прерванному разговору.

— Ну, если не считать, что мы так ничего и не знаем об этом итальянце, о Риги,— замаялся Вотинцев. — И как ксерокопия письма Петрова оказалась в гостинице...

— С этим, напротив, все понятно. Ксерокопия была своеобразной визитной карточкой. С ней Риги кого-то направил к Петрову, но встреча не состоялась. А Даниэл Риги... Что ж, сам факт отсутствия о нем сведений — результат. А его интерес к новейшим образцам техники?

— Да, Сергей Иванович, тут добавить нечего. Пожалуй, маху дал Петров, когда думал через Риги выйти на фирму «Эски». Не история того интересовала. Не модельки.

— Кстати, о моделях... — Верещагин вышел из-за стола, достал из шкафа каталог «Тамия», наугад открыл страницу. — А ведь впечатляет? Что хорошо, то хорошо. Не зря гоняются коллекционеры за этими игрушками.

Вотинцев принял каталог, полистал, прищелкнул языком:

— Полиграфия классная...

— Не только полиграфия. Такие модельки в руки

приятно взять. И казалось бы, не велика проблема наладить их производство, но...

— Что-то подобное есть в продаже,— возразил Вотинцев.

— Именно — что-то... И это «что-то» конкуренции не выдерживает. Тот же Петров в свое время предлагал помощь в выпуске хороших моделей. Фабрике игрушек, другим организациям. Взаимопонимания не встретил. Пустячком посчитали. Но если столько людей увлекаются коллекционированием копий военной техники — это уже не мелочи.

— Лазейка для спекулянтов образуется...

— Не только для спекулянтов,— прошелся Верещагин по кабинету,— не только для них. Собиратель без новых поступлений себя обделенным чувствует. Пустые полки для него трагедия, да еще дух соперничества подзуживает... Вот и заполняет, случается, бреши в коллекциях продукция западных фирм. Броская, привлекательная. С соответствующей символикой... Это же парадокс — отец Иванова воевал под Ленинградом, а в шкафу у сына фашистская бронетанковая техника — как на параде. Невольно вопрос возникает: что такая коллекция пропагандирует?

— Да-а,— протянул Вотинцев. — Своего рода идеологическая диверсия получается, если с этой точки зрения посмотреть.

— А другой точки зрения у нас с тобой, лейтенант, быть не может. В борьбе идеологий нет нейтральной полосы...

Увлечшись, Верещагин припечатал каталог «Тамни» ладонью к столу и даже сам себе удивился: что это за всплеск эмоций такой? Видно, не проходят даром часы, когда нервы зажаты в кулак, а лицевые мускулы каменеют, выражая благожелательное внимание. Как было недавно, в люксовском номере «Прибалтийской», во время разговора с Гестом...

— О чем шумим, братцы? — На пороге, улыбаясь, стоял начальник отдела.

— Да вот,— нашелся Верещагин,— думаем с лейтенантом в общество коллекционеров записаться. Теоретическая подготовка имеется.

— Что ж, Сергей Иванович, у тебя ее на двоих хватит,— принял шутливый тон полковник. — Секцию организуем. Поделишься опытом с нашим молодым товарищем...

— По правде говоря, этим мы и занимались,— ска-

зал Верещагин. — Проблема серьезного внимания заслуживает. Второе дело такого рода по коллекционерам. Иванов, Петров...

— Надо же, как фамилии подобрались, — усмехнулся Василий Николаевич. — Прямо из серии «нарочно не придумаешь». А проблема... Есть и она. Тиражирование секретной техники, утечка военных тайн через коллекционеров... Когда я начинал работать, о таком повороте дела и помыслить было трудно. А вообще Сергей Иванович прав: повнимательнее нужно профилактической работой заниматься, наших военных товарищей нацелить... Чтобы к Иванову и Петрову еще и какой-нибудь Сидоров не прибавился.

— Подумаем, что можно сделать, — с готовностью отозвался Верещагин. — И чуть позднее вам доложу.

— Хорошо, — кивнул головой полковник, — берем на заметку. Да, а я ведь по этому делу и зашел. Ну-ка признавайся, Сергей Иванович, как вы с Гестом поговорили в гостинице, о чем ты его просил?

Верещагин, привыкший, в общем-то, и отвечать на неожиданные вопросы, и сам их задавать, на этот раз смешался. Поглядел на полковника, убедился, что тот не шутит. Собрался с мыслями:

— Последний раз мы встречались в гостинице, перед судом. Разговор был вежливый, человечный. Я сказал Гесту, что показания, данные им во время следствия, по ряду вопросов не соответствуют действительности. В ответ он раз десять признавался в дружбе к Советскому Союзу и ко мне. Вот, пожалуй, и все...

— Да нет, не все... — возразил Василий Николаевич. — Стало известно, что твой, Верещагин, «друг», вернувшись домой, заявил в соответствующие инстанции, будто в КГБ его ошельмовали. А еще пытались завербовать, чтобы работал на нас против своей страны.

— Так, значит...

— Да, так...

Полковник подошел к окну. За стеклом сгустились сумерки, падали тяжелые мокрые хлопья. Он долго стоял молча, невысокий, какой-то домашний в эту минуту.

— Когда идет снег, кажется, что везде тихо... — Потом резко обернулся: — А расслабляться нельзя. Ты прав, Сергей: нет для нас нейтральной полосы.

«Серая зона»

Еще 30 сентября 1950 года тогдашний президент США Трумэн утвердил директиву СНБ-68, которая легла в основу американской политики в отношении СССР на многие годы и продолжает в своих основных аспектах действовать по сей день. В ней признавалась необходимость резко увеличить военные приготовления США и их союзников и в то же время «сеять семена разрушения внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить политику...». А для этого «нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство Советам...».

Появление этой директивы свидетельствовало прежде всего о провале, неэффективности всех старых, уже испробованных средств и методов борьбы против нашей страны. На служебном жаргоне ЦРУ Советский Союз определялся как «твердая цель», и задача теперь состояла в том, чтобы размягчить этот твердый, неподдающийся орешек изнутри.

В «психологической войне», острине которой направлено против СССР, дозволялось все: «ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазивоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями».

У тех, кто ведет «психологическую войну», немалый опыт и огромные материальные ресурсы. Только на пропаганду за рубежом США тратят нынче около пяти миллиардов долларов. На эти деньги на полную мощность работает оснащенная самой современной техникой пропагандистская индустрия, в которой занято около 350 тысяч человек. У этой армии профессионалов свои штабы, центры и филиалы.

Проходят уже не годы, а десятилетия. Меняется обстановка в мире, но не затихает «психологическая война» против СССР. Лишь более изощренными становятся методы, обновляются терминология и идеологическое прикрытие для самых черных преступлений.

Недавно в лексиконе холодной войны появился новый термин «серая зона». Его автор — бывший госсекретарь США, небезызвестный Киссинджер. Что это значит? «Серая зона» — это прежде всего не географическое понятие. Она пролегает всюду и, по словам Киссинджера, определяет границы того, что можно и следует делать против «недружественной страны» до разрыва с ней отношений и начала открытой войны.

В «серой зоне», оказывается, можно многое — убирать неугодных людей, засылать шпионов и диверсантов, вести враждебную пропаганду — словом, делать все, что может нанести ущерб Советскому государству.

В этой «серой зоне» прорастают ядовитые семена сионизма, злобного врага социалистического строя, пользующегося самыми изощренными и коварными методами в «психологической войне» против Советской страны. В этой войне есть и жертвы и трофеи.

...Место оказалось не совсем удачным, хотя выбрано было оно заранее. Правда, и выбор был невелик. Припарковаться поближе к зданию консульства он просто не посмел. Даже теперь, миновав его и несколько соседних домов по улице Петра Лаврова, он не чувствовал себя спокойно. Хоть рядом стояли другие машины, он все время опасался, что к нему подойдут и спросят: «Почему здесь стоите? Кого ждете?» Зато у «засады» было одно столь нужное ему преимущество: ни одна из машин, отъехавших от подъезда консульства, миновать его не могла. Но наблюдать за подъездом было нелегко. Мешало и расстояние, и то, что подъезд находился позади.

Минуты ожидания тянулись невероятно долго. Он выходил из машины, пинал колеса, заглядывал в салон своего «Москвича», что-то перекаладывал в багажнике, и все это, не спуская глаз с консульского подъезда. А у подъезда, как обычно, маячила фигура постового милиционера, шли прохожие, у тротуара стояли консульские машины. Прошло полчаса томительного ожидания, а никто из консульства не выходил. Наконец вышла женщина. Он увидел ее сразу, а через минуту мимо не-

го промчалась светло-зеленая «тойота» с женщиной за рулем. Он растерялся — «женский вариант» не входил в его планы. Он ждал мужчину. И тот наконец через несколько минут вышел и сел в автомобиль. Как только голубой «шевроле» поравнялся с красным «Москвичом», его хозяин рванул вслед за машиной с дипломатическим номером.

«Шевроле» оказался проворнее и заметно ушел вперед. «Москвич» настиг его перед светофором на проспекте Чернышевского, и теперь уже шел за ним, не отрываясь. Дистанция, по которой двигался этот тандем, была довольно короткой. Машины вышли на кольцо привокзальной площади, и «шевроле» притормозил у подъезда гостиницы «Октябрьская», почти рядом встал «Москвич».

Человек, приехавший на «шевроле», скрылся в гостиничном подъезде, хозяин «Москвича» остался караулить его в своей машине. Ждать на этот раз пришлось недолго. Молодой человек в солнцезащитных очках не успел захлопнуть за собой дверку машины, как рядом оказался мужчина — хозяин «Москвича», просунул в окно пакет и вполголоса торопливо произнес: «Лично господину консулу...»

Все произошло неожиданно, стремительно — через минуту «Москвича» уже не было на стоянке. Человек за рулем «Москвича» не выбирал дороги, он стремился лишь к одному: уехать как можно дальше. Это бегство без погони вскоре кончилось. Он притормозил у обочины, наконец можно было передохнуть. Задуманное удалось.

Негромко, но требовательно зазуммерил телефон, майор снял трубку и услышал хорошо знакомый голос своего начальника:

— Поднимись, Игорь Петрович.

У себя в кабинете, куда тотчас же и пришел майор, его начальник был так же немногословен:

— В приемной человек — разберись... Доложи сегодня же...

Вопросов не последовало. Да, собственно, все было ясно; разобраться и доложить. А то, что это немного было сказано не по телефону, означало — майору следовало заняться поручением, оставив все остальные дела.

В приемной управления дежурный офицер представил майору человека, о котором шла речь в кабинете

полковника,— молодого парня в джинсовой современной униформе. Дежурный передал майору и почту, с которой пришел в приемную человек — письмо, адресованное генеральному консулу США в Ленинграде, и обычную канцелярскую синюю папку с белыми тесемками.

— Слушаю вас,— сказал майор, когда они расположились в одном из кабинетов приемной.

— Я все уже рассказал вашему офицеру...

— А теперь расскажите мне, что заставило вас обратиться к нам. И не торопитесь, пожалуйста, обо всем подробно.

Что же произошло?

В тот день он, шофер Управления по обслуживанию иностранных представительств в Ленинграде, явился, как обычно, на работу в американское консульство на улице Петра Лаврова. Первое поручение, которое он получил,— съездить в билетную кассу для иностранцев, расположенную в гостинице «Октябрьская». Он сел в «шевроле», на котором работал, и двинулся в путь. Теперь, после просьбы рассказать об этой поездке, ничего не пропуская, он вспомнил подробности, которым раньше не придавал значения. У светофора на проспекте Чернышевского буквально впритык к его машине осадил своего красного «Москвича» частник. Он вспомнил, что когда остановился у подъезда гостиницы «Октябрьская», то рядом с ним парковался вроде тот самый красный «Москвич». Дела в билетной кассе много времени не заняли, можно было возвращаться в консульство. Только он сел в машину и захлопнул дверцу, как в открытое окно кто-то протянул и опустил ему на руки папку: «Лично господину консулу!» Он не успел рассмотреть человека, так неожиданно передавшего ему почту для консула. А когда он вышел из машины, то рядом с ней никого не было. Правда, от подъезда гостиницы отъезжал красный «Москвич». Вот и все.

— Скорее всего, с кем-то перепутали,— сказал в заключение шофер.— Письмо я не вскрывал, папку не трогал — решил показать вам. Может, поступаю неправильно, но у меня такой случай впервые.

— Вы не запомнили человека, передавшего папку?

— Нет. Так неожиданно...

— А почему вы думаете, что он сидел за рулем отъезжавшего «Москвича»?

— Может, и не он. Но я обратил внимание на то, что красный «Москвич» шел за мной, оказался рядом у подъезда и потом поспешно отъехал от гостиницы.

— А номер не запомнили?

— Нет. Даже и не сообразил посмотреть...

— Ну что же,— сказал майор. — Почта не затеряется, не беспокойтесь. Но говорить о ней пока никому не надо. Спасибо. До встречи.

Вернувшись к себе, майор ознакомился с почтой, предназначавшейся лично в руки господина консула. В аккуратно заклеенном конверте лежали три рукописные страницы убористого текста. Начиналось письмо с обычного обращения; «Глубокоуважаемый господин консул!» Дважды и очень внимательно прочел майор письмо. Смысл письма был предельно ясен и однозначен: писавший письмо предлагал свои услуги разведывательной службе Соединенных Штатов Америки. Об этом говорилось прямо, по-деловому. И вообще, если отбросить некоторые личные излияния автора, письмо носило сугубо деловой характер: в нем назывались условия сделки и стоимость товара — услуг, которые предлагались американской разведке. Более того, в конце письма стояли имя и фамилия автора, его ленинградский адрес, номер домашнего телефона. И даже пароль для разговора.

К тому же была и синяя папка с белыми тесемками, а в ней несколько десятков схем, чертежей, справок — о них говорилось в письме, как о первой информации, которой обещал снабжать ЦРУ человек, предлагавший свои услуги. По ней, кстати, писал он, американцы смогут судить о «ценности товара».

Казалось бы, все ясно. Впору подняться и доложить начальству все, что он узнал из рассказа шофера и письма консулу. Но майор не сделал этого. Опытный контрразведчик, он давно усвоил правило — информация, которой располагаешь, требует тщательной проверки и твоей собственной оценки. А в этой истории еще много было непонятного, да и вся она, несмотря на кажущуюся достоверность, выглядела маловероятной. Папка с документами и такое письмо, под которым подпись, адрес, телефон, попадают в случайные руки... Было над чем задуматься.

Доложить надо было сегодня же, времени у майора оставалось совсем немного. Но кое-что он успел. Когда докладывал начальнику об истории с консульской почтой, то уже мог сообщить, что человек, фамилия которого стоит под письмом, действительно живет в Ленинграде по указанному адресу. Верен и номер телефона.

И человек этот является владельцем «Москвича», кстати, красного цвета...

Выслушав рассказ майора, полковник пододвинул ему синюю папку и сказал:

— Начинать надо с главного. Что это за материал?

— Разрешите подготовить письмо в штаб округа?

— Немедленно. Я позвоню товарищам, чтобы дали ответ незамедлительно. Дело может оказаться очень серьезным... Продолжайте заниматься им.

А дело вышло и впрямь серьезным. Быстро полученный ответ из штаба Ленинградского военного округа гласил: все материалы, присланные на исследование, содержат сугубо важные военные и государственные секреты. К этому времени было установлено, что человек, чьим именем подписано письмо, — инженер одного из ленинградских объединений, по роду своей работы имеющий доступ к документам, подобным тем, которые были в синей папке. Стало известно кое-что и другое.

— Ну что, пожалуй, настало время встретиться с корреспондентом американского консульства, — сказал полковник. — Будем готовить материал для передачи в следственный отдел. Действуй, Игорь Петрович.

На этот раз в небольшом кабинете майора было необычно многолюдно. Кроме хозяина здесь находились следователь и двое понятых. Предстоял телефонный разговор с автором письма генеральному консулу США. Медленно завращались бобины магнитофона, майор набрал номер телефона, указанного в письме. Ответили почти сразу же:

— Я слушаю...

— Можно Соломона Абрамовича?

— А по какому вопросу? Кто его спрашивает?

— Это по поводу настройки рояля.

— Так я вас слушаю!

— Соломон Абрамович?

— Да это я! Я вас понял и очень рад!

— Мы получили ваше письмо... Надо встретиться.

— Конечно! Я жду вашего звонка.

Встреча была назначена в тот же день, в четыре, у колокольни Никольского собора. Соломон Абрамович был взволнован и, быть может потому, бестолково многоречив. Ему пришлось объяснять, что для встречи у колокольни Никольского собора незачем подниматься на верхотуру, достаточно приехать на Крюков канал и подойти к колокольне — место укромное и вполне безопасное. Затем он потребовал пароля и отзыва. С тру-

дом убедили, что не ошибутся, узнают его. Ведь он так подробно описал себя: «склонен к полноте», «рыжий, но уже наполовину седой», «явится в серых брюках и белой сетке»...

Магнитофон остановили, понятые подписали протокол записанного разговора. Через пару часов можно было ехать на встречу с незадачливым конспиратором.

Он появился за четверть часа до назначенного времени. Узнать его было нетрудно — не требовалось ни пароля, ни ответа: у белой стены колокольни в нелепой позе всякого ожидающего грузно переминался с ноги на ногу толстяк в серых брюках и белой сеточке. А когда он увидел двух мужчин, направляющихся к нему, то, не раздумывая, пошел навстречу. Знакомство не заняло много времени.

— Соломон Абрамович?

— Очень приятно...

Протянутая рука повисла в воздухе, мужчина начавший разговор, избежав рукопожатия, протянул удостоверение:

— Вам придется проехать с нами.

— Извините, не могу, у меня встреча...

— Не беспокойтесь, Соломон Абрамович, встречи не будет.

— Прошу вас...

С трудом оторвав ноги от земли, он шел к машине, поджидавшей его у собора, так же молча, окаменело поднимался в кабинет следователя. И все это молча — ни звука, с застывшей гримасой-улыбкой на одутловатом лице.

— Гражданин Овэс Соломон Абрамович? — задал первый вопрос следователь.

— Совершенно верно, — ответил он, сделав попытку приподняться со стула.

— Вы подозреваетесь в шпионаже — преступлении, предусмотренном статьей 64, пункт «а», Уголовного кодекса... Что вы можете пояснить в связи с этим?

— Я не могу ответить... Но если можно потом... Я должен подумать...

Следователь и сам видел его растерянность, поэтому разговаривать сейчас с Овэсом было бесполезно. Подписав протокол допроса, Овэс отправился в камеру следственного изолятора.

На другой день Овэс вновь появился в кабинете следователя.

— Будем разговаривать, Соломон Абрамович?

Не разжимая губ, он кивнул в знак согласия. Но, как только следователь задал первый вопрос, Овэс... заплакал. Он охотно пил воду, предложенную следователем, и продолжал, ни слова не говоря, плакать. То же самое повторилось и на следующий день. Терпение следователя иссякло.

— Хватит,— сказал он. — Слезы не помогут, займемся делом, гражданин Овэс!

— Хорошо,— покорно согласился Соломон Абрамович и перестал плакать.

— Вам предъявляется письмо на имя генерального консула США в Ленинграде. Оно знакомо вам?

— Конечно. Это мое письмо,— не колеблясь, подтвердил обвиняемый.

Он сразу же узнал и синюю папку с документами.

— Это я тоже передал вместе с письмом...

Его показания о том, как он это сделал, полностью совпали с рассказом шофера, которого он принял за американца и которому вручил у подъезда гостиницы «Октябрьская» свое послание консулу с секретными документами. Даже сейчас Овэс не догадывался о своем просчете. Подробно рассказав, как все происходило, он не удержался от вопроса:

— Скажите, а как это все попало к вам?

— Вы что, жалеете об этом?

— Что вы! Я рад, что они попали в верные руки...

Встречи следователя с Овэсом продолжаются. Теперь он уже освоился в кабинете, порой был даже излишне многословен.

— Скажите, Овэс, это был ваш первый контакт с представителями американского консульства?

— Никакого контакта не было! Я увидел этого человека впервые в жизни. Передал ему письмо, папку и сразу же уехал...

— Хорошо, Овэс. А до этого были встречи?

Обвиняемый клянется, что эпизод у «Октябрьской» был единственным, и Овэс проклинает тот час, когда он оказался на своем «Москвиче» у американского консульства.

Но следователь, переждав очередной всплеск эмоций обвиняемого, продолжает:

— Во время обыска в вашей квартире обнаружено еще одно письмо американскому консулу. Оно написано значительно раньше... Узнаете?

— Это черновик!

— А письмо вы отправили?

- Так встречи не было!
- Почему? Вы ведь просили о ней.
- Никто не пришел.

Овэс не врет. Письмо было, встречи, о которой он просил, не было. Напрасно он почти два часа прогуливался около бывшей синагоги на еврейском кладбище. Никто из консульства не пришел в назначенное время и не спросил у Овэса: «Где усыпальница Поляковых?» — и не услышал ответного пароля: «Она разрушена в годы войны».

Письмо консулу, в котором Овэс просил о встрече и предлагал свои услуги поставщика секретной информации, он передал за полгода до неудачного вояжа к гостинице «Октябрьская». Каким образом? Это была «пешая» операция. Овэс совершал прогулки по улице Петра Лаврова. Проходил с безразличным видом мимо консульства, возвращался бульваром, останавливаясь у перекрестка — наблюдал. Случая, чтобы безопасно встретиться с кем-нибудь из обитателей консульского особняка, не представилось. Но он все же нашел выход — сумел опустить письмо в открытое окно «фольксвагена», припаркованного к зданию консульства. Не знаем, попало ли это письмо в руки консула или нет, но на встречу с Овэсом никто не пришел, никто не позвонил по телефону.

Овэс был обескуражен и даже обижен. Но неудача не остановила его. Во-первых, рассуждал он, письмо могло затеряться, не дойти. Во-вторых, могли поостеречься, ведь они не знают, с кем имеют дело. А главное, они не догадываются, что сулит им знакомство с Овэсом!

После долгих раздумий Овэс садится за новое письмо консулу. Оно более пространное и, как кажется ему, более убедительное. Он сообщает, что пишет второй раз. Вот теперь они позвонят, поймут, как им нужен Овэс, поймут, с кем имеют дело. Письмо и папку с документами он теперь решает передать лично в руки кому-нибудь из консульства.

Но письмо, брошенное в салон «фольксвагена», было не первой попыткой установить связь с американской разведывательной службой. Среди дальних родственников Овэса нашелся человек, входящий во французское консульство в Ленинграде. Его приглашали туда, когда возникала надобность в настройке рояля. Вот с помощью этого человека и попробовал Овэс осуществить свой план — связаться с американским консульством.

Пригласив родственника в гости, Соломон Абрамович с убитым видом сообщил:

— У нас горе... Заболел Леня. Очень тяжело... И помочь можешь только ты.

— Что надо сделать?

— Передать письмо американскому консулу.

— Зачем?

— Нужны лекарства — иначе мы потеряем Леню...

— Давай рецепт, я попрошу лекарства во французском консульстве. Там очень милые и сердечные люди.

— Нет, дорогой, нужное лекарство есть только в Америке. Попроси французского консула передать письмо несчастного отца — он тебе не откажет...

Долго и настойчиво, взывая к родственным чувствам, убеждал Овэс несговорчивого свояка. Но настройщик роялей оказался человеком осторожным и благоразумным. Свой отказ объяснил тем, что подобные просьбы не приняты в дипломатических кругах...

И этот вариант не прошел. Что оставалось делать бедному Овэсу, которому так не везло?

Позднее на судебном процессе адвокат Овэса попытается представить своего подзащитного как человека, на которого нашло затмение. Жил, мол, в Ленинграде добропорядочный человек, все было нормально: ходил на работу, растил детей, ничего предосудительного себе не позволял — и вдруг на него нашло. Неожиданно, как удар грома с ясного неба, человек сел за руль «Москвича» и повез секретные материалы для передачи в иностранное консульство. Но эта версия защиты не нашла подтверждения ни в материалах предварительного следствия, ни в ходе судебного разбирательства.

Как вы могли убедиться, действовал обвиняемый в полном уме и здравии, все поступки его — звенья вполне логичной и последовательной цепочки. А «затмение» на него нашло значительно раньше того дня, когда он появился в сквере у колокольни Никольского собора. Долго и с завидной настойчивостью, целеустремленно, не отступая перед неудачами, искал он контакта с американским консулом, чтобы предложить свои услуги разведке Соединенных Штатов. И появился, созрел столь преступный замысел у человека, умудренного житейским опытом, отца взрослых детей.

Уголовное дело по обвинению Овэса нельзя отнести к числу сложных и трудных. Но оно отличается составом преступления, тяжестью злодеяния, совершенного обвиняемым. В ходе следствия вина его была полностью

доказана. Улик и доказательств ее было предостаточно. Да и сам Овэс не делал попыток отрицать свою вину. Более того, странным казалось то усердие, с которым он помогал следствию. Порой его поведение было лишено обычной логики человека в подобной ситуации. Судите сами.

Обвиняемый дает показания о секретных материалах, которые он пытался передать в руки иностранной разведки. Речь идет не об обстоятельствах или деталях, устанавливается главное — величина урона, который он мог нанести оборонной мощи нашего государства. Хотя она скрупулезно взвешена, оценена сведущими военными специалистами, от Овэса требуют объяснения по поводу каждого документа, оказавшегося в синей канцелярской папке с белыми тесемками. И обвиняемый охотно поясняет, чем важны похищенные им чертежи, схемы, какие новшества вносят они в существующие виды средств связи.

Когда в письме консулу он писал о своих возможностях поставлять важнейшую информацию — это понятно. Предатель набивал себе цену. Но почему сейчас он так ведет себя на допросе?

В своем письме Овэс обещал передать разведке США тематический план научно-технических разработок всей отрасли, к которой относилось предприятие, где он работал.

Теперь у него спрашивают:

— Каким образом вы собирались это сделать?

И тут бы вполне правдоподобно было признание: «Обманывал я американцев, набивал себе цену. Посудите сами — как я, рядовой инженер, смог бы завладеть столь важными государственными документами?» Но Овэс отвечает:

— Признаюсь, немного преувеличил. Всей отрасли — нет. Но, что касается ленинградских предприятий, я бы смог...

Во время обыска в квартире Овэса были обнаружены материалы секретного характера, похищенные им с работы в разное время.

— Для чего вы хранили их у себя дома?

— Не мог же я им отдать все сразу.

— Могли обмануть? Вы этого боялись?

— Конечно! С чем бы я остался... Разве им можно верить!

Что это? Простота, которая не лучше воровства, или

цинизм отъявленного преступника, которому нечего терять? Нет. Ни то ни другое. Это продуманная и выдержанная с начала до конца следствия линия поведения обвиняемого. И не так уж она беспомощна и наивна, как могло показаться на первый взгляд. И слезы поначалу, и гневные тирады в адрес американского империализма, и нарочитая откровенность в ответах на вопросы — все это атрибуты роли, которую играл Овэс.

Он представлял простаком, недоумком, он напоказ выставлял собственную глупость. Каялся и разоблачал себя цинично и откровенно, до наготы, до сраму. Да, я такой глупый, я негодяй, но я же не оправдываюсь, я покался во всем. Так неужели подыметесь у вас рука на повинную голову несчастного человека! Такую роль трудно было не переиграть. Угодливый, омытый слезами, кающийся грешник не вызывал даже сочувствия.

Каждое уголовное дело порождает вопрос: как это могло произойти? Что толкнуло, заставило человека переступить закон? Этот вопрос тем более неизбежен, когда речь идет о таком тяжком преступлении.

— Я потерял бдительность... — на полном серьезе ответил на него Овэс.

Несколько позднее он, правда, попросил внести в протокол: «Я понял, что мою совесть съел червь сионистской империалистической пропаганды». Вот так. Все-го-навсего потерял бдительность и стал невинной жертвой вражеской пропаганды. Ее червь съел совесть, и честный, добропорядочный человек стал предателем.

Если отбросить выпренность и метафоричность этого заявления, то в нем все же можно обнаружить крупную правду о том, как и почему произошло падение Овэса. Началось оно давно. Как все в жизни, шло от малого к большому, один поступок делал необходимым следующий шаг. Ибо уже в самом начале был умысел, цель, которую выбрал для себя этот человек.

В одном из томов уголовного дела подшита пачка квитанций — оплата занятий на курсах иностранных языков. Два раза в неделю почтенная супружеская пара отправлялась на Петроградскую сторону во Дворец культуры имени Ленсовета. Они учились здесь говорить по-английски. Зачем два немолодых инженера на склоне лет со школярской настойчивостью постигали артикуляцию чужого им языка? Английский должен был стать их языком — ибо жить они собирались в стране, где говорят по-английски, в Соединенных Штатах. Пока же обходились русским и жили вроде бы как все. Не-

заметно для всех, а может быть, порой и для самих себя они становились чужими.

По вечерам довольно часто Овэсы принимали гостей. Это были свои, единомышленники. Разговор вели в открытую, не таясь. Горячо обсуждали положение на Ближнем Востоке, часто спорили — каждый мнил себя стратегом. Делились информацией, новостями — не только теми, что передавали вражеские «радиоголоса», но и полученными оттуда другим путем.

Спиртное к столу не подавалось, но сионистский угар кружил головы — все виделось в радужном свете. Правда, когда заходила речь о жизни за рубежом, судили о ней трезво и расчетливо. Круг гостей редел — кое-кто из них, получив израильские визы, покидал Ленинград. Приходили прощаться, спрашивали: «Когда встретимся, Соломон Абрамович?»

— Если бы я мог... — сокрушался хозяин. — Но моя работа. Сами понимаете, кто же меня выпустит...

Даже со своими Овэс лукавил. Плача, припасть к стене на святой земле предков он не торопился. Оливковые кущи Израиля его не прельщали. Его устраивали только Соединенные Штаты Америки. И все было продумано и определено. Сначала поедут молодые — дети. Затем уйдет на пенсию глава семьи и за детьми последуют родители. Кто посмеет помешать старикам воссоединиться с сыном и дочерью?

Заботило его другое — как будут они жить за океаном. Пропагандистский червь не лишил Соломона Абрамовича трезвого взгляда на вещи. Он прекрасно понимал: без капитала там нечего делать. С пустыми руками ехать нельзя. Но эта здравая мысль не остановила Овэса. Он находит способ заработать деньги для безбедной жизни своего семейства за океаном.

Теперь стоит подробнее рассказать о его письме генеральному консулу США в Ленинграде. С чего начинается свое послание Овэс? Прежде всего он сообщает консулу о своей национальности: «Вы понимаете, господин консул, что это значит?» Не полагаясь на сообщительность дипломата, уточняет: «...ведь я живу в стране, где попораны все права человека».

А посему он «вынужден кратко, но четко и откровенно изложить свою позицию». В чем заключается позиция Овэса, который вынужден жить в условиях «несправедливого тоталитарного античеловеческого строя»? Изложена она, как обещано, «кратко, но четко и откоро-

венно»: Овэс ненавидит государство, в котором вынужден жить.

Автор письма напоминает господину консулу, какую великую страну он имеет честь представлять: «Мы, евреи, в неоплатном долгу перед США — великой страной, доброжелательной для всех честных людей». Как видим, сказано опять четко и откровенно.

Но все это вступление — политическая преамбула, нечто вроде визитной карточки, чтобы господин консул поскорее узнал, с кем имеет дело. Но ведь не для этого сочинялось письмо. Конечно, «честные люди» должны добром отплатить «великому государству», перед которым они в «неоплатном долгу».

Честные люди долги возвращают. Что может сделать Овэс для Америки? Прежде всего он просит консула поверить: «по состоянию здоровья (особенно нервов) я не могу быть разведчиком». Здесь автор письма не лжет — морской пехотинец из него даже в молодые годы не получился бы. Не те нервы. Но он в меру сил своих может принести пользу. И ради этого он, «рискуя жизнью», снимает копии секретных документов. Он уверяет консула, что они заинтересуют военное ведомство США, ибо информация, которую готов поставлять Овэс, касается научных разработок новых видов средств связи. Синяя папка кое-что стоит.

Сколько запрашивает за секретную информацию человек, который добывал ее, «рискуя жизнью»? Как можно говорить о цене! Все делается бескорыстно. Он честный человек, ему ничего не нужно. Вот только маленькая просьба, которая вряд ли обременит «великое государство». И просит он не для себя. У него есть сын Леня, необыкновенно талантливый математик, он через год заканчивает университет. А что его ожидает здесь, господин консул? Так помогите ему перебраться в вашу благословенную страну. Заботливый отец подсказывает, как это сделать: нужна невеста-американка. Конечно, хорошо бы найти достойную невесту, ведь сын его «красавец с замечательным характером», но для получения выездной визы сгодится любая. Отец надеется, что его сыну помогут стать на ноги, подбросят для начала самую малость — хотя бы на покупку дома.

Позабываясь о сыне, Овэс, которому ничего не нужно, все же не забывает и о себе. Он тоже мечтает прожить остаток дней своих рядом с сыном в благословенной стране, «желательно в Калифорнии (климат)». Он не смеет обременять США расходами на его благоустрой-

ство в Калифорнии, а посему просит обменять ему 50 тысяч советских рублей на такую же сумму американских долларов. Почему именно 50 тысяч — ни больше ни меньше? А столько, по его расчетам, он выручит от продажи машины, дачи и прочего, чего нельзя будет увезти с собой. Не оставлять же нажитое добро в этой «бесчеловечной стране». Вот и все, что просит, ждет от Америки бескорыстный Овэс за свои услуги.

Главное, ради чего и писалось письмо, сказано — «четко и откровенно». Осталось уверить посла, что «я не из КГБ, как вы понимаете», сообщить ему адрес, телефон, пароль для знакомства. И можно подвести итог: «Вот сколько страданий приходится переносить еврею в этой жуткой стране! Надеюсь, вы поймете меня, господин консул. С глубоким уважением».

Овэс, как вы понимаете, оказался в камере следственного изолятора не потому, что написал письмо американскому консулу, и не за признания в том, что он ненавидит Советскую власть, и не за клевету на нее. Но откуда у этого человека столько злобы, какие «страдания» пришлось перенести ему в нашей стране? А задумывался ли когда-нибудь Овэс о том, как сложилась бы его судьба при другой, не советской, власти?

Его отца, полуграмотного ремесленника, например, не впустили бы даже в подъезд дома на Невском, где жила семья Овэса-младшего. Позорной черты оседлости не было лишь для таких воротил-миллионеров, как Поляковы, около усыпальницы которых он ждал американского разведчика. Быть может, и у Соломона Абрамовича появился бы счет в «Русско-азиатском банке», свой особняк в столице Российского государства и четыре диплома о высшем образовании в семье? Вряд ли! Не стал бы он ни миллионером, ни инженером. Кстати, и при Советской власти инженер из него вышел весьма заурядный. В синей папке не было ничего авторского, придуманного им самим. Он торговал чужим, ворованным, плодами ума и таланта других.

Овэс жил на четной, «опасной при артобстреле» стороне Невского проспекта. В блокаду его здесь не было, но это не в упрек. Сержант-радист не виноват в том, что служил там, где не стреляли. Так возблагодари же судьбу за то, что вернулся здоровым и невредимым с войны, где погибли миллионы. Но он способен был жить только для себя, для своих.

Задолго до 2000 года его семейство получило отдельную квартиру в центре города. Для сына-студента

впрок была приобретена отдельная кооперативная квартира. Намного раньше других он стал владельцем дачи, автомашины. Привирал Соломон Абрамович, оценивая свое «недвижимое» имущество в 50 тысяч рублей. Набралось бы значительно больше. Ведь были еще в доме и антиквариат, фамильное золото и серебро, «полученные в наследство от матери и тещи».

Овэс лжет, не заботясь даже о правдоподобии, клеветает и сам же опровергает себя. Жалуется на притеснения евреев в нашей стране и тут же сообщает консулу, что сын его оканчивает престижный факультет университета, дочь закончила Театральный институт, пишет диссертацию.

Но кое о чем в письме умалчивается. Когда встал вопрос о переезде семейства Овэсов за океан, муж дочери энтузиазма не проявил. Тесть не собирался терять зятя. Он сел за стол и написал анонимку в учреждение, где тот служил. Анонимку по всем правилам: печатными буквами и с подписью: «Честный патриот». О чем он сигнализировал? О том, что у них работает еврей, который собирается уезжать в Израиль. Напрасно тесть ждал перемены в настроении зятя, на сигнал «честного патриота» не отреагировали.

Вы думаете, Овэс смирился с неудачей? Нет, плохо вы его знаете. Тесть пишет новую анонимку на любимого зятя. Теперь он называет его «сионистом», он угрожает: как вы можете держать в идеологическом учреждении такого и сякого?.. Но «притеснения» опять не получилось. Зятю показали письмо и спросили: «Не знаете, кто мог написать его?» — «Нет». — «Идите работайте».

А ведь прием знакомый, только в другом — мировом — масштабе пользуется им сионистская пропаганда. Антисемитизм, «притеснения» нужны сионизму. Этот грязный провокаторский прием давно на вооружении сионистских идеологов.

Во время предварительного следствия не было нужды доказывать клеветнический характер письма консулу. Его автора привлекали к уголовной ответственности не за клевету на Советскую власть, а за другое, куда более страшное преступление против нее. Но все же не мог не возникнуть вопрос:

— Как же, Соломон Абрамович, вы могли написать такое?..

— Так вы что, не понимаете? — недоумевал он. — Это же политика! Что я им мог написать другое?!

Человек, совершивший особо опасное государственное преступление, опять выступал в роли несчастной жертвы. Он клял Америку, проклинал сионистскую пропаганду, он требовал трибуну, чтобы весь мир узнал правду. И на этот раз Овэс явно переигрывал.

Согласиться можно с одним: человек этот жертва, вернее, вражеский трофей в той оголтелой тотальной войне, которую ведут против Советского государства. Но жертва не случайная, не невольная и тем более не безвинная.

Один из руководителей ЦРУ вынужден был признать, что вербовка агентуры в Советском Союзе — дело гиблое. Обычно она заканчивается провалами, от нее больше неприятностей, чем пользы. Здесь можно иметь дело только с теми, кто созрел сам. Что ж, вывод из горького опыта. Американским спецслужбам приходится иметь дело с отребьем — отщепенцами, отступниками, способными на предательство. Один из них — Овэс, он созрел сам.

На вооружении спецслужб США, да и других западных разведок сейчас самая современная шпионская техника. Делается все, чтобы заполучить любую информацию о нашей стране, об ее экономике, оборонной мощи. С нас не спускают оптических глаз спутники-шпионы в космосе, нас усердно слушают в эфире. Идет радио перехват не только внутренних советских систем беспроволочной коммуникации, но и переговоров наших пилотов, моряков в разных концах света, фиксируется все, вплоть до радарных импульсов. Из этого колоссального по объему крошева специалисты высокой квалификации с помощью новейшей компьютерной техники пытаются получить представление о наших Вооруженных Силах. На допросе у Дзержинского английский разведчик, организатор крупного антисоветского заговора, сказал: «Вам просто повезло... Случай — ошибка связного...» — «Да, — ответил Феликс Эдмундович, — ошибка связного — случай. Но то, что простой солдат поднял оброненный им листок и доставил вашего человека в ЧК, не случайность!»

Так и в нашей истории, дело не в неудаче, ошибке отщепенца. Вряд ли его судьба могла сложиться по-другому. Преступника судил трибунал Ленинградского военного округа и приговорил к длительному сроку лишения свободы.

Свидетели обвинения

Старший следователь Линяшин выложил на стол пухлые тома уголовного дела, присланные по его запросу из городского суда. Сложил их один на другой — получилась гора. А когда бригада ленинградских следователей-чекистов начинала это расследование, в конце рабочего дня в сейф убиралась тощая, как ученическая тетрадь, папка.

Эта синяя папка полнела материалами гораздо медленнее, чем хотелось начальнику отдела полковнику Климову. Но он не терпел, если в нее подшивался ничего не значащий для следствия документ. В столе и сейфе Линяшина было полно разных бумаг по этому делу, однако, отправляясь на доклад к Климову, он неизменно захватывал лишь синюю папку. В ней было самое важное, самое оперативное.

И вот теперь, сравнивая ее с горой томов уголовного дела, около года как прошедшего в суде, Линяшин подумал, что следственная работа трудно измерима какими-то показателями. Томов могло быть и больше, но что бы они значили, не выйди следствие на главную фигуру преступной группы маховых спекулянтов и валютчиков, контрабандно переправлявших за границу антикварные вещи музейного значения. Эту главную фигуру тщательно оберегали от провала абсолютно все привлеченные по делу. Им было выгоднее даже взять на себя лишнее, даже оговорить друг друга, лишь бы отвести от него следствие. Они были скупщиками, опытными махинаторами, а он — поставщиком антикварных вещей, в том числе и таких редчайших, как камнерезные и ювелирные изделия знаменитой петербургской фирмы Карла Фаберже.

Спасая его от скамьи подсудимых, они думали прежде всего о себе. О том, что, выйдя на свободу, будет с чего начать барыжное дело, будет у кого потребовать: «Я тебя не выдал — гони откупные».

А он, напуганный прошедшим судом, затаился, как барсук в норе. Но Линяшин был уверен: Раковский не

из тех, кто может «завязать», рано или поздно он выйдет на черную тропу.

Синяя папка с несколькими страничками документов возбужденного против Раковского уголовного дела перекочевала в сейф. Линяшин взглянул на часы — рабочий день давно закончился. Дома опять придется отделаться привычной шуткой: «Сегодня у нас была полуторасменка». Или — двухсменка. Смотря как поздно задержался. А жена, если ее терпение не лопнуло, грустно пошутит: «Тогда ешь полтора ужина. Или — два».

Он уже закрывал кабинет, когда зазвонил телефон. Вернулся к столу, на ходу прикидывая, кто бы это мог быть.

— Чего так поздно сидишь? — спросила трубка голосом полковника Климова.

— Сейчас уйду, Василий Николаевич.

— Как настроение?

И по интонации, и по тому, что Климов заинтересовался вдруг настроением подчиненного, Линяшин понял: сейчас будет сказано что-то поважнее. Наверняка какое-нибудь срочное задание, но полковник не назовет его срочным, а предложит разобраться, «как освободишься от основного дела».

— Освободишься от основного дела, — сказал Климов, — ну, скажем, завтра, зайди ко мне. Тут заявление любопытное поступило, может, и пустячок, но, сам знаешь, пустячков в нашем деле не бывает...

— Обязательно зайду, Василий Николаевич, — с готовностью ответил Линяшин.

— А когда зайдешь? — невинно пророкотала трубка.

Прикрывая ладонью мембрану, Линяшин рассмеялся: Климов не любил приказывать, подбрасывал очередную работенку так, будто ты сам на нее напротился.

— Когда заглянешь? — прежним невинным голосом спросил полковник.

— Если разрешите, сейчас, — ответил Линяшин.

В кабинете Климова, как всегда, было свежо — форточка не закрывалась даже в морозы. На столе перед полковником белел единственный лист бумаги.

— Читай сам, написано разборчиво.

«В УКГБ Ленинградской области. От гражданина Труханова Я. М., — начал читать Линяшин. — Возможно, вас не заинтересует то, что меня волнует и заставило после долгих сомнений обратиться к вам. Возможно, и подозрения мои — плод старческого воображения.

Год назад я совершил обмен своей жилплощади с гражданином Сердобольским С. Я. Обмен был выгоден для меня: вместо уютной однокомнатной квартиры на последнем этаже (правда, в ней еще есть крохотная нежилая комната, я ее использовал как кладовку) я получал тоже однокомнатную, но светлую, удобную. И этаж очень хороший для старого человека — второй.

Сердобольский Сергей Яковлевич произвел на меня какое-то двойственное впечатление. С одной стороны, человек он, несомненно, интеллигентный, старой питерской закваски, а с другой — очень странный. Я так и не понял причин, побудивших его пойти на обмен, в этом была какая-то тайна. Когда мы переехали, он убедительно просил меня никому не говорить о нашем обмене, а кто поинтересуется, заверить, что мы, старые люди, съехались жить вместе, чтобы помогать друг другу, и что он в настоящее время лечится на юге. «А еще лучше, — сказал он, как-то нехорошо посмеиваясь, — если убедите любознательных, что я уехал туда умирать».

Особо, как он выразился, конфиденциальной была просьба в отношении возможной корреспонденции на его имя. «Меня одолевает просьбами один зарубежный коллекционер-фанатик, — пояснил Сергей Яковлевич. — Я когда-то увлекался филателией, переписывался с ним, но потом забросил это дело. Устал я от его навязчивых предложений, не хочу вступать ни в какую переписку. Сделайте одолжение: любую корреспонденцию на мое имя кладите в конверт и отправляйте по вашему старому адресу».

Просьба была не очень деликатной, но мы с Сергеем Яковлевичем, повторяю, люди одного поколения, много пожившие, и не нам на старости лет отказывать друг другу в каких-то одолжениях. К тому же надо учесть, что в обмене жильем я явно выгадывал, но мои предложения материально возместить потерянный комфорт Сергей Яковлевич решительно отверг.

Вот так получилось, что я оказался чем-то вроде должника Сергея Яковлевича и уже хотя бы поэтому в точности исполнял все то, о чем он меня просил. Было несколько писем, кажется, три с зарубежным штемпелем — я их переправил Сергею Яковлевичу, а кто спрашивал о нем, я говорил, что мы теперь живем вместе, но сейчас его нет, уехал подлечиться куда-то на юг.

Четыре месяца назад, в троицу, я поехал на Серафимовское кладбище, где похоронены все мои родственни-

ки. Вернувшись, сразу обратил внимание, что дверь заперта не так, как это делаю я, а всего на один оборот ключа. Стал осматривать квартиру — никаких следов пребывания чужого человека, ничего не пропало. И все на своих местах. Помню, пил тогда валерьянку и грустно думал: пора и самому на Серафимовское, старческий склероз одолевает. А два дня спустя случайно обнаружил: с верха книжного шкафа исчезли три камнерезные статуэтки — подарки моего деда, сделанные им самим. Наверное, дед особым мастерством в камнерезном деле не блистал, был одним из тех, кто работал на первичной, грубой отделке камня, то есть ходил в подручных настоящих мастеров. Однако на досуге делал, как говорится, для дома, для семьи очень приличные изделия из яшмы, нефрита, мориона и других камней, используя для украшения и драгоценные металлы. Подаренные дедом статуэтки — слоник из нефрита, обезьяна и лягушка из яшмы — не имели украшений, но были сделаны изящно и, как мне говорил один знакомый музейный работник, весьма похоже на изделия знаменитых мастеров дореволюционной фирмы Фаберже.

В милицию я заявлять не стал. Решил, что бесполезно это делать спустя два дня после кражи. Да и где у меня доказательства, что кража эта была? А Сердобольскому после долгих колебаний я сообщил об этом, умоляя его близко к сердцу не принимать случившееся.

Реакция его была самой неожиданной для меня. Он был так потрясен, что ему стало плохо. Пришлось вызывать «скорую помощь».

Вчера я поехал к Сергею Яковлевичу, и каково же было мое изумление, когда увидел, что его квартира опечатана. Предчувствуя недоброе, я зашел в жилконтору, где и узнал, что месяц назад он умер в больнице от инсульта.

Все это: обмен жилплощадью, кража, реакция на нее Сергея Яковлевича и его неожиданная кончина — вызвало у меня подозрение, что здесь не все чисто. Компетентные органы должны заинтересоваться вышеописанным...»

— Дальше можешь пока не читать, — сказал Климов, заметив, что Линяшин начал подчеркивать карандашом строчки заявления, где говорилось о статуэтках. — Вот это место и меня заинтересовало. Подумай над письмом по дороге в общественном транспорте, по-вычисляй, нет ли в этой истории следов уголовного дела, возбужденного против Раковского.

Дома Линяшину опять пришлось шутливо ссылаться на полуторасменку. Но ужин он сам попросил двойной...

* * *

Труханов встретил Линяшина с гостеприимством одинокого человека. Устроив его плащ и кепку на вешалку, бросился на кухню заваривать чай.

— Я, знаете, кофе уже не позволяю себе. И чтобы не искушаться соблазном, даже не держу в доме...

Из серванта орехового дерева Яков Михайлович достал фарфоровые чашки и блюдца, расписной заварной чайник поставил на малахитовую подставку. Потом на столе появились банки из-под бразильского кофе с аккуратными надписями: мята, зверобой, чебрец, мелисса лимонная, липовый цвет, брусничник...

— Рекомендую в качестве добавки. На выбор, любезный молодой человек.

Разговор по заявлению начался только после чая. Линяшин меньше всего хотел, чтобы эта первая встреча выглядела официальной, мешала старику быть самим собой. И все же несколько «протокольных» вопросов пришлось задать Якову Михайловичу.

— При обмене жилья были же и предварительные смотрины? — спросил Линяшин. — Вам что-нибудь бросилось в глаза в квартире Сердобольского.

— Нет, ничего особенного... Разве что основательность запоров, замков. Но замки, как вы понимаете, я сменил. Так все делают, — поспешно добавил Яков Михайлович, испугавшись, очевидно, что эту замену Линяшин воспримет превратно.

— А из обстановки квартиры Сердобольского вы на что-нибудь обратили внимание?

— На шкаф. Древний, как и мои книжные. Только непонятно, какого он назначения. — Яков Михайлович собрал лоб гармошкой, как это делают люди, что-то выуживающие из бездонных глубин памяти, и неожиданно просиял: — Вспомнил! Такие шкафы можно еще увидеть в старых аптеках. Солидные, под красное дерево, с граненым стеклом.

— И что у Сердобольского хранилось в этом шкафу — не заметили?

— Стекла были занавешены шторками, — огорченно сообщил Яков Михайлович. — Честно говоря, я даже спросил — зачем? Комната у него, сами видите, светлая. В ней так бы хорошо играло граненое стекло...

Линяшин вежливо согласился, прошелся по комнате, как бы подыскивая место, где бы он поставил такой шкаф.

— Он стоял на месте моего книжного,— подсказал Яков Михайлович.

— Что же ответил Сердобольский на ваш вопрос о шторах?

Линяшин цепко держал в памяти все, о чем начинал говорить Яков Михайлович, но забывал досказать.

— Кажется, он сослался на то, что блеск стекол режет ему глаза. И еще сказал: в нежилой моей комнате он оборудует фотолaborаторию.

— Участие Сердобольского в краже, прямое или косвенное, вы исключаете?

Яков Михайлович протестующе замахал руками:

— Категорически исключаю. При всей своей странности, человек он сверхпорядочный. Осколочек старого Петербурга...

В прихожей Яков Михайлович засуетился, пытался непременно подать Линяшину плащ, вежливо, но настойчиво предлагал чудодейственные добавки к чаю, потому что нынешний чай — это уже нечто чаеподобное, долго извинялся, что оторвал такого славного человека от дел государственной важности.

Когда входная дверь была уже открыта, Яков Михайлович бросил на Линяшина пристальный взгляд и совсем другим голосом тревожно спросил:

— А с этим делом — письмами к Сергею Яковлевичу из-за рубежа вы разберетесь?

— А вы считаете, что в этом мы должны разобраться? — ушел от ответа Линяшин, но слово «мы» подчеркнул интонацией.

Труханов не отвел глаза. Только дрогнули бескровные серые губы.

— Да, считаю. Иначе и не обращался бы к вам с заявлением. Пропавшие из моей квартиры безделушки дороги мне лишь как память о деде. Раньше такое добро, ставшее нынче в моде, почти в каждой питерской семье водилось. И никто за ценность его не считал. Сергей Яковлевич только раз глянул на мои статуэтки — сразу определил, что это не работа настоящего мастера. Даже в руки их не брал...

Впервые за всю встречу с Трухановым Линяшин насторожился, мысленно похвалил себя, что дал возможность старику быть самим собой. В сущности, из всего,

что он успел услышать, лишь две-три детали заслуживали внимания. И вот сказанное уже на пороге...

— Ну и какую цену вашим статуэткам дал Сердобольский? — как можно более безразличным голосом спросил Линяшин.

— Я же сказал — истинную. В самую точку попал. Работа, говорит, дремучего самоучки-камнереза. И еще ехидно спросил, на какой ярмарке я приобрел это чудо.

Линяшин с чувством, но осторожно пожал сухонькую руку Труханова и заверил его, что обязательно еще раз заглянет попить удивительно вкусный чай. На лестничной площадке он сунул руки в карманы плаща и засмеялся: старик все же ухитрился одарить его своими добавками к чаю.

* * *

Визит к Труханову выбил Линяшина из привычной служебной колеи. Где бы он ни был, чем бы ни занимался, мысли его возвращались в старую питерскую квартиру Труханова, где в недавнем прошлом жил некто Сергей Яковлевич Сердобольский, чем-то очень напуганный одинокий пенсионер, неожиданно и невыгодно сменивший местожительство, но почему-то пожелавший оставить этот переезд и новый свой адрес в тайне. Если бы Линяшин не вел следствие по уже прошедшему в суде делу о спекуляции и контрабанде антикварными вещами, в том числе и изделиями знаменитой фирмы Фаберже, если бы этой преступной группе не удалось укрыть и спасти от ответственности более ловкого и опасного, чем они сами, комбинатора Раковского, Линяшин наверняка бы не ухватился за заявление Труханова.

Ну украли у старика три статуэтки, как он сам считает, безделушки, ну подумалось ему, что эта дурацкая кража как-то связана с обменом квартирами с Сердобольским, ну странно, конечно, что Сергея Яковлевича это событие потрясло больше, чем самого Труханова...

Материалы возбужденного против Раковского уголовного дела убедили Линяшина, что этот-то «специалист» по антиквариату своими руками ничего не делает. Следов нигде не оставляет. На него работают другие. Они-то и хватают все, что попадется. Рыщут на «черном рынке», толкуются у антикварных магазинов, следят за пополнением изделиями старины частных коллекций. Они редко полагаются на свой вкус и знания антиква-

риата, у них нет надежного рынка сбыта, а главное — нет крупных наличных денег. Такой делец, как Раковский, для них и работодатель, и кредитор, и учитель жизни. Вышколенные, как волчата старой волчицей, они и живут по законам волчьей стаи.

«Не проявил ли кто из этой стаи излишнюю прыть? — размышлял Линяшин. — И, случайно увидев в квартире Труханова статуэтки, принял их за работу Фаберже?»

Конечно, могло быть и так. Но тогда как свяжешь с кражей обмен квартир, тревоги Сердобольского? И случайность это или нет, что Сергей Яковлевич, как рассказывал Труханов, настолько отлично разбирался в старых антикварных вещах, что, даже бегло взглянув на статуэтки, безошибочно определил работу самоучки-камнереза?

Линяшин усмехнулся, вспомнив, как с год назад два раза проводилась экспертиза изъятых у одного махинатора статуэток, которые он перепродал за многие тысячи рублей. Сам он признался, что это подделка, даже приводил доказательства, а авторитетная комиссия экспертов единодушно утверждала: подлинный Фаберже! В конце концов прав оказался махинатор.

Вызов к Климову отвлек Линяшина от воспоминаний. Поколебавшись, он достал из стола заявление Труханова и блокнот с записями. Синяя папка, из которой со временем выросло пухлое уголовное дело, сиротливо лежала на краю стола.

— Сослужи-ка еще раз добрую службу, — сказал папке Линяшин, закладывая в нее заявление и блокнот.

Войдя в кабинет Климова, Линяшин прежде всего бросил взгляд на письменный стол. Если на нем нет груды папок, вороха деловых бумаг, значит, полковник выкроил время для долгого разговора с вызванным подчиненным.

Стол был чист.

— Не похоже на тебя. Человек ты точный, — сказал Климов, предложив Линяшину устраиваться поудобнее.

Фраза эта озадачила Линяшина. Он поерзал в кресле, ожидая продолжения, но полковник молчал.

— Не понял, Василий Николаевич. В чем я виноват? — решил спросить Линяшин.

— А по заявлению Труханова не докладываешь. Почти неделя прошла.

— По заявлению вы дали мне время подумать по дороге в общественном транспорте, не так ли?

— Так-так,— не очень-то охотно согласился Климов.

— А я всю эту неделю был так занят делом Раковского, что общественным транспортом пользоваться не мог, ездил на служебной машине.

— Хитер! Находчив! — Климов весело рассмеялся, и Линяшин понял, что последними следственными материалами по делу Раковского начальство довольно. То начальство, которое над Климовым...

Линяшин коротко доложил о своих соображениях по заявлению Труханова, выразил сомнение, что предстоящая встреча с ним что-либо добавит к уже известному.

— Тут, думаю, надо с другого конца глубоко копать,— подытожил он, но на всякий случай, выжидая, имя Сердобольского не произнес.

— И правильно думаешь! — Климов хитровато сощурил глаза, выдвинул ящик стола, достал несколько скрепленных машинописных страниц.

— По нашей просьбе кое-что о Сердобольском разузнать удалось. Хотя, конечно, ничего ясного нет. Все в тумане прошлого... Сердобольский Сергей Яковлевич, 1906 года рождения, Петербург... Дед по линии отца до революции был владельцем переплетной мастерской, потом — букинистического магазина. Умер в Ленинграде в 1932 году. Второй дед — по матери — долгие годы был хозяином антикварного магазина, судя по рекламным объявлениям в газетах, продавал и изделия фирмы Фаберже... В двадцатые годы, во времена нэпа, Сергей Яковлевич Сердобольский начинал свой трудовой путь в магазине деда, так сказать, на антикварном поприще...

Климов поднял глаза, усмехнулся, заметив, с каким интересом слушает его Линяшин.

— Потом дед разорился. Антикварные вещи настолько упали в цене, что и распродажа их, что называется, с молотка не спасла его, и он до конца дней своих работал в артели. А внук подался... Подожди, подожди, стал бухгалтером, товароведом, был на фронте в Великую Отечественную, сержант-артиллерист, имел ранения и награды. Последнее перед пенсией место работы — начальник отдела труда и зарплаты на заводе. Характеризуется вполне положительно. Честен, добросовестен, куча поощрений, выговоров не имел. Бездетен. Жена и две сестры умерли до 1980 года. С младшей сестрой, Елизаветой Яковлевной, жил в одной квартире. Точнее, в трех разных квартирах, потому что он эти квартиры менял трижды...

— Три раза? — невольно вырвалось у Линяшина.

— Три раза за последние двенадцать лет,— уточнил Климов.— А теперь о родителях... О них очень мало известно. В автобиографиях Сердобольский писал, что мать умерла в гражданскую войну от тифа, а отец, призванный в 1914 году в армию, дослужился до офицера и с врангелевцами ушел из Крыма в чужие края. Дальнейшая его судьба неизвестна. Старый друг Сердобольского знает его еще с тех пор, как он в антикварном магазине деду прислуживал, утверждает, что Сергей Яковлевич в тридцатые годы получал от отца письма. Откуда-то из-за рубежа. И еще он припоминает: где-то в Европе обитал и дядя Сердобольского, младший брат отца. Вот этот-то дядя там свой бизнес имел. То ли магазин, то ли посредническое бюро по купле-продаже какого-то товара. Но, по словам друга Сердобольского, в переписке с ним Сергей Яковлевич никогда не состоял...

— Василий Николаевич,— решил уточнить Линяшин.— Дядя Сердобольского до наших дней не мог дожить. А кто-то назойливо, вопреки желанию Сергея Яковлевича, продолжал писать ему. Мы не знаем, что в этих письмах было—шантаж, угрозы или деловые предложения, но предположительно можно считать: именно из-за этого Сердобольский менял квартиры. То ли хотел дать понять, чтобы отвязались, то ли...

— То ли... — подхватил недоговоренную фразу Климов,— боялся, что вслед за письмом последует и визитер. Ты думал об этом?

Линяшин утвердительно кивнул:

— Не только думал. Боюсь, что визитер уже побывал. Или посланец визитера...

— Да, и это не исключено,— согласился Климов.— А если с этим визитом связаны и кража на квартире Труханова, и переживания Сердобольского, которые привели его в больницу, то нам тем более надо поторопиться с проверкой этой версии. Займись ей, но помни, что Раковский гуляет на свободе. Активно ищет каналы связи с заграницей. С чего бы это? Ведь у него один надежный канал есть—Аллен Калева. Или он что-то не поделил с этой предприимчивой особой?

— Это мы не знаем. Гражданка Аллен Калева часто привозит в Ленинград группы экскурсантов. Таможенные правила нарушила лишь один раз. После официального предупреждения замечаний не имела.

— Это тоже похоже на почерк Раковского,— раздумчиво отозвался Климов.— Научил и ее ловчить, пакостить, открыто не покушаясь на наши законы.

— Скорее всего так, Василий Николаевич. Но если мы хотим обезвредить не только Раковского, но и всех его пособников, торопиться не надо. В прошлом же деле уже было такое — не вырвали с корнем сорную траву. Вот и снова она прет из всякой грязи...

— Грязи многовато, — жестко сказал Климов. — Как бы Раковский жил-существовал, будь в нашей жизни все чисто прибрано, а?

* * *

Раковский познакомился с Аллен в салон-магазине художников. У витрин с изделиями декоративно-прикладного искусства толпились в основном женщины. Бусы, ожерелья, браслеты из янтаря, морских ракушек и полудрагоценных камней, кубки и бокалы, украшенные серебряной сканью, камни пугали ценой, но привораживали.

Аллен держала в руке кубок, ловя крошечными фианитами, вкрапленными в скань, игру света горячей люстры. Раковский сразу определил — иностранка. Но и на туристку она не была похожа. Никуда не торопилась, кубок рассматривала, явно не прицеляясь к нему, а наслаждаясь изяществом работы. Уж кого-кого, а таких людей Раковский видел за версту.

Он приблизился к ней, делая вид, что рассматривает витрины, потом вроде бы неожиданно взглянул на кубок и озарил лицо восторженной улыбкой.

— Прекрасная вещь! Скань — прямо чудо. Как на работах маэстро Фаберже.

— О, да, очень напоминает, — как и подобает приличной женщине перед незнакомым мужчиной, сдержанно улыбнулась и она.

— Семен Борисович Раковский. — Он вежливо склонил голову. — Художник.

— Аллен Калева, — представилась и незнакомка. Весело засмеявшись, добавила: — Нехудожница. Любительница.

Говорила она по-русски с еле заметным акцентом. Раковский сразу отметил: так говорят русские, выросшие за рубежом.

— Вы иностранка? — деланно изумился он. — Простите, а я вас принял за... новую даму в нашем художественном совете.

Аллен рассмеялась громче, чем требует того приличие. Раковский поддержал ее красивым баритонным хохотком.

Магазин закрывался, и они вышли вместе.

Был пик белых ночей. С Невского туристы тянулись на набережные, повсюду звучала иностранная речь. Семен (они уже перешли на «ты» и имена) был в ударе.

Он в разных лицах, очень смешно меняя голос, походку, изображал тупиц-чиновников в руководстве Союза художников, прошелся и в адрес дам-художниц, уверяя Аллен, что все они старые девы.

О себе он говорил подчеркнуто сдержанно, но так, чтобы его собеседница поняла: вечер с ней проводит незаурядный художник, большой специалист в прикладном искусстве.

— Сейчас, дорогая Аллен, прикладное искусство — это не создание чего-то нового, а возвращение из праха, небытия старого. Я понятно говорю? — грустным голосом спросил он, беря ее за плечи сильными руками.

— Понятно, — не освобождаясь из его рук, сказала Аллен. — Понятно говоришь и очень красиво...

Поздно вечером он привел ее к себе домой. И когда включил в комнате красивую старинную люстру, Аллен ахнула от изумления.

В глубоких застекленных шкафах переливались гранями штофы, кубки, вазы из цветного стекла и хрусталя, на изящных камнерезных изделиях загадочно мерцали бриллианты, изумруды, сапфиры.

— Неужели Фаберже? — восторженно спросила она.

— Подлинный Фаберже, — истово подтвердил Раковский.

— И это? И это? — указывая на статуэтки за стеклом, спрашивала гостя.

Как подобает солидному хозяину, а не какому-нибудь барыге, Раковский смущенно разводил руками.

— Да, дорогая Аллен, неподлинных вещей я не держу.

— Ты очень богатый человек, — серьезно сказала она. — У тебя настоящий домашний музей.

— В этот музей я никого не могу привести, — горестно отозвался Раковский. — Разве что только очень близких...

— Почему же? — удивилась Аллен.

— Потому, что власти меня могут спросить: где я взял все это?

Аллен задумалась. А когда подняла на Раковского глаза, он увидел в них пляшущие искорки насмешки.

— А действительно, — произнесла она со значением, — где ты взял все это?

Раковский промолчал, считая, что они поняли друг друга и все сказали без лишних слов.

В следующий приезд в Ленинград Аллен без обиняков сказала Раковскому, что она готова взять у него одно из изделий Фаберже. И деловито раскрыла сумку, достав оттуда странички, вырванные, очевидно, из какого-то аукционного каталога. «Да, из каталога Сотби и Кристи,— узнал Раковский и в душе чертыхнулся.— А бабенка, оказывается, не лыком шита!»

— Вот смотри этот снимок,— предложила она.— Видишь, это твой малахитовый медведь. Убедился?

— Естественно, он,— согласился Раковский.

— А теперь читай его цену на международных аукционах.

Раковский скривил губы насмешливой улыбкой. Стоило привозить из Европы странички каталога, когда он лежит у него в столе! И стоимость изделий Фаберже на международных аукционах может назвать, не заглядывая в Сотби и Кристи.

— Ты получаешь от меня столько рублей,— продолжала торг Аллен,— сколько дадут долларов за эту вещь на международном аукционе. Согласен?

— Аллен,— теперь уже не скрывая насмешки, сказал Раковский.— Как говорят в Одессе, ты меня имеешь за дурака, что ли?

— Почему, Семен? — запротестовала она.

— Да потому, что этот каталог десятилетней давности. А с тех пор индекс цен на Фаберже подскочил на международном рынке покруче, чем на нефть. А если хочешь, я тебе скажу: вот этот самый медведь оценивается сейчас в полтора раза больше того, что сулит твой каталог.

— Откуда ты знаешь? — Аллен была явно обескуражена.

— Все оттуда же — из каталога Сотби и Кристи. Только не из твоего, устаревшего, а последнего...

Раковский, не торопясь, потянулся к полке, вытянул откуда-то с ее задворков объемистую книгу. Не раскрывая, назвал крупную сумму в долларах.

— Можешь проверить. Если ошибся, считай, что медведь твой — без единого цента!

Аллен глянула на обложку и все поняла: у Раковского было последнее, недавно вышедшее издание каталога на английском языке. Она, конечно, уже знала о нем, но никогда не думала, что ее ленинградский дружок уже успел приобрести его.

— Ты настоящий бизнесмен. Тебя за нос не проведешь! — искренне признала она свое поражение.

— На мякине не проведешь, — деловито поправил он. — Будешь меня слушать, и тебя никто не проведет... — Раковский долгим, испытующим взглядом уставился на Аллен.

Ей стало не по себе от этого холодного выжидающего взгляда. Она не выдержала, опустила глаза. А когда подняла их, Раковский понял: Аллен — не из тех женщин, которым богом дано править мужчинами. Впрочем, среди близких знакомых таких у него и не было...

— Раз согласна, тогда слушай, — смягчая голос, сказал он. — Ты бываешь на европейских аукционах, где навалом и русская икона, и работы наших художников, и всякая российская экзотика, на которую пока еще кидается ваш ожиревший Запад. Впрочем, спрос на икону пополз вниз, а вот на Фаберже — наоборот. Ты это знаешь.

Аллен согласно закивала головой:

— Я уже нашла покупателя твоего Фаберже...

— Покупатель никуда от нас не уйдет. Ты должна и можешь сделать другое. Покрутись на аукционах, почаще в разговорах вставляй, что бываешь в Ленинграде, знакома с художниками... Я уверен, Аллен, уверен, дорогая...

Раковский театрально распахнул руки, мечтательно закатил глаза, и Аллен, только что видевшая его совсем другим — холодным, жестким, была поражена быстротой смены его настроения.

— Уверен, что ты встретишь человека, который знает наших отечественных владельцев работ Фаберже. Понимаешь, то могут быть самые разные люди. Из тех русских, кого забросила в Европу революция или война с Германией. Кто уехал в Израиль, но осел в Европе. У их родственников, знакомых вполне может быть Фаберже. Когда они были здесь, не придавали этому значения. А теперь должны спохватиться...

— Не совсем поняла, что мы с тобой получим от этого? — перебила монолог Раковского Аллен.

— Плохо, что не поняла, — огорчился он. — Туго соображаешь. Нам с тобой нужны только ленинградские адреса людей, которые, как куры на яйцах, сидят на целом состоянии. И совершенно не подозревают об этом. Вот и все. А золотые эти яйца возьмем мы. Вытащим из гнезда, не потревожив несушек...

Теперь Аллен поняла Раковского. Поняла и оцени-

ла. Действительно, вспомнила она, сколько ей приходилось общаться на Западе с русскими, жившими когда-то в Ленинграде. Или с их детьми. Как охотно — просить не надо! — вспоминают они о прошлом! Семейные альбомы показывают, слезу пускают. Были случаи, когда и об оставленных состояниях и фамильных драгоценностях рассказывали. А в газетах мелькали и истории о кладах. Богатые родители оставили в России, а сын или внук поехал туда туристом и тайно вывез. Может быть, вранье, а может...

Аллен даже головой встряхнула, чтобы освободиться от этих расслабляющих душу мыслей. Они, как видно, пьянили и уводили от чего-то нужного, важного, сиюминутного.

Она открыла глаза.

Раковского рядом не было — он шумно плескался в ванной. Шикарная люстра под высоким потолком была погашена. Комнату мягко освещал торшер, изящно изогнутый, будто вставшая на хвост кобра.

Серый питерский дом массивно возвышался на набережной канала. В темной, словно застывшей воде покойно отражались высокие стрельчатые окна, обветшалый угловой эркер, увенчанный луковкой башни. Соседние, такие же старые, дома стояли в лесах капремонта. «Значит, и этот скоро пойдет на капиталку», — решил Линяшин, неторопливо прохаживаясь по гранитным плитам набережной.

Сейчас он ждал машину, в которой должны были приехать эксперт-криминалист и оперативники. Предстояло провести тщательный осмотр квартиры Сердобольского, опечатанной после его смерти.

Машина задерживалась, и Линяшин был даже рад этому. Хотелось побыть одному, собраться с мыслями. После нескольких часов, проведенных в больнице, где умер Сердобольский, его преследовали въедливые запахи, вынесенные оттуда вместе с кой-какой информацией, весьма богатой для размышлений.

Лечащий врач Сердобольского считает, что, судя по состоянию поступившего к ней больного, инсульт мог быть вызван душевным потрясением. И то, что старик не оправился от болезни, наводит на мысль: это потрясение продолжало терзать его, оказалось сильнее врачебной помощи.

По просьбе Линяшина лечащий врач и медсестры дали подробное описание всех больных, лежавших в одной палате с Сердобольским. Таких набралось восемь. Двое были с ним все дни болезни, трое сменили выписавшихся. Обстоятельно, с ненужными следователю деталями, поведав об их хворах, диагнозах, прописанных лекарствах и процедурах, врач и медсестры ничего интересного Линяшину не рассказали.

— Больные как больные. Все сердечники или гипертоники. Были и недовольные обслуживанием, капризничали. Один даже жалобу настрочил, — сказала лечащий врач и, спохватившись, торопливо добавила: — Но у нас обслуживание на уровне. Комиссия недавно проверяла, жалоба признана необоснованной...

Линяшин откровенно рассмеялся. Тучная женщина в халате второй свежести, грузно ступавшая с ним по вытершемуся линолеуму больничных коридоров, в любом постороннем здоровом человеке, очевидно, видела проверяющего. И хотя он представился ей, даже показал красную книжечку служебного удостоверения, она держалась настороженно, бдительно следила за тем, обращает ли Линяшин внимание на пустой графин на тумбочке больного, неубранную койку, на хриплый голос певца, с трудом пробивавшийся из допотопного динамика.

— А вот Сердобольский жалобу не написал бы, — убежденно заявила лечащий врач. — Сразу видно — интеллигентный человек. Наши сестрички и забот не знали. Правда, за ним очень старательно ухаживал больной, Витя-угодник. Все делал, как положено. Делал и то, за что возьмется не каждый мужчина. И утку в постель подаст. И вынесет. И потную рубашку аккуратно снимет. Сбившуюся под стариком простынку поправит...

— Угодник — это что, такая фамилия? — заинтересовавшись, спросил Линяшин.

Женщина забулькала коротким смешком:

— Так окрестили Витю Кныша наши сестрички. Уж больно он услужливый был. Уборщице и той пол подметать не позволял. Щетку у нее из рук — и сам за уборку. Вот и прозвали его Витей-угодником...

В кабинете главного врача Валентина Степановича Линяшин просмотрел истории болезни тех, кто лежал вместе с Сердобольским. Записал адреса и место работы всех, но отложил в сторонку всего три истории, в том числе и Виктора Эдуардовича Кныша, Вити-угодника, тридцати шести лет от роду, проходившего лечение

в связи с гипертоническим кризом, а выписавшегося из больницы за два дня до смерти Сердобольского.

Попросив разрешения воспользоваться телефоном, Линяшин набрал номер своего помощника из бригады следователей по делу Раковского.

Валентин Степанович, тактично сославшись на занятость, предупредительно покинул кабинет.

— Андрей, быстренько свяжись с уголовным розыском милиции. Попроси проверить, не проходил ли по их ведомству кто-нибудь из этих граждан. Диктую фамилии... И позвони мне, телефон даю...

Минут через двадцать Линяшин уже записывал рядом с фамилией Кныш: работает, а точнее, числится сторожем на автостоянке, неоднократно задерживался за фарцовку, был осужден на три года, после освобождения ведет антиобщественный образ жизни...

— А где отбывал наказание? В какие годы? — заинтересовался Линяшин.

— Место от-бы-ти-я, — тянул Андрей то ли нарочно, то ли запутавшись в записях. — Так, записывай. Кныш Виктор Эдуардович... А клички его тебе надо?

— Пошел к черту со своими кличками! — взорвался Линяшин. — Что там у вас сегодня? Начальство в разгоне, и ты спишь на работе?

— Отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии номер... — Андрей два раза повторил цифры, — в 1978—1981 годах.

— Чудненько, Андрюша, всё сходится! — Напряженное состояние Линяшина неожиданно сменилось веселым расположением к своему помощнику. — А теперь, дружочек, проверь мою феноменальную память — посмотри, в какой колонии безуспешно пытались вернуть к честной жизни валютчика и спекулянта Раковского.

В трубке было слышно, как Андрей листает страницы. Наконец он ответил:

— Номер колонии тот же. Освободился на год позже Кныша...

Забыв даже поблагодарить Андрея, Линяшин положил трубку. И тут же увидел себя в огромном, во всю стену, зеркале. Двойник Линяшина был хорош! Узел галстука почему-то перекошен, лицо сияет, как надраенная бляха моряка-первогодка. Отражение качнулось в зеркале, хитровато подмигнуло Линяшину и озарило его широченной радостной улыбкой.

— Кхе-кхе, — послышалось за спиной вежливое покашливание.

Он обернулся. У дверей стоял главный врач. Его лицо не выражало ничего, кроме тщательно скрываемого изумления.

— Извините, отвлекся,— брякнул Линяшин, чувствуя, что от неловкости у него вспыхнули краской не только щеки, но и уши.— Итак... — справившись наконец со смущением, сказал он Валентину Степановичу,— мы с вами остановились на больном Кныше Викторе Эдуардовиче.

Лицо Линяшина было безмятежно спокойно и бесстрастно. Голос обрел деловые нотки. Будто отсюда, от этого дурацкого зеркала, он вдруг перенесся в свой служебный кабинет.

— Мы с вами не говорили об этом больном,— вежливо возразил Валентин Степанович.— Впрочем, наверное, запаматовал, был разговор...

Главврач начал догадываться, что в его отсутствие Линяшин открыл для себя что-то очень важное, очень нужное, связанное с пребыванием в больнице и умершего от инсульта Сердобольского. И открытие это, наверное, является служебной тайной, поэтому его неожиданный гость так непосредственно, так откровенно что-то радостно переживал, пока был здесь в одиночестве...

— С этим больным, которого наш персонал прозвал Витей-угодником,— сказал главврач, помогая Линяшину одолеть смущение,— я почти не общался. Он, как мне кажется, не очень серьезный больной...

— Несерьезный человек или несерьезный больной? — переспросил Линяшин.— В этих словах есть какая-то разница.

— Вы правильно уловили разницу,— улыбнулся Валентин Степанович.— Я и хотел сделать акцент на том, что Кныш был больным, пожалуй, только по данным «скорой помощи» и первых дней его пребывания здесь. Тщательное обследование не показало, что он гипертоник. Ведь высокое давление и даже гипертонический криз можно заполучить и варварским отношением к своему здоровью. Скажем, непомерным употреблением алкоголя...

— Выписался Кныш совершенно здоровым? — спросил Линяшин, все более заинтересовываясь рассказом главного врача.

— Здоровым и со скандалом. Представляете, тихоня-угодник поднял шум: почему его так долго держат в больнице? Лечащий прибежала ко мне. Давайте, говорит, выписывать, а то он жалобу напишет. «На кого,—

спрашиваю,— жалобу, чем вы не угодили вашему угоднику?» — «Не знаю,— говорит она,— чем, но он слухи нехорошие в палате распускает. Подрывает у больных авторитет обслуживающего персонала». — «Какие слухи?» — удивляюсь я. Лечащий помялась и сказала: «Кныш мне заявил в присутствии всех больных палаты: чтобы у вас, Елена Сергеевна, лечиться, надо иметь железное здоровье». В тот же день Витю-угодника, к изумлению Елены Сергеевны ставшего бунтарем, и выписали,— закончил свой рассказ Валентин Степанович.

Прохаживаясь по набережной канала, Линяшин снова и снова вспоминал некоторые детали визита в больницу, все больше обретая уверенность, что Кныш оказался там с определенной целью. Как же иначе объяснить его угодничество всем, а затем неожиданную дерзость, категорическое требование срочной выписки? И почему это он так обхаживал старика Сердобольского, а когда тот стал совсем плох, потерял речь и сознание, Кныш со скандалом выписался из больницы?

Линяшин надеялся, что предстоящий осмотр квартиры Сердобольского даст какие-то ответы на эти вопросы.

За его спиной мягко посигналила машина — приехали из управления.

— Мы тебе бутерброды привезли,— сообщил Андрей, потряхивая полиэтиленовым пакетом.

— Займись понятиями. Жилконтора во дворе, налево. Там же ждет нас и участковый оперуполномоченный,— сказал Линяшин, борясь с соблазном сейчас же съесть бутерброды.

В присутствии понятых вскрыли опечатанную дверь. Эксперт-криминалист, сделав несколько снимков в прихожей, великодушно разрешил войти.

— Опись имущества мы еще не делали,— пояснил участковый,— поскольку было письменное указание от вас ничего здесь не трогать. А за квартирой присматривал я и дружинники.

Линяшин благодарно кивнул.

Квартира выглядела так, будто хозяин покинул ее не навсегда. Эмалированный чайник на газовой плите, заварной и чашечки стопкой — на кухонном столике. Постель не убрана, а только прикрыта шерстяным пледом. На письменном столе в картонной коробке — валидол, нитроглицерин, масса других лекарств.

Больше всего Линяшина интересовала вторая комната, считавшаяся нежилой. Труханов использовал ее как

кладовку, но, по его словам, Сердобольскому она очень приглянулась и он собирался сделать в ней фотолабораторию. Как выяснилось, Сердобольский никогда не увлекался фотографией и даже фотоаппарата у него никто не видел.

Дверь в эту комнату оказалась заперта, а Труханов утверждал, что у него она вообще была без внутреннего замка.

Участковый принес связку ключей. Попробовал одним, вторым — дверь открылась.

В крохотной комнате, грубо окрашенной масляной краской, стоял тяжелый дух нежилого помещения. Добрую половину ее занимал шкаф, добротнo, как мастерили в старые времена, сделанный под красное дерево. Тускло мерцали толстые граненные стекла.

— Пальчики и любые другие отпечатки поищите везде — на ручках, стеклах, внутренних полках, — предупредил Линяшин эксперта-криминалиста.

Нижние полки оказались забитыми книгами, альбомами, справочной литературой по декоративно-прикладному искусству. Ведя следствие по уголовному делу Раковского, Линяшин перечитал и просмотрел горы специальной литературы по музейным ценностям, держал в руках редчайшие раритеты на эту тему. Большинство книг, хранившихся у Сердобольского, он знал по крайней мере по названиям. Его ничуть не удивили книги «Русское ювелирное искусство, его центры и мастера», «Золотые и серебряные изделия русских мастеров XVIII — начала XX века», альбом «Ювелирные изделия фирмы Фаберже», изданные уже в советское время. Но вот такую редчайшую книгу, как «Правила внутреннего распорядка фабрики золотых и серебряных изделий торгового дома К. Фаберже», вышедшую в 1903 году почему-то в Одессе, он видел впервые.

Линяшин начал листать ее, и где-то в середине книги нашел несколько листков розовой почтовой бумаги с машинописным текстом. Письма эти адресовались «господину Сердобольскому», но с русским обращением к нему по имени-отчеству. Судя по подписи, отправителем их был некто Серж Лаузов, проживающий в Швейцарии. «Ну что ж! — с удовлетворением отметил Линяшин. — Это уже не ниточка, ведущая к развязке, а кое-что покрепче. Наверное, именно об этих посланиях из-за рубежа и говорил Труханов...»

Осмотр и опись содержимого шкафа заняли около двух часов. Эксперт-криминалист сложил свои приспособ-

собления в чемоданчик, давая понять, что его работа закончена. Понятые явно заскучали. Линяшину это состояние оторванных от своего дела людей было знакомо. Приглашенные на обыск или осмотр места происшествия, они ждут нечто потрясающее воображение. Если не тугих пачек ассигнаций, сберегательных книжек с пятизначным счетом, золотых монет и бриллиантов с куриное яйцо, то хотя бы каких-то подпольных ценностей. Вот тогда было бы о чем рассказать, посудачить во дворе! Вот тогда можно было бы строить любые предположения насчет того, почему старик Сердобольский оставил на свои похороны 300 рублей, ходил в пальто и шляпе времен фильма «Чапаев», а на поверку оказался подпольным миллионером?!

По следственным делам Линяшину приходилось читать немало чужих писем. Деловых и сугубо личных, интересных, содержательных и пустых, четких, ясных и темных, как осенняя ночь.

Он не только читал, но и подшивал к делу, нумеровал как важный следственный документ и письма-исповеди, и письма-угрозы, и письма-советы, как вести себя в случае ареста и суда. Однажды к нему поступило письмо, написанное карандашом на узких полосках бумаги, оно поражало своей бессвязностью, никчемным набором, казалось бы, случайных слов. Было такое впечатление, что писал его психически больной человек.

Полоски бумаги и насторожили Линяшина. К чему бы это? Он искал потаенный смысл в отдельных словах, даже пытался переставлять их порядок, пока по какой-то ассоциации не вспомнил школьный ликбез об акростихе. И тогда в письме открылось все, что там было скрыто.

Письма, изъятые при осмотре квартиры Сердобольского, были осторожными, неоднозначными. Некто Серж Лаузов, сын русского эмигранта, лет сорок назад работал продавцом в антикварном магазине дяди Сердобольского. Потом стал совладельцем, а когда дядя умер, магазин перешел в его собственность.

Об этом говорилось в первом письме без всяких недомолвок. А дальше Серж Лаузов изъяснялся туманно. Можно было лишь догадываться, что в деловых бумагах своего бывшего компаньона он обнаружил подробное описание и воспроизведенные в каталогах фотографии

четырёх камнерезных изделий фирмы Фаберже. Эти работы исчезли из поля зрения коллекционеров, не значатся ни в одном музее мира, и Серж Лаузов по найденным у компаньона бумагам понял, что они были подарены Сердобольскому его дедом, бывшим хозяином антикварного магазина.

Серж Лаузов запрашивал: не согласится ли господин Сердобольский продать эти изделия? (Изображения их, вырезанные из какого-то очень старого русского журнала, он приложил к письму.) Далее Лаузов сообщал, что даже высокая цена в любой валюте не будет серьезным препятствием в их деловых переговорах, что он найдет возможность приехать в Ленинград или прислать к Сердобольскому доверенного человека.

В других письмах повторялось в разных вариациях то же самое. Только предложения о продаже изделий Фаберже становились более настойчивыми, а молчание Сердобольского называлось «неджентльменским».

Линяшин отметил, что все эти письма приходили на старые адреса Сердобольского. Ни одно из них он не получил по последнему месту жительства. Это обстоятельство заставляло задуматься: что же, Серж Лаузов так и не узнал новый адрес Сердобольского? Или узнал, но решил не донимать старика письмами и предпринял какие-то другие шаги? Тогда — какие?

Телефона у Сердобольского не было ни на старой квартире, где поселился Труханов, ни на последней. В одном из писем Лаузов просил Сердобольского позвонить ему, указывал свой домашний телефон. Линяшин уже запрашивал центральную телефонную станцию: были ли почтовые отправления с вызовом Сердобольского С. Я. на разговор по такому-то телефону? Оттуда ответили: вызова такого не было.

Запросил Линяшин и консульское управление МИДа: не приезжал ли в СССР гражданин Серж Лаузов? Нет, виза иностранцу с такой фамилией не оформлялась.

Но ведь, судя по всему, размышлял Линяшин, что-то или кто-то потревожил покой Сердобольского. Труханов утверждает, что Сергей Яковлевич был потрясен непонятной кражей статуэток из его бывшей квартиры, но не высказал никаких предположений по этому поводу. Лечащий врач Сердобольского считает, что причиной инсульта, скорее всего, было сильное переживание. Неужели он такой скрытный человек? Ни с кем не поделился своими страхами, ни у кого не стал искать защи-

ты, если кто-то начал его преследовать, шантажировать...

Вопросы громоздились, выстраивались в порядке их важности, логических связей один за другим, а ответ на них затаился где-то — Линяшин был убежден в этом — в последних днях жизни Сердобольского.

Была у Линяшина надежда, что многое в этой истории может высветить, поставить на свои места задержание по подозрению или даже арест Вити-угодника, Кныша. Но найти его пока не удалось. На работе он только числился, сторожил за него другой человек, по месту жительства в коммунальной квартире сказали, что видели его последний раз месяца два назад.

Ничего не дали и опросы круга его знакомых: «Как-то заходил, был сильно навеселе, куда ушел — не знаем», «Встретила случайно на улице, звал в ресторан, хвастался, что живет безбедно, предлагал выйти замуж за него, я отказалась. После его не видела», «Вроде бы собирался лететь в Сочи, но это было с месяц назад...»

Линяшин дочитал последнюю информацию о ходе розыска Кныша Виктора Эдуардовича. Нет, ни одна из них не наводила на его след, скорее наоборот — внушала опасение о тщетности поиска.

«Может быть, какую-то новую версию,— спрашивал себя Линяшин,— даст наука?» Он набрал номер телефона криминалистической лаборатории, по характерным басовым ноткам узнал голос эксперта-криминалиста Юрия Павловича. Спросил, пожалуй больше с нетерпением, чем с надеждой:

— Есть результаты?

— Торопись, Леонид Николаевич! Мечтаешь подвести под свою сомнительную дедукцию прочный научный фундамент?

Юрий Павлович был весело настроен, и это обрадовало Линяшина. Значит, какие-то положительные результаты уже есть! Иначе бы эксперт-криминалист не иронизировал по поводу дедукции следователя, которая, по его глубочайшему убеждению, ничто без объективных данных научно-технической экспертизы.

Словно подслушав Линяшина, Юрий Павлович пробасил:

— Сейчас пришлю заключение. Но мы продолжим работу — может, чего-нибудь и добавится...

За последние дни следствия это была вторая удача! Линяшин читал и снова перечитывал заключение, будто еще не веря в категоричность его выводов. «От-

печатки пальцев на стекле шкафа идентичны с отпечатками большого и указательного пальцев левой руки гражданина Раковского С. Б., 1945 года рождения, дактоформула номер... проживающего в Ленинграде, ранее привлекавшегося к уголовной ответственности...»

«Так-так, Семен Борисович! — Линяшин возбужденно заходил по кабинету. — Не выдержала авантюрная душа, сам пошел на дело! Как это непохоже на тебя! Годы таился, остороженько блудил по самому краешку закона и вдруг — сорвался! Нет, тут что-то не так...»

Линяшина не устроили собственные же рассуждения. Заключение экспертизы ломало сложившийся по материалам следствия стереотип поведения Раковского, заставляло задуматься и о субъективности этого стереотипа.

Устав лавировать между столами и стульями тесноватого кабинета, Линяшин схватился за трубку телефона. Решение созрело, надо докладывать начальству.

Полковник Климов отозвался, извинился и еще долго — или так показалось Линяшину — продолжал с кем-то говорить. Голос его был усталый и недовольный. «Не вовремя напрашиваюсь», — посожалел Линяшин, но было уже поздно.

— Слушаю, — сказал Климов.

— Есть важная информация. Прошу разрешения зайти, — как можно короче доложил Линяшин.

— Заходи! — И трубка звякнула о рычаг.

— Ох, не вовремя! — вздохнул Линяшин, укладывая в синюю папку заключение экспертизы.

Линяшин не ошибся. Полковник был явно не в духе. За стеклами очков не остыл еще колющий взгляд темных глаз. Даже забыл снять очки, которыми пользовался только при чтении бумаг. И тут же убрал их в стол, если предстоял с кем-либо разговор.

— Садитесь, докладывайте. И прошу: не выдавайте желаемое за действительное...

Линяшин догадался. Это официальное обращение и недовольство — продолжение только что оконченного крупного разговора с кем-то из провинившихся подчиненных. При всей своей демократичности в отношениях с младшими по званию и должности, Климов был жестко требовательным, не прощающим невыполнение намеченных следственных мероприятий. И особенно не тер-

пел говорунов, пытавшихся заменить конкретную мысль, четкую формулу версии обильными словоизлияниями.

Отлично зная об этом, Линяшин решил сразу начать с главного.

— Василий Николаевич, надо арестовывать Раковского.

Климов не снял очки, а сдернул их с носа. Так, очевидно, неожиданно для него прозвучало это предложение.

— Брать Раковского? — удивленно переспросил он.

— Да, — твердо ответил Линяшин, доставая из папки заключение экспертизы.

Очки снова взлетели на нос Климова. Он склонился над заключением, как и Линяшин, прочел его раз, второй... Оторвавшись от чтения, изучающе начал смотреть куда-то в дальний угол кабинета, одаривая его счастливой улыбкой.

Линяшин в душе торжествовал и радовался, что полковник, чекист с тридцатилетним стажем работы, точно так же, как и он, еще молодой следователь, близко к сердцу принимает каждую удачу или промах, прямо-таки на глазах добреет к тому, кто проявил смекалку, успешно разгадал хитроумную уловку преступника.

Однако общение Климова с дальним углом кабинета затянулось, и Линяшина это насторожило. Он уже было начал подыскивать новые доводы в подкрепление своего предложения об аресте Раковского, но полковник прервал его мысли.

— И все-таки, — сказал он раздумчиво, — Раковского брать рано.

— Василий Николаевич! Сколько мы будем позволять ему гадить?! — возмутился Линяшин.

— Ровно столько, сколько надо, чтобы перестала гадить вся его преступная компания. Давай вместе подумаем, что мы добьемся, взяв Раковского. Запоздало, но справедливо накажем зло? Да, крепко накажем. И за прошлые деяния, и за новые. Конечно, кой-кого он не пожалеет и выдаст. А сколько его пособников, этой тунеядствующей швали, рассыплется по углам и щелям, как горох из порванного мешка? Ты подумал об этом?

— Подумал. Витька-угодник, Кныш, никуда от нас не уйдет — найдем...

— И что ты ему инкриминируешь? Свои подозрения по поводу того, что он отдыхал в больнице от пьяных загулов в одно время с Сердобольским? Ах да, есть и улики! Психологического, так сказать, свойства. Тунеяд-

дец, фарцовщик, барыга, а почему-то «уточку» Сердобольскому подавал, простынку поправлял. С чего бы это, спросишь ты его. А он тебе знаешь что ответит? «Гражданин начальник, вы же сами учите: человек человеку друг. Или вы не согласны?»

Возьмем теперь,— продолжал Климов,— другую фигуру преступной группы — Аллен Калеву. Ну, по нашему представлению закроют ей визу в СССР. Что это даст следствию по делу Раковского? А вот что: обрубит концы, ведущие за рубеж, усложнит обвинение Раковского в контрабанде национальным достоянием...

— Вот об этом, Василий Николаевич, я сгоряча не подумал,— признался Линяшин.

— Не сгоряча,— заулыбался Климов. — Ты, Леонид Николаевич, по молодости увлекся тайной всей жизни Сердобольского. Признайся, тебе не терпится узнать, что же привело в его квартиру Раковского? Ведь он пошел не для того, чтобы оставить там отпечатки своих пальчиков.

— Он, наверное, грабанул там уникальные изделия Фаберже. Вот эти самые... — Линяшин достал из папки журнальные вырезки — фотографии изящных камнерезных статуэток, присланные Сердобольскому в одном из писем Сержа Лаузова.

— Ты мне об этом докладывал,— сказал Климов, с интересом рассматривая воспроизведенные в журнале фотографии. Сделанные давным-давно, они поражали глубиной проработки мельчайших деталей, поразительной четкостью и объемностью изображения. — Вот она,— вздохнул полковник,— старая фототехника, ушедшая в небытие...

— И уходящее туда же,— подхватил Линяшин,— никем не превзойденное искусство мастеров фирмы Фаберже.

Климов насторожился:

— Ты это о чем?

— А о том, что Раковского все-таки надо брать. Если эти вещи попали в его хваткие руки, он их может сплавить за рубеж. Вот и уйдут они в небытие...

Полковник снова начал рассматривать фотографии, но Линяшин понял, что он выжидает, обдумывая ответ.

— Раковский никогда нам не признается, что именно он похитил эти изделия Фаберже,— наконец сказал он. — А мы не сможем доказать, что они были у Сердобольского. Кто их видел у него? Никто. Письма Сержа Лаузова — это весьма косвенные улики. В конце концов

он имел право ошибаться, его могли ввести в заблуждение, что неизвестный ему Сердобольский является обладателем такого сокровища. И у нас нет никаких данных, что Раковский знал об этом. А он мог пойти в квартиру Сердобольского только наверняка.

— По наводке Кныша? — высказал предположение Линяшин.

— Кныш — не компаньон для Раковского. С ним он в одну игру играть не будет. Из осторожности. А вот использовать — может. Заставить подыгрывать, не посвящая, сколько в банке, не открывая своих карт.

— Но ведь кто-то должен был знать, — не сдавался Линяшин, — о статуетках Фаберже в квартире Сердобольского?

— Совершенно безопасный для Раковского человек. Такой, например, как Аллен Калева...

— Аллен Калева?

Линяшин не исключал ее участия, но эту версию как-то отодвинуло на второй план странное поведение Кныша в больнице. Особенно его неожиданная выписка оттуда. Вот почему и возникла уверенность в том, что именно Кныш — недостающее звено в цепочке Серж Лаузов — Сердобольский — Раковский. Честно говоря, Линяшин был удивлен, когда выяснилось, что в квартире Сердобольского побывал Раковский. Все шло к тому, что там мог оставить следы Кныш. Но Климов, очевидно, прав. Кныш скорее всего исполнял какую-то другую роль. Серж Лаузов сам не мог выйти на него или Раковского. А вот связаться с Аллен Калевой он мог. Или она с ним. Это ближе к истине. Тогда действительно Аллен тот человек, который знал, чем богата квартира старика Сердобольского.

— Я думаю, — прервал его размышления Климов, — тебе надо еще раз побывать в больнице, разузнать абсолютно все про Кныша. Мы должны иметь однозначные ответы на вопросы: с какой целью он определился в больницу, когда там лежал Сердобольский? И что ему удалось добиться? А в жилконторе надо обстоятельнее поговорить с членами комиссии, которые опечатывали квартиру Сердобольского. Ну и с теми, кто обеспечивал его похороны. Ты говорил, что он деньги на это оставил?

— Да, триста рублей.

— Как это было сделано?

— По утверждению участкового, деньги лежали на

письменном столе. В конверте. И записка была. Она изъята, приобщена к делу.

— Передай записку на почерковедческую экспертизу.

— Уже дана, но заключение не готово.

— Свою синюю папку оставь на сегодня у меня. Выкрою время — почитаю.

Климов потянулся за очками, давая понять, что затянувшийся разговор окончен.

Линяшин был у порога, когда полковник окликнул его.

— А твои опасения, что изделия Фаберже могут уплыть, как ты выразился, в небытие, не лишены оснований. Подумайте над этим все, кто занимается делом Раковского.

* * *

Следственная работа приучила Линяшина добиваться истины объективным анализом деталей и фактов, выстраивая их в такую цепочку, в которой каждое звено должно быть на своем месте. Любая оплошность, отсутствие убедительных доказательств, подтверждающих надежность звена, могут привести следствие к ошибке, направить на ложный след. «Не выдавайте желаемое за действительное» — этой фразой полковник Климов не раз охлаждал эмоциональный пыл подчиненных, пытавшихся заполнить образовавшуюся в системе доказательств брешь голословными рассуждениями. Или когда отмахивались от каких-то фактов лишь потому, что те торчали как булыжник на глади обкатанной версии.

Вчерашний разговор с полковником Климовым оставил у Линяшина неприятный осадок. В сущности, Василий Николаевич тактично дал понять: следственные мероприятия в больнице и по месту жительства Сердобольского проведены на скорую руку. Они не позволяют воссоздать обстановку подготовки к предположительной краже в квартире Сердобольского, не дают ясного представления о роли в ней Кныша. Уж коли его самого не спросишь об этом, следствие все равно обязано найти ответ. Ибо сейчас он — ключ к разгадке, как и когда Раковский проник в квартиру Сердобольского, а главное — почему это сделал сам? Ведь безопаснее и логичнее для такого осторожного преступника было послать туда того же Кныша!

Телефонный звонок дежурного коменданта оторвал Линяшина от невеселых дум. Комендант сообщил — при-

шли вызванные свидетели: участковый оперуполномоченный Макеев и техник-смотритель Ветловская. Оба они были членами комиссии по похоронам Сердобольского и приему на сохранность его квартиры и имущества.

Первой Линяшин допросил Ветловскую. Курносая миловидная молодая женщина была переполнена любопытством. Видно, слухи о краже, как обычно обросшие расхожими преувеличениями, взбудоражили уже всю округу.

— Когда нам сообщили из больницы, что он умер, мы собрали общественность,— бойко рассказывала она.— Родных у него нет—это мы знали, друзей тоже никто не видел. Решили вскрыть квартиру, ключ подобрали наши сантехники...

— А зачем вскрывали? — спросил Линяшин.

— Зачем? — Техник-смотритель уставилась на сейф и, словно посоветовавшись с ним, пояснила: — Костюм взять, чистое белье. Покойника положено переодеть... Когда брали белье из шкафа, кто-то обнаружил на столе записку...

— Рядом с запиской ничего не лежало?

Снова долгий взгляд на сейф. И ответ без обычного для свидетелей: «не припоминаю», «а мне и ни к чему», «не обратил внимания».

— Рядом шариковая ручка лежала. Блестящая, металлическая, вроде не наша — импортная. Ну еще на столе ваза с цветочками, какие-то книги.

— А дверь во вторую, нежилую комнату вы открывали?

— Нет. Там и у прежнего жильца, Труханова Якова Михайловича, была кладовка. Наверное, и у Сердобольского осталась.

На вопрос Линяшина, что она может сказать о личности Сердобольского, Ветловская покачала аккуратно убранный головкой.

— Квартплату вперед за месяц платил. Жалоб не писал. Ремонта не требовал. Одним словом, интеллигентный старикашка...

Участковый мало чего добавил к тому, что Линяшин узнал от Ветловской.

— Честно говоря, — сказал он, доверительно улыбаясь следователю как близкому по профессии человеку, — мы, участковые, тихих жильцов и не знаем. Они нас не тревожат, отчетные наши данные не портят.

— Оставленную Сердобольским записку вы читали?
— Все члены комиссии читали.
— А как вы думаете, почему последнее, рядом с подписью, слово «прилагаю» зачеркнуто?

— Деньги он приложил. В конвертике. А потом, видно, вспомнил, что и записку начал с этого: оставляю триста рублей. И не стал повторяться...

— Других бумаг на столе не видели?

— Нет,— помотал головой участковый.— Кроме стопки книг. Я их, помню, полистал, пока женщины спорили, какой костюм для покойного брать: новый или ношенный.

— И какой же взяли? — поинтересовался Линяшин.

— Победил житейский практицизм. Порешили, что сойдет и малость ношенный. Покойнику все равно, а у него наследники могут объявиться. Еще претензии предъявят, что имущество не сберегли...

Вопрос о выборе костюма, заданный Линяшиным не для протокола допроса, а, пожалуй, для более человеческого общения со свидетелем, неожиданно зацепил в его сознании какую-то важную мысль. Она еще только пробивалась, обретая плоть нужных слов, но Линяшин уже понял: вот оно, главное, ради чего стоило терять время, вести этот пустопорожний для следствия разговор.

Все эти дни мысли его были заняты судьбой ключей от квартиры Сердобольского. Конечно же, он взял их с собой в больницу. А где они были там? Кто имел к ним доступ? Что с ними стало после его смерти? Вроде бы никчемный вопрос о костюме всколыхнул эти мысли, довел до того накала, когда они уже больше не могли бродить в голове, рвались наружу. И они вырвались в слова, сказанные следователем как можно будничнее, спокойнее:

— А одежда, в которой Сердобольский попал в больницу, была возвращена?

— Наверное, нет. Помню, что женщины судачили об этом.

— О чем?

— Да о том, что в покойницкой Сердобольский лежал в больничном халате и тапочках.

— Подпишите протокол,— предложил Линяшин, облегченно вздохнув.

В больницу он наведалься в тот же день. Главный врач встретил его как знакомого. Истории болезни пациентов, лечившихся в одной палате с Сердобольским, стопкой лежали на столе.

— Даже не знаю, чем еще могу вам помочь? — Валентин Степанович, как и в прошлый раз, был предупредительно вежлив.

— Хочу лечь в больницу, — без тени улыбки заявил Линяшин. — И, пользуясь знакомством с вами, сейчас же!

— Мест нет, но... для вас найдем! — настраиваясь на шутку, заверил Валентин Степанович.

— Тогда принимайте. Только прошу вас — с соблюдением всех требований больницы. От приемного покоя до выписки.

Валентин Степанович часто-часто заморгал, не зная, в каком тоне продолжать эту затянувшуюся игру. Линяшин тоже понял, что пора все объяснить.

— Мне действительно нужно... для пользы дела пройти дорогой обычного пациента вашей больницы. Но, чтобы не отнимать у вас времени, сделаем это условно, что ли. Договорились?

Озадаченному Валентину Степановичу ничего не оставалось, как вежливо предложить:

— Прошу вас... в приемный покой.

Они спустились вниз, Линяшин взял в гардеробе плащ, покорно, как примерный пациент, сказал:

— Доктор, я готов. Все вещи при мне.

— Раздевайтесь, больной, — в тон ему отвечивал Валентин Степанович.

— Мы же договорились — условно, — перешел на шепот Линяшин, заметив, что к ним с прибором для измерения давления и градусником спешит озабоченная дежурная медсестра.

Чуть дрогнув уголками губ, Валентин Степанович остановил ее.

— Больной прошел осмотр на отделении. Покажите ему, где у нас сдают вещи.

Пропитанная запахами лекарств и дорогих духов медсестра засуетилась вокруг Линяшина, осторожно поддерживая его под локоток. Как-никак, а больного привел сам главный!

Когда она открыла ключом дверь камеры хранения личных вещей больных, в лицо Линяшину ударил душнo-едкий запах масляной краски и извести.

— Извините, после ремонта еще не выветрилось, — защебетала медсестра. — У нас первый этаж приводили в божеский вид, а здесь малярный склад был.

— А где больные держали вещи?

— Прямо на отделении. Выделили на каждом этаже по палате — и нам никаких забот, — простодушно объяснила она.

Заметив заминку, подошел главный врач.

— Доктор, можно сдать вещи на отделении, как это было, когда шел ремонт? — с просительными интонациями в голосе обратился Линяшин.

Валентин Степанович остро глянул на «больного», все понял и, поблагодарив дежурную, повел его на отделение. По дороге он заглянул в пустующую ординаторскую, прихватил там висевший на гвозде ключ.

— Вот здесь, — открыл он дверь угловой комнаты. — Видите, до сих пор кое-кто не унес вещи вниз.

Линяшин огляделся. На длинной стойке-вешалке забыто висело несколько одежонок. Из карманов разномастных пиджаков торчали лоскутки бумажек с нацарапанными фамилиями и номерами палат.

— В июле, когда... — начал Линяшин, но Валентин Степанович понял его с полуслова.

— Когда лежал Сердобольский, вещи всех больных были здесь.

Линяшин прошелся вдоль вешалки, читая фамилии. И замер, не веря глазам своим, у последнего, одиноко висевшего костюма, упрятанного в полиэтиленовый мешок. «Сердобольский С. Я. Палата № 12», — прочел он сквозь матовую тусклость полиэтилена.

— Как же так получилось... — растерянно бормотал Валентин Степанович. — Ремонт... Забыли...

Он потянулся к мешку, намереваясь снять его с вешалки.

— А вот это не надо делать! — твердо сказал Линяшин. — Пригласим понятых.

В присутствии понятых костюм извлекли из мешка, старательно осмотрели все карманы. Нашли там восемьдесят копеек, чистый носовой платок и пузырек валокордина.

Ключей от квартиры в кармане не было.

Раковский припарковал машину у сквера, бережно прикрыл дверцы, сделал несколько упражнений — разминку перед бегом. Упражнения особого удовольствия не доставляли. Может быть, потому, что невольно напоминали те печальные времена, когда его повышенная работа о здоровье вынужденно ограничивалась размин-

кой. Там бегать было негде. Да и дискомфортный режим мест заключения не позволял такую роскошь.

Зато теперь каждое утро он бегал с наслаждением. И трусцой, и в более быстром темпе. Бег давал ощущение силы, свободы, уверенности в том, что все складывается отлично, что живется ему так, как не могут позволить себе жить другие люди, вынужденные утром спешить куда-то на работу, подчиняться какому-то начальству, думать, как бы не растратить лишние десять рублей.

Этих забот у Раковского давно не было и в помине. В маленьком, зашторенном от посторонних глаз мирке людей, близких ему по духу, жили иными заботами. Здесь считалось дурным тоном даже заговорить о каких-то обязанностях перед обществом. А такие понятия, как честь, порядочность, самоуважение, были вывернуты наизнанку. Нечестно поступил — это когда играл в карты в долг и не вернул его. Непорядочно — когда без всякой выгоды для себя сбиваешь цены на «черном рынке». Имеешь право на самоуважение и на зависть других, если все на тебе, все в твоей квартире и все, что крутится-вертится вокруг тебя, базарно кричит о том, как ты умеешь жить. Когда с завистью говорят о твоей машине и немыслимом перстне с бриллиантом, о твоей привычке слетать на воскресенье позагорать в Сочи, а обедать в ресторане, о твоей «шикарной» любовнице и преданной молчаливой жене-домохозяйке, о твоих фирменных шмотках и товарах из валютного магазина.

Правда, о Раковском нельзя было сказать, что он уже жил такой жизнью. Но он весь был устремлен в нее, грезил о ней, и ему казалось, что вот-вот он войдет туда с тугими пачками купюр — советскими и в валюте, надежно подстрахованный на всякий случай личной коллекцией антикварных вещей и драгоценностей.

Пробежав последний круг, Раковский разделся до пояса, протерся махровым полотенцем. Нашупав на руке пульс, скосил глаза на часы. Число ударов сердца было чуть выше его нормы. Осуждающе покачав крупной головой, сказал сам себе:

— Пить надо в меру.

Во всем остальном он был доволен собой. Доволен сегодня и пока. Жизнь научила его не обольщаться на сей счет. И как бы осторожно память ни берегла его самолюбие и тщеславие, как бы старательно ни обходила черные дни прошлого, в нем, этом прошлом, са-

мым запоминающимся, до озноба страшным, был арест, гробовая тишина следственного изолятора и приговор суда.

Это случилось, когда ему было двадцать восемь лет. Недоучившийся студент из областного города, он приехал в Ленинград поступать в художественный вуз. Благих намерений хватило лишь на то, чтобы покрутиться в коридорах института и из разговоров с абитуриентами и преподавателями понять: шансов войти в храм искусства нет — слишком слаба подготовка.

Все, кто знал Раковского в те годы, обращали внимание на то, что энергии, предприимчивости ему не занимать, ума — тоже, что умеет схватить на лету интересную идею, увлечься и увлечь других задуманным делом. Но уже и тогда над этими добрыми началами брали верх обостренное тщеславие, склонность к авантюризму, стремление заявить о себе, выделиться любой ценой.

Даже не попытавшись поступить в художественный вуз, Раковский решил: если не учиться прикладному искусству, то хотя бы считаться его знатоком и страстным поклонником в глазах окружающих. К сожалению, в среде художников подобные люди вполне приживаются и, случается, подвизаются там всю свою жизнь, где-то и над чем-то работая, что-то собираясь сотворить, но кто-то и почему-то им мешает это сделать.

У одного профессионального художника Раковский натягивал на подрамники холсты, грунтовал их, другому помогал оформить персональную выставку или договор на выгодные прикладные работы, у третьего был на побегушках. Устроился он и с ленинградской пропиской и жильем — фиктивно женился, выговорив право у своей «избранной» жить у нее «до лучших времен».

Внешний лоск, «художественная» внешность, респектабельность, а если надо — угодливость, замашки «своего парня», простоватость новичка, замороженного искусством, помогали ему сходить с самыми разными людьми. Эти «добрые» люди и устроили его в Ленинградское отделение Художественного фонда РСФСР инспектором-искусствоведом.

Худфондовская зарплата мало волновала Раковского. Эта должность ему нужна была как виза для беспрепятственного входа в солидные учреждения, для обустройства своих личных дел. Эти дела он проворачивал энергично и с размахом. Ребята, поступившие в Мухинское училище в год его появления в Ленинграде, еще не

получили дипломы, а он уже имел в центре города собственную мастерскую. Они жили на стипендию, на общественных началах оформляли интерьеры скромных помещений, а он за солидный куш по частным соглашениям с церквями реставрировал и украшал кресты, кустодии, кадила, митры, ковал и чеканил церковную утварь в своем ателье.

Выполнение этих сверхвыгодных заказов требовало не только времени, умения, но и материалов. Чаще всего таких, каких нигде не сыщешь, честно не приобретешь. Вездесущий Раковский шастал по музеям города, реставрационным мастерским, шастал не с входным билетом экскурсанта, а с удостоверением инспектора-искусствоведа, знакомился со специалистами прикладного искусства, с рабочими, обслуживающими эти учреждения. И доставал у них то, что можно было втридорога продать.

А потом за скупку заведомо краденого — музейных ценностей — Раковский получил семь лет лишения свободы.

Выйдя оттуда, Раковский присмотрел себе работу монтажника на комбинате живописно-оформительского искусства, а затем художника на скульптурном комбинате. Материально он был достаточно обеспечен, сдельно получая в месяц до тысячи рублей. Но в его представлении это были не деньги.

Не деньгами, а карманной мелочью считал такой заработок и новый компаньон Раковского по «черному рынку» Алик. Именно от него он узнал, каким огромным спросом пользуются изделия знаменитого петербургского ювелира Карла Фаберже, за которыми охотятся и музеи всего мира и коллекционеры. Для доказательства Алик показал зарубежные аукционные каталоги, в которых говорилось, что камнерезные и серебряные произведения мастеров этой фирмы непревзойдены по искусству исполнения, что за всю историю ни один ювелир не пользовался такой славой. Описание изделий сопровождалось сообщением об аукционной цене, выраженной, как правило, пятизначной цифрой в английских фунтах стерлингов.

— Деньги нашему брату надо хранить не в сберегательной кассе и не в тайниках, а вкладывать в покупку вот этих штучек,— назидательно сказал Алик, тыкая пальцем в фотографии изделий Фаберже.

Раковский и презирал Алика и уважал. Презирал, как трутня, не вбившего собственными руками и гвоздя

в стенку, как невежественного в искусстве человека, путавшего импрессионистов и сюрреалистов, однако умевшего с большой выгодой продать любое полотно и тех, и других. Завидовал его торгашеской хватке, обостренному чутью на наживу.

В одну из встреч Алик показал ему подлинное изделие Фаберже и копию этого изделия, сделанную очень похоже, но грубовато. На основании копии значилось клеймо фирмы.

К этому времени Раковский уже видел уникальные работы фирмы Фаберже в Оружейной палате в Москве, в музейных экспозициях и в собраниях некоторых коллекционеров.

Осмотрев оригинал и подделку, Раковский откровенно сказал:

— Мало-мальски подготовленный специалист-музейщик сразу отличит подлинного Фаберже от лже-Фаберже.

Алик покровительственно усмехнулся:

— Твоя эрудиция в искусстве мешает тебе прилично жить. Специалистов по Фаберже раз-два и обчелся, а людей, имеющих лишние деньги и желающих похвалиться, что они имеют Фаберже,— сколько угодно. Для сведения сообщу тебе: вот эта подделка оценивается коллекционерами в пятнадцать тысяч. Оторвут с руками и ногами. И будут тешить себя тем, что это подлинник.

Этот разговор закончился деловым предложением взяться за изготовление подделок. Алик брался за финансирование работ и сбыт подделок. Как и с помощью кого будет организовано их изготовление, его не заботило. Он не любил посвящать в свои дела других и сам не лез в чужие.

У Раковского было немало знакомых среди мастеров прикладного искусства — резчиков по камню, филигранщиков, специалистов по литью, золочению. Разные это были люди. И работающие на производственных комбинатах Ленинградского отделения Художественного фонда, в объединении «Русские самоцветы», и занимающиеся изготовлением изделий прикладного искусства у себя дома.

Знатоки всемирно признанного мастерства русских умельцев фирмы Фаберже склонны считать, что многие секреты изготовления изделий этой фирмы утрачены, а уникальные произведения по существу неповторимы.

Раковский не вдавался в глубокие исследования на

этот счет, И не терзался сомнениями, возродимо ли забытое мастерство Фаберже. Он твердо знал одно: есть спрос — значит, надо найти и пути его удовлетворения. Значит, должны найтись и мастера.

И он их нашел.

Вербуя себе помощников, а по существу соучастников преступления, Раковский делал ставку именно на корыстные начала в том или ином человеке, который оказывался ему нужен. В большинстве случаев это были выпивохи или алкоголики, рыцари денежного мешка, любители левого заработка.

Проблема «кадров» для подпольной «фирмы» лже-Фаберже оказалась далеко не самой сложной. Гораздо труднее было организовать надежный и доходный сбыт подделок. Материал на них шел дефицитный, дорогостоящий. Подлинность его не должна была вызывать сомнений — это являлось одной из гарантий успешного сбыта. Раковский понимал: людей, знающих толк в драгоценных камнях и металлах, немало. И первое, что они сделают, — кинутся проверять обозначенные на изделиях пробы серебра и золота, добротность других украшений. А вот знатоков, умеющих отличить подлинного Фаберже от искусной имитации, Раковскому встречать не доводилось. Чаше приходилось иметь дело с людьми, обуреваемыми тщеславием, готовыми любой ценой приобрести то, чего нет у других, что возвысит, вознесет их над этими другими. Стремление заполучить уникальные вещи, будь то старинные книги, иконы, монеты, произведения живописи или прикладного искусства, подогревается у них убеждением, что приобретенное никогда не обесценится, наоборот, станет с годами только дороже. А они, следовательно, без всяких затрат, труда и суеты станут еще богаче. И уже не они будут ходить в музеи, а музейные работники — к ним.

Подобную философию «красивого» накопительства исповедовал и сам Раковский. Но сейчас он не мог позволить себе приобрести что-то впрок. Сейчас ему позарез нужны были наличные деньги. Для оплаты работы мастеров, для скупки, где только можно, серебра, золота, поделочных и драгоценных камней.

Какое-то время его выручал, как и было обещано, Алик. Он скупил почти все первые подделки и на правах опытного барышника перепродал их с выгодой для себя. С выгодой в 5—10 тысяч рублей за каждую подделку. Раковский понимал: Алик наживается на его «фирме», понимал, но молчал. Сам-то он жил по тем

же законам добытчика и спекулянта, терпеливо ожидая того часа, когда он сможет обойтись без толстого кармана Алика. Он уже проверил на своих знакомых: собранное в его квартире впечатляет и даже ошеломляет!

Через Алика Раковский познакомился и с другими спекулянтами антикварными вещами. После отъезда Алика в Израиль они стали постоянными «заказчиками» подпольной фирмы лже-Фаберже, закупая у Раковского почти все подделки и перепродавая их как подлинные изделия старых русских мастеров-умельцев.

Новые компаньоны Раковского оказались менее ухvatистыми, чем Алик. Эти делеги «работали», если того требовало «дело», в одной упряжке, но случалось, что и в тайне друг от друга. Их умами и душами безраздельно правил азарт погони за наживой, азарт надувательства кого угодно, в том числе и себе подобных.

Прошедший школу выучки у матерого, но осторожного спекулянта и валютчика Алика, Раковский «работал» гораздо чище своих компаньонов. Призрак следственного изолятора и жесткой скамьи подсудимых удерживал его от опрометчивых шагов, от махинаций, которые могли бы привлечь внимание правосудия. Даже самые близкие его компаньоны не имели ясного представления о том, каким образом он добывает изящные, дорогостоящие по материалу и мастерству исполнения статуэтки, точь-в-точь похожие на фирменные торговые дома Карла Фаберже.

Как нередко бывает, гром грянул неожиданно. Однажды таможенная служба в Бресте обнаружила у иностранца скрытые от контроля ценности, не подлежащие вывозу за границу,— бриллианты, платину на общую сумму более 60 тысяч рублей. Нити расследования потянулись в Ленинград к компаньонам Раковского. При обыске на их квартирах, в гаражах были найдены изделия из серебра, золота и драгоценных камней, различные приспособления для определения диаметра и чистоты бриллиантов, иностранная валюта. Следствием было установлено, что в числе ценнейших антикварных вещей, контрабандно переправляемых преступной группой за границу, были и изделия, помеченные клеймом фирмы Фаберже.

Компаньоны Раковского не выдали его, даже прикрыли. Спасла его от скамьи подсудимых и ошибка искусствоведческо-оценочной экспертизы, признавшей подделки подлинными изделиями фирмы Фаберже...

Воспоминания о тех кошмарных днях, когда шло

следствие, а затем — суд, всегда омрачали настроение Раковского. Вот и сегодня, приехав к скверу подзарядиться бодростью, он ни с того ни с сего вспомнил об этом и впал в меланхолию.

Раковский покосился на багажник машины, где у него лежала сумка с коньяком и вином. На всякий случай, для угощения нужных людей. Но он-то знал, почему глаза зыркнули на багажник, — неодолимо потянуло выпить. Выпить, чтобы отогнать эти страхи, казалось бы, прошлые, а на самом деле все время живущие в душе.

Дверцы машины хлопнули так, будто Раковский сел не в собственные «Жигули», а в такси. Взревев мотором, машина рванулась вперед.

Через час в заранее условленном месте должна была состояться встреча с Аллен Калевой. О приезде в Ленинград она сообщила по телефону еще вчера. Судя по ее намекам, на этот раз она что-то придумала. «Неужели решила сама везти? — Раковский уже был собран и отрешен от невеселых дум. — Нет, на риск она не пойдет. Значит, нашла надежный способ. Молодчина! Один ноль в ее пользу!»

* * *

Телефонный звонок разбудил Линяшина в два часа ночи. Звонил дежурный следователь из управления.

— Ты уже встал? — невинным голосом спросил он. — И собираешься на работу?

Линяшин зарычал в трубку, но тут же спохватился: кто же будет поднимать его среди ночи, чтобы дурачки пошутить?! Значит, что-то важное, неотложное.

— Не тяни резину — говори быстрее!

Сон у него будто холодным ветром сдуло. Только голос был еще предательски постельным.

— Кныша взяли. Уже в следственном изоляторе, — деловито, без всяких эмоций доложил дежурный.

У Линяшина перехватило дыхание. Наверное, он слишком долго молчал.

— Ты лег спать? — вернул его к действительности телефонный голос. — И правильно делаешь. Мы без тебя поговорим с ним за жизнь...

— Без меня не надо! Я поймаю такси и приеду!

— Приезжай, ждем. Машина, наверное, уже у твоего подъезда. Видишь, как я забочусь о твоём семейном бюджете...

Кныша задержали по ориентировке, очевидно, во время основательного загула. Во всяком случае даже сейчас от него несло сивухой так, будто он отмокал в бочке с водкой. Да и испещренные фиолетовой сеткой скулы, крылья носа исключали вопрос о его отношении к спиртному.

Без запинки пересказав Линяшину свои анкетные данные, он облизал пересохшие губы, бросил тоскующий взгляд на графин.

— Наливайте, пейте,— разрешил Линяшин.

— Мне поручено расследование дела о краже в квартире Сердобольского Сергея Яковлевича.

— В какой квартире? — насторожился Кныш.

Линяшин уловил его настороженность и плохо скрытое удивление.

— Вы лежали в больнице вместе с Сердобольским? — вместо ответа задал вопрос Линяшин.

— Лежал. Не отказываюсь, знал Сергея Яковлевича.

Линяшин отметил, что слово «знал» Кныш, наверное, не случайно употребил в прошедшем времени. Значит, ему известно о смерти старика. Так и должно быть.

— Так что вы можете сказать о краже?

Кныш молчал, но по его напряженному лицу было видно, что он о чем-то мучительно трудно думает, ловит ускользающую, какую-то важную для него мысль.

Когда он наконец поднял на следователя глаза, в них Линяшин прочел и обреченность, и решимость. Странно, Кныш еще не сказал и слова, но следователь уже понял, что сейчас будет сказана правда. Та правда о краже, которая у него, Линяшина, складывалась во время следствия как мозаичная картина из тщательно отобранных кусочков материала.

— Я не привык вилить, когда закон меня держит за шиворот,— сказал Кныш с усмешкой.— Сколько заработал — столько и получу. Но и за чужие статьи кодекса вкалывать на лесоповале не собираюсь... Я был не в бегах от вас. Я пил и думал: оставил меня этот паук Раковский в дураках или не оставил?

— Оставил,— однозначно подтвердил Линяшин. — А разве могло быть иначе?

Кныш тяжело вздохнул:

— Не могло. Дураки и должны оставаться в дураках... Но я думаю, что на некоторых умников у вас больше, чем на меня, собрано, а?

— Побольше,— не стал уходить от ответа Линяшин, И, подумав, без обиняков сказал: — Давайте начнем по

порядку. Как и при каких обстоятельствах вы познакомились с Раковским?

* * *

Утром Линяшин докладывал полковнику Климову:

— Одна из наших версий полностью подтвердилась. Кныш — фигура весьма второстепенная, игрушка в руках Раковского. Именно он, как мы и предполагали, навел Кныша на бывшую квартиру Сердобольского, где жил уже Труханов. Откуда он заполучил этот адрес и сведения, что у старика есть ценные антикварные вещи, Кныш не знает. И похоже, что говорит правду. По его словам, за несколько дней до троицы — дня кражи — Раковский сам проверял, действительно ли живет Сердобольский по этому адресу. В горсправке подтвердили: да, проживает. Мы выяснили, что тогда горсправка еще не имела данных о переезде Сердобольского.

Кнышу было строго-настрого наказано: ничего в квартире не брать, кроме камнерезных статуэток. Он в точности и выполнил это поручение Раковского. А когда принес их, того чуть не хватила кондрашка. Он орал на него так, что побелка сыпалась с потолка и мигали лампочки в люстре. Растерянный Кныш хотел взять статуэтки себе как трофей. Раковского привело это в бешенство. Он колотил эти статуэтки друг о друга, пока от них не остались одни осколки...

Климов весело рассмеялся:

— Колоритная сцена! Но не без расчета на эффект. Раковский любит и умеет подчинять себе людей бурей эмоций. Давит их психологическим прессом. И на многих это действует. Чувствуют себя лягушкой перед пастью змеи... Извини, я отвлекся, продолжай...

— Вскоре Раковский находит новый адрес Сердобольского — бывшую квартиру Труханова. И убеждается, что она пуста — старик в тяжелом состоянии лежит в больнице. Вот тогда в его голове и созревает план: определить в эту же больницу Кныша, поскольку, как оказалось, он прописан в том же районе. Вы знаете: бывшему уголовнику разыграть гипертонический криз не составляет большого труда. А под руководством такого искусного мистификатора, как Раковский, — тем более. Что и было сделано. Вызов «скорой», разговор с врачом, у которого в кармане лежат вызовы к другим больным, и он, естественно, торопится, — все это взял на себя Раковский.

На этот раз Кнышу было велено: минимум — войти в доверие, стать для старика своим человеком. Отсюда и полученное им в больнице прозвище: Витя-угодник. А максимум — выкрасть у него ключи от квартиры. Кныш все сделал по максимуму. Как он заполучил ключи, мы знаем.

Дальше события развивались так. Зная от врачей, что Сердобольский вот-вот может умереть, Кныш забирает ключи, срочно выписывается и бежит к Раковскому. А тот его встречает по заранее разыгранному сценарию. Дескать, от задуманного надо отказаться: органы что-то пронюхали, как бы не нагрянули с обыском. «А что делать с ключами?» — спрашивает Кныш. «Завтра же выбросим на помойку! — заявляет Раковский. — Тебе же советую временно смыться». Кныш конечно же напуган. Вечером Раковский устраивает для него разрядку — попойку, плачется, что его, наверное, заберут. Кныш утверждает: Раковский пил лошадиными дозами, и он не отставал от него.

— Раковский пил лошадиными дозами минералку или чай коньячного цвета? — усмехнулся Климов.

— Я тоже так думаю, Василий Николаевич, — согласился Линяшин.

— Что же было утром?

— Утром они поднялись поздно, похмелились. Раковский проводил его на такси и по дороге демонстративно швырнул ключи в Фонтанку. Прямо с середины моста. Мол, и концы в воду. А Кныша на прощание щедро одарил: пять сотен не пожалел. И умолял его беречь себя — не мозолить глаза милиции, отсидеться месяца два-три у какой-нибудь знакомой.

— Все ясно! — По оживленному лицу Климова Линяшин понял, что он очень доволен докладом.

— Интересно, а Кныш когда сообразил, что Раковский в ту же ночь побывал в квартире Сердобольского? — спросил полковник.

— Говорит, что, окончательно протрезвев и прокрутив в памяти подробности последней встречи с Раковским, начал догадываться. А когда я задал вопрос о краже в квартире Сердобольского, сразу все понял. Вот потому-то он и не изворачивался, рассказал обо всем чистосердечно...

— А о существовании Аллен Калевой ему что-либо известно?

— Видел ее у Раковского всего один раз. Но осторожный Семен Борисович не удостоил его знакомства

с ней. Кныш сам догадался, что она иностранка, туристка, интересуется русской стариной. Только не матрешками и балалайками, а иконами, церковной утварью, изделиями декоративно-прикладного искусства.

— Мы с вами знаем этих поклонников русской старины,— насупился Климов.— Таращатся они на нее жадными глазами, но видят не красоту, а доллары и марки, которые можно за нее ухватить... Это хорошо, что Кныш видел Аллен Калеву.

Телефон на столе Климова оранжево замигал лампочкой. Полковник снял трубку, выслушал и, извинившись, попросил повторить сказанное.

— Слушай и ты,— бросил он Линяшину, нажав клавишу на панели селектора.

— По вашей просьбе сообщаем,— громко вибрировал от излишних децибел голос.— Гражданка Аллен Калева запросила визу на въезд в Ленинград по индивидуальной туристской путевке...

На какой срок? — спросил Климов.

— Два дня. Суббота и воскресенье...

— Видишь, как все хорошо складывается,— повесив трубку, сказал Климов. Глаза его щурились улыбкой.— На субботу и воскресенье ты обеспечен круглосуточной работой. Не заскучаешь от безделья.

— Думаю, что не удастся поскучать и вам, — не растерялся Линяшин.— Если Аллен Калева едет всего на два дня, да еще не в качестве руководителя группы, значит, что-то срочное заставило ее это сделать.

— Согласен,— подтвердил Климов.— Аллен Калева — дама бережливая. Свои денежки на пустопорожний визит тратить не будет... Собирай-ка группу — мозжьте. А за Раковским — глаз да глаз...

* * *

Ноябрь рано зажигает огни города на Неве. А сегодня они в пелене мелкого дождя плавали лохматыми рыжими шарами, и было не отличить, вечер это или утро.

Впрочем, членов оперативно-следственной группы, работавшей по делу Раковского, меньше всего интересовало время дня. Сейчас они жили как бы в другом измерении — в напряженном ожидании сообщений о том, что же предпримет Раковский, как себя поведет Аллен Калева, с какой целью она приехала в Ленинград?

Никто не сомневался: Раковский непременно встретится с ней. А вот что будет дальше — мнения расходились. Допускалось, что встреча состоится в условленном месте, что Раковский передаст Аллен Калевой какие-то ценности, запрещенные для вывоза за рубеж, возможно, тут же получит соответствующую мзду, скорее всего — в инвалюте.

Учитывая возбужденное против Раковского уголовное дело, можно было, в полном соответствии с законом, сразу же задерживать и ее, состоявшую в преступной связи с ним. Вот тут-то мнения и расходились. Соблазнительное на первый взгляд задержание с поличным могло обернуться и неожиданной стороной. А вдруг переданное Раковским окажется безобидным подарком или тем, что, говоря языком закона, не является предметом контрабанды?

Что делать тогда? Аллен Калеву придется отпустить, то есть дать возможность уехать восвояси несомненной сообщнице преступлений Раковского, много знающей о его спекуляции и других махинациях.

Такой исход меньше всего устраивал следствие.

У более «благополучного» варианта тоже были свои минусы. Считалось вполне вероятным, что задержание Аллен Калевой даст убедительные улики нарушения советских законов — наличие контрабандных ценностей, принадлежащих Раковскому. Разумеется, его это изобличает, но Аллен Калевой даст лазейку сочинить любую версию. Что ей стоит заявить: «Я взяла это для передачи другому человеку. А что конкретно мне вручил Раковский — знать не знаю». Точно так же она могла отказаться и от переданного Раковскому вознаграждения (если оно будет): «А где доказательства, что это сделала я?»

Третий вариант был более рискованным, но зато сулил серьезное изобличение и Раковского, и Аллен Калевой. Этот вариант предусматривал не задерживать Аллен Калеву во время встречи с Раковским, где бы ни была эта встреча. Пусть поступает так, как заранее задумала. А за два дня ее пребывания в Ленинграде разгадать, каким способом она намерена вывезти полученное от Раковского за рубеж. Если решилась сделать это сама — для следствия особых проблем не будет: таможенная служба проверит ее багаж с особой тщательностью.

Однако считалось маловероятным, что осторожная, вышколенная Раковским Аллен отважится на подобный

шаг. Скорее всего, решила оперативно-следственная группа, она воспользуется пребыванием в Ленинграде кого-то из своих людей, доверит им контрабандно вывезти «подарок» Раковского. Вот тут-то и таился риск провала всей операции. Ведь из Ленинграда каждый день отбывают сотни зарубежных туристов, уезжают и улетают в разные страны. И нередко последним местом их путешествия в СССР является отнюдь не Ленинград...

В день приезда Аллен Калевой руководство управления дало разрешение именно на этот вариант.

Сообщая об этом Линяшину, Климов счел нужным добавить, как он выразился, лично от себя:

— Упустите — считайте, что вы не чекисты!

— Ну а кто же, Василий Николаевич? — обиделся Линяшин.

— Новобранцы добровольной народной дружины! С кондитерской фабрики...

— А теперь обижаете кондитеров, — попытался отшутиться Линяшин.

— Кондитеры отвечают за качество конфет. А вам, Леонид Николаевич, доверено другое дело, — не принял шутку Климов.

Линяшин вспомнил об этом напутствии полковника, когда получил первую информацию о встрече Раковского с Аллен. Вспомнил без всякого энтузиазма.

— Они отправились, судя по всему, гулять по городу, — сообщал оперативник. — У Раковского нет с собой даже сумки. Помахивает пустыми ручонками. У Аллен — обычная женская сумочка с надписью: «Мисс Диор»...

Мрачно насупив брови, Линяшин уставился в окно. Дождь уже не моросил — брызгал по стеклам звонкими шлепками. В кабинете было сумеречно, хоть зажигай свет. «Упустите — считайте, что вы не чекисты». «Да, положеньице!» — грустно усмехнулся Линяшин, думая о непредсказуемости поведения преступника, когда ему грозит опасность разоблачения и он начинает замечать следы. Вот и жди теперь, какое коленце выкинет Раковский, что у него на уме?

В кабинет вошел Андрей, самый младший по возрасту и званию из всех, кто занимался делом Раковского.

— Чего такой мрачный, товарищ начальник? — спросил деланно весело, но голос выдал и встревоженность.

— Где логика? Где здравый смысл? — Линяшин возбужденно заходил по кабинету. — Добрый десяток, ка-

жется, неглупых мужиков, с высшим юридическим образованием, с опытом розыскной и следственной работы единодушно решают: Раковский, встретившись с Аллен, тут же улизнет, растает, как масло на горячей сковороде. А он что делает? Отправляется гулять по городу! Да еще в такую погоду!.. Помахивает пустыми ручонками, как мне сейчас сообщили...

— Может быть, не случайно помахивает пустыми ручонками? — задумчиво отозвался Андрей. — Может быть, тут и есть эта самая логика?

— Какая? — встрепенулся Линяшин, но, кажется, за какую-то мысль ухватился.

— Специально демонстрирует, что на встречу пришел ни с чем. А то, что ему надо передать Аллен Калевой, лежит где-то в укромном местечке. Или у кого-то из приятелей, или припрятано по маршруту его прогулки...

— Андрей, ты гений! — повеселел Линяшин. — А ведь это идея! Теперь верю: ты не за красивые глаза получил на юрфаке красный диплом... Давай-ка бери машину и поезжай к нашим. Озадачь их этой идеей...

Смущенный похвалой, Андрей тут же исчез.

Около трех часов продолжалась «прогулка» Раковского и Аллен Калевой по насквозь пропитанному дождем городу. Они заходили в магазины, смешивались с многолюдьем станций метро на Невском, зайдя в «Пассаж» с главного входа, вышли на улицу Ракова. Теперь то было понятно: Раковский выжидает, заранее продуманно готовится к какой-то акции.

Так оно и случилось. К вечеру, когда по-осеннему сумеречный город готовился вот-вот зажечь уличные огни, Раковский зашел в парадную жилого дома. Аллен Калева осталась стоять у входных дверей. Достав из своей «Мисс Диор» зажигалку, она чиркала ею, настроженно поглядывая по сторонам.

Дверь приоткрылась — Раковский широким жестом приглашал Аллен. Она нырнула в парадную и тут же вышла оттуда. Но теперь рядом с сумкой «Мисс Диор» на ее плече висела другая — обычная, аэрофлотовская.

Хлынул дождь. Поеживаясь, Аллен Калева глянула на крышу дома и, будто пережидая дождь, покорно осталась стоять под козырьком крыльца.

Раковский не появлялся.

Через двадцать минут Аллен Калева решительно шагнула в струю дождя.

О том, что Раковский оборвал след и куда-то исчез, Линяшин догадался по телефонному звонку Климова.

— Зайди! — коротко бросил полковник. И в сердцах добавил: — Кондитер!

В кабинете Климова была уже почти вся следственно-розыскная группа. Кое-кто пришел в такой спешке, что не успел заглянуть к себе и снять плащ.

— Наметим дальнейший план действий, — сказал Климов, даже не взглянув на Линяшина. — С учетом... изменившейся ситуации...

Итак, Аллен Калева, получив от Раковского какой-то, по всей вероятности контрабандный, товар, находится в гостинице «Европейская». Отлет ее из Ленинграда завтра, в восемнадцать часов. Предполагается, что этот товар она повезет не сама — передаст кому-то, тоже уезжающему за рубеж. Все таможни предупреждены, но на каждую из них надо послать по одному нашему товарищу. Всем остальным — действовать по намеченному плану. В правовом отношении Раковский — человек грамотный, трезвомыслящий. Скорее всего, он будет скрываться, пока не убедится, чем же кончится его акция с передачей товара своей сообщнице Аллен Калевой. Если успешно — выйдет из подполья, в случае провала будет замечать следы. Наша задача — взять его как можно быстрее. И возможно скорее обеспечить встречу всей троицы: Раковский, Калева, Кныш. Тогда, как понимаете, все встанет на свои места. Тогда мы сотрем последние белые пятна в следствии по этому уголовному делу...

* * *

Телефонограммы приходили одна за другой. Передавая их Линяшину, дежурный по управлению ворчал:

— Всю таможенную службу страны подняли на ноги, что ли?

Тексты телефонограмм были совершенно одинаковы. Будто размноженный вариант одной и той же: «Через контрольно-пропускной пункт проследовала группа зарубежных туристов, — читал Линяшин. — Интересующих вас недозволенных для вывоза предметов не обнаружено...»

Аллен Калева выехала из гостиницы «Европейская» в аэропорт Пулково. Багаж с ней был сверхоблегченный — небольшая дорожная сумка и элегантная «Мисс Диор» на длинно спущенном ремешке. До ее отлета оставалось всего три часа.

— Калева прошла таможенный досмотр. У нее с багажом полный порядок. Сидит в зале ожидания и спокойно попивает кофе...

Это была уже не телефонограмма. Это звонил Линяшину оперативник Андрей, растерянно добавивший к спокойно сказанному:

— Неужели, Леонид Николаевич, дадим этой... улизнуть?

Через несколько минут телефон зазвонил опять, и Линяшин услышал ликующий голос того же Андрея:

— Нашли! Полный порядок, Леонид Николаевич! Три статуэтки Фаберже!

Оперативная «Волга», визгнув тормозами, выскочила на Литейный и устремила в аэропорт. На перекрестке с Невским проспектом инспектор ГАИ решительно взмахнул жезлом, но, услышав короткий вскрик сирены, тут же дал отмашку. Линяшин покосился на шофера, попросил:

— Можно открыть вторую форточку — жарко!

— Что вы, Леонид Николаевич, я и печку не включил, — удивился водитель. Но, спохватившись, засмеялся: — А, все понял! Жаркое дело...

В аэропорту Линяшину сразу бросились в глаза лица его коллег по следственно-розыскной группе. Даже если бы он не знал их, наверное, сразу выделил в толпе. Радость — она и есть радость, и это чувство не скроешь притворной строгостью лица, оно выдает себя оживленным румянцем щек, блеском глаз, интонациями голоса.

Андрей первым заметил Линяшина, и его по-мальчишески полные губы поплыли в счастливой улыбке.

— Они эти скульптурки знаете куда упрятали? Под поясные ремни. А нынешние модные куртки, ну, такие дутые, что хочешь прикроют...

— Кто эти — они?

Линяшин все еще не мог стряхнуть с себя напряжение последних двух суток, и голос его, наверное, прозвучал официально сухо и строго. Андрея это заставило стереть с лица радостное выражение, и он доложил обо всем по порядку.

Как и предполагала следственно-розыскная группа, Аллен Калева еще там, за рубежом, подыскала людей, согласившихся оказать ей помощь в контрабандной перевозке вещей. Все трое молодых парней были рослые, крупные, и их необъятные куртки, как считала она, не должны были вызвать подозрений. Когда таможенная

служба изъяла упрятанные под пояса статуэтки, один из них не запирался, написал в объяснении, что камнерезную фигурку обезьяны из халцедона, украшенную драгоценными металлами и камнями, работы неизвестного ему мастера, дала ему в гостинице «Европейская» женщина по имени Аллен. С просьбой о тайной перевозке этого скульптурного изделия через границу она обратилась к нему еще на родине, в туристической фирме, где он оформлял поездку в Ленинград. Аллен сказала, что едет по индивидуальной путевке, но из Ленинграда они вылетают одним рейсом. Расплатиться за услугу она обещала после возвращения на родину.

Сейчас этот блондин-здоровяк сидел в низком кресле перед следователем и, обмахивая платком красное, как после сауны, лицо, давал дополнительные показания.

Двое других пособников Аллен Калевой наотрез отказались назвать ее имя, утверждали, что скульптурные изделия с клеймом фирмы Фаберже им «преподнесли в подарок гостеприимные ленинградцы».

— При каких обстоятельствах преподнесли? — спросил Линяшин.

— О, это было сделано красиво! Пригласили в один дом — адрес не помню, — угостили русской водкой и подарили...

— Ваше возвращение на родину придется отложить, — сказал им Линяшин. — Ровно до того дня, когда вы вспомните, кто вам вручил статуэтки и с какой целью.

Когда на табло уже вспыхнула надпись: «Посадка на рейс...», Аллен Калевой было предъявлено постановление на арест.

Она не произнесла ни слова. Только нервно дернула плечом. Роскошная «Мисс Диор» мягко шлепнулась к ее ногам.

* * *

В аэропорт Раковский поехал не на своей машине — взял такси. Заранее предупредил водителя, что скажет, где там остановиться.

— Подрули вот туда, — указал он на пустой пятачок асфальта. — Буду ждать приятеля. Прилетает из-за кордона.

Таксист с видимым неудовольствием пристроил машину. От Раковского это не ускользнуло, и он одним словом поправил ему настроение:

— Не обижу.

Отсюда хорошо просматривались стеклянные автоматические двери зала отбытия пассажиров. Раковский видел, как к аэропорту подкатила служебная «Волга», из которой вышел подтянутый мужчина в сером пальто. Видел, как уже за стеклами дверей его расторопно встретил молодой парень, тоже подтянутый, но чем-то возбужденный. Сердце Раковского екнуло, когда эти двое прошли мимо таможенника, не предъявляя документов...

Раковский глянул на часы. До отлета Аллен оставалось еще долгих полчаса. Ему стало жарко, он расстегнул кожаное пальто, с трудом освободился из него. Не спуская глаз с дверей, расслабил узел галстука.

И вдруг он увидел Аллен. Она не шла, а брела в сопровождении молодого мужчины в сером пальто, а следом за ней вышагивал тот самый, который встречал этого мужчину. В его руке была дорожная сумка Аллен...

Служебная «Волга» подлетела к подъезду. Все трое сели на заднее сиденье. Раковский даже закрыл глаза — вот так несколько лет назад сажали в служебную машину и его...

Неужели провал? Нет, с этой мыслью он не мог примириться. Самое худшее, к чему Раковский готовил себя и Аллен, — задержание таможеней нанятых ею парней. Но она научила их, как вести себя, и надо быть полным идиотом, чтобы признаться, чей это товар на самом деле. Подарки гостеприимных ленинградцев — пусть звучит наивно, а поди проверь. Нельзя вывозить произведения прикладного искусства? Конфискуйте и ставьте точку в протоколе. А выдавать Аллен — только усугублять свою вину.

Мысли Раковского о судьбе Аллен вернулись к собственной персоне. Если провал, то чем это грозит ему? Парни, согласившиеся оказать услугу Аллен, знать не знают о его существовании. Она не продаст — ей же невыгодно. Потому что, сказав «а», придется сказать и «б» — признаться и в других своих грехах, связанных со знакомством с ним. И по Уголовному кодексу ответственность за эти грехи гораздо весомее, чем за попытку контрабандно вывезти три камнерезные статуэтки...

Раковский тронул за рукав вздремнувшего таксиста:

— Рейс откладывается. Поехали в город...

— Адрес? — по привычке буркнул таксист.

«Действительно, а куда ехать? — сжал зубы Раковский. — Куда?» Об этом предстояло серьезно подумать. — Там разберемся. Трогай!

О возвращении к себе домой не могло быть и речи. Хотя очень нужно было заглянуть хотя бы на полчаса. Кое-что взять, спрятать в надежном месте. Кое-что просто выбросить, сжечь, уничтожить любым способом. Поздно, слишком поздно!

Кроме квартиры у Раковского в нежилом фонде была мастерская, официально арендуемая другим человеком. Место укромное, вход со двора, не привлекавший внимание. Там он хранил все, что дома держать остерегался. Туда он никогда не приводил своих сообщников. О существовании этой мастерской никто из знакомых Раковского не знал. Поехать туда, отсидеться, осторожно разузнать по телефону, не взяли ли кого-нибудь из его людей.

Второй адрес, где он мог временно укрыться, показался Раковскому более подходящим. Это была квартира его давнишнего приятеля, спившегося художника, проходившего сейчас очередной курс лечения от алкоголизма. При воспоминании об этой квартире Раковский брезгливо поморщился. Грязный хлев, а не жилье. Но сейчас ему было не до комфорта, и он назвал таксисту адрес в двух кварталах от нужного места.

Трое суток отсиживался Раковский в гулко пустой, запущенной квартире, пропитанной затхлостью и страхом. Невидимый, но ощущаемый остро, как случайно пролитая карболка, страх затаился в захватанном руками телефонном аппарате и дверном замке, подсматривал за Раковским из щели зашторенных окон, рычал в моторах машин, проходящих мимо дома. Страх полз на него из углов квартиры. Он гнал его светом всех включенных лампочек, даже в ванной и туалете, децибелами старого транзисторного приемника, случайно найденного им в шкафу. Страх не покидал его даже в короткие часы забытья, превращая сон в такое душевное истязание, которое можно пожелать только злейшему своему врагу. Два раза, поборов страх, он задворками пробирался к мастерской, но зайти туда не отважился. Проходил мимо, кося глаза на занавески полуподвальных окон, зарешеченных толстыми железными прутьями. Занавески он повесил так, что, если кто-то посторонний тронет их, от него это не укроется.

Занавески были на месте. А он так и не решился войти в мастерскую.

И все же надо было что-то предпринимать. Обзвонить своих сообщников, может быть, они кое-что прослышали.

Телефон в квартире для этого не годился. Раковский посматривал на него с опаской, как на западную.

Он стоял в телефонной будке и по привычке зорко держал в поле зрения тротуар. Уже третий из его надежных пособников не ответил на телефонный звонок. На какие-то секунды внимание отвлекла записная книжка, где шифром был записан нужный телефон. А когда он поднял глаза, перед ним, будто из-под земли, выросли двое. Спортивного вида, рослые. И пол будки поплыл под ватными ногами...

Сидя в машине между двумя молчаливыми парнями, Раковский прикидывал разные варианты поведения на допросе. Теперь он не сомневался: Аллен назвала его имя, и ему, конечно же, устроят с ней очную ставку. И предъявят улики контрабандной сделки — эти злополучные три статуэтки.

В том, что он передал их Аллен, придется признать — запереться бесполезно. Разумеется, начнут докапываться, где он взял эти отмеченные клеймом фирмы Фаберже изделия. Достал у коллекционеров, которые по понятным причинам визитных карточек не оставили. Так принято у деловых людей, имеющих дело с редчайшими шедеврами искусства...

В этот же день следственно-розыскная группа произвела обыски в квартире Раковского, в мастерской и еще у двоих его сообщников. К позднему вечеру кабинет Линяшина был похож на музейный зал, в котором спешно готовится к открытию экспозиция изделий декоративно-прикладного искусства. Подоконники, стол, стулья — все было заставлено камнерезными работами с украшениями из серебра, золота, драгоценных камней, моделями статуэток из глины, пластилина или гипса. Ни Линяшин, ни другие сотрудники управления, работавшие по делу Раковского, не ожидали, что вещественных доказательств его преступной деятельности окажется так много.

На первых порах всех озадачили изъятые из тайника в мастерской Раковского пять статуэток с клеймом фирмы Фаберже. Поставили их рядом с теми, которые пыталась контрабандно вывезти Аллен Калева. Сравнили с фотографиями из старого журнала, присланными Сердобольскому Сержем Лаузовым.

Линяшину показалось даже, что у него двоится в

глазах. Он тряхнул головой: нет, со зрением вроде все в порядке. Посмотрел на лица сотрудников, столпившихся у стола, прочел и в их глазах недоумение.

Три статуэтки из пяти, изъятых в мастерской, были абсолютно точными копиями контрабандного товара Аллен Калевой. И на всех стояли фирменные клейма Фаберже.

Первым пришел в себя Линяшин.

— Понимаете, в чем дело? — спросил он, сам еще до конца не веря в мелькнувшую догадку. — Кажется, Раковский остался верен себе и в сделке с Аллен Калевой, своей верной сообщницей...

— Сделал искусные подделки под Фаберже, выдав ей их за подлинные изделия? — неуверенно высказал предположение Андрей.

— Вот именно! — теперь уже не сомневаясь в своей догадке, согласился Линяшин.

С обыска приехала последняя группа.

— Полюбуйтесь на это! — сказал следователь Кондрашов, вынимая из мешка матрицы, пуансоны, восковки, формы для литья металла...

— Убедительные улики преступной деятельности Раковского по еще одной статье Уголовного кодекса, — констатировал Линяшин. — Организация запрещенного законом промысла, наверняка с использованием наемного труда. Другими словами, создание подпольной фирмы лже-Фаберже...

В кабинет вошел полковник Климов. Все вежливо расступились, пропуская его к столу, на котором выстроились сразу обращающие на себя внимание совершенством исполнения, изяществом и богатством украшений статуэтки, украденные Раковским из квартиры Сердобольского.

Взгляд полковника тоже замер на изделиях-близнецах.

— Разве Фаберже тиражировал свои работы? — удивился он.

— Нет, Василий Николаевич, — ответил Линяшин. — И специалисты, и справочная литература по истории торгового дома Фаберже утверждают: все изделия создавались только в одном экземпляре. Словари тех времен, — добавил он с улыбкой, — не знали слова «ширпотреб».

— Выходит, что Раковский решил внести поправку в те словари? — Климов осторожно взял со стола пас-

хальное яйцо-шкатулку, обрaмленное тончайшей работы сканью. — Это подлинный Фаберже или подделка?

Линяшин развел руками:

— Никто пока не знает. Пригласим авторитетных специалистов, пусть они разбираются. Вот и Аллен Калева, считающая себя знатоком работ Фаберже, не отличила подделки. А ведь, как нам теперь известно, по европейским аукционам ездила, специально изучала спрос на эти изделия. Раковский и ее обвел вокруг пальца, подсунул подделки...

— Ах так? — заинтересовался Климов. — Это следствию, пожалуй, на руку...

— Почему? — не понял Линяшин.

— Вы сколько раз допрашивали Калеву? — не ответив на вопрос, спросил Климов.

— Четыре. Завтра утром снова допрошу.

— Сдвиги есть? Или упорно продолжает выгораживать Раковского, рассказывает вам, какой он благородный, чудесный человек?

Линяшин смутился.

— Пока всячески обеляет его.

— А вы, надо полагать, внушаете ей, какой он мерзавец, махинатор, спекулянт нашими национальными ценностями, как он паразитически живет и обкрадывает всех нас.

— Не без этого, Василий Николаевич, — согласился Линяшин, хотя начал догадываться, куда клонит Климов. — Должна же Калева иметь представление, почему мы возбудили против Раковского уголовное дело, почему по нему, как говорится, давно плачет тюрьма...

— Внесите небольшие коррективы в ваш допрос Калевой. — Климов замолчал, вероятно подыскивая нужные слова. — Не взывайте к ее совести, понятие о которой она, так же как и Раковский, считает пережитком варварства, чем-то вроде убожества. Не тратьте праведный гнев по поводу паразитического образа жизни Раковского. Ей на это наплевать. Раскройте Калевой глаза на то, что он обманывал и обворовывал ее, свою сообщницу. Обманывал красивую, знающую себе цену женщину, которая привыкла обманывать других, но не прощает, когда это проделывают с ней. Вот тогда и ей Раковский может стать мерзок и противен, как и вам. Вот тогда она кое-что и скажет о нем, хотя бы в отместку за его предательство. Вспомните, как быстро откровенчился от своего бывшего повелителя Кныш. Стоило только ему узнать от вас, что Раковский надул его...

Климов глянул на часы.

— Ого! Первый час ночи. Втянули меня в дискуссию о методах следствия, а теперь скажете: транспорт не ходит, дайте машину, чтоб разъехаться по домам.

— Василий Николаевич,— проникновенно сказал Линяшин. — Транспорт не ходит, дайте машину...

Кабинет грохнул дружным хохотом.

* * *

Шел уже третий допрос Раковского.

Он сидел перед столом следователя вполоборота, и солнце, бьющее в окно, скрывало от Линяшина выражение глаз, упрятанных за блестящими стеклами очков.

Линяшин поднялся и задернул занавеску. Но и процеженный занавеской свет каким-то странным образом ухитрялся зажечь окуляры допрашиваемого, стоило только ему заговорить. А говорил он возбужденно, напористо, искусно обходя расставленные следователем вопросы-ловушки. Иногда вскипал возмущением, и тогда его очки слепили Линяшина, будто там, за округлыми стеклами, были не глаза, а вольтова дуга.

До поры до времени Линяшин откладывал и очную ставку Раковского с Аллен Калевой, и разговор о том, каким образом у нее оказались не подлинные изделия Фаберже, а подделки. Допрос в основном крутился вокруг квартиры Сердобольского, похищения оттуда пяти статуэток. Ведь и чистосердечные показания Кныша не дали следствию ответа: где и как Раковский узнал о том, что у Сердобольского есть работы Фаберже?

У Линяшина на этот счет были свои догадки, но их, как говорится, к делу не подошьешь. Их надо возвести в ранг неопровержимой истины, надежно закрепленной показаниями обвиняемых, свидетелей, вещественными доказательствами и актами экспертиз.

В записной книжке Аллен был найден номер телефона, совпадающий с тем, который в одном из писем давал Раковскому Серж Лаузов. На вопрос, что это за номер и каким образом он оказался у нее, Аллен Калева кокетливо ответила:

— Не ломайте голову над пустяками. Это не телефон, а шифр: номер дома и квартиры одного из моих поклонников-соотечественников. Кроме следователей и мужья имеют скверную привычку заглядывать в записную книжку женщины...

Эти бесплодные допросы все больше убеждали Линяшина в том, что пора воспользоваться добрым советом полковника Климова: рассказать Аллен Калевой, как низко и подло обманул ее Раковский. Даже не рассказать, а убедительно, эффектно продемонстрировать.

Раковский и Аллен Калева вежливо кивнули друг другу и сели на стулья у стола Линяшина. Очная ставка подследственных — более ответственное дело, чем допрос. Следовательно один, их двое. Верх берет сторона, чьи ум, воля, аргументы окажутся весомее, а в итоге — кто из подследственных сдаст свои позиции перед лицом Истины.

— Расскажите, Раковский, как и с какой целью вы продали Калевой поддельные изделия, выдав их за подлинные работы Фаберже? — ровным голосом спросил Линяшин.

— Я хотел бы уточнить некоторые моменты... — торопливо, даже слишком торопливо для его манеры разговора со следователем начал говорить Раковский.

— А я хотел бы услышать ваш ответ на конкретно поставленный вопрос, — неуступчиво сказал Линяшин.

Аллен Калева недоуменно смотрела то на следователя, то на Раковского. В выражении ее красивого, ухоженного лица промелькнули то ли испуг, то ли изумление.

— Видите ли, я не успел предупредить Аллен...

— Отвечайте на вопрос! — жестко перебил Линяшин. — Или я начну спрашивать Калеву.

— Семен, в чем дело? Какие подделки? — вмешалась вдруг она.

Раковский, сверкнув очками на Линяшина, опустил голову.

— Вам предъявляются три статуэтки, изъятые при таможенном досмотре у ваших сообщников, — обращаясь к Калевой, сказал следователь и выставил их на стол.

Калева внимательно осмотрела изделия, задержала взгляд на клейме «К. Фаберже».

— Да, именно эти работы Фаберже я приобрела у Семена... простите, у Раковского.

— Ознакомьтесь с заключением искусствоведческой экспертизы, — протянул ей бумажку Линяшин.

Калева прочла ее раз, второй. Линяшин не видел выражения ее опущенных глаз, но по вспыхнувшему красными пятнами лицу догадался, какие противоречивые чувства обуревают ее сейчас.

— А вам, Раковский, предъявляются изделия, изъятые при обыске вашей мастерской...

Линяшин выставил на стол еще три статуэтки, как близнецы похожие на те, которые только что опознавала Калева.

Дрожащей рукой он потянулся к ним, испуганно отдернул ее. Скользнули по вмиг вспотевшему лицу и упали на пол очки.

Раковский и знать не знал, что следствие добралось и до его конспиративной мастерской, что упрятанные там в тайнике подлинные изделия Фаберже, выкраденные им у Сердобольского, предъявляются сейчас не как шедевры прикладного искусства, а как неопровержимые улики его преступлений.

— Прошу прервать очную ставку... У меня нет сил...

— Подлец! — срывающимся голосом крикнула Аллен. — Мошенник!

— Гражданка Калева! Прошу не оскорблять достоинство личности гражданина Раковского, — сказал Линяшин, но в душе был весьма солидарен с ней.

Он снял трубку, набрал номер.

— Уведите арестованного Раковского. — И, обращаясь к Калевой, добавил: — А мы продолжим вчерашний допрос.

* * *

Линяшин понимал, что Раковский будет заператься до тех пор, пока в цепочке бесспорных доказательств его вины будет хоть одна брешь, хоть одно слабое звено. Таким слабым звеном он пока считал обвинение его в краже из квартиры Сердобольского подлинных работ Фаберже. Признание Аллен Калевой, сделанное после очной ставки с Раковским, в том, что она заполучила у Сержа Лаузова адрес Сердобольского и подробное описание имевшихся у него изделий, а в один из приездов вручила этот адрес Семену Борисовичу, он начисто отрицал.

— Вы же сами видели — вздорная женщина, — убеждал он Линяшина. — Решила мне отомстить за то, что вместо подлинного Фаберже я продал ей подделки.

Раковский еще не знал об аресте Кныша — главного свидетеля его обвинения в краже. Не знал он и о том, что следствие располагает и другими неопровержимыми уликами его ночного визита в квартиру Сердобольского.

Настал день и час, когда эти улики решено было привести в действие, соединив тем самым разорванную

цепочку доказательств последним звеном. А уж затем предстояло повести допрос и о преступлении Раковского еще по одной статье Уголовного кодекса — организация запрещенного промысла с использованием наемного труда. К этому времени следствие располагало показаниями более двадцати мастеров-камнерезов, ювелиров, которых он привлек к изготовлению подделок под Фаберже, снабжал их нужными материалами, моделями изделий, оплачивал эту работу.

Очная ставка с Кнышем была для Раковского полной неожиданностью. Даже «предательство» Аллен не произвело на него такого потрясающего впечатления, как чистосердечные показания бывшего своего сообщника.

Кныш полностью подтвердил сделанные им на допросах признания, подробно рассказал, как по указанию Раковского «неудачно» украл из квартиры Труханова статуэтки, какой разнос получил за это, как у Семена Борисовича созрел план положить Кныша в больницу, где в это время находился Сердобольский. А когда он дошел до рассказа о том, как Раковский искусно разыграл спектакль с ключами, Семен Борисович не выдержал, зло оборвал его:

— Хватит обличать, прокурор несчастный! Свободу все равно не заработаешь, сядешь и ты!

Кныша увели.

— Могу, Раковский, помочь вам восстановить в памяти, как развивались события дальше, — сказал Линяшин. — Чтобы вы не обольщали себя надеждой на какие-то неизвестные следствию факты вашей преступной деятельности. Итак, напоив Кныша, когда он принес ключи от квартиры Сердобольского, вы ночью отправились туда, взяли из шкафа изделия. Вы — не Кныш. Вам было достаточно взглянуть на них, чтобы убедиться: да, это подлинные работы мастеров Фаберже, именно те, о которых рассказал Аллен Калевой Серж Лаузов. И дал ей адрес Сердобольского, правда старый адрес, по которому он жил до обмена квартир с Трухановым.

Раковский вскинул голову, торопливо заговорил:

— Да, я взял у Сердобольского изделия Фаберже, но не собирался переправлять их за рубеж. Они остались бы в нашей стране и рано или поздно оказались бы в наших музеях, а не на Западе.

— Нет, вы не взяли, а похитили, — непримиримо уточнил Линяшин.

— Виноват! Похитил. Но не сделай это я, и будь Сердобольский жив, он их сплавил бы за границу.

— Вы клевете, Раковский, на глубоко порядочного человека. Пользуетесь тем, что его нет в живых, пытаетесь замарать честное имя...

Линяшин сделал паузу, выжидая реакцию Раковского. Тот стрельнул на следователя испытующим взглядом, но лицо Линяшина было непроницаемым.

— Честное имя? Порядочность? — насмешливая улыбка скривила толстые губы Раковского. — Извините, но у вас не классовый подход к оценке людей. Кто такой Сердобольский? Сын белогвардейского офицера, открытого врага Советской власти. Внук нэпмана, торгующий в двадцатые годы в частном магазине. И — на тебе! — честный, порядочный человек!

— Да, Раковский, именно так. И вы знаете об этом, но притворяетесь. Вам было бы лучше, если бы Сердобольский оказался хуже, чем есть. А в том, что он совершенно не такой, как вы, вам не стоило труда убедиться из записки, найденной на письменном столе Сердобольского...

Линяшин достал из папки блокнотный листок.

— В этой записке Сердобольский писал, что оставляет триста рублей на тот случай, если ему не суждено будет выйти из больницы. Заканчивается письмо, как вы видите, словом «прилагаю», оказавшимся зачеркнутым. Слово это зачеркнули вы, Раковский. Зачеркнули потому, что на втором таком же блокнотном листке было написано нечто другое. Читаю вам заключение экспертизы, сделанное по найденному в книжном шкафу блокноту, сохранившему на верхнем листке отпечаток текста. Я вам зачитаю его. «Экспертным исследованием при сильном увеличении установлены отчетливые вдавленные следы следующего текста: «В случае моей смерти прошу передать в музей подаренные мне в 1926 году моим дедом пять камнерезных изделий торгового дома Фаберже, хранящиеся у меня в шкафу». По характеру отпечатков можно сделать вывод об исполнении текста шариковой ручкой. Одновременно экспертизой установлена идентичность исследованного текста с почерком С. Я. Сердобольского».

А вот еще одно заключение экспертизы. Оно имеет прямое отношение к вам. В нем говорится, что слово «прилагаю», которым заканчивалась записка о трехстах оставленных Сердобольским рублями, зачеркнуто шари-

ковой ручкой, по составу пасты идентичной изъятой у вас при аресте. Вам понятны заключения экспертиз?

Раковский молчал. Слишком долго молчал. Потом сказал, как выдохнул:

— Понятны.

— Ну а о том, как вы организовали изготовление подделок под Фаберже, я надеюсь, вы расскажете сами.

Раковский ничего не ответил. Но по тому, как дрогнули его губы, каким отсутствующим взглядом смотрел он сейчас куда-то мимо следователя, Линяшин понял: расскажет. Придет в себя, трезво взвесит, что запыраться бесполезно, и, чувствуя, что следствие идет к неминуемой развязке, начнет давать близкие к истине показания.

Два месяца спустя Линяшин подшил в это много-томное уголовное дело последний документ — обвинительное заключение. Подшил с явным удовлетворением. Вместе с уголовным делом предстояло отправить в прокуратуру в качестве вещественных доказательств и изъятые при обысках камнерезные и ювелирные изделия. Подлинные работы мастеров фирмы Фаберже и искусные подделки. А вот с ними, этими немymi свидетелями обвинения, Линяшину расставаться было грустно..

Тайна верфи «Гунарсен»

Сухогруз должен был прийти около одиннадцати вечера, но из-за тумана задержался где-то в восточной части залива. Уже далеко за полночь на горизонте показалось светлое пятно, затем оно превратилось в огни большого судна, которое медленно и осторожно подходило к порту.

Все свободные от вахты моряки столпились на борту сухогруза, напряженно вглядываясь в освещенный ярким светом пирс, на котором стояли встречающие их родные и близкие... Вот уже некоторые узнали друг друга и радостно замахали руками. Сухогруз швартовался у двадцать второго причала.

Теперь моряков отделяли от их родных буквально десятки метров, однако и те и другие прекрасно понимали, что пройдет по крайней мере еще часа три, прежде чем можно будет обнять любимого человека и расцеловаться с ним. Ничего не поделаешь — сухогруз вернулся из заграничного рейса, а существуют строгие таможенные правила, согласно которым все каюты, трюмы, машинное отделение и прочие нежилые помещения каждого судна, приходящего из заграничного рейса, должны быть предъявлены для таможенного досмотра.

...По трапу на борт судна поднимаются члены комиссии по оформлению прихода судна из заграничного рейса: пограничники — представители контрольно-пропускного пункта «Ленинград», двое сотрудников таможни, врачи санитарной службы, представители службы по карантину растений, агент службы Трансфлота. Каждая служба занимается своим делом. Мы последуем за работниками таможни, которые, после того как пограничники закончили проверку, приступили к таможенному досмотру, взяв с собой двух назначенных капитаном представителей команды: второго механика и боцмана.

Даже досмотр чемоданов, сумок, другого багажа и носильных вещей представляет определенные трудности, ведь «находчивые» люди порой весьма хитроумно прячут

ценности: часы, золотые и серебряные цепочки, монеты, денежные купюры — среди стопок с бельем или даже в специально приспособленных тайниках, дополнительно пришитых карманах и т. д. А что тогда можно сказать о большом океанском судне с его палубами, переборками, трюмами, кладовыми, машинным отделением, каютами и т. д. и т. п.? Ведь это настоящий плавучий дом, в закоулках которого можно запрятать не несколько монет и часов или цепочек, а десятки импортных джинсов, скупленных по дешевке где-нибудь в портовых магазинах, японские или западногерманские суперсистемы, начиненные электроникой, за которые дома можно выручить кругленькую сумму.

Инспектор таможенной службы Перфильев хорошо разбирался во всем этом лабиринте трапов, надстроек, палуб и трюмов — за плечами восемь лет службы в таможне. Сегодня вместе с ним работал контролер Келейников, стаж работы которого не превышал года. Таможенники проверили жилые каюты членов экипажа и нескольких пассажиров. Кое-где осматривали вещи, чемоданы, сумки, интересовались подволоками (потолками кают). У некоторых членов экипажа проверили с помощью металлодетектора карманы. Все в порядке — никакого металла.

— Теперь в машинное отделение! — сказал Перфильев.

На лифте спустились в центральный пульт управления машинного отделения. Из застекленного помещения хорошо были видны дизеля, один из которых продолжал работать, снабжая судно электроэнергией. Перфильев стал обследовать центральный пульт, а Келейникова направил в машинные кладовые.

Осматривая стеллажи второй машинной кладовой, Келейников обратил внимание на четыре довольно больших деревянных ящика, стоявших на верхней полке. Судя по маркировке, ящики были иностранного производства. Помня наставление Перфильева, которое он выражал в довольно своеобразной форме: «Смотри в оба!», Келейников обратился ко второму механику:

— А что это у вас в ящиках?

— Судовое имущество. Видимо, запчасти для дизелей.

— А почему в импортных ящиках?

— Так поставлены фирмой. Мы же у них ремонтировались.

Удовлетворенный ответом Келейников вернулся на

центральный пульт. Перфильев уже ждал его. Выслушав доклад, спросил:

— Ну хоть один ящик-то посмотрел?

— Нет.

Перфильев недовольно поморщился:

— Пойдем посмотрим.

Ящики оказались не такие уж тяжелые. Спустили один. Он легко открывался после поворота никелированной ручки. Келейников увидел что-то завернутое в упаковочную бумагу. Развернул. К дизелям это не имело никакого отношения: фаянсовая раковина нежно-голубого цвета. Тут же аккуратно упакованные пластмассовые трубки. Пришлось посмотреть и другие ящики...

Второй механик наблюдал происходящее с безразличным видом.

— Ничего пояснить не могу.

Вызвали старшего механика. В объяснении, написанном по предложению Перфильева, он указал, что ящики погружены по указанию капитана, о содержимом ящиков ему известно не было.

Перфильев, Келейников и старший механик направились к капитану. Келейников первый раз в жизни был в капитанской каюте, и на него произвела впечатление та обстановка, которую он увидел: и комфорт и вместе с тем ничего лишнего. От взгляда Келейникова не скрылся стоящий в углу небольшой столик, на котором лежали конфеты в нарядных коробках и стояли бутылки с яркими заграничными наклейками.

Капитан — совсем молодой сухощавый человек невысокого роста — гостеприимно распахнул дверь.

— Добро пожаловать! — сказал он, улыбаясь. — Надеюсь, все в порядке?

— К сожалению, нет, — ответил Перфильев. — На стеллаже во второй машинной кладовой обнаружены два комплекта сантехники фирмы «Орас», сварочный аппарат фирмы «АГА» марки «ТИГ-10» и два комплекта инструментов фирмы «Блэк энд Деккер». По письменному объяснению старшего механика эти предметы погружены туда по вашему личному указанию. Нас интересует: является ли это судовым имуществом или это груз, предназначенный для кого-либо. В таком случае неясно: почему об этом грузе нет указаний в грузовой декларации?

Улыбка исчезла с лица капитана, после небольшой паузы он предложил сесть за стол и дал необходимые пояснения.

По словам капитана, обнаруженный таможенниками груз не является судовым имуществом и предназначен для судового отдела пароходства. Принял он это имущество на борт на верфи «Гунарсен», где сухогруз стоял на ремонте.

— Ну что ж! — вздохнул Перфильев. — Будем составлять протокол о контрабанде. — И он вынул из портфеля бланки.

— Ну что же вы, товарищи, делаете? — с упреком обратился капитан к таможенникам. — Ведь надо же разбираться все-таки! Ну если бы валюта, тряпки, магнитофон... А то сварочный аппарат да инструменты... То же мне — нашли контрабанду!

— А как это все попало к вам на борт? — спросил Перфильев, не обращая внимания на сентенции капитана.

— Как, как... — Капитан суетливо развел руками, помолчал несколько секунд и вдруг решил: — На верфи в Гунарсене работают наши ребята по приемке судов. Вот один из приемщиков и попросил передать в судовой отдел.

— Фамилия? — спросил Перфильев.

— Сейчас вспомню. — Капитан изобразил на лице напряженную работу ума. — Так-так... Су... Сухачев его фамилия. А имени-отчества, извините, не знаю. Ну а что касается судового отдела, то сами понимаете, что это значит и для капитана и для судна...

Тут же в каюте были оформлены необходимые документы, капитан дал письменное объяснение. Таможенники попрощались с моряками.

— Я вынужден сообщить о случившемся в пароходство, — сказал Перфильев.

— Как вам будет угодно, — сухо ответил капитан, даже не взглянув на приготовленный столик с конфетами и прохладительными напитками...

* * *

Сухачев проснулся ночью — наверное, неудобно лежал, и затекла рука. Несколько секунд не мог понять, где он, но тут же все стало предельно ясным, и случившееся навалилось на него всей своей ужасной, непереносимой тяжестью.

Он повернулся на спину, стараясь не смотреть на зарешеченное окно, через которое слабо пробивался свет: то ли это был отблеск фонаря, то ли забрезжил рассвет.

Он подумал о жене, которая всегда не любила, когда он уходил в плавание или уезжал в командировки. «Эта „командировка“ будет подлиннее», — невесело подумал он.

Сосед по камере безмятежно спал, и его равномерное дыхание раздражало Сухачева. Теперь он вспомнил, как его задержали прямо у трапа парохода, на котором он прибыл из Гунарсена. Он подумал, что как-то глупо вел себя в этот момент, все время говорил «пожалуйста», «пожалуйста» и даже сказал неизвестно за что «спасибо», в то время как надо было возмущаться, требовать прокурора и говорить, что все это явное недоразумение. «Ну что ж, — вздохнул Сухачев, — как говорят, умная мысль всегда приходит опосля».

Сосед продолжал равномерно посапывать...

Мысль о дочери была настолько мучительной, что Сухачев насильно гнал ее от себя, но она возвращалась вновь и вновь, неотвратимо вливаясь в сознание. Мелькали отдельные мысли о работе, какие-то воспоминания, как в калейдоскопе, шли друг за другом без какой-то связи между собой.

С соседней койки доносился равномерный легкий храп соседа.

«Дрыхнет, будто святой», — с неожиданной злостью подумал Сухачев, рывком повернувшись к стене. — А что ему? Привычное дело, третий раз садится. Семьи нет, жалеть не о ком. Ему что на свободе, что в тюрьме — один черт».

Светало. Сухачев понял, что все равно уже не заснет, и стал думать о своем деле и о том, что его ждет. Злость на соседа прошла. Да и на что сердиться? Ничего плохого Сухачеву он не сделал. Наоборот...

И Сухачев вспомнил, как вчера после обеда Иван Иванович (так звали соседа) объяснял ему, как нужно вести себя на допросе у следователя.

— Главное, дорогуша ты моя, не торопись, думай, хорошо думай, перед тем как говорить, а особенно перед тем как подписывать. Знаешь, что написано пером... Теперь раскинь-ка мозгами: что следователь от тебя хочет? Чтобы ты раскололся до пупа и даже ниже и все ему выложил. А для чего это ему нужно, следователю твоему? Для того, дорогуша, чтобы побыстрее дело размотать и тебя под суд отдать. А самое главное, чтобы тебе там срок соответствующий отвесили: чем больше, тем ему, следователю, лучше. Ведь сколько лет, дорогу-

ша ты моя, суд тебе отвалит, столько следователь и премий имеет. Как за перевыполнение плана...

И хотя Сухачев, грамотный человек с дипломом инженера-механика, отлично понимал, что Иван Иванович городит чепуху об оплате труда следователя, он не вступал в спор с соседом и не пытался его переубедить. Более того, чем больше Иван Иванович говорил плохого о следователе, тем приятней это было Сухачеву, хотя, честно говоря, следователь, который допрашивал его, показался ему очень культурным человеком, вел себя безукоризненно корректно. Но Сухачеву хотелось думать о следователе плохо, видеть в нем средоточие всех отрицательных качеств, которые только могут быть у человека.

— Вот послушай, дорогуша ты моя,— продолжал Иван Иванович. — Я этих следователей повидал на своем веку много. И вот что я тебе скажу. Ты небось думаешь, что следователь начинает допрос с деловых вопросов? Черта с два! Он сначала будет разводить разные антимонии, говорить о том о сем, о семье, о детях, может, даже о книге или о кино...

— А зачем это? — не удержался Сухачев.

— А вот зачем, дорогуша. Чтобы ты расслабился, потерял бдительность, распустил себя... А как следователь увидел, что ты раскиселлся, он тебе — бах! — и деловой вопрос. А ты с мыслями не успел собраться и влип. Вот тебе и конец, дорогуша ты моя. Так что заруби на носу: следователь тебе злейший враг, который только и думает, как бы впиться в тебя мертвой хваткой. Запомни раз и навсегда — чувствам не должно быть места на допросе. И еще запомни. Бывает, что следователь при допросе дает тебе протокольчик допроса кого-нибудь, ну твоего подельника или свидетеля какого. Так вот, документики эти — фальшивка. Настоящий протокол он тебе никогда не даст. А туфту дать может — это точно...

В этот день следователь не вызывал Сухачева на допрос. И хотя время тянулось долго, все же днем можно было прочитать газету от корки до корки, обед, завтрак и ужин тоже отнимали время, да и болтовня Ивана Ивановича как-то сокращала томительные часы ожидания.

Но, когда наступала ночь и Сухачев оставался один на один с собой, снова подступали черные мысли, от которых не было спасения.

«Надо взять себя в руки,— решил он. — Завтра меня обязательно вызовут на допрос, а я совершенно к нему

не готов. Итак, о чем меня может спросить следователь, к чему я должен быть готов?..»

* * *

Дело по обвинению Сухачева было поручено старшему следователю следственного отдела Управления КГБ СССР по Ленинградской области Виталию Николаевичу Волкову. За плечами служба в армии, юридический факультет университета, пять лет следственной работы — срок достаточный, для того чтобы обрести определенную уверенность в себе, в раскрытии преступления, каким бы трудным оно ни было. Конечно, путь молодого следователя не увенчан одними розами, на нелегком этом пути шипов очень и очень много. Ведь даже небольшая ошибка следователя может иметь весьма тяжелые последствия: следователю нередко противостоит человек, который всеми путями хочет избежать ответственности и немедленно использует любую его ошибку в своих интересах.

Предвосхищая возможный вопрос читателя, сразу скажу о том, почему дело Сухачева, подозреваемого в организации контрабанды, ведет следователь Комитета государственной безопасности. Как известно, следственные отделы органов КГБ расследуют дела о государственных преступлениях: прежде всего особо опасных, таких, как измена Родине, шпионаж, диверсия, террористический акт, а также дела и об иных государственных преступлениях, к их числу относится и контрабанда, ответственность за которую предусмотрена статьей 78 Уголовного кодекса РСФСР.

Согласно этой статье «контрабанда, то есть незаконное перемещение товаров или иных ценностей через государственную границу СССР, совершенная с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманным использованием таможенных или иных документов, либо в крупных размерах, либо группой лиц, организовавших для занятий контрабандой, либо должностным лицом с использованием служебного положения, а равно контрабанда взрывчатых, наркотических и ядовитых веществ, оружия, боеприпасов и воинского снаряжения — наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки».

К сказанному можно добавить, что действия контрабандистов, посягающие на монополию советской внеш-

ней торговли, причиняют большой ущерб экономическим интересам нашей страны, эти действия часто связаны с другими тяжкими преступлениями: спекуляцией, взяточничеством, хищением государственного и общественно-го имущества.

...Следователь Волков еще раз медленно прочитал протокол допроса Сухачева. Итак, Сухачев Владимир Иванович, сорок четыре года, уроженец города Калинина, русский, имеет высшее техническое образование, ранее не судим, работал инженером-приемщиком, женат, имеет дочь, проживает в Ленинграде по проспекту Гарины.

Протокол допроса Сухачева начинался с изложения его служебных обязанностей как приемщика пароходства. Далее речь шла о его взаимоотношениях с сотрудниками судостроительной верфи «Гунарсен», которая занималась постройкой судов для советского морского флота, а также их ремонтом.

Волков сразу отметил для себя признание Сухачева в том, что именно по его указанию работники верфи погрузили на борт сухогруза четыре ящика, в которых находились два комплекта сантехники фирмы «Орас», сварочный аппарат ТИГ-10 и два комплекта инструмента фирмы «Блэк энд Деккер».

«Я признаю,— читал он показания Сухачева,— что поступил неправильно, не оформив, как полагается, эту поставку товаросопроводительными документами. Но дело в том, что пароходство, точнее, судовой отдел остро нуждался во всех этих вещах. Мне неоднократно звонили по этому вопросу и просили ускорить отгрузку. Сухогруз отходил в рейс в воскресенье, когда дирекция верфи не работала. Хочу также отметить, что с дирекцией верфи «Гунарсен» вопрос был полностью согласован — иначе оборудование не было бы допущено на борт сухогруза. Никаких претензий фирма к нам не предъявляла и безусловно не предъявит. Записано с моих слов правильно и мной прочитано. В. И. Сухачев».

Следователь откинулся в кресло. Конечно, первый допрос Сухачева был проведен его предшественником довольно поверхностно. Чувствуется, что коллега был, по всей видимости, ограничен во времени.

«...Судовой отдел остро нуждался во всех этих вещах. Мне неоднократно звонили по этому вопросу и просили ускорить отгрузку». Кто звонил, когда, какие были указания об оформлении груза? Существуют же определенные правила поставки товаров из-за рубежа.

Их надо изучить. И наверное, в пароходстве существует учет международных телефонных переговоров. Надо выяснить, осмотреть соответствующие журналы...

«...Сухогруз отходил в рейс в воскресенье, когда дирекция верфи не работала». Но ведь инструменты, сантехнику и сварочный аппарат погрузили на судно в будний день. Кто-то ведь это делал и кто-то давал распоряжения?

Ну а если при таможенном досмотре все эти вещи не были бы найдены, тогда кто бы за ними явился на борт сухогруза? Ведь должна же была быть на этот счет какая-то договоренность?

И еще один вопрос неминуемо возникает. Если инструмент, сантехника и сварочный аппарат попали на судно без документов, то они и приняты будут кем-то так же без документального оформления... И если предметы потом попадут в частные руки, то это ведь никак не отразится на учете. Никакой недостачи. Все, как говорится, «в ажуре».

А судостроительная верфь «Гунарсен»? Откуда такой альтруизм? Зачем сделаны подарки? Что они с этого имели?

На все вопросы надо было получить ответы.

Примерно такие же вопросы, только под другим углом зрения, беспокоили и Сухачева:

«Иван Иванович абсолютно прав. Надо взять себя в руки и все хорошо продумать».

Итак, что есть у следователя? Нашли на сухогрузе сварочный аппарат и какую-то мелочь: сантехнику, инструменты. Ну и что? Нет документов. Согласен, виноват. Но ведь не для себя старался — для нужд пароходства. И в этом признаваться надо сразу, ведь если начнут все ворошить, то могут докопаться и до валютного фонда, и тогда все будет выглядеть гораздо хуже.

Но как быть с Ваулиным? Как плохо, что меня задержали прямо у трапа и я не успел ему позвонить. Знает ли он о моем аресте? Конечно, знает — все-таки начальник судового отдела. Ему должны были сообщить об этом. А мне, наверное, о нем говорить не нужно. У Ваулина большие связи, и если он захочет, то он может многое для меня сделать. Он должен захотеть! Ведь я столько для него сделал! Он не может оставить меня в беде. Пусть он не сумеет меня освободить, но облегчить мое положение наверняка может.

А если дома сделали обыск? Что тогда? А ничего! Я три года жил за границей. Работал, как вол, питался

кое-как, ходил в одном костюмчике, носил одно пальто. Не пью, не курю, за женщинами не волочусь. Конечно, кое-что привез, так сказать, для дома, для семьи. Вот и весь разговор!»

* * *

Следователь Волков, ожидая появления арестованного Сухачева, не положил на стол ни уголовного дела, ни бланка протокола допроса. Демонстрировать Сухачеву тонюсенькое дело было просто неразумно, а отсутствие каких-либо бумаг на столе в определенной степени снимало налет официальности и могло способствовать контакту между следователем и допрашиваемым.

Ждать пришлось недолго. В кабинет вошел среднего роста мужчина с гладко причесанными волосами, одетый в обычный темно-синий однобортный костюм. Голубая рубашка без галстука была застегнута на все пуговицы. Подойдя к столу, он остановился.

— Здравствуйте, Сухачев! — сказал следователь. — Садитесь, пожалуйста. Моя фамилия Волков, я старший следователь следственного отдела УКГБ. Мне поручено расследование по вашему делу.

Сухачев сел, слегка подтянув брюки на коленях, и внимательно посмотрел на следователя. Волков не заметил на его лице каких-либо признаков волнения, он вел себя так, будто не первый раз находится на допросе в кабинете следователя.

— На предыдущем допросе вам было разъяснено, в чем вы подозреваетесь?

— Так точно, — почему-то по-военному ответил Сухачев.

— Вам, конечно, известно, что речь идет о незаконной перевозке на сухогрузе двух комплектов сантехники фирмы «Орас», сварочного аппарата ТИГ-10 и двух наборов инструментов «Блэк энд Дэккер».

— Известно.

— Знаете ли вы стоимость этого имущества?

— Точно не знаю, но думаю, что тысяч около пяти.

— Дешево цените. Товароведческая экспертиза пришла к выводу, что все эти вещи стоят более двенадцати тысяч рублей.

— Может быть и так. Цены ведь меняются, так же как и курсы валют. Да еще торговые скидки...

— Скажите, пожалуйста, вы понимали, что, передавая на борт сухогруза предметы без надлежащего

оформления, вы совершали уголовное преступление.— контрабанду?

— Конечно понимал — двадцатый год на флоте.

— Зачем же вы это сделали?

— Потому что просили из судового отдела.

— Кто просил?

— Сейчас я не помню. Только звонили мне несколько раз в мой кабинет на верфь «Гунарсен». Так, мол, и так, необходим компактный сварочный аппарат. Чтобы можно было где нужно на судне заварить. Хоть в каюте, хоть в трюме. И пару комплектов инструмента. Сами знаете, без хорошего инструмента как без рук. А о сантехнике еще раньше разговор был.. Вот и решил товарищам помочь... Помог... — И Сухачев развел руками и слегка наклонил голову.

— Еще вопрос,— продолжал следователь. — Мне непонятно одно обстоятельство. Ведь товары, которые вы пытались перевезти в Советский Союз, стоят немалых денег. Каким образом вам удалось получить их от работников верфи и погрузить на сухогруз без какой-либо уплаты их стоимости?

— Тут вот какое дело... — Сухачев провел рукой по и без того гладкому пробору русских волос. — ...Понимаете... объяснить кратко я не могу.

— Мы никуда не торопимся, можете объяснять подробно.

— Хорошо. Верфь, принадлежащая фирме «Гунарсен», так же как и другие фирмы, крайне заинтересована в получении советских заказов. Заказы — это прибыль, это деньги. Поэтому и стараются строить для нас суда и производить ремонт так, чтобы, как говорится, ни сучка ни задоринки. Поэтому и предупредительны до предела, и если могут, то во всем идут навстречу. Вот и в этом случае... Говорю начальнику отдела верфи Ванклифену: «Так, мол, и так, сухогруз уходит в воскресенье, очень нужно для пароходства». А он отвечает: «Не волнуйся, все будет в порядке, а документы после оформим». Там же частная собственность. Сами решают. Да и без доверия работать нельзя. И потом сумма-то — смешно сказать — двенадцать тысяч. Конечно, это большая сумма, если смотреть с позиций человека, который получает в месяц двести рублей. А когда идут заказы на полтора, два, а то и больше миллионов рублей, то, ей-богу, двенадцать тысяч это так, мелочь. Естественно, с капитаном сухогруза договорился — в Ленинграде приедут из судового отдела,

передашь, скажешь, что от Сухачева. А тут в таможене подняли хай — нет данных в грузовой декларации! Контрабанда! Вот и оказался я здесь. — Сухачев грустно улыбнулся и продолжил: — Да и к тому же знаете, сколько времени нужно затратить, чтобы оформить через органы Внешторга эту сварку, сантехнику и инструменты? Месяцев десять пройдет! Скорее ребенка родить можно.

Следователь немного помолчал, а затем спросил:

— Скажите, Сухачев, кто в Ленинграде должен был принять груз?

— Это уж, извините, не мое дело. Есть судовой отдел, у них там народу навалом: послали машину, двух рабочих — и все дела.

— А что вы сказали капитану об этом грузе?

— Так и сказал: прибудете в Ленинград, позвоните в судовой отдел, приедут на машине, и отдадите им груз.

— А как бы в судовом отделе оформили груз, если на него нет документов?

— Проще простого. Составили бы акт о получении аппарата, сантехники и инструментов — вот тебе и приходный документ.

— Ну а как вы, Сухачев, сами оцениваете свои действия?

— Конечно, поступил неправильно, легкомысленно. Понимаю, что придется ответить перед судом. Ну что ж... отвечу. Только у меня одна просьба това... гражданин следователь. Если можно, разберитесь с моим делом побыстрее...

— Это во многом зависит от вас.

— Мне скрывать нечего: что сделал, то сделал... И, если можно, свидание бы с женой...

Дальнейший допрос ничего существенного не дал. Следователь подробно записал то, что рассказал Сухачев. Тот внимательно прочитал протокол и расписался. После того как конвоир вывел Сухачева из кабинета, Волков несколько минут посидел один.

«Да,— подумал он,— не очень много получил я от этого допроса по сравнению с моим предшественником. Все так просто... и вместе с тем так непонятно...»

* * *

Сухачев вернулся в камеру. К счастью, Иван Иванович спал и не приставал со своими расспросами и

советами. Сухачев бесшумно лег на свою кровать, закрыл глаза и начал перебирать в памяти обстоятельства только что закончившегося допроса.

«В целом неплохо,— подумал он. — Все выглядит весьма правдоподобно. Ванклифена допрашивать они вряд ли будут, да если и будут, то, надо полагать, говорить о фонде не в интересах фирмы. И что о Ваулине ни слова не сказал — тоже правильно: он еще может пригодиться. А кто звонил по телефону из Ленинграда — не помню. Дело было выше головы, где тут помнить про какую-то сантехнику или инструменты...» Он успокоился и неожиданно заснул сном человека, у которого все неприятности позади.

* * *

Волков положил перед собой лист бумаги, приготовил ручку (мало ли придется что-либо записать) и набрал номер начальника судебного отдела Ваулина.

— Судовой отдел,— ответил приятный женский голос.

— Попросите, пожалуйста, к телефону Романа Михайловича.

— Простите, а кто его спрашивает?

— Моя фамилия Волков,— ответил следователь. Называть свою должность секретарю, наверное, не было необходимости.

— Вы из «Судоимпорта»?

— Нет, из другой организации.

— Одну секундочку.

Однако прошло около минуты, прежде чем в трубке раздался недовольный голос:

— Да!

— С вами говорит старший следователь УГКБ Волков. Мне нужно сегодня побеседовать с вами.

— А по какому вопросу?

— Это я вам объясню при встрече.

— Когда?

— Сегодня, в семнадцать часов.

— К сожалению, на шестнадцать часов назначено совещание у начальника пароходства. За час не управимся. Давайте перенесем это дело на завтра.

— Исключается. Встретимся сегодня в восемнадцать часов.

— После окончания рабочего дня? — В голосе Ваулина прозвучала нотка искреннего удивления.

— Да.

— Хорошо. Буду. Давайте адрес...

Волков был готов к допросу. Однако Ваулин не появлялся. В 18 часов 15 минут следователь позвонил в пароходство, чтобы узнать, кончилось ли совещание. Однако ответственный дежурный сообщил, что никакого совещания сегодня не было. Следователь тогда позвонил в судовой отдел, где ему сказали, что полтора часа назад Роман Михайлович поехал домой.

Ваулин появился в кабинете двадцать минут седьмого.

— Извините за опоздание,— сказал он,— задержался на совещании.

Следователь холодно пожал протянутую руку, предложил сесть.

Это был высокий представительный мужчина в больших роговых очках на крупном, тщательно выбритом лице. Коричневый костюм из добротной ткани, прекрасно сидевший на нем, был хорошо выглажен. В пышной, зачесанной назад шевелюре уже виднелись седые волосы. Во всем его облике — и в манере держаться, и в осанке, и в разговоре, и в каждом жесте — чувствовался начальник, руководитель.

Как ни старался Ваулин подавить в себе этот совершенно неуместный, неподобающий, да и просто вредный в этой обстановке вид, он все равно ничего не мог с собой сделать.

И вместе с тем за всей начальственной вальяжностью опытный взгляд следователя замечал некоторую нервозность. Это было заметно и по тому, как Ваулин вытирал вспотевшие руки белоснежным носовым платком, и по тому, как он, закулив с разрешения следователя, стал жадно затягиваться сигаретой, и по тому, как он машинально сгибал и разгибал канцелярскую скрепку, неведь какими путями оказавшуюся у него в руках. Впрочем, это ни о чем не говорило: многие, даже самые честные люди, волнуются, давая свидетельские показания в кабинете следователя.

Волков еще до встречи с Ваулиным поинтересовался, что он из себя представляет. Сын крестьянина из далекой Башкирии, вуз в Ленинграде, прошел все ступеньки инженерной работы — и вот начальник судового отдела. «Типичная биография», — подумал про себя следователь.

— Очевидно, вы вызвали меня в связи с делом Су-

хачева? — начал Ваулин, демонстрируя следователю свою осведомленность.

— Да, вы не ошиблись. Что вам известно о незаконной перевозке на сухогрузе через государственную границу электросварочного аппарата ТИГ-10, двух комплектов сантехники фирмы «Орас» и двух наборов инструментов «Блэк энд Дэккер»?

— Мне известно только то, — отвечал Ваулин, прямо глядя в глаза следователя, — что несколько дней тому назад эти предметы были задержаны при таможенном досмотре, что никаких сопроводительных документов на эти вещи нет и они не зарегистрированы в грузовой декларации. Знаю также, что позавчера по прибытии теплохода «Алексей Толстой» старший приемщик Сухачев Владимир Иванович при выходе с теплохода был задержан.

— Скажите, пожалуйста, обращались ли вы к Сухачеву, когда он работал на верфи «Гунарсен», с просьбой выслать электросварочный аппарат, инструменты и сантехнику?

— Я лично не обращался.

— Может быть, кто-либо из ваших подчиненных?

— Мне об этом ничего не известно. Есть специальная книга международных переговоров, по ней можно проверить, кто разговаривал по телефону с Сухачевым. Хочу только заметить, что по телефону такие вещи не делаются. Существует определенный порядок: заявки подразделений в конце каждого квартала сдаются в судовой отдел, там их рассматривают и решают, где разместить заказы — в Советском Союзе или за рубежом. В последнем случае все оформляется через Минвнешторг.

— Из ваших слов вытекает, что Сухачев выслал эти предметы по своей инициативе?

— Я этого не сказал. Может быть, кто-либо из отдела и звонил ему. Но в принципе не исключается, что сделано это не для службы, а для себя.

— Скажите, а была ли у судового отдела производственная необходимость приобрести эти предметы?

Ваулин молча вынул сигарету, долго искал по карманам зажигалку, щелкнул ею, закурил и, выдохнув струю дыма, сказал:

— В принципе мы бы от этого не отказались. Такие вещи всегда в дефиците. Да еще и в импортном исполнении.

— А можно использовать эти вещи лично для себя?

— Что касается инструментов и сантехники — спору нет. Ну а портативный сварочный аппарат для автомобилиста или владельца дачного участка просто клад.

— По вашему мнению, предметы, обнаруженные при таможенном досмотре, направлялись Сухачевым не для судового отдела, а для себя. Правильно я вас понял?

— Я этого не утверждаю, я говорю лишь о такой возможности.

Следователь понял, что Ваулин не изменит избранной тактики: «возможно», «не исключается», «я ничего не знаю», и перевел вопрос на другую тему:

— Что вы можете рассказать о Сухачеве?

— Откровенно говоря, я его мало знаю: то он в плавании, то в отпуске, то в заграничной командировке... Каких-либо серьезных провалов с ним не было. Бесспорно, инженер грамотный, судовое хозяйство знает... А так, человек в себе. Еще много надо воспитывать наши технические кадры...

— Что вы понимаете под «человеком в себе»? — перебил Ваулина следователь.

— То есть главное для него — хорошая зарплата, еще лучше — загранка. Ну а работа — на втором плане... Хотя, повторяю, никаких претензий к Сухачеву не имею.

Верный своей тактике, Ваулин и здесь по существу уклонился от конкретного ответа на поставленный вопрос. Опять с одной стороны — одно, с другой — другое. Волкову стало ясно, что Ваулин не помощник следствию в установлении истины. Внимательно ознакомившись с протоколом, Ваулин подписал его, крепко пожал руку следователю, взглянул на часы, как бы жалея о загубленном времени, и покинул кабинет.

* * *

Из потока самых разнообразных сведений, которые как ручейки стекались в коричневые папки томов уголовного дела, возбужденного по факту задержания контрабанды на борту сухогруза, наверное, стоит выбрать два заслуживающих внимания факта.

Во-первых, стало известно, что руководство верфи «Гунарсен» категорически отрицает передачу на борт сухогруза по просьбе Сухачева какого-то бы ни было оборудования и инструментов и не числит никакой за-

долженности за паромоводством ни за сантехнику, ни за инструменты, ни за сварочный аппарат.

Когда на очередном допросе Волков сообщил об этом Сухачеву, тот сначала долго молчал, а потом вдруг быстро-быстро заговорил:

— Значит, выходит, я вор, я украл эти проклятые инструменты и сварочный аппарат. Так, что ли? Так и судите меня за то, что я украл, украл, украл!

Во-вторых, конечно, представляли большой интерес результаты обыска, проведенного в квартире Сухачева.

Обыск решили делать утром, чтобы не травмировать дочь Сухачева Ирину, которая учится в первую смену и до двух часов дня домой не вернется.

Судя по всему, Наталья Ипполитовна Сухачева предполагала, что муж должен вернуться в Ленинград, но не знала, что вчера он был задержан по прибытии теплохода в порт. Она была искренне поражена случившимся и беспрерывно повторяла: «Что же это такое? Что же это такое?» Волков постарался как можно мягче объяснить ей, что ее муж задержан в связи с тем, что подозревается в совершении преступления, на что она ответила, что не верит этому. «Этого не может быть, не может быть!» — всхлипывала она, и стоило больших усилий хоть немного успокоить ее.

В точном соответствии с законом обыск проводился в присутствии понятых, которые, так же как и оперативные работники, были буквально поражены тем, что было обнаружено при обыске.

Казалось, что обыск проводился не в малогабаритной квартире в Купчине, а где-то за границей.

Пожалуй, только батареи центрального отопления были советского производства, а все остальное, вплоть до оборудования ванны и туалета, было изготовлено за рубежом. Бросались в глаза фирменные обозначения. Так, на раковине ванны и унитаза блестели названия концерна «Вяртсиля», на ручке душа — знак фирмы «Орас-колор». Стиральную машину украшала скромная этикетка «Мейд ин Ингланд». Кухонная машина с набором всевозможных насадок была западногерманского производства. В комнатах, как в радиомагазине, различные системы: стереомагнитола фирмы «Сони», радиоприемники, кассетный магнитофон, автомагнитола, просто магнитофон — и все это производства Японии, Франции, Западной Германии. Около полутора сотен кассет, полтора десятка микрокалькуляторов, восемь нейлоновых курток всех цветов радуги, дублен-

ки, и мужские и женские, пять сберегательных книжек на общую сумму свыше пяти тысяч рублей, восемь больших блоков жевательной резинки, пять спальных мешков, самые различные запасные части для автомашины и многое-многое другое.

У лейтенанта, который писал протокол обнаруженного при обыске, устала рука, он поминутно встряхивал ею, понятия посматривали на часы, а следователь диктовал:

— Бензопила марки «Куллох» — одна, шерсть различных расцветок — восемнадцать мотков, девятнадцать бутылок со спиртными напитками иностранного производства...

Ясно, что даже при ведении самого скромного образа жизни невозможно было купить все это даже на ту, весьма неплохую зарплату, которую получал Сухачев.

Было решено все эти вещи поместить в маленькую комнату, закрыть ее и опечатать сургучной печатью. Впоследствии каждая из этих вещей была внимательно осмотрена и затем представлена экспертам-товароведам, которые в своем заключении определили ее название, предприятие-изготовитель и стоимость как в иностранной валюте, так и в рублях.

...Таким образом, последствия преступления были совершенно реальны. В камере хранения вещественных доказательств сверкала эмалью новая портативная сварочная машина ТИГ-10, поблескивали никелем инструменты фирмы «Блэк энд Дэккер», отливали синевой сантехнические изделия фирмы «Орас». Да и результаты обыска у Сухачева тоже наводили на мысль о справедливости русской поговорки: «Трудами праведными не наживешь палат каменных!»

И вместе с тем происхождение и контрабанды и обнаруженного в квартире Сухачевых было пока совершенно необъяснимым. Безусловно, Сухачев занимался корыстными злоупотреблениями, но как, каким образом, с помощью кого, было, увы, неизвестно.

Во всяком случае, представлялось бесспорным то, что у Сухачева в Ленинграде был соучастник, который принимал лично или через посредников от капитанов судов вещи, направленные Сухачевым.

А о том, что такие передачи были, свидетельствовали показания допрошенных капитанов судов. Основная сложность их допросов состояла в том, что они, как правило, находились в плавании и надо было прино-

равливаться к расписанию рейсов, чтобы получить возможность встретиться с ними. Несколько раз Волков летал в Архангельск и Одессу, где пришвартовывались суда пароходства. К сожалению, капитаны тоже были не до конца откровенными, именно поэтому они «не помнили» существенные детали, которые так важны были для расследования. Например, на вопрос, кто получал имущество, переданное Сухачевым, следовал обычно ответ: «Какой-то работник судового отдела». — «Что за имущество?» — «Два ящика». Следователь понимал, что это не случайно, — капитаны знали, что их действия были, мягко выражаясь, не совсем правильными...

Во всей этой истории самым уязвимым местом был вопрос о том, за счет каких источников Сухачев имел возможность направлять в Ленинград «посылки». К счастью, удалось получить все документы, которые хранились в Гунарсене в рабочем кабинете Сухачева.

Параллельно шли допросы свидетелей, в основном работников судового отдела и экипажей судов, которые, к сожалению, мало продвигали следствие к намеченной цели.

Позиция Сухачева продолжала оставаться неизменной: знать не знаю, ведать не ведаю.

— А какие у вас отношения с Ваулиным? — спросил как-то раз его следователь.

— С кем? — переспросил Сухачев, хотя он бесспорно хорошо расслышал эту фамилию.

— С Романом Михайловичем Ваулиным, начальником судового отдела, — повторил следователь.

— С Ваулиным, — опять протянул Сухачев. — Какие могут быть отношения? Нормальные. Он — начальник. Я — подчиненный. Вот такие отношения.

— Конфликты между вами были?

— Конфликты? — опять переспросил Сухачев. — Конфликтов не было. Он ведь работает здесь, а я там.

— А разве он к вам не приезжал на верфь «Гунарсен»?

— Раза два был, знакомился с работой. Да и вообще особых замечаний по моей работе ни у кого не было.

Сухачев помолчал, а потом обратился к следователю:

— Вы лучше посмотрите мое личное дело. Ни одного выговора. Одни благодарности. Спросите кого угодно: хороший ли Сухачев работник? Все вам скажут. А здесь оказался по собственной глупости — хотел сделать как лучше, а оказалось наоборот.

Сухачев отвернулся и стал пристально смотреть в окно.

— Вы немного преувеличили свои достоинства, Владимир Иванович,— сказал следователь. — Некоторые ваши сослуживцы считают, что главным для вас была не работа, а деньги, которые вы за нее получали, даже называли вас «человеком в себе».

— Никто не мог сказать обо мне такую глупость! — резко произнес Сухачев, хотя сразу понял, кто мог об этом говорить следователю. Это было привычным выражением Романа Михайловича Ваулина, только обозначало это совсем-совсем другое...

* * *

Сухачев вернулся с допроса в плохом настроении. Какая-то мелочь, деталь, ну прямо вывела его из себя. Дело в том, что «человеком в себе» Роман Михайлович Ваулин называл тех работников, которые не считали своим долгом преподнести начальнику судового отдела какой-нибудь заграничный сувенир. При этом речь шла совсем не о наборе открыток или шариковой ручке... Под сувениром в судовом отделе понимали и такие вещи, как магнитофон, нейлоновая куртка, радиоприемник...

«Роман Михайлович, Роман Михайлович! — с укоризной подумал о своем бывшем начальнике Сухачев. — Надо думать, на собраниях выступаете, клеймите позором приемщика Сухачева... В наши ряды пробрался... ослабили воспитательную работу... Просмотрели... Гнать таких надо железной метлой!.. А помните, дорогой Роман Михайлович, как вы меня на работу за границу отправляли? Что вы мне тогда говорили? «Теперь для вас открываются большие перспективы. Но не забывайте нас. Не будьте человеком в себе — ведь придется вернуться в эти стены». А помните, как вы приехали в Гунарсен, как первым делом пошли со мной по магазинам? Да-да, в тот самый, где продаются магнитофоны со всего света: и японские, и западногерманские, и американские. И что вы мне тогда сказали, указывая пальцем на японский «Панасоник»? — «Вот какой механизм я хотел бы иметь к Новому году у себя!» Все помню. И звонок о нейлоновой куртке 56-го размера и о четырех спальнях мешках — чтоб для всей семьи: «Туризм — лучший отдых!» А помните, Роман Михайлович, когда я прибыл второй раз в Ленинград и позво-

нил вам в управление? Что вы мне сказали? «Лучше встретиться не в пароходстве, а на нейтральной полосе. Давай-ка встретимся у Дворца бракосочетания в восемнадцать тридцать!» Ясно, что на «нейтральную полосу» с пустыми руками не ходят. Надо думать, серебряный браслет для часов у вас и сейчас на руке? А у супруги золотой перстень тоже оттуда, с «нейтральной полосы»... Тогда я еще вам по глупости сказал: «Что-то вы сегодня в таком простецком костюме». Но вы не растерялись: «Взял бы и привез пару отрезков, если имеешь такую возможность!» Вспомните, в каком костюме вы щеголяли через полгода! А теперь оказывается, я «человек в себе», думал только о зарплате!

Ну а как вы меня учили, откуда взять средства? «По деньгам ходишь, Сухачев, по деньгам!»

Неожиданно у Сухачева навернулись слезы, ему стало жалко самого себя. А злость против Ваулина становилась все сильнее и сильнее, чем больше он вспоминал все связанное с ним.

«Помните, Роман Михайлович, какой цирк с сапожками получился? Вы еще сказали, что нужны женские сапожки тридцать шестого размера. Еще тогда вы в больницу на обследование легли. Я пригласил вашу супругу в магазин «Альбатрос» — чеки-то Внешторгбанка у меня имелись. А в магазине дамских сапог такого размера в этот день не было. Я тогда по простоте душевной и сказал вашей супруге Анне Петровне: «Вот вам чеки, заходите в магазин. Как привезут ваш размер, так и купите сапожки». Ну и к вам в больницу — доложить: так, мол, и так — все сделал, чеки отдал. Ну откуда было мне знать, что сапожки предназначались совсем не для супруги вашей, а для Лидочки из коммерческого отдела! Помните, как вы меня из больницы шуганули: «Немедленно к жене! Забрать чеки! Выкручивайся, как хочешь!» Наверное, давление поднялось тогда у вас от волнения.

А как было жить иначе? Вот Богомоллов и Воронин не достали вам фотообои — тогда мода на них была. Что вы им кричали? «Ваша командировка обошлась мне в пятьсот рублей! Пришлось самому обои в комиссионном магазине покупать!» Жена Богомоллова тогда жаловалась мне, как вы ей в сердцах сказали: «А твоего мужа я до Нового года уволью!» Пришлось ребятам сброситься по 250 рублей».

Так думал Сухачев, и в его воображении возникал Роман Михайлович Ваулин. Он стоял на трибуне и ре-

шительным тоном требовал улучшить работу, очистить отдел от проходимцев, подобных Сухачеву.

* * *

Утром, как только Волков сел за свое рабочее место, вынул из сейфа несколько томов уголовного дела и стал думать о том, что сегодня предстоит сделать, его вызвал к себе начальник следственного отдела. Начальник — сам в прошлом опытный следователь — хорошо понимал, каким трудным делом занимается Волков.

— Вот какое дело, Виталий Николаевич, — без лишних предисловий обратился к следователю начальник отдела. — Я только что получил известие, что к нам в Ленинград прибывает завтра господин Хейнц Силлинг. Да, да, тот самый Силлинг, который возглавляет верфь «Гунарсен». Вместе с начальником производственного отдела верфи Дэвидом Шварцем, который как раз координировал работу верфи с Сухачевым. Я вот думаю пригласить их к нам и допросить в качестве свидетелей. Быть может, прояснится вопрос о той таинственной силе, которая забросила на советский сухогруз сантехнику, инструменты и сварочный аппарат. Они прибывают по своим делам, но в нашей власти организовать их визит сюда. Как ты думаешь?

— Это просто будет замечательно! — обрадовался следователь.

— Тогда вот какое дело. Шварц говорит по-русски, как я или ты, а господин Силлинг официально русского языка не знает, хотя, повторяю, это официально. Так что позаботься о переводчике, и если не возражаешь, я бы тоже хотел принять участие в беседе с этими господами.

— Конечно! Все будет сделано.

* * *

Организация допросов Силлинга и Шварца облегчалась тем, что они по своим служебным делам находились в разных учреждениях, поэтому никому не пришлось ждать своей очереди. Более того, ни Силлинг, ни Шварц не знали о допросе друг друга. Первым был допрошен Шварц, который освободился от дел раньше своего шефа, обсуждавшего с советскими представителями проект нового контракта.

Допрос шел в кабинете начальника отдела. За столом расположился с бланком протокола допроса Волков. Начальник отдела вышел из-за стола и предложил Дэвиду Шварцу сесть за маленький столик.

— Здравствуйте, господин Шварц! — начал начальник отдела. — Мы весьма сожалеем, что побеспокоили вас. Но, сами понимаете, у каждого свои дела.

— Чем могу быть полезен? — сухо сказал Шварц, который без энтузиазма воспринимал происходящее. — По-моему, я не нарушил никаких советских законов.

— Конечно, нет. Я хочу разъяснить вам, что мы пригласили вас сюда для допроса в качестве свидетеля. Поэтому никаких разговоров о каких-то ваших проступках вести не собираемся. Мы просто не знаем о них. Более того, скажу вам откровенно, что высоко ценим престиж вашей верфи, которая построила немало прекрасных судов для Советского Союза. Что касается вас, то от наших сотрудников мы имеем исключительно положительные отзывы о вас как инженере и сотруднике фирмы.

— Тогда, извините, при чем здесь Комитет государственной безопасности и почему я здесь?

— Сейчас отвечу. Вам знаком советский инженер-приемщик Сухачев?

— О, конечно. Мы почти три года работали, как это говорится у русских, рука об руку. Прекрасный инженер.

— Так вот, советские компетентные органы установили, что он допустил ряд нарушений, которые, в частности, причинили ущерб и вашей верфи.

— Никаких претензий к господину Сухачеву, в том числе и материального характера, мы не имеем. Повторяю, господин Сухачев, по нашему глубокому убеждению, хороший инженер и опытный работник.

— Но некоторыми своими действиями он вынудил вас к неоправданным финансовым затратам.

— Мне об этом ничего не известно.

— Буду откровенен: речь идет об отгрузке на советский сухогруз сварочного аппарата ТИГ-10, двух комплектов сантехники фирмы «Орас» и двух наборов инструментов «Блэк энд Дэккер».

— Мне известно, что ваша сторона интересовалась этой отгрузкой, но вы, наверное, знаете официальный ответ фирмы.

— Мне знаком официальный ответ фирмы. Но ведь здесь происходит не обсуждение очередного контракта,

а допрос вас в качестве свидетеля. Надеюсь, вы не забыли, что в начале допроса следователь уведомил вас в соответствии с советским законом об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Мне хотелось бы порекомендовать вам быть более искренним с нами. Советский Союз очень заинтересован в развитии взаимовыгодных отношений между нашими странами, и в частности с вашей фирмой. Но мы не можем заключать контракты и продлевать визы тем представителям фирмы, которые неуважительно относятся к нашим порядкам и к нашим законам. Мы хотим иметь дело с честными людьми...

Поскольку начальник не поставил перед Шварцем очередной вопрос, тот не торопился давать показания. Начальник же считал, что небольшая пауза не повредит. Надо же господину Шварцу обдумать ситуацию.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем Шварц нарушил молчание:

— Видите, в чем дело. Наши системы очень различны, и подходы к решению тех или иных проблем тоже разные. То, что у нас называется обычным деловым сотрудничеством, у вас рассматривается чуть ли не как преступление, как это по-русски... взятки... нет, взятка. Для вас, наверное, будет удивительным и непонятным, но сотрудничающая с нами одна пароходная фирма в прошлом году вручила президенту нашей фирмы презент — бесплатную путевку на круиз вокруг Европы. И все это восприняли как должное. У вас же это оценивается как черт знает что.

— Мне хочется попросить вас держаться поближе к Сухачеву, — заметил начальник отдела.

— Все, что я говорю, имеет самое непосредственное отношение к господину Сухачеву. Господин Сухачев — талантливый инженер, и он неоднократно рекомендовал верфи блестящие технические решения, за которые фирма весьма ему благодарна. И если хотите... — Тут Шварц неожиданно замолчал. Следователь заметил, что его руки крепко сжали край стола, Шварц облизал засохшие губы, наконец отпустил край стола и продолжал: — И если хотите... Я честный человек... Это был подарок фирмы господину Сухачеву. А поскольку у вас это очень осуждается, а мы не хотели господину Сухачеву плохого, то в своем официальном ответе фирма не сочла нужным акцентировать внимание на этом, откровенно говоря, несущественном вопросе.

— Позвольте спросить вас,— обратился к Шварцу следователь Волков,— а как подобного рода поощрения, или презенты, как вам угодно будет называть, отражаются на делах фирмы?

— Самым обычным путем. Счета за товары приобщаются к отчетам соответствующих сотрудников и по решению руководителя подразделения списываются на производственные расходы. Дело в том, что правление акционерного общества ежегодно проверяет финансы фирмы. Поэтому мы должны все расходные документы держать в полном порядке. Ну как вам объяснить? Представим себе совершенно невероятное. После нашей беседы, извините, допроса, я приглашаю вас в ресторан. Счет из ресторана будет приобщен к моему отчету, и если правление не увидит в этом излишней расточительности, эта сумма будет мне возмещена...

Допрос Хейнца Силлинга был более трудным. Хейнец сердился, говорил, что не понимает переводчика, отрицал очевидные факты... но потерять советские заказы он совсем не хотел. В конце концов он подтвердил то, что сказал Дэвид Шварц. И самое главное — в своих показаниях дал письменное обязательство выслать в Советский Союз копии всех счетов и других платежных документов, отражающих расходы фирмы по «выражению признательности инженеру-приемщику Сухачеву за хорошую работу по координации строительства судов для Советского Союза».

Через две недели эти документы лежали на столе у следователя Волкова. Ни следователь, ни начальник следственного отдела не ожидали, что сумма будет столь значительной — более тридцати тысяч рублей в переводе на советские деньги.

Конечно, нельзя было представить себе, чтобы фирма тратила такие суммы только потому, что хотела выразить признательность Сухачеву за хорошую работу. Ясно, что фирме были выгодны определенные действия приемщика Сухачева и она за эти действия хорошо платила.

Поэтому следователь был вынужден погрузиться в проверку деятельности Сухачева по приемке строившихся для Советского Союза судов. А ведь это десятки и сотни сложнейших вопросов: тут и содержание контракта, и проектирование, и приемка отдельных узлов, и порядок расчетов, и испытания механизмов и швартовные испытания, и многое-многое другое. К тому же отклонения от нормального порядка обычно вуалиру-

ются заинтересованными лицами. С этим тоже надо считаться. И не надо забывать, что человек, который должен во всем этом разбираться, не кораблестроитель, не специалист в области внешнеэкономических связей, не бухгалтер, а юрист, который прежде чем приступить к этой работе, должен сам изучить очень и очень непростой порядок строительства судов и расчетов за это строительство.

Конечно, эта задача была бы совершенно невыполнимой, если бы следователь не привлекал для решения вопросов, требующих специальных знаний, соответствующих экспертов. Назначение экспертизы — это тоже далеко не простое дело: нужно найти опытных и знающих людей, которые не имеют никакого отношения к делу и лицам, привлекаемым по нему к ответственности. Объективность и беспристрастность — важнейшие условия правомерной деятельности судебных экспертов. Нужно ясно представить себе те задачи, которые стоят перед расследованием, и, исходя из этих задач, четко сформулировать вопросы, которые должны быть разрешены экспертами. Нужно обеспечить экспертам возможность исследовать не только определенные документы, но и другие объекты экспертизы. Если говорить о деле Сухачева, то речь идет о построенных судах, которые, кстати, находятся в плавании. Нужно предоставить экспертам возможность получить объяснения от заинтересованных лиц. Нужно... нужно... нужно...

За всем этим кроется то, что так тщательно скрывал Сухачев, — образование так называемого «валютного фонда».

Волков назначил судебно-техническую экспертизу, которая должна была ответить на вопросы:

«Какие отступления от утвержденного технического проекта и контрактной спецификации допущены при постройке и оснащении таких-то судов? Имеются ли на этих судах строительные дефекты, и если да, то какие именно?»

Как повлияли эти изменения на эксплуатационные и мореходные качества судов, могут ли эти изменения отрицательно сказаться в дальнейшем?»

Перед судебно-экономической экспертизой следователь поставил такой вопрос: «Какова стоимостная оценка отступлений от контрактной спецификации, допущенных при постройке и оснащении таких-то судов, построенных на верфи «Гунарсен» для Советского Союза?»

Документы, полученные от господина Хейнца Сил-

линга, были настоящим кладом для следствия. Дело в том, что к документам, отражающим расходы фирмы «по выражению благодарности» инженеру Сухачеву, были аккуратно приложены счета тех магазинов и торговых фирм, у которых сотрудники господина Хейнца Силлинга покупали различные товары для «талантливового» инженера Сухачева. А в счетах на некоторые товары полагается указывать их номера, чтобы в случае, если покупатель предъявит претензии по качеству изделия, можно было быть уверенным, что это именно то изделие, которое было куплено в данном магазине.

У следствия, естественно, таких претензий не было, но ведь номера товаров значатся на поблескивающих черной пластмассой с блестящими никелированными ручками стереофонических системах, магнитолах и магнитофонах, обнаруженных при обыске в квартире Сухачевых. Наверное, ни один человек, страстно желающий выиграть по облигациям государственных займов или в Спортлото, не вчитывался в номера таблиц с таким нетерпением и таким волнением, с каким сравнивал Волков номера в счетах фирмы с номерами на товарах, изъятых при обыске у Сухачевых. Вот оно! Одно совпадение, другое, третье, четвертое... Теперь уже, Владимир Иванович, вам не помогут разговоры о том, что вы не курите, не пьете, что во время работы на верфи «Гунарсен» вы питались чуть ли не всухомятку и приобрели все эти товары за счет своей законной заработной платы.

Но многие вещи, указанные в счетах фирмы и переданные Сухачеву, у него дома обнаружены не были. Конечно, он мог их продать. Но мог и презентовать кому-либо из своих знакомых. А мог и передать в виде взятки. Все может быть... И следователь должен все это выяснить с абсолютной точностью.

...На очередном допросе Сухачев сразу понял безнадёжность своего положения. Когда он узнал о назначении судебно-технической экспертизы, ему стало ясно, что надежда на то, что о «валютном фонде» не узнают, лопнула, как мыльный пузырь. Помолчав несколько минут, он попросил у следователя разрешение самому записать свои показания.

«Первое время у меня не было даже и в мысли о каких-либо служебных злоупотреблениях. Мои действия имели только одну цель — сделать суда как можно лучше. Но по истечении некоторого времени я переступил грань допустимого и стал совершать то, что отно-

сится только к компетенции заказчика, — самовольно уменьшал объемы судостроительных работ, отделки, снабжения, сокращал время ходовых испытаний, а за это требовал от администрации верфи предоставлять в мое распоряжение валютные средства, образовавшиеся в результате этих отступлений от контрактной документации, и бесконтрольно распоряжался государственными валютными средствами, приобретал различные бытовые предметы, которые присваивал...»

— Скажите, пожалуйста, Сухачев, — спросил следователь, ознакомившись с тем, что тот написал, — а вы с кем-либо из сотрудников пароходства делились полученными от фирмы подарками? Ведь вы признали правильность данных фирмы о количестве и стоимости полученного вами?

— Да, признал, — как автомат отозвался Сухачев.

— Но ведь многих товаров, которые числятся в счетах фирмы, у вас дома не обнаружено.

— Значит, продал, — вяло ответил Сухачев.

По тону, которым были произнесены эти два слова, следователь сразу почувствовал, что Сухачев не хочет говорить правду. К сожалению, дальнейший разговор на эту тему ни к чему не привел. «Продал, и все», — говорил Сухачев. «Кому?» — спрашивал следователь. «Неизвестным покупателям», — отвечал Сухачев. «Где вы с ними познакомились?» — «Около комиссионных магазинов».

...Почти любое преступление представляет собой определенную систему обдуманных и взвешенных действий. Особенно это относится к так называемым хозяйственным делам, делам о хищениях, взяточничестве, других злоупотреблениях. Ведь по ряду дел желаемый результат может быть достигнут преступниками только при согласованных действиях нескольких соучастников. Поэтому следователю очень важно понять эту логику действий обвиняемых и подозреваемых. Тогда многое станет ясным даже при отсутствии признаний.

Вот небольшой факт. Среди товаров, которые передавала фирма «талантливому инженеру» Сухачеву, было много рыболовных принадлежностей: спиннинги и складные удочки, какие-то сверхудобные безынерционные катушки, сверхпрочная леска, портативные весы для взвешивания улова, даже поплавки, начиненные электроникой, и т. д. и т. п. И что интересно — передача этих рыболовных принадлежностей не была одноразовой. При пяти поощрениях среди подарков были

удочки, спиннинги, катушки и прочие рыболовные снасти. А Сухачев — это установлено абсолютно точно — не был любителем рыбной ловли, и у него при обыске никаких снастей найдено не было. Если Сухачев намеревался привезти домой какие-либо вещи для продажи, очевидно, удобнее «заказать» фирме магнитофоны или радиоприемники. Значит, существует рыболов, которому Сухачев привозил нужные товары. Так причудливо связываются между собой крупное хищение государственного имущества и контрабанда с... любительским ловом рыбы. Но кто этот рыболов?

С самого начала расследования было абсолютно ясно, что у Сухачева в Ленинграде был сообщник. Ведь кто-то получал с прибывавших судов его «посылки». По словам капитанов, это были простые грузчики или подсобные работники, фамилий которых они не знали. Но ведь все это шло кому-то. С точки зрения здравого смысла человек этот должен был быть среди работников судового отдела, да к тому же занимать определенную должность, благодаря которой он мог влиять на судьбу Сухачева и, самое главное, на продолжительность нахождения его за границей.

И когда Волкову стало известно, что Ваулин — большой любитель рыбной ловли, у него почти не оставалось сомнений в том, что именно Ваулин причастен к делу Сухачева.

Откровенно говоря, подозрения в отношении Ваулина возникли у следователя еще тогда, когда он обманул следователя, заявив, что не может из-за совещания явиться на допрос к назначенному сроку, а сам поехал домой. Уже тогда Волков принял необходимые контрмеры и с помощью оперативных работников выяснил, куда с 16 до 18 часов ездил Ваулин на служебной легковой машине и лично, без помощи шофера, переносил взятые из дома картонные ящики.

Но подозрения — это далеко не доказательства. А советский закон разрешает проводить обыск «только при наличии достаточных оснований полагать, что в каком-либо помещении или ином месте, или у какого-либо лица находятся орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы или документы, могущие иметь значение для дела». Провести обыск без достаточных на это оснований означает не только нарушить правило, установленное Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, но и конституционное право гражданина на неприкосновен-

ность жилища и личности, допустить грубейшее нарушение социалистической законности.

* * *

Судебно-техническая экспертиза установила в результате исследования построенных на верфи «Гунарсен» судов ряд строительных дефектов и отступлений от контрактных спецификаций. В заключении экспертизы было написано, что эти дефекты и отступления «не повлияли на эксплуатационные и мореходные качества судов и не могут отрицательно сказаться в дальнейшем при условии квалифицированной эксплуатации, основанной на хорошей морской практике». Вместе с тем экспертиза отметила, что замена стальных труб сточной системы на пластмассовые может привести к трудностям при ремонте судов на отечественных судоремонтных базах.

Судебно-экономическая экспертиза подсчитала общую стоимость отступлений от контрактной спецификации, допущенных при постройке и оснащении судов, приемку которых осуществлял инженер Сухачев. Эта сумма была в несколько раз больше той, которую фирма «Гунарсен» заплатила за подарки инженеру Сухачеву. Так что господин Хейнц Силлинг не просчитался. Надо думать, что теперь о судьбе «инженера Сухачева» господин Хейнц Силлинг даже и не вспоминал, поскольку он больше не представлял абсолютно никакого интереса для фирмы и судостроительной верфи «Гунарсен».

* * *

Несмотря на то что старший следователь Волков был опытным и дальновидным работником, он все еще не мог проникнуть во внутренний мир обвиняемого Сухачева. Даже после того как Сухачев под давлением неопровержимых доказательств признал себя виновным в хищении и контрабанде, он не был до конца откровенен. Это могло объясняться самыми различными причинами: недоверием к следователю, особенностью характера Сухачева, ложно понимаемым чувством товарищества, стремлением уйти в себя, даже безразличием к своей судьбе.

Не каждому дано понять истинные причины запирательства обвиняемого. Недаром русская поговорка гласит: «Чужая душа — потемки».

Пытаясь понять это, Волков поставил перед собой задачу глубоко изучить личность обвиняемого Сухачева. Речь шла не только об ознакомлении с личным листком по учету кадров, автобиографией и другими документами, находящимися в отделе кадров. Следователь допросил десятки людей: и тех, кто учился с Сухачевым в институте, и тех, кто работал с ним на разных судах и на берегу. Он даже разыскал секретаря комсомольской организации того сухогруза, на котором Сухачев работал в годы своей молодости, и побеседовал с ним. Конечно, были допрошены сослуживцы Сухачева. Как бы вскользь следователь интересовался и Ваулиным. Полученные данные, к сожалению косвенно, но все же подтверждали версию о причастности к хищениям Ваулина. Именно Ваулин рекомендовал Сухачева на работу за границей. Когда Сухачев приезжал в Ленинград, он редко бывал в кабинете Ваулина, но было известно, что Сухачев принимал Ваулина у себя дома. Жена Сухачева хорошо знала жену Ваулина.

Судя по всему, Ваулин был неплохим руководителем. Неизвестно, в силу каких причин, но среди работников судового отдела бытовало мнение о том, что у Ваулина есть «рука» и он при желании «все может сделать»: помочь получить квартиру, направить в загранку, выручить из беды. Но вместе с тем способен создать такую жизнь неугодному ему работнику, при которой этому человеку остается только одно — подавать заявление об увольнении по собственному желанию.

«Может быть, на помощь Ваулина и надеется Сухачев, — подумал следователь. — Наивный человек! Но ведь утопающий хватается за соломинку. Такова человеческая психология. И пока Сухачев верит в «могущество» Ваулина, он будет молчать о преступной связи с ним».

— Давайте будем откровенны, — сказал на очередном допросе Волков. — Вы видите, что у меня на столе нет ни одной бумаги, я не пишу протокол. Ваше дело верить мне или не верить. Но я хочу предостеречь вас против одной ошибки. Судя по всему, вы решили взять на себя одного ответственность за то, что произошло, и не выдавать своего соучастника...

— Нет у меня соучастника, — заметил Сухачев.

— Не перебивайте меня, пожалуйста. По моим данным, а я работаю по вашему делу уже несколько месяцев, он есть. Более того, мне кажется, что и вы и я ду-

маем об одном и том же человеке. Но поскольку вы не хотите назвать мне его фамилию, я буду делать то же самое. Моя задача, так же как и задача суда, состоит в том, чтобы разобраться в деле и решить его по справедливости, понимаете, по справедливости. А если вы берете на себя ту ответственность, которую должны нести двое, то это будет несправедливо. Скажу вам прямо, Сухачев: если вы надеетесь, что этот человек сможет вас спасти от наказания или облегчить ваше положение, вы ошибаетесь — он не сделает этого. И не только потому, что он не может этого сделать, но и потому, что он не хочет вам помочь. Наоборот, чем быстрее и на более продолжительный срок вас осудят, тем лучше для него.

— Можно вам задать один вопрос?

— Пожалуйста.

— А почему вы так заботитесь о моей судьбе? Вам ведь важно другое — чтобы меня осудили, и на более длительный срок.

— Зачем?

— Как зачем — для перевыполнения плана.

— Владимир Иванович! — обратился следователь к Сухачеву по имени-отчеству. — Вы же человек с высшим образованием, как можно верить в такую ерунду? Для меня важно, чтобы по делу была установлена истина, понимаете — истина. А вы своим запирательством мешаете этому.

Сухачев молчал. Замолчал и следователь. Прошло несколько тягостных минут. Потом следователь открыл объемистый сейф и достал оттуда портативный кассетный магнитофон.

— Будете допрашивать с записью магнитофона? — спросил Сухачев.

— Нет. На этой пленке запись общего собрания коллектива судебного отдела, на котором обсуждались вопросы укрепления дисциплины и усиления сохранности социалистического имущества. Я подумал, что вам будет интересно послушать, что говорят о вас товарищи по работе. Если вы возражаете, я немедленно отпущу вас в камеру. Так хотите послушать?

Сухачев молча кивнул головой и буквально впился глазами в магнитофон. Волков нажал на клавишу.

Прошло сорок минут. Следователь перевернул кассету на другую сторону, где была запись выступления Ваулина.

...Председатель объявил: «Слово предоставляется

начальнику судебного отдела товарищу Ваулину Роману Михайловичу». Было слышно, как Ваулин слегка откашлялся и из магнитофона донесся его басовитый голос: «Товарищи! Для того чтобы выполнить те ответственные задачи, которые в настоящее время стоят перед нашим коллективом, нужно прежде всего навести порядок в нашем собственном доме. Нужно, чтобы каждый проникся чувством ответственности за порученное ему дело. Чтобы случаи нарушения дисциплины, которые — нечего греха таить — еще бывают у нас, были полностью изжиты...»

Потом Ваулин начал анализировать работу каждого из подразделений отдела, хвалил одних, ругал других. Было видно, что он очень хорошо знает и работу судебного отдела, и его сотрудников.

Сухачев неотрывно смотрел на магнитофон. Следователь видел, что он очень волнуется. Но вот Ваулин перешел к самому главному:

«Вы знаете, что компетентные органы разоблачили пробравшегося в наши ряды крупного расхитителя социалистической собственности Сухачева, который использовал наше доверие для самообогащения. Этому человеку были чужды интересы коллектива. По существу это предатель, который продался иностранцам за тряпки. Все мы осуждаем преступление, совершенное Сухачевым, и надеемся, что советский суд беспощадно покарает человека, который...»

— Выключите магнитофон! — неожиданно закричал Сухачев, вскочив со своего места.

Следователю показалось, что если он не сделает этого, то Сухачев просто ударит по магнитофону кулаком. Сухачев постоял еще немного, тяжело дыша, будто откуда-то прибежал, потом махнул рукой и устало опустился на стул...

Вечером того же дня Волков вынес постановление о производстве обыска на квартире Ваулина, а также в тех квартирах, куда он перевез коробки с неизвестным содержимым. В одной из этих квартир проживала его мать, в другой — Лидия Михайловна Вайновская, сотрудница коммерческого отдела, красивая молодая женщина, к которой Роман Михайлович был, как говорится, неравнодушен.

Внимательно ознакомившись с материалами уголовного дела, прокурор города дал санкции на производство этих обысков.

На следующий день Волков вместе с выделенными

ему оперативными работниками приступил к производству обысков.

...Прочитав постановление о производстве обыска, Ваулин несколько секунд находился буквально в шоке. Потом вскочил из-за стола и начал угрожать следователю:

— Вы соображаете, что вы делаете? Вы знаете, кто я? Я этого не оставляю!..

Обстановка в квартире Ваулина только в количественном отношении отличалась от квартиры Сухачевых: кругом все импортное, от умывальника и до стереосистем. Следователь с удовлетворением отметил, что шкафчик из полированного дерева, стоявший в кабинете Ваулина, был заполнен рыболовными принадлежностями и различными снастями. Однако номера стереосистем, магнитофонов и магнитол, к сожалению, не совпадали.

Более успешными были обыски у матери Ваулина и Лидии Вайновской. Две стереосистемы и автомагнитола имели те же самые номера, которые значились в документах, любезно предоставленных следствию господином Хейнцем Силлингом.

Ваулин продолжал кипятиться на всем протяжении обысков и даже возмущался, когда был приглашен для допроса в следственный отдел.

Допрос Ваулина напоминал хорошо подготовленную разработку дебюта в шахматной партии. Вначале он был уведомлен о производстве звукозаписи его допроса. Прежде всего вопрос: «Где вы купили автомагнитолу «Сенсор С-1010» (или «Сони» или «Салора»)? Естественно, на это следовал ответ: «В Швеции (в Финляндии, в Дании) во время моей служебной командировки в магазине на такой-то площади». Затем следовала запись и вопроса и ответа в протоколе. После подписания протокола Ваулин был ознакомлен с документами фирмы «Гунарсен»...

Уже двойного повторения ходов было достаточно, и о стереосистеме «Салора» спрашивать не пришлось. Ваулин перестал возмущаться и сидел у стола молча, подперев рукой внезапно отяжелевшую голову.

— Может быть, зачитать вам показания Сухачева относительно происхождения ваших стереосистем и автомагнитолы? — спросил следователь.

— Какой подонок! — не отвечая на вопрос следователя, произнес Ваулин и неожиданно окрепшим голосом стал говорить: — Да, я брал взятки с моих подчинен-

ных, но с единственной целью — разоблачить взяточников и вывести всех их на чистую воду. Но, как я вижу, я здорово затянул этот процесс. Знаете — дел выше головы. Но сейчас я постараюсь помочь вам разоблачить всех этих мерзавцев, которые...

Следователь слушал уверенную речь Ваулина и думал, что тот, наверное, думает, что опять находится на трибуне собрания, а не в кабинете следователя. Не было смысла прерывать это словесное извержение. Следователь знал, что до окончания расследования еще далеко, что предстоит еще очень большая работа, но главное уже сделано, и в том, что по делу будет установлена истина, сомнений уже быть не может.

Любой человек испытывает удовлетворение от хорошо выполненной трудной работы. Именно это замечательное чувство испытывал старший следователь Волков.

...А Ваулин все еще продолжал клеймить позором тех, кто покушается на народное добро...

* * *

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила Ваулина Романа Михайловича и Сухачева Владимира Ивановича к длительным срокам лишения свободы с конфискацией принадлежащего им имущества.

Русские сувениры

Глухой сентябрьской ночью 1925 года с финской стороны на советский берег пограничной реки Сестры благополучно переправился агент английской «Сикрет интеллидженс сервис» небезызвестный Сидней Джордж Рейли. Непримируемый враг Советской власти, самоуверенный авантюрист попал в ловушку, поставленную чекистами, — он прибыл в Россию для знакомства с мифической антисоветской организацией. С комфортом Рейли доставили в Москву, где было инсценировано заседание «политического совета» подпольной организации. Не зная, что через несколько часов он окажется в тюремной камере, английский агент разглагольствовал о методах свержения Советской власти, воодушевляя «политический совет» всяческой поддержкой стран Запада.

У Рейли спросили: «На какую финансовую помощь можно рассчитывать?» Вопрос не смутил агента. «В России, — заявил он, — есть огромные художественные ценности — творения знаменитых мастеров прошлого. Их продажа на Западе даст деньги для борьбы с властью большевиков». Переправу через границу и сбыт ценностей английский агент брал на себя. Он тут же набросал памятную записку-инструкцию, что следует похищать и переправлять на Запад.

Это был последний вояж матерого врага в Советскую Россию, где он еще за несколько лет до этого был объявлен вне закона. В плане грабежа и контрабанды, с которым он прибыл, не было ничего нового. После Октябрьской революции восставший народ не сразу стал полновластным хозяином произведений искусства и культурных ценностей Российского государства. От взбунтовавшейся черни «спасали», увозили на Запад все, что удавалось захватить, умыкалось все самое ценное.

Время, когда по льду Финского залива в Ленинград прорывались обозы вооруженных контрабандистов, кануло в Лету. Но и сегодня продолжается охота за русскими сувенирами — памятниками нашей национальной

истории и культуры. Только действуют контрабандисты по-другому. Самыми изощренными способами прокладываются контрабандные тоннели и тропы. Контрабанда не стала от этого менее опасной. Она по-прежнему направлена на подрыв экономической мощи государства и по-прежнему служит политическим целям наших противников. Каналы контрабанды используются спецслужбами для получения секретной информации. Они имеют и обратную связь — по контрабандным каналам переправляются материалы, используемые для идеологических диверсий в нашей стране. Вот почему контрабанда стала инструментом в непрекращающейся «психологической войне» против лагеря социализма.

* * *

Кто знает, почему это небольшое кафе на Невском у Литейного окрестили «Сайгоном». Завсегдатаями здесь были мальчики с Невского и их стильные подружки. Его облюбовали, сделали своим «сходняком» пескари-фарцовщики и прочая мелкота, еще не доросшая до серьезного конфликта с законом, наивно утверждавшая, что «красиво жить никто не запретит». Среди юнцов здесь можно было встретить и рыбку покрупнее. Свидание, встреча, коктейль в «Сайгоне» были своеобразной мерой престижа, «светскости» у определенного круга молодежи. «Сайгон» процветал...

И вот однажды, как утверждает молва, в вечернем, переполненном до тесноты «Сайгоне» появилась особа, выглядевшая здесь белой вороной. Представьте, она явилась сюда... в резиновых сапогах! Но деваха, ничуть не смущаясь, деловито осведомилась у первого попавшегося завсегдатая:

— Который тут у вас миллионер?

— А вон, в углу, солому жует, видишь! Распылитель, к тебе!..

Гостья подошла к молодому человеку с соломинкой в зубах и бокалом коктейля в руке.

— Ты, что ли, миллионер?

— А что? Садись...

Гостья присела за столик «миллионера». Ей тоже подали коктейль. А через месяц она стала Малышевой — женой Распылителя.

С того вечера в «Сайгоне», знакомства и женитьбы Малышевых прошло пятнадцать лет.

Эту не круглую, но юбилейную дату Малышевым

пришлось отметить в обстановке несколько необычной и уж совсем не праздничной. Не было ни заздравных тостов, ни коктейлей, ни чашечек с дымящимся кофе. Но зато, как ни на одном юбилее, скрупулезно и, главное, без преувеличения подводились итоги содеянного Малышевыми за пятнадцать лет супружеской жизни.

Речь шла о делах общих, семейных, но точно и по справедливости определялась доля участия каждого. Юбиляры поневоле были в центре внимания—сидели на просторной для двоих скамье подсудимых в зале городского суда. После многодневных заседаний он признал Малышевых виновными в совершении тяжкого государственного преступления—контрабанде в крупных размерах.

Как и все «миллионеры», Малышев начинал мальчишкой и с мелочей—флакончиков. Да, с обыкновенных флакончиков, выброшенных за ненадобностью в мусорные ящики. И какие только флакончики не попадали в мальчишеские руки: из стекла простого и цветного, маленькие и совсем крошечные, формы самой необычной, с пробками из притертого стекла и металла, украшенные орнаментом и всевозможными этикетками. Любители находились. Платили немного, копейки, но все же доход был. Его хватало и на кино, и на мороженое. А главное—азарт: найти необычное, то, чего нет у других «бизнесменов».

Бронзулетки—это то, что из бронзы. На той же свалке или в доме, поставленном на капремонт, можно было найти и старый подсвечник, и ободок старинной люстры, и многое другое из бронзы. Спрос был куда больше, платили щедрее. Но «бронзовый век» продолжался недолго. Мальчишка вырос, был он ловок, азартен и удачлив. Теперь его можно было увидеть не на свалке или у мусорных ящиков, а встретить у подъездов лучших гостиниц города, у Зимнего дворца, на Невском. Жвачка, которую подросток выпрашивал или выменивал на значки у иностранцев, в ту пору была в цене. Была в новом занятии и прелесть риска—могли задержать дружинники или милиция. Первое столкновение с законом произошло, когда учился в ремесленном училище. Первая судимость, первое лишение свободы. Можно было остановиться, но выбрано было другое.

...Человек, вынырнувший из воды, судорожно глотая воздух, с трудом вылез на запыленный снегом берег деревенского пруда.

— Что же ты, бабка?! — с укором проговорил посиневший от холода ныряльщик.

— Там он, сердешный, там. Где еще ему быть...

Человек вновь нырнул. А потом еще раз и другой. Старушка оказалась права. Нашел все же на дне пруда брошенный ею старый, негодный, но необычайно редкий самовар. В жару, больной, с трудом добрался Малышев в Ленинград. Но был доволен — самовар оказался лучшим в его коллекции.

...Это бывало обычно летом. В деревушке где-нибудь на Свири или за Волховом появлялся одетый в живописные рубища молодой мужчина с холщовой сумой. Вскоре деревня знала — пришел из Питера художник, иконами интересуется... Божий человек. Приглашали к столу, угощали, оставляли ночевать и, главное, слушали. Божий человек говорить умел: и о вере, которая утрачена, об иконах, которых скоро не останется на земле русской, если их не сберечь. И получалось так, что слушавшие его старушки сами приносили ему иконки. Не перекрестясь, в руки не брал. Святых узнавал сразу, не ошибаясь. Вынимал из кармана мятые рубли, если отказывались — кланялся в пояс, благодарил. Прощался и шел с миром дальше, пустым не уходил. Иной раз в холщовую суму попадали вещи стоящие. Порой попадался местному начальству. Спрашивали: кто такой? Вынимал удостоверение: студент Института имени Репина.

Так набирал силу, матерел Малышев, глава семейной контрабандной фирмы.

Но в приговоре городского суда первой названа Людмила Малышева. Первенство отдано ей по справедливости. Материалами дела было убедительно доказано, что именно ей принадлежала роль организатора и руководителя преступной группы, занимавшейся контрабандой. Как и почему это произошло?

В глухое таежное село, где росла Людмила Малышева, прилетали на практику студенты-геологи из Ленинграда. Что же удивительного в том, что школьница тоже захотела увидеть далекий город на Неве, стать студенткой Горного института? И она ею стала. При чем поступила без всякой помощи и отлично закончила институт. Мало того, она помогла и младшей сестре получить диплом горного инженера. Вполне хорошее, удачное начало. Но в жизни сибирячки, ставшей ленинградкой, было и другое.

Ошибались завсегдатаи «Сайгона», когда показывали

лась она им незадачливой провинциалкой, «девахой из тайги», белой вороной, по простоте своей оказавшейся в их избранном кругу. Она была не «белой вороной», а птицей куда покрупнее, куда умнее и характером по сильнее всей этой мелкоты из «Сайгона». И опыт у нее уже был. Молодая сибирячка оказалась не только способной студенткой. Она быстро нашла, как ей казалось, верный и легкий способ добиться успеха в жизни. Самый корогкий и верный путь к нему — деньги. А их, оказалось, можно делать и из ничего. Правда, для этого нужны ловкость, смекалка и даже смелость.

Все это было у Малышевой. Появившись в «Сайгоне», она не стала его завсегдатаем. «Сайгон» с его мелюзгой пижонов, дымом «Мальборо», коктейлями с соломкой ей был ни к чему. Она взяла здесь то, что ей было нужно: мужа, партнера, человека, умевшего делать деньги.

Она не ошиблась. Хотя и довольно скоро поняла, что никакой он не миллионер и им без нее не станет. Клички на блатном жаргоне иногда поражают своей меткостью и точностью. Распылитель — лучше о Малышеве-холостяке сказать было трудно. Этот человек в одну ночь за карточным или ресторанным столиком мог спустить все, что заполучалось месяцами. Но стоило ему оказаться на нуле, как следовал новый всплеск энергии, находчивости. Распылитель был ловок и даже везуч, но его подводил характер.

Молодая жена спросила у приятелей мужа:

- Он, что, не умеет играть?
- Экстра-класс!
- Так почему он проигрывает?
- Потому что отыгрывается.

Вскоре после женитьбы Малышев перестал отыгрываться, потому что, как ни трудно ему было, бросил карточную игру. И вообще, кличка Распылитель держалась за ним лишь по старой памяти. А кличка — не фамилия, ее не переменишь. Он, может, и сам не заметил, как довольно безропотно стал другим. С женитьбой он приобрел лидера. А главное — у него появилась цель, ради которой можно было поступиться многим.

В жизни, которую вел в Ленинграде Малышев, многое было явно ему не по душе. Трижды судимый, он знал цену конфликта с законом. Жить приходилось с оглядкой, в страхе, миллион в руки не давался — все добытое распылялось по кабакам и за картами. Правда, была одна отдушина — страсть собирателя. Его

увлекал азарт поиска дорогой, редкостной вещи. Ему льстили его известность и авторитет в кругу ему подобных и даже нравилось то, что зовут его Распылителем. Позднее, когда шло следствие, возник спор между экспертами по поводу одной из икон. Следователь вызвал к себе Малышева. Через несколько минут спор прекратился, эксперты согласились с тем, что сказал Малышев.

Для Малышевой все было проще. Ею владела, и безраздельно, одна страсть — деньги. В антиквариате она тоже знала толк — могла верно определить, что сколько стоит. По ее воле, например, Малышев расстался с дорогой ему коллекцией самоваров и начал собирать старинные русские табакерки, но главное — в союзе с Малышевой он принял решение покинуть родную страну. Малышева сумела подчинить его своей воле, убедить, что здесь даже миллион ни к чему. Для чего он? Чтобы пить коктейли в «Сайгоне», жить в вечном страхе, скрывать свои богатства от других? Настоящая жизнь там, за рубежом. Вот там нужен миллион!

Теперь все должно быть подчинено одной цели — как можно быстрее сколотить состояние — иконы, антикварные ценности, переправить их за рубеж и уехать самим. Поэтому не нужны, например, редкостные, но нетранспортабельные самовары, куда лучше миниатюрные табакерки, редкие иконы — все, что имеет цену там.

Малышевы упрямо, не меняя курса, шли к своей цели. Через некоего жителя Ленинграда Зингера организуется вызов Юрию Малышеву от «папы» из Израиля. Но отъезд к новоявленному «родителю» отложили — еще ничего не было переправлено за рубеж. К тому же появился еще один вариант для эмиграции из страны. Его опробовали на сестре Людмилы Малышевой.

В деле — цветной снимок, сделанный американским «поляроидом». Отличная камера — тут же выдает готовую цветную фотографию. На ней мило улыбающиеся дамы в вечерних туалетах и под стать им мужчины. Кто они, эти дамы и джентльмены, запечатленные на фоне непривычного интерьера американской фотокамерой? Где сделана эта, по всем приметам «заграничная», фотография? Нет, не за океаном, не в Западной Европе, а у нас дома, в банкетном зале гостиницы «Европейская». А кто эти дамы и джентльмены? Если слева направо, то на ней Людмила Малышева, ее муж Рас-

пылитель, сестра Нина. Мужчина с пышными черными усами, бережно обнимающий Нину за плечи, — только что обретенный ее дорогой муж. Накануне они зарегистрировали свой брак. На снимке эпизод свадьбы молодых супругов господина Бальсс из Западного Берлина и госпожи Нины Бальсс.

Свадьба была отпразднована по первому классу. Пять тысяч рублей оставлены в ресторане «Европейской», куда дорожке обошелся жених.

Господин Г. Бальсс, доктор медицины из Западного Берлина, роль жениха и мужа играл недолго — ровно столько, сколько понадобилось на получение визы его молодой жене и на процедуру развода в Западном Берлине. Супруги расстались без слез и упреков. Вполне довольные друг другом. Каждый получил свое.

Теперь там, на Западе, был свой человек, может, будущий участник предстоящих дел. Оставалось одно и самое главное: найти канал для контрабанды. Уже было что отправлять.

Восьмого июля 1978 года от причала Ленинградского торгового порта ушел к родным берегам американский сухогруз «Томас Джефферсон». Событие, столь незначительное, осталось незамеченным и никого в Ленинграде не заинтересовало. Никого, кроме супругов Малышевых. В огромном чреве океанского лайнера был где-то запрятан груз, принадлежавший им. Контрабандная посылка была небольшой и не очень ценной — всего на 10 тысяч долларов. Уплыли за океан несколько икон на дереве и бронза, серебряный ларчик и серебряный крест, ножницы с золотыми кольцами для пальцев, старинные табакерка, шкатулки, подписной этюд художника Яремича «Фонтанка» и еще несколько предметов антиквариата.

Каким образом они попали на американский лайнер? Доставить контрабанду в Америку взялся матрос с «Джефферсона» Бред Эдвардс. И конечно, не даром. В виде вознаграждения ему передали японский чайный сервиз и несколько антикварных безделушек. Первый контрабандный груз благополучно дошел до Америки, и письмо от Эдвардса, конечно, обрадовало Малышевых. Но они понимали, что это не тот канал, которым можно будет пользоваться надежно и регулярно. Кто знает, придет ли еще раз в Ленинград американский «Томас Джефферсон» и будет ли на его борту матрос Эдвардс? Надо было искать другой надежный канал.

Это было главной заботой Малышевой. Она становит-

ся частой гостьей Москвы. Одна поездка за другой, знакомства, встречи, и наконец, удача — Малышева попадает в дом на Рождественском бульваре. Обычный жилой московский дом, обычная квартира, в которой живут двое немолодых уже людей, некто Хмелева и ее муж, профессиональный фотограф. Но по субботам, а то и в будние вечера у дома № 5/7 на Рождественском бульваре можно было видеть автомобили с дипломатическими номерами. Среди завсегдатаев «салона» Хмелевой можно было встретить зарубежных дипломатов или их жен и самую разнообразную публику из местных. Приезжали сюда не ради застолья, хотя и без него не обходилось. «Салон» служил местом встреч, как правило, деловых.

Его хозяйка с пониманием отнеслась к Малышевой, они и сами с мужем собирались уехать из Москвы во Францию. Малышевой была обещана встреча с женой одного крупного иностранного дипломата, женщиной деловой, любительницей антиквариата.

Но встреча, на которую Малышева возлагала немалые надежды, была стремительно короткой и безрезультатной. Только успел хозяин представить иностранке гостью из Ленинграда, как та перешла к делу:

— О, какая у вас прелестная брошь! Мне нравится...

— Мне тоже, — ответила Малышева (не случайно она появилась с ней в «салоне»).

— Уступите?.. Я возьму...

— Нет, вещи, которые мне нравятся, не продаю.

— И правильно делаете, дорогая!.. — мило улыбаясь, ответила дама из посольства и тут же покинула Малышеву.

Нетрудно представить настроение Малышевой после этого «знакомства», на которое возлагалось столько надежд.

— Ну, ничего. Не огорчайтесь, — утешал обескураженную Малышеву хозяин «салона». — Брошь вам к лицу... А дела надо вести с мужчинами — и проще, и вернее. Познакомлю вас с солидным господином. Надеюсь, все будет по-другому...

Хозяин сдержал слово. И на этот раз все было по-другому. «Солидный господин», атташе посольства одной из западноевропейских стран Годфрид Бакель, с которым вскоре познакомилась в «салоне» Малышева, оказался мужчиной невзрачным, но деловым. Уговаривать его не пришлось. Он сразу понял, что от него хотят, и счел нужным лишь напомнить:

— Но в этом немалый риск...

— Он будет вознагражден, — заверила Малышева.

— Разумеется... — удовлетворенно обронил дипломат.

Дальше речь шла уже только о деталях: вес поклажи не больше 20 килограммов, габариты — не больше размеров обычного чемодана. Здесь же условились о том, как и где выйти на новую встречу.

Сделка состоялась. Господин Бакель взялся перевозить через границу ценности Малышевой и хранить их у себя в городе Остенде до ее приезда. Что касается риска, то рисковала Малышева куда больше: она целиком была в руках Бакеля. Ей оставалось лишь уповать на порядочность дипломата и его немалую личную выгоду. Да и выбора у Малышевой не было. Приходилось рисковать.

В Ленинграде, куда вернулась довольная Малышева, мужа не было.

Ждать его возвращения из очередного вояжа или отправить посылку без него? Хотя положение лидера в семье прочно занимала Малышева, но муж иногда непредсказуемо бунтовал. Малышев, например, очень трудно расставался с приобретенными вещами. И Малышева решает, не ожидая мужа, сделать первую отправку. На помощь она берет близкого человека, спекулянта и фарцовщика Миронова, помогшего, кстати, знакомству с Хмелевыми. На машине Миронова чемодан с ценностями везут в Москву. В доме на Рождественском бульваре этот чемодан передают Бакелю из рук в руки. Контрабандная посылка недолго задержалась в Москве. Осенью 1979 года, используя свой дипломатический иммунитет, Бакель, минуя таможенный контроль в аэропорту «Шереметьево», перевез ценности через государственную границу к себе на родину, в город Остенде.

Позднее в ходе следствия было установлено, что в свой первый контрабандный вояж Бакель переместил обманным путем через государственную границу 115 предметов, не подлежащих вывозу из страны. Экспертизой была определена их стоимость 120 тысяч 290 рублей.

Что же находилось в дипломатическом саквояже, с которым, минуя таможенников, поднялся на борт самолета дипломат-контрабандист?

В нем были старинные русские иконы на дереве и на камне, золотые и серебряные кресты, панагия, шка-

тулки, табакерки, ювелирные изделия и многое другое, что входит в понятие антиквариата. Ни один из этих предметов не пропустила бы таможня, все они представляли художественную, историческую ценность и вывозу не подлежали.

Бакель возвращается в Москву и приступает к исполнению своих служебных обязанностей. Малышева вручает при встрече первый гонорар — его долю в деле: десять тысяч рублей.

Итак, контрабандная черная тропа через границу проложена. Не в ночную темень, через лесные чащобы и болота пробираются через границу контрабандисты. Фирменная «Красная стрела» доставляет на московский перрон Малышевых, лайнеры из «Шереметьева» увозят на родину Бакеля. Почтительно козыряют таможенники, угощают соком стюардессы, благодарят за щедрые чаевые проводники, носильщики, таксисты. Комфортабельный, безопасный контрабандный канал действует. Успехи, легкость, с которой удавалось переправлять через границу ценности, кружат головы. Делается все, чтобы переправить как можно больше.

В декабре 1980 года Бакель совершает очередной вояж на Запад. Ну конечно же не с пустыми руками. Малышевы, теперь уже вдвоем, доставляют на Рождественский бульвар новую контрабандную посылку. На этот раз только иконы. Стоимость — 22 тысячи рублей. На этот раз Бакель получает 5 тысяч рублей. В 1981 году он выезжает из СССР через Одесский морской порт и переправляет в Остенде очередную партию икон. Гонорар на этот раз получает иконами, оцененными в 15 тысяч рублей.

К очередной поездке Бакеля удалось подготовить партию особо ценных икон числом около тридцати. И уже перед самым отъездом его за рубеж привезли в Москву еще три особо ценные иконы. Одна из них — икона XVI века «Николай Зарайский в житии» стоимостью в 50 тысяч рублей.

Это была последняя встреча в Москве отнюдь не святой троицы. Затем был неожиданный визит Бакеля к Малышевым в Юрмалу, откуда Бакель отправился в Одессу, чтобы отплыть в Венецию. Малышевы пожелали ему счастливого пути...

Собирались ли Малышевы «завязывать», поставить точку, скажем, после этого вояжа их партнера? Нет. Чувство опасности давно уже стало для них привычным, и беспокоило их, пожалуй, другое: сохранность

того, что было уже переправлено за рубеж и хранилось в Остенде. Они вели строгий учет перемещенного, фотографировали все предметы перед отправкой. Но понимали, что они полностью в руках Бакеля. А тот, кроме гонораров, изъявил желание тоже делать бизнес на антиквариате и иконах. Приходилось кое-что доставать и для него. Остановиться сил не было.

Вспору задать вопрос, который давно напрашивается. А на какие деньги все это творилось? Из каких источников финансировались контрабандные операции преступной группы? Проще говоря, откуда были у Малышевых деньги на приобретение художественных и антикварных ценностей? Ведь каждая контрабандная отправка оценивалась в десятки и сотни тысяч рублей.

А ведь, кроме этого, у Малышевых были немалые «накладные» расходы. Только Бакелю выплатили около 30 тысяч рублей. На что-то надо было худо-бедно жить, ездить в Москву, устраивать нужные встречи. За все приходилось платить. Это все расходы. А доходы откуда? Как принято говорить, общественно-полезным трудом заработать Малышевы и на пропитание не могли. По той простой и убедительной причине, что таким трудом они не занимались. Юрий Малышев последние восемь лет перед арестом на службе нигде не состоял. Трудовой стаж инженера-геолога Малышевой — всего несколько месяцев. Наследства не получали, билетов спортлото и вещевой лотереи не покупали, в карты после женитьбы Распылитель играть перестал. Вряд ли на флакончиках, бронзулетках да мелкой фарцовке удалось ему сколотить первоначальный капитал. Из свалках не попадаются изделия с клеймами «Фаберже» или золотые табакерки. Среди икон, которые дарили ему старушки в глухих селениях, не было досок стоимостью в 20, а то и в 50 тысяч рублей.

Откуда они? Такой вопрос считается бестактным в мире коллекционеров и собирателей антиквариата. Если с вами будут откровенны, то кое-что скажут. К примеру, о том, что у большинства собирателей непременно есть свой обменный фонд. Это вещи, которые коллекционер продает (вам скажут — меняет), чтобы приобрести то, что нужно ему. Выгодный обмен или нет — все многом зависит от умения, ловкости и удачи, как и в любом коммерческом предприятии. Заметили, как осторожно, с оглядкой мы подбираем слова? Мы не говорим, что собиратель может воспользоваться невежеством человека и порой за гроши купить ценную вещь.

Мы ни разу не употребили слова «торговля» и «спекуляция». Но дело ведь не в словах, не в изысканности и деликатности выражений. Беда в том, что благородная страсть к коллекционированию нынче очень тесно переплелась с куда более низменной страстью обогащения и наживы.

И никогда Малышев не стал бы обладателем собрания русских икон, коллекции ценных табакерок и множества редкостных дорогостоящих предметов антиквариата, если бы он не вел все эти годы непрерывный «обмен». Искал, приобретал и выгодно продавал, наживаясь. Оставлял у себя лишь то, что представляло наибольшую ценность как предмет контрабанды. Вот откуда у ловкого, знающего коллекционера-коммерсанта Малышева был оборотный капитал для контрабандных операций.

Но был еще один немаловажный источник доходов. У контрабандного канала была обратная связь. Бакель, переправляющий ценности Малышевых за рубеж, возвращался в нашу страну не с пустыми руками. В его дипломатическом саквояже и на пути в Россию была контрабанда.

Во время обыска у Малышевых обнаружили каталог известной западногерманской фирмы Квелль. Он был испещрен пометами Малышевой. По этому каталогу она заказывала дипломату различные вещи, которые он доставлял из-за рубежа в Москву. Реализация импортного дефицита — кожаных пальто, других предметов одежды, радиоаппаратуры, кассет для видеомagnetофонов и фотоаппаратов — приносила немалые деньги. Они же и шли на приобретение предметов контрабанды. Иногда производился прямой обмен: так, за два кожаных дамских пальто была приобретена икона «Казанской богородицы». Такой обмен вполне устраивал Малышевых и имевшего свою долю в этом деле Бакеля — сравнительно дешевый западный ширпотреб продавался у нас втридорога. На деньги от спекуляции приобретались для вывоза предметы национальной культуры.

Как-то в разговоре со следователем Людмила Малышева обронила фразу: «Нас с Юрой в Ленинграде знали...» И, чтобы следователь не сомневался, рассказала ему о случае в гостинице «Европейская». В банкетном зале, где праздновали «свадьбу» ее сестры, появился чужак — крепко подвыпивший верзила. Никто из мужчин не посмел выдворить непрошеного гостя. Тогда из-

за стола решительно поднялась маленькая хрупкая Малышева:

— Вон отсюда, жлоб!

— Что?! — опешил верзила. — Да я тебя сейчас в веревочку совью! Ты кто такая?..

— Я жена Распылителя!

И жлоб «слинял».

— Нас знали в Ленинграде, — горделиво закончила свой рассказ Малышева.

Вот видите, а мы и не знали, что живут с нами в одном городе столь знаменитый Распылитель и его мужественная жена. Ибо известны они были в своем особом кругу деловых людей, людей, умеющих делать деньги. В этом мире была своя иерархия — свои «миллионеры» и «акулы», «шестерки» и «салаги». Здесь Малышевы котировались довольно высоко и были известны.

В поле зрения чекистов Малышевы попали после того, как упрочилось их явно не случайное знакомство с г-ном Бакелем. Оно не могло не насторожить, не привлечь к себе внимание. Что крылось за этим? Ясно было, что знакомство это носит явно деловой характер. Ради чего приезжает Малышев в Москву и всякий раз встречается в определенных местах с Бакелем? Незаконные валютные операции? Но, насколько было известно, Малышевы валютой не занимались — не их профиль. Сбыт иностранцу икон и антиквариата? Но Малышевы были «собираателями». Они скупали. Тогда оставалось предположить: Бакель — сообщник Малышевых. Он в дипломатическом багаже перемещает за рубеж ценности, легальный вывоз которых запрещен. Канал контрабанды надо было обнаружить и перекрыть.

События, последовавшие вскоре одно за другим, поторопили чекистов, уже располагавших кое-какой информацией о Малышевых, об их знакомстве с атташе иностранного посольства. Супруги в очередной раз посещают Москву, приезжают не с пустыми руками и встречаются с Бакелем. Ничем другим в столице не интересуются. Возвратившись, сразу же уезжают из Ленинграда в курортную Юрмалу под Ригой. Туда в гости к Малышевым через несколько дней приезжают на машине супруги Бакель. Гостят недолго, всего несколько часов, и вновь «мерседес» с прицепом отправляется в путь. Стало известно: дипломат заказал каюту до Венеции на теплоходе «Азербайджан», уходящем в рейс из Одессы.

Теперь уже ясно, где собирается пересечь границу

Бакель. Нетрудно понять, почему отказался он от самолета — на машине, да еще с прицепом, багаж везти куда удобнее. Версия, отрабатываемая чекистами, подтверждалась.

Оперативная группа ленинградских чекистов прилетела в Одессу накануне ухода в рейс «Азербайджана». Белоснежный красавец теплоход стоял у пирса, ожидая пассажиров. Чекистам тоже не оставалось ничего другого, как ждать приезда двух его пассажиров, заказавших каюту до Венеции. Ночью позвонили коллеги из Киева. «Мерседес» ночует в их городе.

После полудня, за несколько часов до отплытия теплохода, машина с красным пятном дипломатического номера на темно-вишневом, припудренном дорожной пылью кузове, мягко притормозив, остановилась на пирсе Одесского порта. «Мерседес» выглядел куда респектабельнее и солиднее своего хозяина. Если бы он приехал в порт на автобусе, никто и не признал бы в нем дипломата. Что-то провинциальное, местечковое было в облике и манерах этого неприметного человека с жидкой бородкой клинышком и крючковатым носом. Он все пытался делать быстрее, чем следовало, — суетился вокруг машины, что-то перекаладывал в ней, наконец, мелкой иноходью впереди жены поспешил по трапу на борт теплохода. Хотя спешить и беспокоиться причин не было. Но уже через несколько минут Бакель спустился к машине, у которой как раз и появилась группа таможенников.

— Что у вас в багажнике?

Вопрос таможенного инспектора был неожиданным. Как правило, багаж дипломатов не досматривается. Но инспектор показал на собаку, которую держал на поводке его коллега, стоявший у багажника «мерседеса»:

— Видите, собака нервничает...

Собака и впрямь нервничала. То ли ей не понравился размахивающий руками Бакель, то ли надоели долгие разговоры, то ли она была необыкновенной одесской собакой, чужавшей не только наркотики, но и любую контрабанду. Факт тот, что она поскуливала у багажника, рвала поводок.

— Нет у меня наркотиков, — бушевал Бакель. — Вы не имеете права. Я буду жаловаться!

— А может, и не будете. Откройте багажник, — стоял на своем инспектор таможни.

— У меня нет ключа!..

— Где же он?

— У жены...

— Придется побеспокоить ее...

Бакель, словно ждавший повода расстаться с таможенниками, своей мелкой иноходью потрусил к трапу теплохода. Но тут же поспешно спустился к машине.

— Открывать не буду! — еще издали крикнул он.

— Ну, что ж, откроем сами...

К багажнику подошел таможенник с ломиком.

— Не смейте ломать замок! — крикнул Бакель... и открыл багажник машины.

Когда развернули первый пакет, вынутый из багажника, сверкнул серебряный оклад иконы. Таможенники вели досмотр не торопясь, но привычно умело и сноровисто. Бакель и его жена теперь им не мешали. Напротив, любезно разрешили досмотреть салон машины и прицеп. Еще до прихода экспертов было ясно, что вещи, обнаруженные при досмотре, вывозу за границу не подлежат, а стоимость их намного больше десяти тысяч рублей. Налицо было преступление, за которое по закону полагается уголовное наказание. Но личность дипломата неприкосновенна. Его нельзя было задержать, помешать ему выехать за границу. Его лишь попросили написать объяснение и подписать протокол об изъятии ценностей.

Но еще до окончания досмотра Бакель поспешил заявить:

— Вещи не мои!

— Чьи же?

— Моих знакомых. Меня попросили перевезти их через границу.

— Назовите их. Кто они?

— Я не знаю фамилии. Случайное знакомство...

— Как же смогли они доверить случайному знакомому столько ценных вещей?

— Не знаю... Их зовут Люда и Юра, они живут в Ленинграде...

Супруга дипломата сообщила адрес случайных знакомых, он был в ее записной книжке. Другой информации в объяснении, оставленном на таможенне, не было. Да в ней и не нуждались. Немного облегченный «мерседес» с прицепом погрузили на борт теплохода. Его хозяевам пожелали счастливого плавания. Белоснежный лайнер легко отошел в положенное время от причала. Над Черным морем было солнечно и прозрачно. Будни и заботы оставались на берегу.

На Балтийском побережье, где отдыхали в это время

Люда и Юра из Ленинграда, тоже была хорошая погода. После отплытия теплохода из Одессы позвонили в Юрмалу:

— Как наши дачники?

— Отдыхают...

— Возвращайтесь с ними домой.

Залитая ранним летним солнцем Юрмала еще спала, когда в дверь одного из ее домов настойчиво постучали. Открыл Малышев. Обыск продолжался недолго, дачники отдыхали налегке. Тихая курортная Юрмала еще не проснулась, когда машина, увозившая Малышевых, выехала на шоссе, ведущее в аэропорт.

* * *

Они были все же очень разными — муж и жена Малышевы. В паре они отлично подходили друг другу — тандем работал умело, споро и удачливо. Получалось, как в математике: минус на минус — в результате плюс. Теперь, когда они так были необходимы друг другу, они оказались врозь. Жили в одном доме, под одной крышей, но никакого общения, ни одной, даже мимоletной встречи. Правда, линию поведения, не сговариваясь, они избрали одну и ту же, но вели себя по-разному, каждый в силу своего характера.

Малышев во время отсидок в лагерях усвоил расхожую блатную мудрость: главное — держаться, не расколоться. И он держался — угрюмо, озлобленно.

— Ничего не знаю, не помню... Может быть... Виноват — докажите! Это ваш хлеб!..

А если и давал скупые показания, то безбожно врал, ничуть не беспокоясь даже о правдоподобии сказанного.

Людмила Малышева тоже не собиралась говорить правду и давать чистосердечные показания, но вела себя по-другому. Она начала с протестов. До слез возмущалась — как могли лишить свободы двух ни в чем не повинных, добропорядочных граждан. Если Распылитель не скрывал своей неприязни, нагло отказывался отвечать на вопросы следователя, то жена его пыталась уйти от ответа на них.

Ее спрашивали, например, о знакомстве с Бакелем.

— Это дипломат? — переспрашивала Малышева. — Может быть. У нас было довольно много знакомых иностранцев. Они обращались к мужу за консультацией. Вы ведь знаете, что многие из них интересуются русскими иконами и антиквариатом.

Следовал новый вопрос.

— Вы подтверждаете показания Бакеля о передаче ему для вывоза за рубеж ценностей, принадлежащих вашей семье?

— Пусть он скажет об этом мне. Я требую очной ставки!..

— В ней нет пока необходимости,— отвечал следователь.

Малышева была словоохотлива. Еще в самолете, по дороге из Риги в Ленинград, она, не теряя времени, начала рассказывать сопровождавшему ее офицеру о себе, о собирательской страсти мужа, которая увлекла и ее. Это был монолог — ее вполне устраивало молчание внимательно слушавшего ее соседа. Теперь же в кабинете следователя ей очень важна была реакция собеседника. А он никак не выдавал своего отношения к тому, о чем говорила Малышева. Ничего не опровергал, не оспаривал. А ведь Малышеву, как и любого человека в ее положении, сейчас больше всего интересовало: что известно следователю? Знать бы это — все стало бы куда проще. Но это преимущество оставалось за следователем, и уступать его, делиться им он не собирался. Малышевой было нелегко, но она все еще на что-то надеялась, тянула время, хотя не могла не понимать, что работает оно уже не в ее пользу.

А чем располагало следствие против Малышевых, упорно уходивших от правдивых показаний? У следователя были убедительные доказательства участия Малышевых в контрабанде. Имелись объяснения Бакеля и его жены, данные ими в Одесской таможне. При обыске в Юрмале у Малышевой нашли запрятанный ею список икон, обнаруженных в багажнике машины дипломата. Были и другие улики. Всего этого достаточно было для ареста Малышевых и привлечения к уголовной ответственности. Но следствию нужно было выяснить и другие факты их преступной деятельности. Ясно было, что эпизод в Одесском порту не единственный. Кроме Бакеля могли быть другие соучастники, другие каналы для контрабанды. Это следствию предстояло выяснить у Малышевых, но они еще на что-то наделись. Правда, те, кто занимался делом Малышевых, не просто терпеливо ждали, когда обвиняемые начнут давать искренние показания. Работа, о которой в лучшем случае Малышевы могли лишь догадываться, шла. Собирались другие доказательства, допрашивались свидетели, выявлялись связи, знакомства Малышевых.

Как-то, заканчивая очередной допрос, следователь сказал Малышевой:

— Зря вы не хотите помочь нам...

— К сожалению, ничем не могу...

— Себе же вредите. Мы и сами узнаем все...

На другой день Малышеву на допрос не вызвали. И на следующий, и на третий. Малышева в камере томилась от неизвестности. А когда наконец вызвали, то вместо привычного кабинета она попала в другой, где за столом сидел незнакомый молодой следователь. Держался сугубо официально, спрашивал о вещах второстепенных. Малышева сникла. Она наверняка вспомнила предупреждение полковника: «Не хотите помочь, не надо...» А главное, Малышева довольно верно просчитала ситуацию. Бакель, на неприкосновенность которого так полагались Малышевы, «сгорел». Более того, он выдал их. От ответа не уйти, молчать, запираяться бессмысленно. Надо попытаться выйти из положения с потерями наименьшими. Выход один — помочь следствию, чтобы заслужить снисхождение суда. Понимала она и другое: менять, пока не поздно, поведение надо ей, а муж последует ее примеру.

Малышевы начали давать правдивые показания. Если о чем-то «забывал» муж, подсказывала, дополняла жена. Так часто бывает в ходе следствия. Преступник, начавший давать показания, становится необычно активным. Роли как бы меняются. Теперь, чтобы поверили ему, до этого говорившему неправду, он делает все, чтобы доказать достоверность своих новых показаний. Так было и с Малышевыми. Эпизод за эпизодом раскрывалась деятельность преступной группы, выяснялось, где и как приобретались ценности, как готовилась и осуществлялась их отправка за рубеж. Признаться пришлось во всем — другого выхода не было. Более того, теперь Малышевы готовы были предпринять все для того, чтобы вернуть обратно ценности, переправленные их сообщником через границу.

В кабинете следователя на этот раз было необычно многолюдно: кроме хозяина — двое понятых и оба обвиняемых — Людмила и Юрий Малышевы. Раздался телефонный звонок, которого ждали. Следователь снял трубку.

— Вы заказывали Западный Берлин?

— Да...

— Ваш абонент у аппарата...

Следователь передал телефонную трубку нетерпели-

во ожидавшей звонка Людмиле Малышевой. Он заранее предупредил обвиняемых, что их разговор с Западным Берлином будет записан на пленку и приобщен к делу. Больше он вмешиваться в ход этого следственного действия не будет. Цель эксперимента — проверить достоверность материалов уголовного дела, а именно то, что Малышевы действительно свои ценности, переправленные контрабандным путем за рубеж, хранят у Годфрида Бакеля. И кроме того, Малышевым по их просьбе была предоставлена возможность попытаться вернуть эти ценности.

Абонент в Западном Берлине — Александр Миронов, давний друг Малышевых. Что это за человек?

Валютчик-спекулянт, скрывавшийся от милиции, которого Малышевы приютили, укрыли у себя в квартире. Правда, на свободе он гулял недолго — был пойман и осужден. А отсидев, не стал больше искушать судьбу, женился на иностранке и отбыл в Западный Берлин. Это он, кстати, помог Малышевой в знакомстве с хозяйкой «салона» на Рождественском бульваре. Свой человек, тот, кто может, да и должен, помочь попавшим в беду Малышевым.

— Алло... Узнаешь, Саша? Это я... У нас огромная просьба к тебе!..

Малышева несколько обескуражена началом. Она не ожидала, что Миронов, словно нехотя, вяло, односложно будет вести с ней разговор, на который она возлагала столько надежд. Тональность разговора беспощадно подчеркивали разные положения сторон. На проводе не тот уже Миронов, которого знали в Ленинграде Малышевы. Не тот Миронов, который работал у них на подхвате и для которого любая просьба Малышевых звучала как приказ. В Западном Берлине сейчас нехотя ведет разговор бизнесмен г-н Миронов. И он отлично понимает, откуда с ним разговаривает Людмила Малышева.

О чем она настойчиво, не выдавая обиды, просит Миронова? Тот должен вместе с ее сестрой Ниной Бальсс съездить к приятелю и вернуть ценности, принадлежащие им, Малышевым. Ведь он знает кое-какие вещи. Он же сам вместе с нею отвозил в Москву Бакелю чемодан с иконами и антиквариатом. Полный реестр всех вещей у Нины. Приятель --- порядочный человек и должен вернуть чужое! Малышева просит, наставляет, как разговаривать с Бакелем, как доставить ценности в советское посольство.

Миронов нехотя соглашается. Он разговаривал уже с Бакелем и тот вроде готов вернуть ценности Малышевых. Он, так и быть, сделает вояж к Бакелю, но за труды возьмет кое-что себе, чтобы покрыть расходы. Ну, скажем, одну из табакерок... Малышева соглашается. Что ей остается делать? Она вновь просит, говорит о том, что они еще могут встретиться и она не забудет помощи друга. Но это звучит и как предостережение: все еще может быть...

Трубку берет Юрий Малышев. Мужчины о деле не говорят.

— Как там условия? — спрашивает Миронов.

— Лефортово помнишь? Там было лучше...

— Тут, знаешь, условия очень приличные...

— Ты что, сидел?

— Я — нет, но кое-кто из наших... Говорят, сносно...

— И у нас теперь в лагерях телевизоры, — не остается в долгу Малышев.

Тюремная тема исчерпана. Разговаривать больше не о чем.

— Пятнадцать лет работы — и нуль, ничего, — сокрушается Малышев.

— Был бы человек, — утешает Миронов.

— В гости к Нине приедем. Не скоро, конечно, но надежда есть...

Если и была у Малышевых надежда поехать в гости в Западный Берлин, то не в малой степени она связывалась с успехом операции по возврату домой ценностей.

Чем она закончилась?

Миронов и сестра Малышевой, которой была отправлена доверенность на получение ценностей, начали переговоры с Бакелем. Поначалу он вроде бы соглашался возвратить вещи, но когда за ними приехали сестра Малышевой и Миронов, бывший дипломат повел себя иначе. Он не отрицал, что иконы и многочисленные предметы антиквариата, полученные им в Москве от Малышевых, находятся в его доме, но заявил, что из-за них он понес значительный материальный и моральный урон. И он, видите ли, тоже сторона пострадавшая! А потому о возвращении ценностей он будет разговаривать только с их владельцами — Малышевыми... Вот пусть отсидят свое и приезжают к нему за своим добром. Бакель — порядочный человек, чужого ему не нужно!

Дипломатическим этот ответ назвать трудно. Такое

поведение даже в уголовном мире считается подлейшим. Когда Бакель говорит о материальном убытке, то с ним можно согласиться, если следовать его своеобразной логике. Он безусловно понес потери. Доходное место в посольстве потерял, как и доходы от контрабанды, которой занимался и несомненно собирался заниматься впредь. Ведь дело с Малышевыми по-настоящему только начиналось.

Но при чем же Малышевы? За свои грехи они несут ответ, а за провал партнера платить не обязаны. Не было такой договоренности. Малышевы своему сообщнику ничего не должны. Он предусмотрительно получил с них за каждый контрабандный вояж с дипломатическим саквояжем. И получил изрядно. Разве в его провале виноваты Малышевы? Ведь это он выдал их — назвал на таможне их имена и ленинградский адрес.

Ну а какой же моральный убыток понес бывший дипломат? Быть может, раскаяние в грязном поступке, опозорившем дипломатическое представительство своей страны, мучит его, лишив сна и покоя? Вряд ли...

Если вдуматься, то ничего необычного, неожиданно в поведении Бакеля нет. Это Малышева надеялась на порядочность своего партнера, как же --- интеллигентный человек, дипломат, разве он посмеет не отдать чужое! А когда она узнала об ответе Бакеля во время телефонного разговора с Западным Берлином, то следователю пришлось вмешаться: Малышева заговорила сочным языком своих таежных земляков. Это уже было не для протокола, да и к тому же бесполезно.

По-хорошему сам Бакель не вернет воровски увезенное из нашей страны. После инцидента в таможне у него хватило наглости как ни в чем не бывало вернуться в Москву.

При досмотре в Одессе Бакель, тогда еще атташе посольства, угрожал таможенникам жалобой, грозил неприятностями. Так вот, жалоб не было. Промолчало дипломатическое ведомство его страны и тогда, когда Бакель был выдворен из СССР.

* * *

В море капитан теплохода «Иван Ползунов» неожиданно получил радиogramму с берега: остановиться на рейде Феодосии. Как только на теплоходе застопорили машины, к его борту подошел катер Феодосийского порта, и стала известна причина непредвиденной остано-

ки: нужно было заменить штурмана теплохода Ячника. Он требовался на берег для дачи объяснений в связи с дорожно-транспортным происшествием в Ленинграде. Смена штурманов на феодосийском рейде не заняла много времени. Вновь набрали ход машины теплохода, и он лег на свой курс в один из портов Италии. Катер доставил штурмана Ячника на берег, где его, как положено, встретили таможенники. Хотя «Иван Ползунов» шел вдоль родных крымских берегов, он уже находился в «загранке». Так вот, при досмотре багажа Ячника была обнаружена контрабанда — иностранная валюта и ценные почтовые марки.

Объяснения штурмана не были оригинальны. Он заявил, что валюта «накоплена» им в прежних рейсах за границу...

— А марки?

— Марки не мои...

Ответ рождал следующий вопрос: чьи же они?

Однако крупное уголовное дело по контрабанде филателистических материалов началось все же не с этого черноморского эпизода, а несколько раньше. Работники таможни на Ленинградском почтамте обратили внимание, что почти каждый день, за редким исключением, уходят заказные письма в США по одному и тому же адресу на имя одного и того же человека, некоего Якова Лурье. Причем обратный ленинградский адрес его корреспондентов всякий раз был другой. Складывалось впечатление, что пишут ему, отправляют письма в порядке установленной очереди, а может быть, скорее всего отправитель — один. Что же могло заставить его писать вымышленные адреса? Предположения таможенников полностью подтвердились, когда они сделали выборочную проверку подозрительных писем: в них были обнаружены незаконные вложения — марки.

В немногословных письмах содержалась главным образом деловая информация: «Отправляю „северный полюс“, как идет „архитектура“, нужна ли „лимонка“?» Сообщалась конъюнктура — что сколько стоит, и каким спросом пользуются те или другие марки в СССР и в США. Письма свидетельствовали и о том, что отправитель из Ленинграда так же получает марки из США. Обмен этих любителей филателии Якова Лурье в США и его брата Александра Лурье в Ленинграде имел явно незаконный характер.

Чекисты из подразделения, которое занимается борьбой с контрабандой, — люди умудренные опытом. Он и

подсказал им, что может существовать и другой путь, по которому удастся братьям-филателистам обменивать и продавать затем марки, полученные друг от друга.

Среди знакомых Лурье обратил на себя внимание некто Ячник, штурман Северо-западного пароходства, регулярно уходивший в «загранку». Кроме того, этот «без пяти минут капитан», бывший на отличном счету в пароходстве, вел такой образ жизни, который требовал денег куда больше тех, что он получал на службе. Такой нужный человек мог быть партнером Лурье в контрабандных операциях.

Представился и случай проверить версию. Ячника, действительно грубо нарушившего правила дорожного движения, сняли с теплохода на феодосийском рейде, когда он меньше всего опасался встречи со следственными органами и никак не ожидал таможенного дозора. Контрабандные ценности оказались при нём.

Уже на первом допросе в Феодосийском порту Ячник дал показания следователю, прибывшему из Ленинграда. Да, по просьбе своего ленинградского знакомого Александра Лурье он неоднократно вывозил из страны марки и затем отправлял их бандеролями по указанному адресу в США. За каждую «отправку» получал от Лурье 400 рублей. Рассказал Ячник и о других контрабандных операциях с марками, в которых он участвовал. Теперь у следствия было достаточно доказательств для серьезного разговора с филателистом Лурье, который по-прежнему приносил на почтамт письма, адресованные своему брату в США.

Как повел себя Александр Лурье, оказавшись в кабинете следователя? Человек неглупый, он быстро понял, что отрицать очевидное бесполезно. Контрабандная филателистическая фирма братьев Лурье начала работать с 1981 года, когда старший из братьев Яков переехал на местожительство в США. Технология «производства» была проста: братья обменивались марками. Те, что ценились дороже в США, отправлял младший брат из Ленинграда. А те, что стоили дороже у нас, он получал из США.

Дела шли успешно. Несколько тысяч рублей в месяц, которые «зарабатывал» на «обмене» Александр Лурье, были лишь оборотным капиталом. Он тратился на покупку редких марок, на оплату услуг сообщников и на довольно беспечную жизнь. Основная прибыль оседала у старшего брата в Америке, куда, закончив контрабандные операции, собирался и младший, Александр.

В США переправлялся дорогой, уникальный филателистический материал. Так, например, в один из рейсов штурман Ячник переправил за рубеж два листа редких марок Тувы. В листе сто марок. В США одна такая марка стоит 350 долларов. Обменная операция принесла сразу 70 тысяч долларов. Немалые ценности оставались еще и в Ленинграде. Вот почему так усердно вел переписку с братом Александр Лурье, искал и находил другие каналы для контрабанды. Все последние пять лет он жил только этим. Правда, еще служил инженером в Ленинградском специальном монтажном наладочном управлении «Союзавтоматстрой», но от своих инженерных обязанностей он успешно откупался — получал подложные справки и бюллетени.

Желая, как утверждал Лурье, помочь следствию и давая чистосердечные показания, он был весьма словоохотлив. Можно было поверить ему и в том, что он обладает уникальной памятью и что филателиста, равного ему, нет в Ленинграде. Он помнил, казалось, каждую марку из своей огромной коллекции, помнил, как она ему досталась, и знал, чем она интересна. Но были вопросы, на которые Лурье не мог или не хотел ответить. Уникальная память изменяла ему, когда речь заходила о многочисленных конвертах, открытках и других почтовых отправлениях, немалое число которых было в его собрании. Эти филателистические материалы особенно ценятся коллекционерами. Представьте себе конверты или открытки с редкой маркой, со штемпелем гашения в далеком или экзотическом месте. Так вот, Лурье очень плохо вспоминал, каким образом они попали к нему: «купил с рук», «обменял в клубе», «не помню, у кого». Забывчивость Лурье и настойчивое любопытство следователя имели свои причины. Дело в том, что следователь, а затем и эксперты обратили внимание на некоторые особенности конвертов и открыток в коллекции Лурье.

Прежде всего, поражал их сохранный, ухоженный вид — несмотря на весьма почтенный возраст, они явно бережно хранились и не так уж много сменили хозяев. На многих конвертах, открытках были номера и другие рукописные пометки. Все это отличало их от прочего филателистического материала, изъятого у Лурье.

Следователь вроде довольствовался уклончивыми ответами обвиняемого. Но однажды, когда Лурье был предъявлен очередной конверт и тот опять не мог вспомнить, откуда он у него, следователь сказал:

— Я вам помогу. Вспомните, как в машине Ячника вы приехали на встречу с женщиной по имени Наташа. Вы помните, шел дождь, и Наташа, передавая вам пакет с конвертами, уронила один из них на мокрый асфальт. Вернувшись на квартиру Ячника, вы, человек аккуратный и бережливый, тампоном из ватки сняли с конверта грязь. Видите, остались полоски? Затем вы положили его на абажур лампы сушиться. А уезжая, забыли взять конверт. Вот он. Вспомнили?

Что оставалось делать Лурье? Пришлось вспомнить то, о чем так хотелось забыть.

...В тот раз Лурье вернулся из Москвы расстроенным. И не только потому, что сделка, которую он провернул там, не сулила больших барышей. За дюжину конвертов и открыток пришлось отвалить 15 тысяч рублей. Угнетало и мучило другое. Честолюбивый, жадный, Лурье гордился репутацией «акулы» в кругу ленинградских филателистов, его тешила глухая зависть и почтение дельцов помельче. Он мнил себя королем. А в Москве тогда он получил болезненный урок — понял, что по сравнению с настоящей «акулой» он не больше «щуки». Его поразило не только богатство московского «собиранителя», но главное, он понял, откуда оно у него. Все, чем владел москвич, принадлежало государственным архивам. Лурье не мог простить себе, что не ему первому удалось застолбить столь богатую золотую жилу.

Человек дела, он недолго предавался бесполезным переживаниям, а решил повторить московский опыт у себя в Ленинграде. Для внедрения в какой-либо архив Ленинграда был найден некто Файнберг. Этот «надежный и верный» человек сумел окончить три курса Ленинградского мединститута и, может быть, получил бы диплом врача, если бы не непредвиденный случай. Свинья, которую попытался утащить из колхозной фермы студент-стройотрядовец Файнберг, подняла такой оглушительный визг, что пришлось отчислить его из института. Бывший студент-медик стал шофером такси. Теперь ему вновь предложили сменить профессию.

Желание шофера такси послужить архивному делу никого не растрогало — в нем не нуждались. Но хождения по архивам не пропали даром. Выяснилось, чтобы попасть туда, необязательно состоять в штате. Файнберг едет в Москву и возвращается оттуда с бумагой, которая открывает ему двери в Центральный государ-

ственный исторический архив СССР. На фирменном бланке журнала «Театр» была изложена просьба редколлегии разрешить Файнбергу пользоваться архивными материалами, необходимыми ему для написания очерка о провинциальных театрах России. Как показал на следствии Файнберг, обошлась ему эта бумага недорого — в 50 рублей.

Так как аванса в журнале «Театр» под будущую публикацию получить не удалось, материальные заботы берет на себя Лурье. В связи с уходом из таксопарка Файнбергу ежемесячно выплачивается 300 рублей. За 7200 рублей Лурье в комиссионном магазине покупает «Жигули» и выдает Файнбергу доверенность, чтобы после занятий в архиве тот мог подрабатывать на машине. И главное условие: все, что удастся заполучить из архива, поступает в собственность Лурье. Выручка от похищенного делится честно — пополам.

Файнберг проходит ускоренный недельный курс начальных знаний по филателии. Ему втолковывается главное — что дороже. Таксист покупает польский «дипломат» и на машине работодателя отправляется на Красную улицу для сбора материалов о провинциальных театрах России.

После первого дня работы в читальном зале архива Файнберг обрадованно, но и растерянно докладывал Лурье:

— Писем там — как на почтамте!

— Тем лучше, — успокаивает его Лурье, — бери.

И Файнберг берет. Он доставляет Лурье десятки конвертов с марками России, прошедшими почту в начале нынешнего и в середине прошлого веков, 15 синих почтовых карточек без марок и множество других.

Файнберг наглеет. Похищаются ежедневно десятки писем и карточек. Компаньоны входят во вкус, аппетиты растут. Главное, все проходит без сучка и задоринки. Но Файнберг нарушает конвенцию. Он начинает продавать часть похищенных материалов на сторону. Лурье прекращает выдавать зарплату и отбирает «Жигули», Файнберг успевает лишь перед тем раздеть машину — и дружбе конец.

Но свято место пусто не бывает. На Лурье начинает работать другой человек. Это некто Михаил Поляков, еще молодой человек, подсобный рабочий Ленинградского государственного архива на Псковской улице. Вскоре и он был вынужден оставить эту работу, но познакомил Лурье с сотрудницей архива Наташей. Пре-

ступная цепочка не прерывается, филателистические архивные материалы попадают в руки Лурье.

По следам Лурье ленинградские чекисты вышли на преступную группу филателистов-грабителей, орудовавших в архивах столицы. Бригада следователей выехала в Москву. Первый, довольно ранний утренний визит они нанесли Петухову — «акуле», опыт которой попытались использовать в Ленинграде Лурье и его сообщники. Однокомнатная квартира этого тридцатилетнего коллекционера была сплошь заставлена ящиками и картонками, папками, альбомами с конвертами, открытками и другими филателистическими материалами. А представьте, сколько их прошло через руки Петухова, ведь он не собирал — он продавал. То, что было обнаружено во время визита следователей, — «товарный остаток» фирмы, сегодня меньше, завтра больше. Но откуда же поступал этот уникальный материал Петухову? В посредниках типа Файнберга он не нуждался — сам был штатным сотрудником Центрального государственного архива Октябрьской революции, а затем Центрального государственного архива Московской области.

В Центральном государственном архиве города Москвы орудовал еще один его сотрудник, некто Соколов, — человек опустившийся, готовый на все ради бутылки спиртного. Он работал в основном на Уткина, самого респектабельного и матерого в этой хищной птичьей троице. Уткин скупал краденое, наживаясь на последующем «обмене». Преступная группа орудовала в архивах Москвы не год и не два, и только разоблачение Лурье положило конец их бизнесу. Против них также были возбуждены уголовные дела.

Много интересного и редкостного можно увидеть в кабинете следователя, который ведет уголовные дела по контрабанде. Что только не проходит через этот кабинет! Слитки золота и платины, бриллиантовые кольца и редкостные камни — ценности на сотни тысяч рублей. И вещи куда более дорогие, цены которым, собственно, и нет. Это уникальные произведения живописи, древние иконы, изделия знаменитых мастеров из золота, серебра, камня, предметы антиквариата, ставшие памятниками нашей истории и культуры. И все это перехвачено на пороге нашего дома, из которого пытались их умыкнуть, переправить за рубеж.

На этот раз в кабинете следователя были марки, конверты, открытки — то, что называется филателистическим материалом. Внешне этот материал явно проиг-

рывал в сравнении с другими предметами контрабанды. Но, оказывается, ценится он на вес золота. Иная легкая как перышко марка тяжелее золотого слитка или бриллианта. Ведь речь идет не об обычных копеечных почтовых марках.

Полистайте двухтомный многостраничный филателистический каталог, выпущенный Министерством связи СССР. В нем указаны цены на марки. Самая высокая — полторы тысячи рублей. Но обратите внимание, цена почти трети марок в каталоге не проставлена, вместо нее этакий стыдливый прочерк. Он означает, что стоит марка больше полутора тысяч рублей. А сколько же она стоит? Столько, сколько запросят и сколько дадут. В мире филателистов свои цены, которые диктует конъюнктура и многое другое. Поэтому не надо удивляться тому, что марочное достояние филателиста Лурье, изъятое при его аресте, было оценено экспертами почти в 500 тысяч рублей.

В кабинете следователя нашли временное пристанище филателистические материалы, похищенные из государственных хранилищ, — в папках и альбомах несколько сот (!) конвертов, открыток и других почтовых отправлений. На них штемпеля разных городов России и зарубежных стран. Адреса, написанные витиеватой писарской каллиграфией, и беспомощный почерк руки, не привыкшей к перу. Гусиным пером при свете свечей, а то и лучины писались адреса многих писем, посланных в дорогу еще в начале прошлого столетия. «Почта» не разобрана: разные времена, разные адреса. Рядом с конвертами, адресованными шефу жандармов князю Долгорукову, конверт на имя назадачливого премьера Керенского, на одном — имя царской дочери, на другом — фамилия лодейнопольского городского головы. Несколько конвертов, открыток отправлены с фронтов русско-японской войны, корреспонденция, адресованная в редакции газет и журналов русской столицы.

И еще здесь находятся несколько конвертов, которые без трепета нельзя взять в руки. Они адресованы Николаю Чернышевскому, Вере Засулич, Надежде Крупской, Максиму Горькому. И сразу же вопрос: а кто писал им, о чем шла речь в письмах? И наконец, главное — где письма? Где, например, содержимое конверта, присланного Максиму Горькому Роменом Ролланом? Ведь мы пока говорили лишь о конвертах, а что было в них? Сохранились ли письма, совершавшие далекое путешествие в этих конвертах? Какова их судь-

ба? Остались ли они в архивах, или проданы отдельно, или просто выброшены? На этот вопрос сейчас никто не ответит.

Когда в старину грабили почту, то охотились за деньгами, которые перевозились в почтовых каретах. Письма обычно не трогали. Но теперь и грабители стали иными. И когда на квартире Файнберга делали обыск, то обнаружили целую пачку небрежно сложенных писем. Для Файнберга они не представляли интереса — французским таксист не владел.

Кстати, во время обыска в его квартире было найдено около 40 картин и акварелей. Они были небрежно свернуты и запрятаны среди мебели.

— Откуда они у вас?

— Купил на днях по случаю...

Эта версия уголовного продержалась один день. К вечеру было установлено: картины, среди которых были работы Левитана, Поленова, Малевича и других мастеров, похищены из профессорской квартиры на Петроградской стороне. Файнберг признался в краже со взломом, показал место в лесу, где было схоронено остальное из похищенного. И такой человек получил доступ в один из крупнейших архивов государства!

То, что было изъято у обвиняемых во время следствия в Москве и в Ленинграде, — это лишь часть похищенного ими из государственных хранилищ. Остальное распродано. Разошлось по частным рукам коллекционеров. Обвиняемые не без расчета называли имена известных людей, которые покупали у них наиболее интересные вещи. А главное, многое уходило за рубеж, продавалось иностранцам, переправлялось для продажи контрабандным путем за границу то, что принадлежало государству, всему народу, было его культурным достоянием.

* * *

В августе 1986 года один из народных судов Москвы рассмотрел уголовное дело по обвинению в контрабанде советского гражданина С. Г. Дьяченко и гражданина США П. Г. Д'Ория. Учитывая тяжесть совершенного преступления, суд приговорил их к длительным срокам лишения свободы с конфискацией принадлежавшего им имущества. Поводом для возбуждения уголовного дела послужил эпизод, произошедший в таможене международного аэропорта «Шереметьево».

По таможенным правилам каждый приезжающий из-за рубежа заполняет таможенную декларацию — сообщает о багаже, с которым прибыл в страну. Это дает ему право затем беспрепятственно вывезти принадлежащие ему вещи. В таможенной декларации гражданина США Д'Ория, уезжавшего на родину, была названа скрипка работы мастера Стариони. Таможенный инспектор спросил пассажира: тот ли инструмент, указанный в декларации, вывозит он из нашей страны. Уверенный, бодрый утвердительный ответ Д'Ория не рассеял сомнений инспектора. Ясность внес приглашенный эксперт. Американец пытался вывезти скрипку работы знаменитого итальянского мастера Гальяно. На месте подлинного этикета был наклеен фальшивый, вырезанный из каталога. Под этим фальшивым этикетом мастера Стариони в нашу страну был ввезен обычный современный инструмент. Вывезти же Д'Ория пытался инструмент уникальный, куда более ценный.

Арестованный за попытку контрабандного провоза, Д'Ория на первом же допросе признал, что редкий музыкальный инструмент принадлежит его московскому приятелю С. Г. Дьяченко и вывозился для продажи за рубежом. Далее на следствии выяснилось, что это не первый и не единственный случай подобной контрабанды, которой занималась преступная группа во главе с ее организатором Дьяченко.

Д'Ория работал за определенные проценты из выручки, которую приносил контрабандный вывоз за границу старинных музыкальных инструментов, имеющих огромную культурную ценность. Автором «хитроумного» плана контрабандных операций был глава фирмы Дьяченко. Младшему партнеру — Д'Ория отводилась немаловажная роль курьера-экспедитора.

В 1984 году американец, возвращаясь от родителей в Москву, ввозит в нашу страну обычную скрипку фабричного изготовления. Но на инструменте фальшивый этикет «Санта Серафин». Им снабдил своего сообщника Дьяченко. Под этим фальшивым этикетом скрипка и была заявлена в таможенной декларации. Вскоре последовала новая поездка Д'Ории в США, и теперь при таможенном досмотре им была предъявлена подлинная скрипка «Санта Серафин», переданная ему Дьяченко. В США при посредничестве фирмы «Вурлицер» она была продана за 40 тысяч долларов.

Таким же образом сообщники были намерены действовать и на этот раз. Но произошла осечка. Дьяченко

не смог достать ко времени очередного выезда Д'Ория скрипку Стариони, и пришлось фальшивый этикет приклеить к не менее ценной скрипке Гальяно. Однако обман на этот раз удалось предотвратить. Канал контрабанды был перекрыт, пользовавшиеся им преступники обезврежены.

Но кое-что преступникам удалось. За три года контрабандисты незаконным путем вывезли за рубеж пять уникальных скрипок и один смычок на общую сумму 98 500 рублей. Кроме этого, пытались переправить через границу уникальную скрипку стоимостью в 20 тысяч рублей.

Дьяченко «заработал» на контрабандных операциях 185 тысяч 620 рублей, Д'Ория—8 тысяч долларов США. Но какой невосполнимый ущерб нанесли дельцы нашей культуре, материальный ущерб нашему государству!

Кто же они?

Младший партнер—Питер Томас Д'Ория, гражданин США. Окончил Фордхемский университет, по специальности филолог-русист. Работы для человека, хорошо знающего русский язык, не нашлось, перебивался случайными заработками. Несколько раз туристом побывал в нашей стране, женился на гражданке СССР. «Я нашел здесь свою судьбу и вторую родину»,— скажет он на суде. Да, страна, оказавшая гостеприимство молодому американцу, дала ему куда больше, чем он заслуживал. Ему предоставили работу в журнальной редакции издательства «Прогресс». Он получил в Москве три квартиры, на имя жены и ее родственников сумел приобрести автомашины «Жигули», «Волгу», «мерседес». Работа в издательстве, переводы на стороне: «Имел тысячу двести рублей чистыми в месяц». А сколько «нечистых», заработанных преступным путем? Об этом он умалчивал в ходе следствия, но выдал после ареста 13 500 долларов. Кроме совместных операций с Дьяченко у него был собственный бизнес: незаконные операции с валютой, вывоз для продажи за границу редких народных инструментов под видом обычных, фабричного производства, и кое-что другое.

Глава фирмы Сергей Григорьевич Дьяченко. Родился и вырос на Украине. С отличием окончил Московскую консерваторию. Более того, молодой скрипач с успехом выступил на международном конкурсе имени Паганини в Генуе. После окончания аспирантуры стал преподавать в Институте имени Гнесиных. Затем еще

одна ступень — Дьяченко оканчивает заочно дирижерское отделение Ленинградской консерватории и возглавляет студенческий оркестр. И снова успех — первое место и звание лауреата на международном конкурсе в Вене. Вновь Московская консерватория — Дьяченко преподаватель, руководит оркестром из ее иностранных студентов. А за этим скупым пересказом столь блистательной биографии человека неожиданная строчка в протоколе допроса: предъявляется обвинение в совершении тяжкого государственного преступления...

Нынешнее, так печально закончившееся для Дьяченко знакомство с органами следствия, не было первым. Ранее он проходил в качестве свидетеля по другому делу. Уже тогда он совершил уголовно наказуемое деяние: свидетель Дьяченко дал лживые показания о своем знакомстве с жителем Ленинграда Малаховым. На этот раз полностью изобличенный, обвиняемый Дьяченко вынужден был говорить правду. Да, в записной книжке Малахова не случайно оказался телефон и адрес Дьяченко. Они были не только знакомыми, но и соучастниками контрабандных операций.

Это Малахов, человек с широкими и сомнительными связями со многими иностранцами, снабдил москвича Дьяченко адресами нужных людей в Англии и США.

Один из них — англичанин Джеральд Ньюсон. Это к нему в 1983 году была переправлена контрабандным путем скрипка «Санта Серафин». Она была продана Ньюсоном в Лондоне за 13 тысяч американских долларов.

Дьяченко ищет новые контакты — ему необходим верный человек за границей, который смог бы продать инструменты и вернуть деньги. Появляется некий М. Н. Раппопорт. Его дочь, М. М. Гендель, проживающая в Нью-Йорке, согласна стать посредником. Не бескорыстно, конечно. Получив за редкую скрипку мастера Гана 10 тысяч долларов, она оставляет себе около трети суммы комиссионных. Ну а как получает свою долю Дьяченко? Из Нью-Йорка доллары переводятся в Израиль некоему Исааку Крихели. От него к родственнику, жителю Сухуми Мееру Мехелашвили, идет зашифрованное письмо: сколько советской валюты выдать Дьяченко. По этой преступной контрабандной цепочке Дьяченко получил более 150 тысяч рублей.

Соучастниками Дьяченко стали и некоторые иностранные студенты из оркестра, которым он руководил.

Очень полезным оказался Д'Ория. После женитьбы он сохранил гражданство США и имел возможность довольно часто навещать своих родителей. При задержании в аэропорту «Шереметьево» в бумажнике Д'Ория был обнаружен подменный этикет на скрипку «Гварнери Дель Джезу, 1698». Он собирался вернуться в Москву не с пустыми руками.

Уникальные музыкальные инструменты — скрипки работы знаменитых мастеров Гана, Санта Серафин, Тестере, Гальяно, виолончель Гварнери... Разве эти ценности не в надежных руках государства? Многие еще из национального достояния нашей культуры находятся в частных руках. Что именно? Сколько? У кого? Никто не знает.

Из частных рук редкие инструменты попадали в руки изворотливого дельца и контрабандиста. Дьяченко знал, каким огромным спросом пользуются за рубежом эти инструменты, и с немалой выгодой вел свой преступный бизнес. Он готов был загнать все, что могло принести наживу. Он продал скрипку, купленную отцом, ту самую, на которой играл на конкурсе в Генуе. Продавал и предавал, ни разу не задумываясь над тем, что эти два слова одного корня.

Теперь конечно же раздаются горестные восклицания: «Кто мог подумать!», «Как могло случиться такое?» Как видите, могло, оттого что забываем порой хрестоматийные строки: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Вот и появляются Дьяченко, безупречно читающие с листа партитуры и фальшивящие в главном — в жизни. Гостеприимство ничего общего не имеет с ротозейством и простотой, благодаря которым процветал в Москве прохиндей с американским паспортом в кармане.

* * *

Кроме икон и антиквариата при досмотре машины Бакеля в Одесском порту было обнаружено еще несколько предметов, вывоз которых за границу категорически воспрещен. В салоне «мерседеса» с дипломатическим номером таможенники нашли небольшую, тщательно упакованную коробочку. В ней советские ордена: Александра Невского и Суворова II степени. На молчаливый вопрос инспектора, предъявившего их Бакелю, тот ответил:

— Сувениры на память...

Бесполезно было спрашивать о том, через какие воровские руки попали боевые советские награды в дипломатический багаж. Для него это лишь сувениры на память, которые он контрабандным путем пытался вывезти из России. Ну а зачем понадобились ему пять офицерских фуражек, которые также были обнаружены в салоне его автомашины? Каким бы незадачливым дипломатом ни был Бакель, он не мог не знать, что вывозить за рубеж предметы воинской амуниции нельзя. Тоже русские сувениры на память?

Интересно, что таможенники не были удивлены, обнаружив при досмотре ордена и офицерские фуражки. Подобные «сувениры» в последнее время находят довольно часто в багаже некоторых иностранцев, выезжающих из СССР. Откуда пошла эта мода на предметы военного обмундирования и знаки различия Советской Армии? Родилась она в Соединенных Штатах Америки. Гости из этой страны первыми начали скупать или выменивать у фарцовщиков военные фуражки и ремни, звездочки и даже пуговицы от армейских гимнастерок.

Страсть американцев к сувенирам известна. Знакомый моряк, бывший офицер-североморец, рассказывал о случае, который произошел с ним в Вашингтоне, куда он прилетел по делам службы. Тогда молодой, шеголеватый морской офицер безбоязненно отправился осматривать американскую столицу. Но через несколько минут он вновь оказался за спасительным порогом нашего посольства. Только вид у него теперь был совсем другой. На распахнутой шинели не было ни одной пуговицы. Они остались в руках счастливых из толпы, горячо приветствовавшей русского гостя, доблестного союзника. Это было в 1943 году, другой климат был тогда на берегах Потомака.

Так чем же объяснить сейчас такой интерес к определенной категории русских сувениров? Зачем американцам и их европейским союзникам предметы советской воинской амуниции? Кое-что объясняют сообщения, которые появляются в самой западной прессе.

Парижский еженедельник «Фигаро-Магазин» поместил фотографию американца в форме советского военного летчика с краснозвездным гермошлемом в руках. Это американский пилот из специальной группы «Агрессор», созданной еще в начале семидесятых годов. Долгое время об этом специальном подразделении глухо помалкивали, теперь же американская пресса рассказывает, как летчики этого подразделения «влезают в

шкуру агрессора». Они не только овладевают тактикой ведения боя методами противника, но и штудируют марксистскую науку, живут «а ля русс» — курят русские папиросы, пьют русскую водку, чтобы постигнуть «русский дух».

Маскировка далеко не безобидная, как может показаться на первый взгляд. В этом военном шоу роль агрессора отведена Советскому Союзу, обороняются летчики США и НАТО. На крыльях самолетов «агрессора» красные звезды, за штурвалами пилоты в форме советских летчиков. Бои идут в условиях, близких к реальным. С 1972 года в эскадрильях, базирующихся в пустыне штата Невада, погибли более 20 «советских» летчиков.

В июне 1984 года на страницах газеты «Вашингтон пост» появилось сообщение о том, что Пентагон решил затратить как минимум 400 миллионов долларов на изготовление самолетов, которые понадобятся американским ВВС «для имитации советских истребителей» во время учебных боев. «Сложная программа ВВС по обучению воздушным боям против советских самолетов, — писал обозреватель газеты, — имеет кодовое название «Красный флаг» и проводится на авиабазе Неллис в штате Невада с использованием 70 американских самолетов F-5 в качестве „агрессоров”». О том, сколько потрачено на экипировку, на русские папиросы и водку, обозреватель не пишет. Но, может, для познания «русского духа», «русского характера» необходимо подлинное, настоящее, пошитое по советским лекалам из советского хлопка обмундирование? Если так, то нужно его довольно много. Ведь у американской пехоты тоже есть воинская часть, полностью экипированная в форму Советской Армии. Она тоже ведет наступательные бои против солдат в американской форме — защитников свободного мира от «советской угрозы». Не поэтому ли возник спрос на такие «русские сувениры», не поэтому ли контрабандным путем американцы и их союзники пытаются заполучить предметы нашей воинской экипировки? Может быть. Но чекисты знают и другое. Советское военное обмундирование всегда было в хорошей цене у иностранных спецслужб. Оно нужно им для снаряжения лазутчиков, которых готовят в США на случай войны с нами. Усилий и денег для этого не жалуют. Вот откуда увлечение иных гостей воинскими атрибутами.

Из нашей страны пытаются вывезти вещи, казалось

бы, вовсе бесполезные, которые и сувенирами не назовешь. Супружеская пара из Англии Клей Мороу и Линда Херст путешествовала по нашей стране в экспрессе «Россия». На тысячи километров за окнами поезда простиралась наша земля от ее дальневосточных ворот. Гляди, любуйся: Россия слева, Россия справа. Но английским туристам этого показалось мало. Их интересовала сама земная твердь, по которой катил экспресс. Во время многочисленных остановок они покидали вагон и возвращались всякий раз с горсточкой грунта, взятой на стоянке. Маленькие целлофановые пакетики с названиями мест, откуда были взяты «сувениры», обнаружили при выезде англичан (кстати, микробиологов по профессии) из Советского Союза.

Осматривая машину другого туриста, таможенники обратили внимание на довольно большое количество стеклянных и полиэтиленовых бутылочек, флаконов.

— Что в них?

— Вода... Жарко... Пить... — объясняет турист.

Но, когда иностранцу предлагают свежей родниковой воды вместо вылитой, жажда у него пропадает.

В салоне еще одной машины среди вещей затерялись камушки. Нет, не бриллианты и не уральские самоцветы, а обыкновенные, ничем не примечательные, взятые, мол, на память. Но это тоже те «сувениры», которые увозить не положено.

Все эти «сувениры» — предметы контрабанды — вывозятся по заданию западных спецслужб, и прежде всего Центрального разведывательного управления США. По этим «сувенирам» в специальных лабораториях попытались бы узнать многое из того, что очень интересует разведки США и НАТО. Как видите, контрабанда подрывает не только экономическую мощь государства. Очень часто она — инструмент идеологических диверсий. Как иначе можно расценить целенаправленную охоту и грабеж памятников нашей истории и культуры? Контрабандные каналы, как правило, имеют обратную связь. В нашу страну вместе с западным «ширпотребом» идет по ним антисоветская литература, порнографические журналы, видеокассеты и многое другое из вражеской пропагандистской кухни. Контрабандистские щели используются для передачи шпионской информации. Вот почему борьба с контрабандой еще в первые годы Советской власти была поручена чекистам — людям, стоящим на страже государственной безопасности.

На что же рассчитывают те, кто рискнул встать на

черную контрабандную тропу? Они надеялись, что им удастся перебраться за рубеж вслед за их контрабандным багажом. Собственно, все, что они делали, направлено было к этой цели. Каким образом они собирались сбежать, совершив тяжкие государственные преступления? Получали сфабрикованные вызовы от мифических родственников из Израиля, вступали в фиктивные браки с иностранцами. Тем, о ком шла речь, сделать это не удалось, не встретились в курортном Остенде со своим сообщником Малышевы, не основали в США семейную фирму братья-контрабандисты Лурье. Младший из них, например, был арестован ровно за неделю до дня бракосочетания его с невестой из страны Суоми.

В уголовном деле А. Лурье оказался любопытный документ. Это листок-реклама, размноженная на ротатипте. В нем некая фирма (сообщается лишь ее адрес в Швеции) предлагает свои услуги по «организации выезда из СССР через брак с иностранцами» и по «оказанию юридической помощи, в частности по организации развода».

За 6 тысяч долларов (аванс — половина суммы) фирма готова прислать в СССР невесту или жениха для оформления брака, а затем и получения выездной визы. На рекламном проспекте подпись главы фирмы некоего А. Перинаукаса.

Имя этого прохиндея знакомо правоохранительным органам Ленинграда. Рецидивист-фарцовщик, дважды судимый, отсидев положенное, женился на иностранке, чтобы благополучно покинуть родину. Пользуясь тем, что доступ в страну для него не был закрыт, он воспользовался этим для контрабандных операций с драгоценными металлами и валютой. Более того, ему удалось сколотить преступную группу, начавшую орудовать в Ленинграде и Таллине. Из Хельсинки Перинаукас переправлял контрабандным путем золото или советские деньги. Участники преступной группы скупали в Ленинграде произведения живописи, среди которых были картины, принадлежащие кисти Сурикова, Шишкина, Айвазовского, Левитана. Таллинские участники преступной группы переправляли их за рубеж. И, прежде чем преступная группа была арестована, многое им удалось вывезти из СССР.

Главарь шайки, не чувствуя себя в безопасности, покинул Финляндию и попросил политическое убежище в другой стране. Здесь он и занялся новым видом преступного промысла — создал «фирму» для контрабанд-

ного вывоза из страны людей путем, которым воспользовался в свое время сам.

Один из агентов-сводников этой фирмы и познакомил Лурье с его «невестой» на перроне Финляндского вокзала, и на другой день они подали документы на вступление в брак. Правда, «невеста» не пригласилась Лурье, но агент фирмы утешил: «Это еще ничего... Смотри только, чтобы не запыла...» «Свадьба» не состоялась из-за ареста жениха. Фирма предусмотрительно предупредила, что за «помехи», которые могут возникнуть при оформлении брака, ответственности она не несет. Так что аванс, который внес старший брат из США, назад он не получит. Плакали 3 тысячи долларов.

Брачная контора действует открыто. О ней со сдержанностью, свойственной полицейскому органу, сообщил недавно финский журнал «Алиби». Более откровенно высказалась о «контрабанде людей» шведская газета «Экспресс». По ее утверждению, подлинным хозяином фирмы является одна из международных сионистских организаций. Удивляться нечему. И пожалуй, необходим государственный акт, который закроет лазейку, не позволит злоупотреблять гуманным законом, который так нагло и злонамеренно используется преступным элементом. Опасность этой лазейки еще и в том, что, покидая страну, все эти «женихи» и «невесты» сохраняют советское гражданство и оставляют за собой приоткрытой дверь в нашу страну.

Когда контрабандисты оказываются в камере следственного изолятора, они «прозревают». Они каются и готовы вернуть награбленное, возместить нанесенный ущерб. Они понимают: от суммы предъявленного в обвинении иска зависит во многом мера наказания. Малышева плакала и проклинала своего иностранного компаньона, отказавшегося вернуть контрабанду. Звонил своему брату в Нью-Йорк из кабинета следователя и Александр Лурье. Трудный разговор шел между братьями.

— Яша, надо вернуть... — убеждал младший.

— Что вернуть? Какие марки, разве я помню... На какую сумму?

— Не меньше ста тысяч...

— Что?! Ты знаешь, что такое сто тысяч долларов?!

— Яша, положение сложное...

Через несколько дней в кабинете следователя вновь раздался звонок из Нью-Йорка. Яков Лурье сообщил.

что кое-что он собирается вернуть. Но нельзя ли часть до суда, остальное потом?

Торг с Яковом Лурье вести не стали — чужое надо вернуть.

В то время, когда заканчивалось дело Лурье, любопытный случай произошел на таможене аэропорта «Пулково». Один из зарубежных пассажиров не дал осмотреть свой чемодан.

— Только компетентным органам, — заявил он.

В чемодане, переданном представителю вполне компетентных органов, было несколько художественных изделий из золота стоимостью 266 тысяч рублей.

— Эти ценности мне поручил доставить в СССР господин Корхов, — объяснил иностранец.

Кто же такой господин Оскар Корхов? Спекулянт и валютчик, поставщик контрабанды для иностранцев. Группа, в которой он действовал, была обезврежена органами госбезопасности. Разоблаченный на следствии, он вынужден был вернуть часть ценностей, полученных путем преступных операций.

* * *

Сотрудники органов КГБ, занятые борьбой с контрабандой, делают все для того, чтобы перекрыть контрабандные тоннели, разыскать и вернуть то, что попало в руки контрабандистов. В залах Русского музея, Эрмитажа можно увидеть сейчас уникальные вещи, которые появились здесь благодаря стараниям чекистов. Но это не значит, что все лазейки полностью перекрыты. Несколько лет назад была разоблачена, например, преступная группа Гуткиной, которая вела охоту за художественным наследством выдающегося русского художника Филонова. Преступники были обезврежены и осуждены. Собрание работ Филонова передано Русскому музею. Но вот недавно названия нескольких работ художника появились в каталогах музея в Париже. Каким образом они оказались там?

Контрабанда — тяжкое государственное преступление, и закон довольно сурово наказывает за него. Но и после того, как контрабандисты отбудут свои сроки пребывания в местах не столь отдаленных, но далеко не курортных, они останутся должниками. Велики суммы предъявленных им исков — десятки, сотни тысяч

рублей. Ущерб, нанесенный контрабандистами, вообще невосполним — разве в рублях цена уникальным памятникам нашей национальной истории и культуры! И еще один немаловажный аспект проблемы. Контрабанда культурных ценностей из нашей страны идет под мощным идеологическим прикрытием. Западная пропаганда берет под защиту обычных уголовников. Вражеские «радиоголоса» вопят о правах человека, оплакивая преступников, их выдают чуть ли не за героев, спасающих для мировой цивилизации ценности культуры и искусства России. По тоннелям контрабанды идут ветры холодной войны, они несут к нам ядовитое зловоние чуждой морали. Делается все для того, чтобы не только нанести нам материальный ущерб, но и подорвать духовное здоровье нашего общества.

Что же надо сделать, чтобы перекрыть враждебные нам контрабандные тоннели? Прежде всего нам надо навести порядок в собственном доме, чтобы ничего в нем плохо не лежало. И должны же наконец возрасти и созреть в каждом из нас чувство хозяина своего государства, долг ответственности за все, что происходит в нем.

Возьмите любое уголовное дело по контрабанде. В каждом из них кроме ответчиков, как правило, фигурируют (проходят по делу) десятки людей. Это свидетели — многие из них не только знали, догадывались о преступных деяниях, но и сами принимали в них «косвенное» участие. Они по закону не подвергаются уголовному преследованию, но это не значит, что вины на них нет.

Судите сами: около десяти лет нигде не работают Малышевы, живут не по месту прописки — снимают квартиры, орудуют, особенно не таясь: множество знакомых, известность в мире «деловых людей». И не находится ни одного человека, который хотя бы возмутился тем, что эти двое безнаказанно паразитируют за счет остальных. Но зато находятся люди, которые оказывают (не бескорыстно, конечно) услуги преступникам. Специалисты реставрируют иконы, которые приобретает Малышев, фотограф с Ленфильма делает слайды предметов контрабанды. Слайды хранит у себя знакомая Малышевых, но, узнав об их аресте, уничтожает снимки, которые служат уликой. В студии московского художника хранятся иконы для передачи Бакелю, хозяева «салона» сводят Малышеву со своими гостями. И подобное происходило не только в деле Малышевых. Как

бы ни были изощрены преступники, им наверняка не удалось бы совершить многое, если бы на пути их встали люди, верные своему гражданскому долгу. Что же помешало исполнить его? Корысть или обывательское безразличие ко всему, что не затрагивает покой и благополучие собственной «хаты с краю»? А ведь равнодушные это, невмешательство, чаще всего не бескорыстные, подчас куда опаснее, чем многое из того, за что карает закон.

Но не только явная незрелость нашей гражданской сознательности является причиной многих преступлений, о которых шла речь. Разве не из-за головоутиательства, не из-за преступного небрежения к своим служебным обязанностям смогли орудовать в государственных хранилищах Москвы и Ленинграда личности, подобные Файнбергу?

И еще об одном, на наш взгляд, не менее важном. О несовершенстве некоторых законодательных актов. Когда, например, тем же Малышевым потребовалось приобрести «Жигули», они смогли это сделать лишь в государственном магазине, даже сделка с частным лицом должна быть оформлена там же. А вот уникальные памятники культуры, стоящие куда больше, они спокойно и безнаказанно могли приобретать, не имея дела ни с одним государственным учреждением. Купленные «Жигули» стали личной собственностью Малышевых, но остались на государственном учете. Остальными приобретенными для контрабанды вещами заинтересовалось лишь следствие.

В 1985 году в Центральном выставочном зале в Манеже прошла выставка художественных произведений из частных собраний ленинградских коллекционеров. Прошла она с успехом. И главная причина его — открытие многих неизвестных доселе работ русских мастеров. Даже специалисты-искусствоведы увидели здесь многое впервые, о существовании некоторых произведений они просто не знали.

Можно получить точную справку, сколько и каких автомобилей в частном пользовании у ленинградцев, известен номер машины, адрес владельца. Но никто точно не знает, какие художественные ценности находятся в частных руках собирателей и коллекционеров. Вот и происходят открытия, подобные тем, что были сделаны на выставке в Манеже. Хуже, когда такие открытия случаются при таможенных досмотрах, во время обысков в квартирах людей, совершивших уголовные пре-

ступления. Речь идет о «находках» значительных: то неизвестные работы раннего Саврасова, то портреты Чистякова, то полотна Айвазовского, рисунки Репина, предметы старинного русского антиквариата, произведения ювелирного искусства. Мы говорим, что это достояние нашей национальной культуры, это память нашей истории, но даже не знаем уникальное богатство, которым располагаем. Только небольшая часть этих ценностей взята под охрану и опеку государства. Остальные — в полном владении частных лиц. И судьба этих вещей порой зависит от того, в чьи руки они попадут. Их продают, меняют, пытаются переправить за рубеж. Они беззащитны. Тот же Малышев расчленил на 6 частей уникальную икону «Николай Зарайский в житии», чтобы было удобнее ее переправить за границу. По размерам тайников режут полотна картин, даже уничтожают их, заматывая следы преступных операций. Терпимо ли дальше такое?

Уголовник Файнберг понесет достаточно суровое наказание за хищение социалистической собственности — архивных материалов из государственного хранилища. Но он получил бы столько же, если бы похитил на такую сумму карамели на кондитерской фабрике. А ведь цена (кто знает ее?) архивных документов, предметов истории и культуры все же другая, чем у карамели!

При таможенном досмотре у штурмана Ячника обнаружили контрабанды на одиннадцать с лишним тысяч рублей — он предстал перед судом. А если бы контрабанды оказалось меньше, чем на 10 тысяч рублей, ограничились бы только ее конфискацией. Почему?

Сейчас, когда в основу нашей морали ставится принцип социальной справедливости, придется ответить и на такой непростой вопрос: может ли владеть коллекционер ценностями в несколько сот тысяч рублей? Может ли он единолично, по своему усмотрению распоряжаться тем, что является достоянием всего народа?

Памятники истории и культуры появились куда раньше, чем закон об их охране. Жизнь и время подсказали его появление. Законодательство должно быть динамичным, когда практика подсказывает необходимость новых правоохранительных мер. Время терять нельзя, потери от промедления невосполнимы.

Забвение гражданского долга, своей личной ответственности за благополучие и безопасность государства подчас граничит с явным преступлением против нашей страны и народа. Мы живем в сложное и тревожное

время. Против первой в мире социалистической державы идет оголтелая война без правил. Против нас используют любое оружие. наступление идет по всем фронтам. Те, кто еще надеется взять реванш и оставить социализм на «пепелище истории», действуют с невиданной изощренностью, бесцеремонно, нагло, попирая нормы международного права. Противники стремятся не только ослабить нашу экономическую и военную мощь, их цель — подорвать моральную силу социалистического общества. Контрабанда как инструмент диверсии занимает не последнее место во вражеском арсенале. Контрабандные тоннели используются не только для грабежа, но и для морального разложения отдельных граждан. Только в прошлом 1986 году на таможенных страны было конфисковано около 400 тысяч экземпляров антисоветской литературы. Но вылавливается не все, что ввозится курьерами подрывных организаций.

Ставка идет на подрыв социализма изнутри. Вот почему среди их трофеев в «психологической войне» — каждое преступление против нашего закона и морали, каждая наша неудача или беда.

Мы живем в обстановке, когда очень впору звучат ленинские призывы первых лет Советской власти: «Быть начеку...», «Быть наготове...» Бдительность была и остается нашим верным оружием, которое никогда не ставят в пирамиды.

Бдительность — это прежде всего любовь и преданность своей стране, своему народу, ответственность за его судьбу и благо.

«Признак верности в любви хорошо известен. Это такое состояние человека, когда он отдает щедро все, что может, в чем раньше отказывал. Любовь к Родине, верность ей неизменно вызывает ревнивую бдительность. Стало быть, в каждом из нас должен быть заложен этаким мощный «ген беспокойства» за безопасность Советского государства. Беспокойство — это в то же время и ответственность. Не отказывайтесь от ответственности — это и есть ваша совесть...» Эти слова принадлежат Артуру Христиановичу Артузову, одному из солдат славной чекистской когорты, семидесятилетие которой мы отмечаем в этом году.

Трубный зов

Препарирование факта. I

Передача радиовещательной станции Би-би-си
«Глядя из Лондона»

Кестон-Колледж, лондонский институт по изучению религии в коммунистических странах, получил сообщение из достоверных источников, что в Советском Союзе арестованы музыканты Валерий Баринов и Сергей Тимохин из христианского ансамбля рок-музыки «Трубный зов» и им предъявлено обвинение в том, что они собирались нелегально перейти советскую границу около Мурманска.

Информация об аресте ленинградских музыкантов Баринова и Тимохина скудна, и не исключено, что им вменяются в вину действия, которых они не совершали. Дело же обстояло так.

В начале марта к Баринову пришел молодой человек, который сказал, что он из Мурманска, очень интересуется рок-музыкой и, в частности, творческой деятельностью ансамбля «Трубный зов». Через некоторое время Баринов и Тимохин поехали в Мурманск. Как считали их друзья, их туда пригласил молодой мурманчанин, давно познакомившийся с Бариновым.

Поскольку Баринов и Тимохин очень долго не могли найти постоянной работы, то родственники Баринова и Тимохина и их жены не возражали против их поездки в Мурманск и не особенно беспокоились, когда после своего отъезда Баринов и Тимохин около месяца не подавали о себе никаких вестей.

Побег

...В действительности, ни родственники, ни жены Баринова и Тимохина и мысли не допускали, что те якобы собираются в Мурманск. Тем более что ни тот, ни другой и не думали искать какую-либо работу. Цели у них были другими...

— На поезде доберемся до Лоухов. Оттуда на попутках — до Кестеньги. А потом уже и на лыжах. Там до границы рукой подать, — сказал Баринов. — Вот здесь будем переходить, — ткнул он пальцем в черную извилистую линию на карте.

На карте прекрасно была изображена приграничная территория СССР, подробно — лесные массивы, населенные пункты, дороги — крупные и мелкого значения, озера, реки и даже ручьи. Идя по такой карте, заблудиться невозможно.

— Возражения есть? — спросил Баринов.

Тимохин склонился над картой. Безусловно, Баринов выбрал самое удачное место. Но если бы у Тимохина даже и нашлись возражения, он все равно, скорее всего, промолчал бы. Так уж сложились их отношения — лидером был Баринов. В любом деле он брал на себя самое главное и трудное — идейную и организаторскую часть. Тимохину оставались лишь отдельные, эпизодические поручения. Так было и на этот раз.

Идея нелегального перехода границы опять-таки принадлежала Баринову. Она созрела после его очередной встречи с Лорной. Он тогда пришел к Тимохину злой как черт. Пахло от Баринова дорогим виски. Тимохин только поначалу покряхтывал в ответ на каждое ругательство друга (богохульство — грех!) и наконец тихим своим голосом попросил объяснить, что же такое случилось.

— Не верю я им больше! — крикнул Баринов. — Ни на грош, ни на полслова. Водят нас с тобой за нос, дергают за веревочки, а мы: «Чего изволите? Гонения? Будут! Преследования? Пожалуйста! Пробуждение религиозного сознания у молодежи? Организуем! Психушки для верующих? И это найдем!» Надоело! Хватит!

Он умолк, глубоко вздохнул несколько раз, закрыл глаза:

— Господи, прости меня, грешного...

— Так что все-таки сказала Лорна? — не выдержал молчания Тимохин.

Баринов махнул рукой.

— И повторять не хочу — не поверишь. Я тоже сначала не поверил. То, помнишь, золотые горы обещали и реки, полные вина... Концерты, записи на телевидении, фотографии в лондонских газетах, выступления по Би-би-си... А сегодня... «Знаешь ли ты, Валерий, брат мой, как у нас живет эмигрантам, если ты не капиталист или не имеешь помирающего богатого родственника? Конечно, братья во Христе не оставят тебя без хлеба насущного, но в основном будешь ты подобно псу бездомному бродить по помойкам и собирать отбросы!»

— Так и сказала? — усомнился Тимохин.

— Так, не так, но смысл именно такой. «Вызов из Кестон-Колледжа обеспечить не можем. Через Израиль — вообще нежелательно. Да и кто тебе, природному русаку, поверит, что у тебя в Иерусалиме дядя, какой-нибудь Бен-Гурион!» Да и не в этом, говорит, дело. Если уж сильно хотите, то и с вызовом можно постараться, хотя положение эмигранта в любой стране хуже горькой редьки. Конечно, если ты не ихний бывший шпион или крупный фигурант типа Солженицына. Никто, говорит, вас и не заметит ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке...

— Как так не заметит? — упавшим голосом спросил Тимохин. — А передачи по Би-би-си? Ведь там их тоже все слушали.

— Вчера передачи звучали, сегодня о них забыли. А слушали эти передачи, друг мой Серега, больше у нас, а не у них. Знаешь, что Лорна мне напоследок сказала? «Для нашего святого дела вы нужнее в СССР. Бог вас не оставит и дух ваш укрепит». Вот так, Серега, брате мой во Христе!

Баринов закурил. Тимохин ничего не сказал, но даже в молчании его чувствовалось неодобрение. Ведь именно за сигарету, да за водку, да за демонстративную страсть к заграничным тряпкам Баринава исключили из общины. Нет бы чтоб вести себя тихо, незаметно, как и велит вера. Будто специально показывает, что плевать он хотел и на мнение старших братьев и вообще на предписание одеваться скромно, начисто отказаться от спиртного и табака. Да какой верующий после этого подаст ему руку. А ведь их задача, которую перед ними поставили Майкл и Лорна и в выполнении которой помогали Салли, Джеймс и особенно Аркадий, именно в том, чтобы привлечь к вере как можно больше молодых ребят. А куда их теперь вести, молодых? В молельный дом их обоих теперь на порог не пускали, в последний раз прогнали чуть ли не палками. Как тут работать? А все из-за пижонства Баринава, его несдержанности, неумения подчинить тело духу...

— Так что же, теперь об отъезде забыть? — спросил Тимохин.

— Нет уж! — яростно крикнул Баринов. Но тут же овладел собой. — Нет, Серега. Надо бежать. Надоело. Надоело ходить в тряпках с чужого плеча. Надоело после каждого воззвания трястись: а вдруг завтра к твоему дому подъедет «канарейка»? Что нам друг пе-

ред другом темнить: и письма, и обращения к тому же Рейгану, папе римскому, в ООН — тут уже не религией, а политикой пахнет. Когда-нибудь нас загребут. Хватит ходить по лезвию ножа. Да и смысла не вижу!

Постепенно зрел план побега. Сначала думали о границе с Норвегией. Но, посоветовавшись с Аркадием, Баринов от этого варианта отказался. Норвегия — член НАТО, и здесь граница, конечно, охраняется усиленно. Остается Финляндия. Надо рисковать. И очень постараться. Выйти на местных баптистов, с их помощью незаметно пересечь территорию Финляндии, просочиться в Швецию, а там и Англия рядом. Баптисты, надо надеяться, и деньгами помогут. Не оставят же своих братьев во Христе! Только вот как с ними общаться? Да с помощью разговорника. Аркадий достанет. Но главное, надо взять с собой водку.

Он поручил Тимохину всю экипировку. Тимохин для начала сшил два белых маскировочных халата. Затем смастерил особые лыжи. Для этого купил четыре пары детских, скрепил их попарно. Получились две пары широких и легких лыж, годных для глубокого снега. Понадобились также и подозрная труба, компас с подсветкой (решили идти к границе ночью, а днем отлеживаться, чтоб пограничники не засекали с воздуха). Снегоступы, теплое белье, рюкзаки, продукты на три дня по меньшей мере... Жена Тимохина с удивлением наблюдала, как в доме растет гора вещей явно необычных, строила догадки, от которых холодело сердце, но вопросы мужу задавать не решалась.

Последним толчком к бегству послужил визит молодого парня из Мурманска, поклонника рока. Он слышал по Би-би-си о рок-опере «Трубный зов», записал адреса Баринова и Тимохина и теперь решил их навестить.

Разговор о музыке и религии быстро иссяк, гость уже несколько раз порывался уйти, но Баринов его все удерживал. Подробно расспрашивал, какая природа в тех краях, каков характер местности, замерзают ли болота, когда оттаивают, водятся ли дикие звери. Есть, оказывается, кабаны, лоси, бывают волки. Наконец отпустив гостя, сказал Тимохину:

— Купи завтра два топорика.

— Это зачем?

— Отбиваться от диких зверей.

Тимохин пожал плечами, но топорики все-таки купил.

И вот настал день, когда Баринов объявил:

— Завтра!

Назавтра Тимохин оделся по-походному. На вопрос жены, куда собрался, долго молчал, потом ответил:

— Скоро я буду... там.

— Где? — заплакала жена.

— Там, — шепнул Тимохин. — Жди вестей.

Поцеловал ее, детей и ушел.

Прощание Баринова с супругой было более долгим и деловым.

— Ухожу в подполье! — объявил он. — Так всем и говори — ушел, мол, в подполье сочинять новую музыкальную программу. Ну, если что случится, беги к Аркадию, пусть звонит в Лондон, пусть Лорна, Майкл весь Кестон поднимают на ноги, всю Англию, Штаты, Рейгана, чтоб помогали нам!

— Валера... — Жена глядела ему в глаза. — Я видела плохой сон, будто ты отрываешься от меня и улетаешь куда-то в темноту... Может, останешься?

— Надо. Скоро мы все будем там.

Решили сутки пересидеть у приятеля. Так требуют правила конспирации, заявил Баринов. Утром, попрощавшись с хозяином квартиры и тоже сказав ему, что уходят в «подполье» писать музыку, взяли такси и доехали до платформы Сортировочная. Здесь сели на электричку, добрались до Волхова. А уж тут взяли билеты на мурманский поезд.

— Думаю, от «хвоста» оторвались! — удовлетворенно сказал Баринов, устраиваясь в купе.

— Ты видел «хвост»?

— Видел, видел! Давай отдыхай!

Станция Лоухи. Вокзал-избушка. Пронизывающий мартовский ветер. И тишина — бесконечная, тягучая, недобрая. Остро чувствовалось, что граница где-то рядом.

Вышли на привокзальную площадь. И тут их ожидал первый сюрприз.

Их неожиданно окружили местные ребяташки. С любопытством разглядывали их импортные снегоступы, яркие куртки — местные жители так не одеваются. Перешептывались.

— Чего собрались? А ну брысь отсюда! — рявкнул Баринов.

— Вы кто, ребята? — спросил Тимохин.

— Юные друзья пограничников, — ответил один из мальчишек.

Баринов и Тимохин переглянулись. И тут мимо них медленно проехала милицейская машина. Милиционеры не спускали глаз с обоих.

— Вернемся пока на вокзал? — дрогнули губы у Барина.

— Да, что-то есть захотелось...

— Смотри! — вдруг дернул Баринв Тимохина за рукав.

Далеко в небе появилась какая-то точка. Она росла, послышался стрекот мотора... Вертолет! Он пролетел так низко, что видны были лица летчиков. Казалось, и они не спускают глаз с беглецов.

— Что это значит? — шепотом спросил Тимохин, когда они расположились в вокзальном буфете.

— Я думаю! Не мешай! — огрызнулся Баринв и пошел к буфетчице.

Покупая еду, он поинтересовался у буфетчицы, как добраться до Кестеньги. Тетка сначала очень удивилась, но потом бойко объяснила, что туда вообще-то ходит автобус, но Кестеньга уже в погранзоне, так что в нее без специального пропуска не попасть. От нее не укрылся огонек растерянности и даже испуга, промелькнувший в глазах Барина. Сумела она и оценить экипировку обоих.

И когда беглецы сели за стол, буфетчица отлучилась и из подсобки позвонила на линейный пост милиции...

Следователь Владимиров

Накануне он опять пришел домой поздно, жена и сын уже спали. Несколько дней назад было закончено крупное дело, казавшееся бесконечным. Организованная группа валютчиков, спекулянтов — настоящий подпольный концерн. Между членами группы четко были распределены обязанности, отработаны системы связи, существовали свои правила конспирации. Десятки нитей тянулись за границу. Золото, бриллианты, валюта, дорогое барахло... Сотни человек прошли перед Владимировым, дело с каждым днем стремительно набирало обороты, работа у следователя начиналась в семь утра, заканчивалась поздно вечером...

Но едва он закончил одно дело, как получил мате-

риалы другого. Оно было возбуждено против двух ленинградских баптистов Валерия Барина и Сергея Тимохина. Прочтя первые документы, Владимиров поначалу ничего особенного не увидел — баптисты ну и баптисты. Как видно, не искренне верующие. Настоящие баптисты избегают «мирской суеты», а эта парочка отнюдь не отказывает себе в земных удовольствиях и радостях. Вот Барин и выпить не дурак, а Тимохин денежку любит, уже задерживался за незаконную торговлю джинсами, которые шил сам из материала, скупленного у шоферов «Совтрансавто». Но скоро Владимиров остановился на материале, который в первый раз заставил его глубоко задуматься. Это было сообщение об активных контактах Барина и Тимохина с иностранцами, гражданами Великобритании и США, тоже, в основном, баптистами. Связи углублялись, крепились, становились систематическими и имели четкую направленность и результаты — участвовавшие сообщения западных средств массовой информации о «преследованиях» Барина и Тимохина за веру. Между тем деятельность обоих имела четкий политический оттенок. И вот закономерный результат: Барин и Тимохин совершили попытку нелегально перейти государственную границу, арестованы.

Заканчивая ужин, Владимиров думал, что дело, вероятнее всего, потребует массу рутинной канцелярской работы. Взять хотя бы такой сюжет. Барин и Тимохин сообщали на Запад, что написали огромное количество жалоб в различные советские учреждения о том, что их ущемляют в свободе вероисповедания, мало того — подвергают репрессиям. Значит, придется теперь пройти по следам каждой жалобы, заново во всем разбираться.

...Сон долго не приходил, но вот наконец подействовал аутотренинг, мышцы обмякли и отяжелели, голова наполнилась цветным туманом. Напоследок промелькнула удивленно-обидная мысль, что вот сына уже почти месяц, считай, не видел. «Надо бы человечку хоть собаку купить...»

Владимиров подписал десятки запросов, разослал первые повестки. Предчувствие не обмануло его. Дело, на первый взгляд простое — виновные задержаны, содеянное ими очевидно, — таило в себе вторые и третьи планы. Постепенно Владимиров укреплялся в мысли,

что настоящие подследственные, а вернее даже, его, Владимирова, противники не здесь, не в изоляторе. Они — за тысячи километров от Литейного проспекта, от Ленинграда. Каждый день тоже приходят на свою работу, в свои офисы — тихие особняки в тенистых парках или сверкающие стеклом и сталью небоскребы, углубляются в бумаги, дела, изучают, анализируют, препарируют информацию, придают ей такой вид, какой диктуют стратегические цели. Перетасовывают факты, раскладывая их, словно пасьянс, так и эдак, сдобривают гарниром из слухов, сплетен, домыслов, бережно «прослаивают» тонкой, но эффектно звучащей ложью. И вот каждый вечер мощные залпы радиоволн посылают идеологическую начинку в эфир — на СССР, на страны социалистического содружества. Сначала посеять скепсис, потом взрастить сомнения, а за ними и отрицание социалистического образа жизни и, наконец, подтолкнуть к активным антигосударственным действиям... Это настоящая война — без перемирия, война за умы, за души людей. В этой схватке, порой жестокой, есть свои жертвы. Как и в настоящей войне, первыми под незримыми выстрелами падают те, кто слабее, кто непривычен к борьбе, потому что жил в тепличных условиях и сдался перед трудностями жизни. Не выдерживают те, кто трусливее. И наконец, те, кто не имеет твердой духовной основы и потому способен в любую минуту изменить — другу, идее, Родине.

Однако при всем том, что противник, казалось бы, неплохо вооружен — целая сеть всевозможных институтов, тысячи специалистов, хорошо поднатренированных в дезинформации, отработанные, изощренные методы психологического воздействия, есть у него один серьезный изъян, который так или иначе в итоге обрекает его на поражение. Ведь основное его оружие — ложь. И как бы убедительно, как привлекательно она ни звучала, даже в окружении вполне достоверных фактов, век ее короток. И какой бы секретностью ни окружались лаборатории лжи, в недрах которых изготавливаются идеологические «мины» и «бомбы», все тайное неизбежно становится явным.

Это Владимиров знал как аксиому. Знал также, что псеидинок, в который он вступил, потребует немалого напряжения сил. Надо не только противопоставить противнику достоверные факты. Важно определить настоящую роль тех, на кого он делал ставку. Кто они, Барinov и Тимохин? Случайные жертвы «психологической

войны»? Или активные, сознательные помощники врага, действовавшие в тылу?

В этот момент ему принесли письмо Баринаова и Тимохина, которое они пытались нелегально переправить на волю. Адресовано оно было президенту США Рональду Рейгану. Арестованные умоляли президента вызволить их из тюрьмы.

В следующем своем письме они бросили еще один вызов: уведомляли Президиум Верховного Совета СССР, что отказываются от советского гражданства.

Баринов

Психологическая характеристика

Эмоционально неустойчив. Проявляет постоянное желание находиться в центре внимания. Повышенная самооценка. Бурная деятельность может чередоваться с приступами лени. Интеллектуальный кругозор крайне ограничен: за последние пятнадцать лет практически не читал книг,

На каждом допросе он играл новую роль. То мученика, то умудренного жизнью скептика, то вдруг этакого пророка-обличителя. Легко он переходил и к роли озорника, простачка, пытаясь внушить следователю: все, что на нем «висит», — просто шалость, недостойная внимания КГБ. И вдруг резко переходил к состоянию самосозерцания, полного погружения в религиозные переживания. Целыми днями молился, на допросах к месту и не к месту цитировал Библию, демонстрируя смирение, отрешенность.

Владимиров с интересом наблюдал за каждым новым превращением. И после каждого допроса, получения дополнительных данных, уже начавших поступать из разных городов, организаций и учреждений, все ближе подходил к ответу на свой главный вопрос. Ответ на него остался бы неполным, если бы при уже известных *что и как* совершил последственный, за кадром осталось бы *почему*.

Детство Баринаова было тяжелым. Отец семью бросил, мать умерла, когда Валерию было десять лет. Опекунем стала тетка, но жизнь в этой семье была сущим адом. Муж тетки страшно пил, буянил, бывало, гонялся за женой с ножом. В конце концов попал в тюрьму, где и умер. А тетка, преждевременно состарившаяся

женщина, ушла в религию, искала утешения в баптистской общине.

В четырнадцать лет Валерий сбежал из дома. бродяжничал, ночевал под лодками на берегу Невы. Наконец его определили в интернат.

Школу он все-таки закончил, хотя учился плохо. Увлекался музыкой, потом спортом и все бросал на полдороге. Лень. Проявились в нем и такие качества, как лживость, беспричинная жестокость.

В армии служил почтальоном, маялся от безделья. Вскоре это надоело старшине, и когда он объявил Баринову, что отныне тот будет служить, как все, Баринов имитировал побег. Целый день просидел на чердаке и давился от смеха, наблюдая, как его ищут.

Как ни странно, этот случай сошел Баринову с рук. Пострадал один лишь старшина, которому пришлось отвечать за «побег» своего подчиненного.

А Баринов совсем отпустил тормоза. Начались самоволки, выпивки. Дело запахло трибуналом...

Узнав об этом, к нему приехала тетка, Тамара Дмитриевна. Она была потрясена тем, в какой переплет попал племянник, которого она жалела и любила.

— Обратись к богу, Валерик, живи, как он завещал,— умоляла она.

— А как?

— Не пей, не кури, води себя скромно, не гневи своих командиров. И воздастся тебе просветлением и душевным спокойствием.

— Ладно, тетя, чего там! — перебил ее Баринов. — Всем известно, что вашего бога нет.

— Это в сердце твоём его нет.

— А что,— вдруг прищурился Баринов,— замолвите за меня словечко перед богом. Вытащит он меня из-под трибунала, я в него поверю!

Тетка сокрушенно вздохнула.

— Князь тьмы говорит твоими устами... Я молюсь о тебе день и ночь. Но ты сам должен сделать шаг к очищению.

Тетка уехала, а Баринов глубоко задумался.

На следующий день он объявил в роте, что он баптист. В бога верил всегда, но было у него помрачение, князь тьмы попутал, а теперь всевышний наставил его на путь истинный. И с намеком добавил, что, конечно, верующих все притесняют, репрессируют, а то и под трибунал пытаются подвести... Но он готов пострадать за веру...

До трибунала не дошло. Все остальное время службы Баринов усиленно делал вид, что молится в каждую свободную минуту, хотя ни одной молитвы не знал, да и вообще не представлял, какие у баптистов молитвы.

После армии о боге забыл. Уехал работать на Север. А вернувшись в Ленинград, снова объявил себя баптистом, ходил в молельный дом, принял крещение. Правда, из общины его скоро исключили. Но зато в молельном доме успел познакомиться с Лорной, Салли, Майклом, Юджином, Филис...

На третью неделю ареста Баринов сообщил следователю, что объявляет голодовку.

— В честь чего? — поинтересовался Владимиров.

— В знак протеста против бесчеловечного обращения со мной! — крикнул Баринов.

— Гнев — великий грех, — укоризненно покачал головой Владимиров. — Искушаете сатану, — добавил он. — Так кто же это с вами бесчеловечно обращается? Накажем виновного!

— Вы! Вы со мной обращаетесь бесчеловечно!

Владимиров опешил:

— Не понял.

— Вы не даете мне Библию!

— Так ведь не держим ее в библиотеке. Мы — учреждение государственное, а церковь, как вы знаете, от государства отделена.

— Все равно: голодаю с этой минуты.

— Воля ваша, — холодно ответил Владимиров. — Но не советую. Нам с вами предстоит еще много работы. Так что силы вам еще пригодятся.

Расчет Барина был не только на то, чтобы досадить следователю. Все было гораздо сложнее, тоньше. Еще на свободе, задолго до своего ареста, он с Лорной, с Еленой Глебовной проговаривал возможность того, что попадет в КГБ. Тогда он с ними и договорился, что через несколько дней после ареста объявит голодовку. А уж они используют ее как надо, выкачают из этого факта все до последней капли. Так что, отказавшись от еды, он поначалу терпел, борясь во сне с видениями горячего, с огня, шашлыка, шкворчащего, с поджаристой корочкой цыпленка-табака... Вместе с тем отлично понимал, что помереть от голода ему здесь не дадут. Да, собственно, срок голодовки для Барина не имел значения. Было бы заявлено.

Однажды ночью Баринов внезапно проснулся. Вскочил с койки, жадно принюхиваясь. В камеру проник запах жареной яичницы с салом и луком. Баринов сразу все понял. Значит, вернулся из отпуска тот самый контролер...

Камера Баринова находилась неподалеку от комнаты отдыха, где один из контролеров свободной смены имел обыкновение ночью жарить себе яичницу. Баринов сглотнул слюну. «А — была не была! — махнул он рукой. — Кто об этом узнает!»

Он заколотил в дверь.

— Тебе чего? — показался встревоженный контролер.

И тут, глядя на сверкающие глаза Баринова, все понял. Широко улыбнулся.

— Что — будешь?

— Буду, — буркнул Баринов...

Глотая обжигающую яичницу, прямо кусками, не прожевывая, Баринов подумал, что, может быть, он и не сидел бы здесь, если бы тогда не подошел к этой пожилой иностранке, нарядившейся под пятнадцатилетнюю девчонку. Ведь именно тогда он заключил своего рода договор. Произошло все это как-то банально — без обычного ритуала вербовки, без подписки, изучения шифров, явок, паролей.

Эта иностранка уже двадцать минут вертелась у дверей собора Александро-Невской лавры, где была назначена встреча. А Баринов все не решался подойти. Он ожидал увидеть солидную, внушающую уважение женщину, а тут невеста кто — в стоптанных кроссовках, в желтых, почти прозрачных, бананах, в майке с надписью: «Ноу проблемз». Все-таки собрался с духом и подошел:

— Я Валерий Баринов. Вы Елена Глебовна?

— О, хэлло!

— Хау ду ю ду! — застенчиво улыбнулся он.

— О, ду ю спик англиш? — удивилась иностранка.

— Да нет, — совсем смутился Баринов. — Только чуть-чуть.

— А надо бы не чуть-чуть, — сухо ответила она на прекрасном русском. — Ну ладно, пойдемте, побеседуем где-нибудь.

Они пошли в кафе «Экспресс», недалеко от Московского вокзала.

— Я представляю Би-би-си, — без предисловий начала Кожевникова. — Вас хорошо рекомендуют, особенно, Лорна и Аркадий. Нам нужна самая разнообразная информация — в первую очередь об угнетении верующих в СССР. Приводы в милицию, помещения в психиатрические больницы — ну, сами по ходу сообразите. Главное, держитесь в русле Кестон-Колледжа. Инструкции получать будете через Лорну, Салли. Поддерживайте постоянный контакт с Аркадием, но очень осторожно. Его канал старайтесь использовать лишь в случае непредвиденных осложнений. Аркадия засвечивать лишней раз нельзя.

— А что такое Кестон-Колледж?

— Институт по изучению религии. Главная его цель — помогать верующим в странах, где свирепствует коммунистический режим, защищать их от притеснений, возбуждать общественное мнение Запада. Между прочим, помощь бывает и материальная. Если заслужите, — добавила со значением Кожевникова. — Вот, кстати, для вас аванс. — Она передала ему сверток.

Он развернул. Там оказались поношенные джинсы с медными орлёными американскими бляхами.

— Но...

— Почему не новые? — усмехнулась Кожевникова. — Так ведь вещи для бедных советских баптистов братья во Христе собирали, давали кто что мог. Хорошо поработае — будут и новые. Кестон-Колледж поможет...

С 1970 года в Англии под прикрытием научно-исследовательского учреждения действует клерикальная организация «Центр по изучению религии и коммунизма», известная также под названием Кестон-Колледж. Центр расположен в 30 километрах к юго-востоку от Лондона. Директором является Майкл Бардо, англиканский пастор, ведущий специалист по изучению религии в СССР.

Центр ведет интенсивный поиск и сбор клеветнической и тенденциозной информации о положении религии и верующих в социалистических странах. После соответствующей обработки эта информация активно используется пропагандистскими органами Запада и зарубежными антисоветскими центрами, в том числе радиостанциями «Свобода», «Голос Америки», Би-би-си в акциях идеологической диверсии.

Сбор информации осуществляется через западных религиозных деятелей, посещающих СССР для участия в официальных встречах представителей религиозных объединений и организаций, а также путем установления нелегальных каналов связи с враждебно настроенными элементами из церковно-сектантской среды.

Центр издает ежеквартальный журнал «Религия в коммунистических странах», выпускает сборники «документальных» материалов, в которых с клеветнических позиций трактуется положение верующих и общественно-политическая обстановка в социалистических странах.

Финансируется центр за счет перечислений англиканской, протестантской, католической и других церквей, а также спецслужб некоторых капиталистических государств,

У Баринава был лондонский телефон Лорны, и он не раз звонил ей по ночам из строительного управления, куда устроился сторожем. Но на вопрос, что нового, пока ничего ответить не мог. И тут судьба свела его в молитвенном доме с Сергеем Тимохиным. Тот однажды пожаловался, что его вызывают в милицию: со старой квартиры не выписался, а живет на новой, так вот из милиции даже повестку прислали. Требуют срочно оформить прописку.

— Покажи повестку! — заволновался Баринов.

Тот показал.

— Отлично! Молодец!

— Не понимаю...

— Скоро поймешь, Серега! Мы с тобой такое дело закрутим!

Вечером в Лондон было по телефону передано сообщение о том, что ленинградская милиция начала преследование молодого члена общины евангельских христиан-баптистов Сергея Тимохина. Ему шлют повестки, угрожают расправой.

Тимохин

Психологическая характеристика.

Эмоционально неустойчив. В юности перенес тяжелую черепно-мозговую травму, что в определенной мере обусловило особенности его поведения и характера. Нередко пребывает в подавленном состоянии, переходящем в безразличие. Охотно подчиняется чужой воле. Круг интеллектуальных интересов крайне ограничен. Не читает ничего, кроме религиозной литературы.

В следственном изоляторе Тимохин вел себя тихо, никаких скандалов не учинял. Как только его разъединили с Бариновым, впал в обычное для него состояние безразличия.

Впрочем, были дни, когда он охотно беседовал с Владимировым, легко шел на контакт, рассказывал о себе и своем «брате во Христе».

О детстве своем, впрочем, ничего толком вспомнить не мог. Рос в обеспеченной семье военнослужащего. Есть у него сестра, инженер («инжинер» — так написал Тимохин в своей анкете). В школе ко всему был равнодушен, правда, немного занимался музыкой. Хотел по-

ступать в институт — все равно в какой, потом раздумал. Пошел в ПТУ, получил специальность портного и тут понял, что в жизни есть кое-что, к чему можно стремиться. Когда дело касалось легкого заработка, всякое безразличие слетало с Тимохина, как шелуха.

Как и когда пришел в молебельный дом, не помнит. Просто зашел ради интереса раз-другой. Стал бывать чаще, появилась привычка. Познакомился с Бариновым.

Их потянуло друг к другу. Обнаружилось, что оба любят рок-музыку, Баринов, оказывается, играет на гитаре, аккордеоне, Тимохин тоже гитару знает. Они подолгу сидели у приемников, слушая концерты Би-би-си или «Голоса Америки».

Однажды, прослушав передачу, где упоминалось о гонениях верующих в СССР, впрочем без фактов, Баринов сказал:

— Дохлая информация. Надо им что-нибудь свеженькое подбросить. Тут выдумки не должно быть, надо, чтоб хоть один процент чего-то правдивого. А там уже распишут.

Именно такие инструкции ему давали Лорна, Елена Глебовна. Да он и сам понимал, что голого вранья хватит ненадолго.

Тимохин тогда пропустил его слова мимо ушей, а на следующий день случайно обмолвился о повестке в милицию, чем привел своего друга в восторг.

А вскоре по Би-би-си услышал свою фамилию. Ему понравилось, и он вспомнил еще и свои приводы за торговлю джинсами.

— И это сгодится! — обрадовался Баринов.

Сгодилось. «Но все это мелочевка! — повторял Баринов. — Нужна крупная акция!»

Такую акцию удалось организовать. Подготовка ее заняла месяц. Тимохин, высунув язык, бегал по всему городу — везде, где собирались полупьяные подростки-«петушки», девицы с жирной косметикой и с уже охрипшими голосами. Знакомился с ними у кафе «Эльф» на Стремянной, у кофейни на углу Невского и Владимирского, именуемой ими «Сайгон». Попался даже один семнадцатилетний «диссидент». Кофе он не пил, водки и вина тоже, предпочитал «ездить на колесах».

В назначенное время приглашенные собрались в конторе, где работал Баринов.

— Я поведаю вам об Иегове! — провозгласил Баринов и взял на гитаре несколько аккордов.

Песни, шум, свист были слышны даже на улице.

Какой-то прохожий, гулявший с собакой, заподозрил неладное, позвонил в милицию. Милиционеры обнаружили, что дверь в контору взломана, в одной из комнат полно полупьяных молодых людей...

— Пишите в Кестон-Колледж! — кричал в толпу Баринов, садясь в милицейскую машину. — Би-би-си нас тоже не забудет! Скоро весь мир услышит, как у нас издеваются над верующими!

— Уймись уж... верующий! — шикнул на него уса-тый милиционер.

— Настоящий верующий балаган не устраивает да замков не взламывает. Совесть ему или там бог не позволит! Ишь «измываются» над ним... И как только язык врать поворачивается... — ворчал милиционер все время, пока ехали в отделение.

Но Баринов не соврал. В том смысле, что Би-би-си действительно передала сообщение «об издевательствах милиции над собранием молодых баптистов».

«Британская радиовещательная корпорация» (Би-би-си) создана в 1926 году на основе «Британской радиовещательной компании».

Официально всей работой Би-би-си руководит управление директоров в составе 12 человек, назначаемых обычно на пятилетний срок королевой Великобритании, по представлению правительства. С 1969 года Би-би-си возглавляет генеральный директор Чарлз Каррэн.

Передачи на границу ведутся Би-би-си ежедневно на 38 языках — на 17 европейских и на 21 языке других стран мира. Непосредственно пропаганду против Советского Союза и других социалистических стран организуют и ведут восточноевропейский и центральноевропейский отделы Би-би-си. Передачи на русском языке проводятся ежедневно из Давентри, Кроубора, Скелтона, Уоффертон и Лимасола (Кипр). Время вещания на Советский Союз — от 6 часов до 7 часов 30 минут в сутки.

В передачах на СССР преобладает ярко выраженная антисоветская направленность. Большое место в передачах Би-би-си отводится попыткам опровергнуть или дискредитировать марксистско-ленинскую теорию, внушить советской общественности апатичность, привить интерес к буржуазной морали, подтолкнуть отдельных советских людей на создание группировок, выступающих против политики КПСС. Би-би-си, в частности русская редакция, активно использует некоторых отщепенцев, прямо призывающих к усилению антисоветской пропаганды.

На другой день Баринова выпустили. Он пришел радостный, довольный. Первым делом — к Тимохину.

— Слушал? Передали?

— Передали.

— Порядок! Но — это уже отработанный пар. Нужно что-то новое. И оно уже есть. Прекрасная идея!

— Что за идея?

— Мы должны написать оперу. Рок-оперу! О втором пришествии Христа. И передать ее на Запад.

— Вроде «Джезус Крайст Суперстар»?

— Да.

— Но ведь мы даже нотной грамоты толком не знаем... — засомневался Тимохин. — Да и тексты надо сочинять, желательно в рифму. Ты умеешь? Я — нет.

— Не трусь, Тимоха! — хлопнул его по плечу Баринов. — Не в нотах дело, не в рифмах, а вот... — он постучал себя пальцем по лбу, — ...в идее! Придумаем что-нибудь, найдем кого-нибудь...

...Салли и Лорна допили чай. Баринов был весь нетерпение. Ему хотелось преподнести сюрприз.

— А теперь, сестры, немного духовной музыки, — объявил он и включил магнитофон.

Раздались первые аккорды. Мужской голос: «...И пошлет бог ангелов своих с трубою громогласной». И — после паузы: «Вы слушаете „Трубный зов“, который возвещает вам о втором пришествии господина нашего Иисуса Христа и о кончине века...»

Салли и Лорна слушали с громадным интересом. Наконец затихли последние аккорды.

— Что, сами сочинили, мальчики? — спросила Лорна. — Признайтесь, вам кто-нибудь помогал? — подмигнула она.

Баринов обиделся:

— Какое это сейчас имеет значение!

— Никакого, — согласилась Лорна. — Тем более что музыка, конечно, не того... Да не в ней дело. Главное — факт появления в СССР религиозной оперы! — заявила она. — Вы хоть понимаете, что это значит, какие разворачиваются перспективы?

— Да, — подтвердила Салли. Она перелистывала тексты. — Только и качество стихов, по-моему... — Она деликатно промолчала. — Я не такой уж знаток русского языка, и все-таки даже мне режет слух, например это:

Слушайте, люди!
Встречайте во славе Христа.
Слушайте лучше,
Что вторит вам божия труба..
Люди, очнитесь
От сна своего.
Срочно покайтесь,
Встречайте его.

— Вообще говоря, действительно, напоминает сильно... как это у вас? Сельскую самодеятельность. Но все-

таки, я считаю, ничего страшного,— сказала Лорна. — Музыка громкая, все равно заглушит. Повторяю, не в музыке и стихах сейчас дело. А в факте существования оперы. И этот факт работает, агитирует. Кстати, там, в тексте, есть самая прямая агитация. Салли, найди место про то, где говорится, чтобы верующие не регистрировали свои общины у властей.

Салли прочла:

Идти в регистрацию нам не надо,
Подчинять духовную жизнь.
Нам только в божье отрада,
За ней мы здесь, на земле, бежим..

— Ну и стишки! — покрутила головой Салли.

— Ну этот кусок можно изъять,— смущенно согласился Баринов.

— Воля ваша, как хотите,— сказала Лорна,— но, по-моему, и это сойдет. Кроме того, при переводе на английский язык все эти несуразности исчезнут.

— А кто переведет? — спросил Тимохин. — Мы не сможем.

— Мы с Салли. А ваша задача — начиная с завтрашнего дня требовать от властей, чтобы вам разрешили выступать с оперой, скажем, в филармонии или в «Октябрьском».

— Да вы что, девочки! — засмеялся Баринов. — Сколько живете в Ленинграде, а до сих пор не знаете... Там мировые звезды выступают... А кроме того, религиозные концерты — ну там песнопения или еще что — у нас по закону только в церкви можно...

— Я прекрасно разбираюсь в этом вопросе! — отрезала Лорна. — Вы будете требовать, вам пусть отказывают. Это нам и нужно, чтобы включились Кестон-Колледж и Би-би-си. Вы, ребята, открыли золотую жилу. Это же гениальный ход! Начинаем операцию «Трубный зов»! Завтра же пишите в Президиум вашего Верховного Совета... «Трубный зов»! До чего же удачное название для акции! Любой обыватель задумается: «Куда же он зовет, этот „Трубный зов“?» И все поймет.

— В Англию, что ли? — брякнул Тимохин.

— Если тебе так хочется, то и в Англию тоже,— терпеливо, как маленькому, объяснила ему Лорна. — А главное — к богу.

Тогда-то Тимохин впервые почувствовал легкий укол сомнения: к богу ли? И бог ли, вера ли волнуют сейчас их иностранных подруг? Но он тут же отогнал эти

мысли прочь. Опера! Настоящая опера! И она прозвучит в эфире под их именами...

И в таком эйфорическом состоянии он пребывал все два месяца, пока Лорна и Салли, переехавшие жить к Баринову, сидели за переводом текстов оперы на английский... А Баринов чуть ли не через день приносил ему подписывать письма — в Москву, Лондон, Вашингтон и даже в Ватикан... И Тимохин подписывал. Постепенно почувствовал вкус к этой игре. А Баринов приносил новые воззвания, протесты.

— Наша курица должна каждый день нести золотые яйца,— говорил он.

И Тимохин снова подписывал бумаги, теперь уже четко понимая, что они занялись самой настоящей политикой. И цели ее даже он, которого обычно ничего вокруг не интересовало, теперь мог легко сформулировать: нанести удар Родине. С тыла.

Препарирование факта. II

Передача радиовещательной станции

«Радио Свобода»

Программа «Не хлебом единым»

Группа молодых христианских музыкантов из Ленинграда обратилась к западным христианам с просьбой о поддержке. Эта группа, состоящая из молодых баптистов, называет себя «Трубный зов». Она ставит целью музыкальную проповедь Евангелия в Советском Союзе. Магнитофонные записи короткой рок-оперы, которую группа сочинила и исполнила на русском и английском языках, неофициально циркулируют в Советском Союзе в течение нескольких последних месяцев. Цель английской версии, которую недавно получил Кестон-Колледж, центр по изучению религии в коммунистических странах,— наладить контакты с молодыми христианами на Западе и установить творческое сотрудничество между музыкантами-евангелистами в СССР и западных странах.

Первое обращение подписано двумя руководителями группы — Валерием Бариновым и Сергеем Тимохиным. Это открытое обращение к Президиуму Верховного Совета СССР с требованием свободы публичных исполнений христианской музыки.

Второй документ — заявление, также адресованное Президиуму Верховного Совета...

Передача радиовещательной станции

Би-би-си

Обращение ленинградского баптиста

Валерия Баринова к молодым христианам

Итак, три человека по-разному свидетельствовали о боге. Наглый сказал, что его нет, хороший, что все-таки что-то такое есть. А родная тетушка, которой я очень верил, сказала прямо и твердо: «Бог есть. И если хочешь познать его, то проверь на фактах. Воззови к нему от всего сердца в трудную минуту, и он

выявит тебя (так в тексте. — Н. В., В. У.) из любых обстоятельств и познаешь его в проявлениях, как мы видим в проявлениях ум, совесть, любовь».

И вот на последнем году службы я должен был предстать перед трибуналом за свои самоволки и пьянки, то есть за свое разгильдяйство, порожденное разочарованием в жизни, бесцельностью жизни и той ложной черной действительностью, которая меня окружала. И тогда же впервые я воззвал к богу в глубоком смирении и покаянии с такими словами: «Господи, прости меня ради Христа, и если ты действительно есть, помоги, что грехи свои я сознаю, запутался в жизни и, может быть, потому, что жил без тебя. И если ты мне поможешь, хотя это будет большое чудо, я буду верить тебе, тогда я пойму, что жизнь надо строить на твердом фундаменте, а этим фундаментом являешься ты».

И господь бог ответил мне и много раз выводил меня из труднейших обстоятельств.

Следователь Владимиров

Он достал из тумбочки пачку чая, распаковал. Пока грелся чайник, еще раз подвел итоги дня. Сегодня получен последний ответ на запросы по жалобам Баринова и Тимохина в различные государственные учреждения и органы власти. Честно говоря, каждый раз, когда приходило очередное письмо, он ловил себя на мысли, что втайне ему даже хочется, чтобы это оказалась отписка, бюрократическая оплеуха, и тогда можно будет найти хоть крошечное оправдание для подследственных. Дескать, обиделись на формализм, равнодушие — ну и пустились во все тяжкие. Но нет — на все жалобы им отвечали, быть может, очень сухо, но всегда в соответствии с законом.

Таким же был ответ от уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Ленинграду и области.

Начальнику следственного отдела
Управления КГБ СССР
по Ленинградской области

На Ваш запрос сообщаю, что Баринов В. А. и Тимохин С. Ю. действительно обращались к Уполномоченному Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области с просьбой разрешить официально выступать с музыкально-религиозной программой созданного ими ансамбля «Трубный зов» в концертных залах страны, в чем им было отказано и разъяснено, что, согласно законодательству о религиозных культах, они могут исполнять религиозные произведения только в стенах официально действующего молитвенного дома евангельских христиан-баптистов как члены этого религиозного общества.

Уполномоченный Совета
Т. С. Жаринов

И до чего же ловко они использовали этот отказ! А вот от всех утаили, что когда попытались выступить в молебном доме на Поклонной горе, то вызвали яростное сопротивление даже самых тихих баптистов. Члены общины были глубоко убеждены, что эта музыка, да и тексты оперы, не соответствуют представлениям о христианстве, являются «порождением сатаны».

«Сатана», впрочем, имел четкий адрес — Кестон-Колледж. И в который раз Владимиров отметил для себя, что противник ведет «психологическую войну» далеко не рыцарскими способами... Спекуляция на чувствах верующих и даже на чувствах атеистов, воспитанных на уважении к свободе совести, на терпимости к тем, у кого есть свои причины верить в Христа, Иегову, Магомета или Будду...

Сегодня был момент, когда Владимиров едва подавил в себе отвращение после встречи с Бариновым. Он дал ему прочесть протокол допроса его тети Тамары Дмитриевны Прониной, о которой Баринов повторял везде, где только мог: «Именно родная тетушка привела меня к богу... Благодаря ей я поверил...»

До встречи со старушкой Владимиров представлял ее себе этакой воинственной, агрессивной баптисткой, ненавидящей, подобно своему племяннику, все вокруг и готовой принести в жертву своему богу кого угодно. Но на деле все оказалось не так.

Усталая, изможденная пожилая женщина. Видно, что горя ей пришлось в жизни хлебнуть немало. И поражали при этом ее спокойствие, твердая убежденность, с какой она произносила каждое слово. Речь ее выдавала человека развитого, по-своему незаурядного.

— Тамара Дмитриевна, расскажите, пожалуйста, как можете поподробней о своем племяннике, о его вере, о его увлечении музыкой... И вообще, что он за человек?

Пронина помолчала.

— Вы задали очень трудный вопрос, Александр Владимирович. «Что он за человек...» Кто имеет право судить о другом? Ведь сказано...

— Не судите и судимы не будете?

— Вы знаете Святое писание?

— А что здесь странного? — в свою очередь удивился Владимиров.

— Но ведь вы, конечно, атеист?

— Естественно. А Ветхий и Новый завет изучал в университете... Так все-таки, Валерий... Как вы считаете, он действительно верит в бога?

Женщина вздохнула.

— Я Валерика люблю, как сына. Может, даже больше. Он ведь сирота, много страдал... Не могу о нем говорить плохо. Он рос в нашей семье, если этот ужас можно было назвать семьей... Но Валерию всегда не хватало смирения.

— А разве перед трудностями обязательно нужно смирение? — спросил Владимиров и тут же мысленно выругал себя: «Что за бестактность! Не на дискуссию же я ее позвал!»

Пронина опять глубоко вздохнула.

— Мы с вами люди разных воззрений... А Валерий... Он рос непослушным, легкомысленным и упрямым мальчиком. К сожалению, очень ленивым. Но — добрым. Сердце у него отзывчивое. И все же... В армии ему грозил трибунал. Я рассказала ему о божьей милости... Кажется, он поверил. Не пил первое время, не курил, вел себя скромно. А когда завербовался на Север, в Тюмень, снова перестал быть баптистом. Правда, когда вернулся в Ленинград, снова как будто захотел исправиться, принял крещение. Работал шофером, потом сторожем. Его уволили за нарушения дисциплины... А он, всем твердил — за веру.

Голос Прониной неожиданно окреп:

— Я вполне допускаю, что отдельные должностные лица могут совершать перегибы, нарушения в отношении верующих. Бог им судья! Но закон... Закон защищает наши права, он на нашей стороне. Это ложь, что верующих у нас притесняют. Наказывают тех, кто откололся от церкви, нарушает законы, клеветает на действительность, на нашу Родину! А этого никто не потерпит. В том числе и мы, баптисты. Ведь мы такие же советские люди, такие же граждане, как и все, такие же патриоты. И так же любим Отечество, как и вы, атеисты!

«Вот тебе и смиренная христианка!» — удивлялся Владимиров.

— ...Я говорила Валерию, много раз, чтобы он не гневил бога, не тешил сатану. Разве можно спекулировать на вере? Я слушала Би-би-си, передавали оперу Валерия. Мы, истинные баптисты, конечно, очень возмущены. Это бесовская музыка. Но больше всего меня возмутило, что Би-би-си назвало Валеру гениальным музыкантом. Ведь гений — он трудится с утра до ночи в поте лица своего, как и завещал господь, а Валерий

только со своими иностранцами все время проводил, письма подметные сочинял... — И тут она заплакала.

Через час Владимиров вызвал Барина.

— Как к вам относится ваша тетя, которая приобщила вас к вере?

— Она любит меня... как Христа! — заявил Барин.

— Она способна сказать о вас всю правду?

— Только она и способна сказать обо мне всю правду!

— Прочтите.

Барин прочел протокол. Глаза у него расширились, челюсть отвисла. Он был бледен.

Владимиров вызвал конвой.

— Уходите, Барин, — шепотом сказал следователь. — Уходите...

Эмиссары и акции

Передача радиовещательной станции

Би-би-си

У микрофона Сева Новгородцев:

— Энергичное письмо прислал москвич Павел. Он пишет нам: «Хэлло, Сева! Искренний и горячий московский привет от любителя и поклонника рока, постоянного слушателя твоей передачи с марта. Меня заинтересовала твоя передача. Услышал я о группе «Трубный зов». Некоторые слушатели твоей передачи поносят «Трубный зов», называя себя при этом поклонниками рока. Я не хотел опускать свои симпатии в сортир и решил написать парням, благо передавались адреса. Но прошло два месяца — ни ответа ни привета. Я снова взялся за перо. Прошел месяц. И вот получаю ответ — Тимохин ни хрена там не проживает. Тогда я разозлился и написал им, что они там сволочи и чинуши. Ответа на сей раз долго ждать не пришлось — они мне написали, что я гнида и не ценю их добродетель. Пришлось на них плюнуть.

У меня к тебе просьба, Сева, скажи, когда у тебя день рождения? Хочу занести в свою картотеку как обозревателя рок-н-рола, у которого язык подвешен не там, где нужно.

На каких условиях я могу получить у тебя записи „Трубного зова“? Слушатель из Москвы Павел».

Спасибо на добром слове, Паша. День рождения у меня 9 июля. Что касается «Трубного зова», то мне в руки попала маленькая кассета, качество не очень хорошее. Лучше всего обратиться к самим ребятам. Это Валерий Барин, который живет в Ленинграде (адрес) и Сергей Тимохин, тоже ленинградец (адрес).

Письма от поклонников шли из Тулы, Воронежа, Пскова... Барин и Тимохин ликовали. Оба они те-

перь одевались только в «фирму». Правда, это были по-прежнему обноски, все с чужого плеча, которые в награду передавал им Кестон-Колледж через своих посланцев. В квартирах Барина и Тимохина постоянно кто-то бывал — из Англии, США. И обязательно со свертком и инструкциями.

Бардо (Бурдо) Майкл, 1934 года рождения, уроженец города Камборна, подданный Великобритании. В 1959—1960 годах обучался в качестве стажера в МГУ имени М. В. Ломоносова. С 3 по 7 февраля 1975 года находился в СССР в качестве туриста. Занимался сбором клеветнической информации о положении верующих в СССР. В настоящее время возглавляет клерикальный «Центр по изучению религии и коммунизма» (Кестон-Колледж, Англия). Собираемая и обрабатываемая Кестон-Колледжем информация о нашей стране активно используется средствами массовой пропаганды капиталистических государств в акциях идеологической диверсии против СССР.

Бардо Лорна, 1955 года рождения, подданная Великобритании, жена Майкла Бардо. В 1977 году обучалась на курсах русского языка при ЛГУ имени А. А. Жданова. С 1 по 5 марта 1982 года находилась в Ленинграде в качестве туристки. Занималась сбором тенденциозной информации о положении верующих в СССР. В настоящее время является секретарем Кестон-Колледжа, активно участвует в сборе клеветнической информации об СССР.

Кожевникова Елена Глебовна, 1943 года рождения, уроженка Югославии, русская, гражданка Австралии, постоянно проживает в Англии. В период с 21 мая 1971 года по 22 мая 1972 года являлась сотрудником отдела новостей антисоветской радиостанции «Радио Свобода» (Мюнхен, ФРГ), вещающей на Советский Союз. С ноября 1972 года являлась корреспондентом этой же радиостанции в Нью-Йорке. В настоящее время состоит внештатным корреспондентом английской радиостанции Би-би-си, подготавливает и ведет религиозные программы этой радиостанции на русском языке. Поддерживает тесные связи с зарубежной антисоветской организацией «Народно-трудовой союз» (НТС) и клерикальным «Центром по изучению религии и коммунизма» (Кестон-Колледж, Англия).

В СССР находилась дважды: с 17 по 26 июня 1982 года и с 3 по 10 декабря 1983 года — оба раза в качестве туристки. Во время пребывания в СССР, в Ленинграде, по заданию Кестон-Колледжа занималась сбором информации о якобы имеющих место в СССР «гонениях» на верующих, которая впоследствии использовалась в антисоветских передачах радиостанции Би-би-си.

Клей Джон, 1959 года рождения, уроженец города Норфолка, штат Вирджиния, гражданин США. Аспирант Чикагского университета. В настоящее время проходит стажировку на историческом факультете ЛГУ имени А. А. Жданова. Проживает в Ленинграде по адресу: ул. Шевченко, дом 25, корп. 2, комната 76 (общезинитие № 2 ЛГУ). Запланированный срок пребывания в Ленинграде ... года. Находясь в СССР, пытался заниматься сбором тенденциозной информации о положении верующих в СССР.

Коллинс Филия, 1941 года рождения, уроженка города Форт-Уэрт, штат Техас, гражданка США. В настоящее время проживает в городе Арлингтон, работает преподавателем русского языка в колледже. Состоит в официальном браке с гражданином СССР, периодически посещает Советский Союз. В Ленинграде находилась дважды в качестве туристки: с 24 по 30 декабря 1980 года и с 21 по 31 декабря 1983 года. Занималась сбором тенденциозной информации о положении верующих в СССР.

* * *

Постепенно слава стала меркнуть. Один из иностранных гостей однажды настойчиво посоветовал Баринову:

— Нужно в движение вокруг вашего «Трубного зова» впрыснуть инъекцию свежей информации.

— Я подготовил еще одно воззвание к зарубежным христианским организациям,— сказал Баринов. — Вот: «Мы опять просим помощи от Кестон-Колледжа. Лучшие проповедники, в том числе я и Сергей Тимохин, у нас зажаты. Мы подвергаемся репрессиям. Мы всегда получали помощь от Кестон-Колледжа. Он имеет большую информацию о нас, нашем труде, нашем трудном положении. Жаль, что многие не понимают миссии Кестон-Колледжа. Жаль, что у него мало помощников. Но как и чем помочь? — спросите вы. Этот институт прежде всего нуждается в информации об угнетении верующих. Очень хорошо знать адрес Кестон-Колледжа...»

— Хватит,— перебил гость. — Не годится. Не обижайтесь, Валерий, но это голая агитка. Причем, простите, довольно безграмотная... Вот вы заговорили там о репрессиях. Каких? Факты?

— Ну... — замылся Баринов.

— Вот и подумайте... Хорошенько подумайте, Валерий.

Баринов думал. И, как часто уже бывало, помог случай.

Жена вместе с почтой вытащила из ящика повестку. В военкомат.

Баринов вертел бумажку в руках, думал.

— На сборы вызывают? — спросила жена.

— Может, на сборы, а может, просто на очередную медкомиссию...

И тут его осенило.

Вызывали действительно на обычную медкомиссию. Баринов стоял в очереди к невропатологу. Когда подошел его черед входить, лицо Баринова вдруг приняло глуповато-блаженное выражение.

Он сидел перед врачом. Остекленевшие глаза Барина смотрели в одну точку, по углам рта стекала слюна. Он отметил, что невропатолог смотрит на него с нескрываемым интересом.

— Ваше имя, отчество?

— Имя мое Иисус, отчество — Христов, — тихо, но убежденно сообщил Барин.

— Ка-а-к? Повторите... — изумленно пробормотал врач, медленно поднимаясь со стула.

Барин охотно повторил — тем же тихим, проникновенным голосом.

— А какой день сегодня?

— Сегодня день сатаны года скончания века, — ласково отвечал Барин.

— А кто вы по профессии? — продолжал спрашивать врач.

— Я сын неба и воплощение господи нашего на земле, — невозмутимо поведал Барин.

Врачи совещались долго. Наконец вызвали Барина.

— Вы идите домой, — сказал ему председатель комиссии. — А завтра сходите по этому адресу. Вас посмотрит еще один врач.

Он дал ему бумажку с адресом психоневрологического диспансера.

Барин пулей вылетел из военкомата. То, что нужно!

Первым делом забежал к Аркадию. Тот выслушал рассказ Барина, оживился:

— Кажется, наклеывается хорошенькая акция. А Тимохин повестку получил?

— Его не могут вызвать, у него черепушка проломлена. Списан подчистую.

— Ладно, подумаем. Значит, так: никуда не ходи, пусть сами за тобой приедут. Как только тебя загребут, сразу пусть жена даст мне знать. Об остальном не беспокойся.

Барин заперся дома. Повестки из диспансера рвал, медсестру, присланную за ним, попросту выставил за дверь.

Расчет оказался верным. Через неделю около дома Барина остановилась машина с красным крестом и оттуда вышли два санитары...

Препарирование факта. III

Передача радиовещательной станции
«Радио Свобода»
Радиожурнал «Права человека»
У микрофона Виктор Федосеев:

— Передаю микрофон зарубежному представителю московской группы «Хельсинки» Людмиле Алексеевой.

Прошлый год был годом резкого сокращения открытых общественных групп и все более усиливающихся репрессий против их участников.

Существуют сотни, если не тысячи любительских музыкальных групп и ансамблей. Одну из них создали молодые ленинградские баптисты. Они назвали свою группу «Трубный зов». Участники группы сделали несколько магнитофонных записей религиозных песен и поп-опер.

В январе члены группы Валерий Баринов и Сергей Тимохин обратились в Президиум Верховного Совета с просьбой разрешить группе выступить с религиозными музыкальными программами в концертных залах страны. Их задержали, отобрали кассеты с музыкальными записями. А вскоре обоих призвали в армию и направили на психиатрическое обследование.

Передача радиовещательной станции
«Радио Канада» на украинском языке

Канадская газета «Ванкувер сан» сообщает своим читателям о том, что популярного музыканта Валерия Баринова арестовали и привели в угнетенное состояние сильнодействующими уколами.

Баринов вернулся из больницы сытый, пополневший, посвежевший.

— Да ты словно после отпуска,— удивился Аркадий..

— Так отпуск и был.

— Налепили диагноз?

— Налепили! — радостно сообщил Баринов.

— Какой же?

— Психопатия.

— Не то,— огорчился Аркадий. — Это не диагноз. Психопатия, душа моя, не болезнь, а свойство характера. Из нее ничего не выжмешь. Так что получается, тебя выпустили чистеньким. Да еще, видишь, отожрался на казенных харчах...

И все-таки, по мнению Аркадия, акция оправдывала себя. Не зря он столько хлопотал...

Препарирование факта. IV

Передача радиовещательной станции
Би-би-си
«Передача популярной музыки»
У микрофона Сева Новгородцев:

— Уважаемые друзья! Я получил письмо из Ленинграда.

«Уважаемый Всеволод, здравствуй! Пишут тебе Валера Баринов и Сергей Тимохин из рок-группы «Трубный зов». Благодарим тебя за передачу от 4 марта, в которой ты посвятил несколько минут нашей христианской группе. Что особенно важно — мы получили кучу писем от молодежи из разных концов СССР. Мы записывали нашу оперу тайно от властей. В открытый бой вышли мы тогда с Сережей! Нам угрожали. Меня начинают таскать по военкоматам, а на медкомиссии забраковал психиатр. Много трудностей. Но особая для нас трудность — финансовая!»

Что же, друзья? *(С иронией.)* Здесь, на Западе, скажем, когда хотят кому-либо в трудную минуту помочь, то шлют переводы по почте. А помогать друг другу надо...

Резидент

Расследуя дело, Владимиров все чаще и чаще наткнулся на Аркадия М. И вот пришло время собрать о нем более подробные сведения.

Баптист, работает жестянщиком в автопарке. Он уже не раз попадал в поле зрения, но ничем себя не скомпрометировал. Вернее, не совершил ничего противозаконного. А ведь постоянно находился на грани, балансировал.

Постепенно Владимиров пришел к выводу, что это весьма интересный и важный фигурант в деле Баринава и Тимохина. Поражали обширные и прочные связи М. с зарубежными религиозными центрами, в первую очередь с теми, которые финансировались и направлялись спецслужбами некоторых капиталистических государств. У него постоянно гостил кто-нибудь из-за рубежа. «По делам веры приезжал», — неизменно отвечал М., если интересовались его гостем.

Сам он в свое время подал заявление о выезде из СССР. Вел активную переписку с зарубежными знакомыми, часто звонил в США, ФРГ, Англию. Внешне все, как говорят, в рамках. Активно прорезался, когда Баринава взяли на обследование в больницу имени Скворцова-Степанова. Именно М. первым прибежал туда, требуя свидания с Бариновым, встречи с главврачом, требовал назвать фамилии медиков, обследовавших Ба-

ринова, настаивал, чтобы ему сказали возможный диагноз. Именно он немедленно связался с Кестон-Колледжем, с Би-би-си и передал информацию о том, что Баринава и Тимохина «забрали в армию». Правда, Тимохин скоро сам собой отпал, но, видно, М. не очень-то огорчился из-за своего прокола. Он продолжал регулярно передавать сведения о Баринове, развил бурную деятельность. Писал жалобы в Главное управление здравоохранения Ленинграда, обвинял в произволе врачей больницы, медицину вообще. Получал ответы и опять использовал их для передачи информации на Запад, хотя Баринов к тому времени уже вернулся домой.

Анализируя образ жизни М., его контакты с иностранцами, отношения с Бариновым и Тимохиным, верующими, Владимиров пришел к выводу, совершенно неожиданному для себя. Ба, да ведь его вполне можно назвать резидентом! Действительно, по существу так оно и есть. Ведет целенаправленную организаторскую и агитационную деятельность, собирает нужную ему информацию, регулярно передает в центр, да и не в один. Уникальный случай — резидент, который действует вполне легально, без всякого прикрытия, без легенды. Работает открыто, нагло, а ничего с ним не сделать: действует в рамках закона. И, как ни парадоксально это звучит, закон охраняет его неприкосновенность — формально гражданина СССР, но по существу фигуру, враждебную нашему строю.

Обстоятельства дела требовали того, чтобы в квартире М. был проведен обыск. Прокурор санкцию дал.

Обнаружилось немало интересного: религиозная, антисоветская литература, валюта, досье на тех верующих, с кем М. вел работу. Среди литературы была «Юридическая памятка» — подробное руководство, как обманывать следствие, уходить от прямых вопросов, замечать следы... Среди писем и бумаг — обращение к президенту Рейгану с настойчивым требованием оказать давление на СССР по некоторым вопросам внутренних дел Советского Союза. Многочисленные магнитофонные записи псалмов, уголовно-романтических песен. Кстати, здесь же обнаружилась свеженькая инструкция, переданная Аркадию М. очередным эмиссаром и предназначенная лично для Баринава, которую М. не успел переправить по назначению: «В октябре будет передача на Би-би-си о работе Кестон-Колледжа. Лорна просит, чтобы ты сделал записи на ленте, как Кестон-Колледж помогает тебе и верующим вообще в Союзе. Ты знаешь,

как это сделать. К тебе в сентябре зайдет девушка Джаннис. Бог с тобой.

Майк Брэннан»

Владимиров решил вызвать М. на допрос. Тот пришел — спокойный, уверенный в себе, даже немного сонный. Он был крупен, широкоплеч — видно, в свое время немало занимался физической работой. Одет скромно. В петлице пиджака — золотой крестик.

«И не скрывает своей принадлежности к вере. Нет, это — сигнал, вызов. Вот, мол, кто я есть! А, тебе интересно? Необычного человека встретил? Ну, тогда знакомься, спрашивай. Я отвечу, я расскажу тебе и о себе, и о моей вере, и о Кестон-Колледже...»

— Вы хотите выехать из СССР?

— Есть такое желание.

— Что вас гонит за границу?

— Вера.

— Вы баптист?

— Да.

— Но что вам мешает удовлетворять свои религиозные потребности на Родине? Быть может, были факты гонения в отношении вас? Расскажите, мы разберемся, потребуем наказать виновных.

— Не было фактов. Пока... — многозначительно добавил М.

— Тогда что же?

— А я разошелся взглядами с евангельскими христианами-баптистами. Хочу основать собственную церковь.

— Как святой Петр? Или блаженный Августин?

— Вроде того, — равнодушно ответил М.

И все-таки очень хорошо чувствовалось, что разговор его даже забавляет. Опытен, хитер, ловок. Наверное, проштудировал не одно только пособие...

— У вас во время обыска была найдена валюта — доллары США. Как вы объясните ее происхождение?

— Видно, забыл кто-то из иностранцев, когда приезжал в гости. Не выбрасывать же!

— Вы часто звоните в Кестон-Колледж?

— Как когда. Разве это запрещено? — Он из-под своих тяжелых век в упор посмотрел на следователя.

— Не запрещено, конечно. Но ведь вы передаете информацию, во многом недостоверную. Вот, например, о Баринове такие страсти наговорили!

— Я только сообщил, что он помещен в психиатрическую больницу! — отрезал М. — Больше вы ничего доказать не сможете. Ясно? А что там корреспонденты о Валерии накрутили, за них ответственности не несут...

— Расскажите все-таки о ваших истинных мотивах уехать за рубеж.

— Я уже сказал.

— Ваша дочь пишет о том, какой представляется ей жизнь за рубежом и почему ваша семья стремится туда. «Скоро мы уедем за границу и будем счастливы. Папа будет бриться каждый день и перестанет носить свои страшные штаны. Мама наконец похудеет, перестанет ругаться по любой ерунде и будет со вкусом одеваться...» Неужели и на Родине нельзя бриться каждый день, носить нормальные брюки, похудеть, в конце концов? Конечно, у нас женщине со вкусом одеваться бывает не так уж легко, но стоит ли ради этого уезжать навсегда?

М. медленно побагровел. «Вот она, его болевая точка», — подумал Владимир.

— Не иронизируйте, гражданин следовательно, — произнес Аркадий. — Я вам уже все сказал о своих мотивах.

Роль М. в деле Тимохина и Барина стала проясняться. Но о нем — особый разговор...

Следователь Владимир

Дело закончено. Шесть аккуратно переплетенных томов. Состоялся и суд. Барinov и Тимохин приговорены к различным срокам лишения свободы.

А Владимир приступил к новому делу, на этот раз более сложному, обещавшему много неожиданных поворотов. Но в короткие минуты отдыха он вновь и вновь возвращался к Баринovu и Тимохину.

Если посмотреть на их дело со стороны, холодным взглядом объективного наблюдателя, ничего интересного оно не сулило с самого начала и прошло, как и ожидалось, банально, даже скучно. Ни неожиданных ситуаций, ни погонь, ни схваток... И на суде ничего особенно нового не обнаружилось. Тимохин признал свою вину, раскаялся. Барinov, как и следовало ожидать, вел себя вызывающе. Ясно: «отрабатывал номер» в расчете на то, что его «друзья», а точнее было бы их называть хозяевами, не оставят, поддержат, начнут мощ-

ную пропагандистскую кампанию в его защиту. Мо́жет, и до самих «верхов» она докатится...

Но тогда, на суде, Баринов еще не знал, как он жестоко просчитается. А ведь мог, даже должен был предвидеть, как обернутся события, если бы не отказали ему элементарная логика, здравый смысл, способность правильно оценивать ситуацию.

Да, еще некоторое время отголоски «Трубного зова» и всего того, что было связано с ним, звучали в эфире. Но... Кестон-Колледж отработал Баринова и Тимохина как очередной вариант и поставил на них крест. Западная машина дезинформации перемолола все, что они могли ей дать, покалечила походя их судьбы и выплюнула за ненадобностью.

На скамье подсудимых тогда сидели только лишь двое ленинградских парней — обманутых, запутавшихся, пытавшихся решить свои проблемы, пойдя на преступление. Один — не совсем здоровый и потому легко поддающийся чужому влиянию, внушению. Другой — малоразвитый, ограниченный, неспособный трезво оценивать свои возможности, но зато мучимый жаждой успеха, признания, славы. Оба, несмотря на свой зрелый возраст, так и не сумели избавиться от инфантилизма, от наивного, в чем-то даже примитивного взгляда на мир, не научились серьезному отношению к жизни, не выработали в себе иммунитет к дешевым, а потому особенно опасным соблазнам. Много ли труда понадобилась тем, кто по существу и привел их на скамью подсудимых, чтобы сделать Баринова и Тимохина орудием своих нечестных замыслов? Да, собственно, о какой честности и о какой чести здесь речь? О каких духовных и моральных ценностях могут думать те, для кого цель оправдывает любые средства? Не кощунство ли открыто спекулировать на чувствах верующих, преподнося им из-за границы в качестве троянского коня идею о «защите» их законных интересов, их прав на свободу совести? Имеют ли право рассуждать о гуманизме ссудники Кестон-Колледжа, для которых изначально было ясно, что, «заботясь» о благе Баринова и Тимохина, они в конце концов и их самих принесут в жертву Молоху «психологической войны» и нанесут удар по их семьям, жестоко ранят их детей.

Дети не виноваты в ошибках отцов, не несут за них ответственности. Но сколько времени пройдет, пока дети Баринова и Тимохина справятся с тем, что случи-

лось, переживут, пережгут в себе драму, невольными участниками которой они стали?..

Задумывая операцию «Трубный зов», идеологический противник правильно рассчитывал, что яркая обертка, в которую он вкладывал отравленную конфету, привлечет внимание тех, на кого главным образом и направлены передачи западных радиостанций. Чего уж проще: в СССР молодежь живо интересуется рок-музыкой, возможно, что вместе с ритмами тяжелого, металлического рока кое-кто может проглотить и антисоветскую начинку. Что же, первое время надежды эти в какой-то мере оправдывались. Но вот прошло совсем немного времени, и «Трубный зов» начал давать сбои и постепенно умолк. Не нужно быть большим знатоком рока, чтобы убедиться, насколько беспомощное подражание известным западным образцам представляла собой эта опера. И не помогли гальванизировать ее популярность даже организованные ссылки на высказывания некоторых западных музыкантов. Да и не способно стать событием культурной жизни произведение, цель и смысл которого лежат за пределами искусства и которое служит весьма приземленным целям — политической спекуляции, идеологической диверсии. Так что вполне закономерным оказался конец для Баринова и Тимохина, вполне закономерным был провал операции «Трубный зов». Не было лишь на скамье подсудимых рядом с Бариновым и Тимохиным тех, кто задумывал эту акцию и осуществлял ее, кто сегодня задумывает и осуществляет новые идеологические диверсии, направленные на разжигание «психологической войны». Но и эти акции изначально обречены на неудачу. Дезинформация, заложенная в них, обнаружит себя, будет торчать, как предательски торчали ослиные уши у легендарного царя Мидаса...

Справедливая память

Несколько общеизвестных истин в качестве введения

Эта истина проста, как хлеб: защита безопасности государства есть защита безопасности каждого. Ибо каждый советский человек имеет право на спокойную мирную жизнь, на социальную справедливость, на сохранение чести и достоинства.

А мир вокруг нас неспокоен, империалисты не унимаются; они пытаются выкрадывать секреты, имеющие государственную важность, мешать осуществлению наших планов, сеять неуверенность и страх перед будущим, производить психологический обыск душ, извращать факты нашей жизни, порочить достижения, запугивать, подвергать сомнению ценности... Зло это многолико, но суть одна: необъявленная тайная война, идеологическая диверсия, имеющая целью подорвать социализм.

Вот почему и каждый из нас и все мы вместе в защите нуждаемся. Она незримо, но надежно окружает нас. Это защита нашего строя, нашего образа жизни, нашего настоящего и будущего,— в конечном счете, защита нашего общего дома — Родины.

Поиск шпионов и иных государственных преступников, пресечение действий, которые предпринимает против нас классовый враг,— это одна сторона работы органов государственной безопасности. А есть и другая, менее известная, но так же важная,— та самая, что со времен Дзержинского ведется во имя честного человека. Та самая, которую на эмблеме ВЧК — КГБ символизирует щит.

Именно в поисках защиты, социальной справедливости обращаются в КГБ многие люди: пишут письма, приходят сами.

Для тех, кто хочет поговорить лично, существует приемная. Ее адрес: Литейный проспект, дом 6, вход со стороны улицы Чайковского. Вывеска на дверях сообщает о днях и часах приема — он ведется ежедневно. Кроме того, для неотложных дел есть и служба кругло-

суточного дежурства — на Литейном, 4, непосредственно в здании Управления КГБ СССР по Ленинградской области.

Приемная УКГБ — обычное советское учреждение. Здесь нет постовых в форме и с оружием, здесь не требуется пропуск. Для удобства посетителей в одном доме открыты две приемные — УКГБ и ГУВД.

Люди сюда приходят разные. Одни точно знают, что и от кого им надо — справки, отношения, удостоверения. Другие ждут совета. Третьи хотят, что называется, излить душу. Являются и по недоразумению. Был однажды курьезный случай. Пришла девушка, спрашивает: «Чье разрешение нужно, чтобы выйти замуж за иностранца?» Ей говорят: «Ничье. Идите в загс, подайте заявление. Желаем вам счастья».

Разговор в приемной ведется с глазу на глаз, при закрытых дверях. Разговор подчас не простой и не легкий. И это вполне понятно: в приемную не приходят люди, у которых в жизни все в порядке. Наоборот, приходят с наболевшим, с горем, с тяжестью на душе. Вот почему для сотрудников приемной такт, деликатность, сердечность — не только обязательные человеческие свойства, но и профессиональные качества. Такова уж эта работа. Она требует проницательного ума, сильной воли, решительного характера и доброго сердца. Именно такие, искушенные в оперативной работе сотрудники и принимают здесь.

По каким же вопросам обращаются в КГБ люди, кто они?

Частые посетители — лица, в разное время отбывавшие наказание. Мера наказания, как известно, бывает разной. Скажем, в период войны распространители панических слухов, которые вольно или невольно действовали деморализующе на фронт и тыл, наказывались судом до трех лет лишения свободы. И такой человек может прийти с какой-нибудь просьбой. Кто он, этот человек, — сам жертва слухов или враг? А может быть, дезертир, «коротавший время» в заключении, чтобы избежать фронта? Здесь обязаны в этом разобраться.

Так что сам факт пребывания в тюрьме или колонии еще мало что говорит сотрудникам КГБ. Факт этот может иметь десятки оттенков, за которыми совершенно разные судьбы и разные люди. Многие, отбыв заслуженное наказание, полностью осознав вину и раскаявшись, приходят сюда за помощью в устройстве на

работу, за моральной поддержкой в заново начинающейся жизни. И такую помощь они здесь получают.

Обращаются в КГБ и по многим вопросам, связанным с событиями Великой Отечественной войны. Обязательства военного времени были очень сложны, и нужны немалый опыт и проницательность, чтобы разобраться в них спустя сорок с лишним лет.

Прислал как-то запрос Киевский горвоенкомат: туда обратилась Полина Александровна Бузник с просьбой выдать удостоверение участника Великой Отечественной войны, предъявила справку, полученную в Ленинградском управлении НКГБ, необходимая же красноармейская книжка отсутствовала. Этот вопрос для сотрудников Управления КГБ оказался простым: дело Бузник сохранилось. И вот в Киев ушел официальный ответ:

«...Сообщаем, что Бузник П. А. действительно с 10.11.1941 г. по 1.10.1944 г. проходила службу в качестве рядового бойца в отряде спецназначения Управления НКГБ по Ленинградской области, действовавшем в тылу противника на территории Ленинградской и Псковской областей. Приказом по войскам Волховского фронта 30 апреля 1942 года № 00025-Н от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Бузник П. А. награждена орденом Красного Знамени».

А вот противоположный пример. Явился в приемную некий гражданин и стал в повышенном тоне требовать содействия в выдаче удостоверения участника войны, стал стучать палкой — дескать, инвалид. Ему бы поостеречься, не то что требовать, ему бы обходить приемную стороной. Потому что все ордена — чужие, заслуги — вымышленные. Более того — руки в крови со времен Великой Отечественной. Но все это надо было документально доказать. В результате преступник был разоблачен.

Наконец, еще одна категория лиц, которые обращаются в КГБ, — это люди, которые способствуют раскрытию государственного преступления. На такую помощь народа широко опираются чекисты, это одна из традиций, завещанных Лениным и заложенных Дзержинским. Несообщение об известном государственном преступлении — уже есть преступление. Эту истину должен знать каждый.

Государство доверило КГБ ответственную и очень деликатную роль — восстанавливать нарушенную социальную справедливость. Поэтому и идут сюда люди за помощью, твердо зная, что здесь сумеют вникнуть в суть дела. Каждую встречу сотрудники КГБ стремятся закончить так, чтобы или оказать конкретную помощь (если это в их компетенции), или дать точный совет, куда следует обратиться, и услышать в ответ слова благодарности.

Те, кто не может прийти, присылают письма, с которыми в управлении тщательно работают. Не формально отвечают на них, а именно работают. Ибо какая бы просьба ни содержалась — в письмах ли, в устных ли заявлениях, в конечном счете просьба эта сводится к одному: к восстановлению справедливости.

Таковы лишь несколько направлений огромной и сложной поисковой работы. Разнообразны ее формы: и по горячим следам, и спустя много лет — с документами истории и с очевидцами событий. Поиск не прекращается ни на день. И в результате пресекается преступная деятельность отдельных лиц, ликвидируются «белые пятна» в тех или иных делах, в другом свете предстают давние события, иначе прочитываются детали. Так, в тихое, мирное время находят свидетельства громких когда-то дел: устанавливают имена и обстоятельства гибели героев, доказывают чистоту человека, отыскивают скрывшихся предателей. Работа эта, такая, казалось бы, далекая от героической, на поверку оказывается лишь новой гранью все того же оперативного поиска.

О том, как и во имя чего ведется поиск, как вершится справедливость, расскажем на примере нескольких судебных.

По следу ушедших

1. Ася сообщает

Есть среди нас люди, для которых Великая Отечественная не стала и никогда не станет историей. Она для них — неизбывная, не утихающая даже со временем боль. Ведь до сих пор ищут друг друга родные, которых война разметала по свету. Счастливы, если находят. А если нет? Тогда нет покоя сердцу: ищут, где погиб, как погиб, как воевал, с кем шел рядом в

последний бой. Хотят увидеть место, где закончил свой путь на земле отец, брат или сын. Взять горсть земли, на которую упал дорогой человек всего-то сорок лет назад. Пишут, идут, едут... В этом поистине святом поиске помогают искалеченным войной семьям и государственные учреждения, и общественные организации, и отдельные лица.

Управление КГБ СССР
по Ленинградской области

Уточните, пожалуйста, если возможно, где и как погибла разведчица Анна Костина. Эти сведения необходимы для внесения ее имени на обелиск на братской могиле в селе Малая Каменка.

Порховский райвоенкомат
Псковской области

Порховский РВК
Псковской области

...По имеющимся в управлении материалам, советская разведчица Костина Анна Семеновна последний раз ушла с разведзада-нием в тыл противника 27 февраля 1942 года...

...Они называли ее ласково «наша Анюта». Суровый взгляд, открытое лицо, решительно сжатые губы. Но капитан госбезопасности Николаев знал, как наблюдательны могут быть эти серые глаза, какая отрешенность сквозит порой в ее взгляде и леденеет голос... Девять раз переходила она линию фронта, исколесив вдоль и поперек тыл противника. И девять раз возвращалась. И не как-нибудь возвращалась, а с ценными оперативными сведениями. Сегодня — десятый переход «туда». Казалось бы, можно и привыкнуть. Но отчего же всякий раз так болит душа у капитана Николаева? Ведь девушка осторожна и так естественно держится, что ни разу не навлекла подозрений. Да и места эти ей уже знакомы, а дома, как известно, все помогает, даже этот серый ольшаник, даже овраг и ручеек. И главное — не впервой... Но, как ни успокаивал себя капитан, тревога не проходила. Ведь как ни считай, ни прикидывай, а вот минет час, сгустится темнота, и Аня уйдет в нее. Уйдет одна. И будет одна много-много дней и ночей. Безоружная. Беззащитная. В самой гуще врагов. А он будет ждать ее. Такая у него служба — готовить разведчика и обеспечивать его переход.

Вот и последний окоп последнего боевого охранения. Дальше притаилась «ничейная земля» — овраг, густо поросший березой. Через километр он приведет на лы-

сый бугор, за которым откроются поля, перелески, тропки-дорожки, старинные русские села.

— Главное, Анята, держись левого склона, правый минирован,— сказал капитан Николаев в который уж раз. Это был верный признак, что он волнуется.

Отметив это про себя, Аня грустно улыбнулась, но в темноте этого никто не заметил. Она не обмолвилась ни словом и даже старалась не смотреть на своих провожающих — капитана Николаева и командира расположенной здесь роты, молоденького лейтенанта. Те не обижались, знали: она настраивается на одиночество. Час назад она переделалась в потертую фуфайку, стоптанные валенки, по-крестьянски крест-накрест перевязалась платком. Она стояла и смотрела в темноту. Мысленно она уже была «там». Там, где надо просить кусок хлеба и приюта на ночь и отвечать на любые вопросы, видеть недоверчивые взгляды, и спать вполуха, и есть через раз, и ходить, ходить, ходить — при всякой погоде, по всяким дорогам, и попробуй разберись, кто там свои, кто чужие, и надо, не глаза по сторонам, все видеть, запоминать, а ночами твердить — кто, где, сколько, а утром снова, как бы не смотря,— видеть, знать. А в случае чего — что такого особенного? — ходит деревенская девчонка из села в село, ищет пропавшую сестренку, мать бомбой убило, родных больше нет. Никого нет. Одна в целом свете...

Зеленая ракета повисла над заснеженным полем.

— Пора!

Лейтенант нашел в темноте ее руку, молча стиснул мягкую ладошку и помог выбраться из окопа.

— До свидания! — шепнул вслед. Так хотелось вложить какой-то совсем новый смысл в эти обыденные слова — «до скорого свидания» или «до счастливого свидания».

Она ушла, не оглянувшись. Она всегда уходила «туда» так.

Несколько шагов, несколько секунд, и ее не стало. Осталась только тьма и тишина.

Ждать полагалось полчаса. Ждать и слушать тишину. Ведь лес, такой вроде пустынный, в любой момент мог неожиданно взорваться каким-нибудь там «хальт!» или «фойер!». Мог осветиться чужой ракетой и огрызнуться огнем. На этот случай Анюту, правда, страхуют. И все же, все же...

Но все было тихо. Минуло полчаса и еще полчаса контрольных.

— Кажется, прошла... — вытер со лба пот лейтенант.

— О, господи... — добавил капитан.

Оба замолчали. Им вдруг стало не по себе оттого, что они, такие сильные, здоровые, стоят тут, как пни, а девочка, перевязанная платком, в старой одежке, в такой мороз идет в пасть врагу. Одна. Сама. Добровольно.

— Да лучше б я пошел! — вдруг яростно прошептал лейтенант.

— Отставить! — оборвал капитан. — Ее нельзя заменить тобой. Или мной. Мы пройдем только до первого немецкого солдата. Пойми же, — уговаривал он уже не столько лейтенанта, сколько самого себя, — ее можно заменить только такой же... или лучше.

— Куда же лучше-то?..

Была ночь на 27 февраля 1942 года. Командиры не знали, что в ту ночь они видели своего товарища, «разведчицу-одиночку» Аню Костину, в последний раз,

Военный совет Волховского фронта
Командующему фронтом
маршалу Мерецкову

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество: Костина Анна Семеновна.

2. Звание: партизанка.

3. Должность, часть: боец партизанского отряда.

Представляется к ордену Ленина

4. Год рождения: 1924.

5. Национальность: русская.

6. Партийность: член ВЛКСМ.

7. Участие в гражданской войне, в последующих боевых действиях по защите СССР и в Отечественной войне: —

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне: убита.

9. С какого времени в Красной армии: с ноября 1941 г.

10. Каким РВК призван: Маловишерским райкомом ВКП(б).

11. Чем раньше награжден: наград не имеет.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: г. Малая Вишера, ул. Урицкого, дом 14.

Краткое и конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

По специальному заданию Костина А. С. десять раз нелегально переходила линию фронта в тыл противника. В результате этого были добыты ряд данных о противнике, представляющих оперативный интерес, которые были успешно использованы командованием частей фронта в боевых операциях.

27 февраля с. г., выполняя задание генерала Гусева, Костина была схвачена немцами, а затем зверски замучена. Труп ее, исколотый штыками, был обнаружен при наступлении частей генерала Гусева в районе деревни Каменка.

Костина, являясь преданной дочерью нашей Родины, заслуживает правительственной награды — ордена Ленина.

Зам. начальника
разведывательного отдела УНКВД ЛО
ст. лейтенант госбезопасности Хорсун,
26 апреля 1942 г.

— Мы знали о нашей Ане почти все, — рассказывает подполковник запаса Михаил Иванович Николаев. — Закончила школу номер два в Малой Вишере и в сороковом году поступила в Ленинграде в училище высоковольтных линий Ленэнерго. Весной сорок первого вернулась на каникулы в Малую Вишеру, к родителям, младшим сестре и брату. Здесь ее и настигла война. Она долго упрашивала военкомат и райком партии дать ей какое-нибудь ответственное поручение. Упросила. Аня стала разведчицей Асей. Ходила в тыл противника на Волховский и Ленинградский фронты... Мы до сих пор не знаем, как она попала в руки врага. Была ли в этом нелепая случайность, каких на войне не счесть, или ее кто-то выдал? Иначе — почему она была так зверски замучена? Ответы на эти вопросы отыскивались через несколько лет после войны, когда стали известны некоторые обстоятельства, которые нас насторожили.

А было так. Мы организовали группу переводчиков, свободно владеющих немецким языком. Они прошли специальную подготовку по чтению трофейных немецких документов. Надо сказать, что таких в Ленинграде оказалось немало, и все они, захваченные в разных местах, откуда гитлеровцы в спешке бежали в январе — феврале сорок четвертого, попали в разные государственные архивы. Мы искали во всех. Нашим переводчикам пришлось перечитать горы бумаг, не представлявших для нас никакого интереса. Искали хотя бы упоминания о наших, советских людях, и все такие документы отбирали для дальнейшего изучения: узнавали, кто они, эти люди, где они были и что с ними стало. В Ленинградском архиве Октябрьской революции и социалистического строительства была обнаружена большая пачка трофейных документов из Гатчины. Гитлеровцы так спешили удрать, что не успели не то что вывезти, а хотя бы поджечь секретные бумаги.

Вот так, много лет спустя, мы снова встретились с нашей Аней. Мы узнали все о ее последних днях и часах.

К агенту Анне Костиной был подсажен провокатор. Ему удалось выпытать имена ее сообщников, которых необходимо срочно арестовать. Агент Костина назвала следующих лиц, у которых, со ссылками на нее, можно просить помощи:

1) на аэродроме в Волосове в двухэтажном доме живут Валя и Вера Курсины;

2) в Любани, на улице 1-го Мая, проживают Соня и Нина Романовы;

3) в Тосно, на улице Коммунаров (или Коммунистической), 46, Шура Павлова.

Необходимо обезвредить названных лиц.

Штурмбанфюрер СС Редер.
14 марта 1942 г.

— Прочтя этот документ и зная нашу Анюту, я могу представить, как все происходило,— продолжает Николаев.

Аня долго молчала, не признаваясь ни в чем. Да и в чем признаваться? Что ходит в прифронтовой полосе? Так семью ищет. Пожалуйста, может, и уйти... Но гестаповцы не легковверны. Ее продолжают допрашивать, угрожать, а однажды в чулан, где заперта Аня, бросают еще одну женщину, тоже по-крестьянски одетую. Та, наверное, сразу пустилась в слезы, умоляя помочь ей — хоть словом, хоть советом, рассказала свою «историю» — как и за что взяли. Это придумать нетрудно. Гораздо труднее было разгадать, что это спектакль. Аня как-то догадалась. Наверное, по ее виду: известно, что фашисты хорошо кормили своих агентов, и эта женщина должна была отличаться от наших голодавших крестьян. Но не только внешний вид заставил Аню насторожиться. Видно, почувствовала фальшь,— ведь сама Аня ни за что не пустилась бы в откровения с первых минут. А эта? Наверное, Аня догадалась, в чем дело, но виду не подала, назвала несколько человек, к которым можно обратиться за помощью, сославшись на Аню... если, конечно, «соседку» выпустят раньше.

В тот же день, когда Аня назвала «своих» людей незнакомой женщине, то есть 14 марта, штурмбанфюреру СС Редеру поступило секретное сообщение:

Срочно! Костина является активным агентом. Много раз переходила линию фронта и по возвращению с задания должна быть награждена орденом Ленина...

— Увидев этот документ, мы поняли: где-то в нашем тылу действовал предатель. Все факты, да и просто логика рассуждений, подтверждали это. В самом деле ведь Аню не знал никто. Она не была ничем на-

граждена. Никак не выделялась. Но она так много сделала, что предварительные разговоры о награждении орденом Ленина велись, когда она была еще на той стороне. Наградной лист, то есть представление к ордену, был заполнен в апреле сорок второго, а подготовка, естественно, велась много раньше. Вот эта-то подготовка и стала известна врагу.

Итак, 14 марта штурмбанфюрер СС Редер получил от неизвестного нам предателя сообщение о готовящемся награждении Ани орденом Ленина. Уже за одно это фашисты убили бы нашу разведчицу. Но ведь они не просто убили, они ее зверски замучили. Значит, была еще какая-то причина. Какая же? В конце концов сообщение об ордене Ленина гитлеровцы могли посчитать и ошибочным. Кроме того, они могли надеяться заставить девушку работать на них. Мы долго не знали ответа на эти вопросы и продолжали поиск. И вот совсем недавно нашли еще один документ — от 24 марта. Он свидетельствует, что в тот день Аня еще была жива... А ведь после срочной депеши об ордене Ленина прошло десять дней. Получается, гитлеровцы чего-то ждали. И вот наконец последний документ все объясняет.

24 марта Редер получает сообщение из Волосова, в котором говорится о проверке названных Аней лиц и объектов.

Аэродрома в Волосове не существует. Бургомистр указал на распространенность здесь фамилии Курсины, однако указанных имен — Валя и Вера — нет. Проверка другого аэродрома — близ Губаниц — не принесла положительных результатов, возможно, речь шла о другом Волосове.

— Мы все знаем, что другого Волосова нет. Очевидно, это поняли и гестаповцы, — продолжает Михаил Иванович Николаев. — Точнее, они поняли все: аэродромы, явки, имена — все это вымышленное. Она просто сбивала их со следа, выигрывала время, наша отчаянная Аня. Отчасти она его и выиграла — ведь вскоре войска генерала Гусева освободили Малую Каменку...

Вот так, через сорок лет, дошла до нас последняя весточка от нашей Ани... До сих пор вспоминаю ночь на двадцать седьмое февраля сорок второго года. Я, теперь уже далеко не молодой человек, горжусь, что такая замечательная девушка была моим товарищем.

Что оставляет человек после себя? Своих детей, в которых он продолжает жить. Свой дом, семью. Дело, которому посвящена жизнь. Ну а если судьба отмерила человеку на жизнь всего восемнадцать лет? Что остается тогда? Остается опять-таки дело. Остается память. Потому что свой след на земле оставляет каждый...

Последнее донесение разведчицы Анны Костиной

В селе Гора расквартировано около 200 немецких солдат, вооруженных автоматами. Деревня окружена окопами и блиндажами с установленными в них пулеметами. На опушке леса около дороги установлено 5 минометов. В деревне Гора, как и в деревне Вольная Горка, немцы строят блиндажи в подвалах домов. Немцы организовали полицию из русского населения. Полицейские одеты в немецкую форму. С местными жителями немцы обращаются по-зверски, есть случаи избиений. На станции Нащи установлено наличие 4 танков и около 20 автомашин, мотоциклов и повозок. Южнее реки Луга вырыт противотанковый ров, по фронту рва имеются пулеметные и минометные точки. Севернее реки вырыты окопы, брустверы сделаны из бревен. На станции Батецкая до 1200 немецких солдат, в большинстве вооруженных автоматами и ручными пулеметами. В поселке наблюдалось до 80 автомашин, 100 повозок, 15 мотоциклов, 4 танка, 7 кухонь. Поселок превращен в крепость. Около домов и в подвалах почти каждого дома вырыты блиндажи.

Ася.

Каждое лето ранним воскресным утром идут по этой тропе группки молодых людей. Парни тащат тяжеленные рюкзаки, резиновые надувные лодки, складные палатки, девушки — весла, корзинки, магнитофоны. Это грибники, рыбаки, любители ночевки на природе — модное увлечение молодежи восьмидесятых годов. С шумом, смехом и гамом идут они той дорогой, где пробиравалась когда-то ночью по снегу в тыл врага Аня Костина.

Миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна видишь ты... —

надрывается магнитофон, и прячутся и разбегаются лесные обитатели.

Ольшаник на этой туристской тропе давно вырублен, овраг сровнялся, а березовый лесок стал совсем взрослым. Попробуйте сказать этим ребятам, что здесь было:

на опушке леса 5 минометов, севернее реки окопы, южнее — противотанковый ров... Наверное, они удивятся. Вежливо выслушают. А сами, может быть, подумают: какие немцы, какие танки-пулеметы, живая сила и техника! Когда это было! И при чем тут они сейчас?

Да, конечно,— согласимся с ними и мы, более взрослые люди,— сейчас здесь никакие пушки-пулеметы ни при чем. Сейчас здесь белые грибы, солнечные ромашки и лесные колокольчики в утренней росе. Только давайте не забывать, какой ценой досталось нам это «ни при чем»... И давайте помнить, что они, ушедшие навсегда, тоже предпочли бы собирать здесь грибы в березовом лесу, а не разведанные во вражьем логове. Давайте помнить...

2. На самом краю России

Для Клавдии Кирилловны Марценюк война — тоже не частный эпизод жизни: не забыть ее, не выбросить из памяти. Уже более сорока лет прошло, как получила похоронку на мужа, а все не привыкнуть к такой судьбе, не смириться. Уже и дочку вырастила одна, а потом помогала ей растить внука Женю, да и тот почти взрослый, а не забыть ей своего Михаила. Живут в достатке, все работают, вот только домишко у них обветшал и невольно напоминает Клавдии Кирилловне: нет хозяина...

Сначала она не верила. Мало ли что напутают — на то война. Все-таки не мальчишкой зеленым ушел на фронт, как-никак кадровый летчик, к своим тридцати четырем годам имевший уже десять лет военного стажа.

И еще почему не верилось — уж очень необычна была биография мужа. А необычно начавшись, человеческая судьба может много еще сюрпризов преподнести.

...Михаил Ассельборн был немцем, родился в крестьянской семье в Поволжье. Десяти лет потерял отца, а вскоре после этого и мать. Вырос в детском доме. Получил среднее образование, закончил военное летное училище, стал летать штурманом. Вступил в Коммунистическую партию. Во время войны, когда семья жила в Алтайском крае, в Кулунде, ушел на фронт.

Где воевал, как погиб — ничего этого Клавдия Кирилловна не знала. Понимала, что медали «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда», которых был удостоен Михаил, даром не даются. И все-таки... И все-таки хотелось знать все. И она задавала себе эти вопро-

сы: как? когда? где? — вопросы, которые задают себе вот уже сорок лет миллионы русских вдов.

Слушала радио, читала газеты, особенно внимательно — февральские, перед Днем Советской Армии, и майские — перед Днем Победы. И предчувствие не обмануло. В одном из февральских номеров газеты «Фройндшафт», выходящей в Целинограде на немецком языке, под большим заголовком «День Советской Армии» увидела Клавдия Кирилловна портрет своего мужа и рядом портрет восемнадцатилетнего немецкого комсомольца Фридриха Гольцварта. Очерк назывался «Это было под Карсавой». Стала жадно читать.

«Этот человек обладал большим мужеством и завидной выдержкой», — вспоминал заместитель прокурора города Вологды Николай Анатольевич Скворцов о своем бывшем командире Михаиле Ивановиче Ассельборне, с которым ему немало пришлось походить по тылам противника. А далее рассказывалось о жизни и борьбе чекиста-разведчика капитана Ассельборна.

Из статьи Николая Скворцова впервые многое узнала о муже Клавдия Кирилловна. Оказалось, Михаил не сразу попал на фронт, а прежде закончил школу разведчиков и лишь в сорок третьем с группой, в которую входил и Скворцов, был выброшен на парашютах на оккупированную территорию Ленинградской области. В лесах, на стыке Полновского и Стругокрасненского районов, разведчики построили запасную базу, с которой уходили в разведку, доставляли в оккупированный Псков тол, а однажды уничтожили там вражескую комендатуру. В одной из стычек погиб Фридрих Гольцварт.

Клавдия Кирилловна продолжала читать. Быстро пробежала глазами газетные строки: мелькали незнакомые названия, имена, цифры, радиogramмы, раненые и убитые — пестрая картина войны. Не успевала сразу осмыслить все эпизоды. И вдруг взгляд остановился:

«В ноябре сорок третьего отряд разведчиков располагался в деревне Замогилы Гдовского района, на восточном берегу Чудского озера. Примерно в это время капитан Ассельборн отлично провел операцию, за которую его наградили орденом Красной Звезды».

«Но где же орден? — удивилась Клавдия Кирилловна. — И что за операция?.. А, вот и об этой операции».

«Для восстановления железнодорожного пути, который партизаны непрерывно выводили из строя, немцы использовали несколько сотен пленных поляков. Вози-

ли они их под охраной, в специально оборудованном для ремонта путей поезде: спереди и сзади состава были прицеплены бронеплощадки с пулеметами. Ассельборн, возглавив группу из тридцати человек, должен был разгромить поезд и освободить поляков. Он отлично выполнил это задание».

По мере того как подходила к концу газетная полоса, сердце жены капитана Ассельборна все ошутимее сжималось от боли, лицо пылало: «Вот, вот наконец тот бой. Последний».

«Однажды на одной из троп, ведущих к лагерю и заминированных партизанами, раздался взрыв и лай собак. Прибежали дозорные:

— Фашисты!

Партизаны-разведчики заняли круговую оборону. С трудом удалось прорваться сквозь кольцо. Не успели передохнуть — снова в окружении... Все же с боем вырвались. В разведгруппе потерь не было. Ассельборн повел отряд по компасу. Шли целый день. Погоню уже давно оставили позади. К вечеру вышли на открытое место. Осмотрелись — кругом ни души... Стали подниматься в гору. Шли молча. Вниз скатывались камешки.

Внезапно откуда-то сверху резанул очередью пулемет... Ассельборн крикнул:

— Назад! Засада!

Все покатились вниз. Думали об одном: быстрее пробежать полтора-два метра, что отделяли их от леса. Там — спасение. Рядом бежал Саша Яковлев. Наконец по лицу стали хлестать ветки кустов.

Остановил их возглас командира:

— Стойте!

Ассельборн сидел на земле. Мучительная гримаса искажала его лицо.

— Стой! К командиру! — крикнул Скворцов товарищам.

Подбежал Миронов, за ним остальные.

Левая сторона куртки Ассельборна медленно пропитывалась кровью.

— Я тяжело ранен. Отходите, — тихо сказал командир. И, сняв с себя автомат и полевую сумку, протянул товарищам.

Уже совсем близко лаяли овчарки. Трещали выстрелы. Горсточка разведчиков стояла около своего командира. Капитан повторил приказание, потом добавил:

— Из-за меня не должны погибнуть все, а задание

должно быть выполнено. — И вытащил трофейный «вальтер».

Разведчики открыли огонь по фашистам почти в упор. Стреляли с ожесточением. Потом короткими перебежками отходили в глубь леса».

Управление КГБ СССР
по Ленинградской области

...Ознакомившись со статьей «Это было под Карсавой», опубликованной в нашей газете, жена и дочь капитана Ассельборна Клавдия Кирилловна Марценюк и Галина Михайловна Ассельборн, живущие в Уссурийском крае, в селе Воздвиженка, спрашивают, где награда мужа и отца, о которой написано в статье. Была ли она вручена или осталась неврученной? Или он был только представлен? Жена и дочь хотели бы иметь ясность в этом...

Клавдия Кирилловна работает в столовой, награждена медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», дочь работает бухгалтером, у нее растет сын Женя... Поскольку я познакомил жену и дочь со статьей, встал вопрос: если Ассельборн был награжден Красной Звездой, то где она?

Заместитель редактора газеты «Фройндшафт»
Д. Вагнер

г. Целиноград
Редакция газеты «Фройндшафт»

На ваше письмо в отношении награждения М. И. Ассельборна сообщаем, что, по имеющимся у КГБ сведениям, Ассельборн, являясь начальником штаба отряда, действовавшего в тылу противника, участвовал в подготовке, разработке разведывательно-диверсионных мероприятий против немецких захватчиков, руководил боевой операцией по уничтожению немецкого восстановительного поезда в районе станции Ляды, в результате чего было убито 10 немецких солдат. За эти операции Ассельборн был награжден медалью «За боевые заслуги»... О награждении его орденом Красной Звезды у КГБ сведений не имеется.

А если сведений нет, значит, их надо искать. Ведь сами по себе факты, когда награды оказывались неврученными, во время войны были нередки. Случалось, не успевали оформить документы, случалось, погибали люди, этим занимавшиеся. Бывало и так, что перед строем бойцам, после выполнения ими какого-либо задания, объявлялось, что они будут представлены к тем или иным наградам, а потом этому могли помешать какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства.

Но с чего и как начать поиск? На этот раз решили разыскать боевых товарищей Ассельборна, например Александра Яковлева (помните, в статье: «рядом бежал Саша Яковлев?»), Миронова (первым подбежав-

шего к раненому командиру), радистку отряда Анастасию Михайловну Сергееву... Ко всем обращались с одинаковой просьбой: не только вспомнить об ордене, но и сообщить подробности боевой жизни в тылу врага. Из чего исходили? Из того, что орден Красной Звезды получают за личное мужество и отвагу в боях. Поэтому решили проследить — и по имеющимся материалам, и по воспоминаниям — основные боевые эпизоды того пути, который прошел отряд разведчиков во главе с капитаном Ассельборном.

Рассказывает Александр Яковлев.

Наш батальон специального назначения десантировался в середине сентября сорок третьего года, три-четыре ночи подряд, в тыл противника на территорию нынешней Псковской области, в районе села Ново-Асково. Солдаты располагавшейся здесь дивизии РОА (так называемой «русской освободительной армии Власова») были просто шокированы, видя огромное количество парашютистов, приземляющихся в лесу. Был пущен слух, что это регулярные части Советской Армии выбросили большой десант с артиллерией для разгрома дальних тылов противника. Поверив в это, семьдесят власовцев, перебив офицеров, пришли и сдались группе из шести разведчиков, высланной им навстречу.

Рассказывает Анастасия Сергеева.

Утром наши радисты вдруг увидели в лесу среди своих огромное количество немцев. Мы прямо-таки остолбенели: откуда они здесь? Вскоре выяснили — это были власовцы (они носили немецкую форму), сдавшиеся ночью.

Рассказывает Александр Яковлев.

Михаил Иванович Ассельборн был комиссаром, а затем начальником штаба первого батальона. Он организовал политические занятия в отряде и среди мирного населения, сообщал о сводках Совинформбюро... Вскоре мы приступили к большим боевым действиям, получившим впоследствии название «рельсовой войны». Ежедневно пускали под откос эшелоны с живой силой и техникой, подрывали железнодорожное полотно. Гитлеровцы предприняли ответные меры: пустили по путям

специальный восстановительный поезд. Мы приняли решение уничтожить его. Эта операция была поручена группе разведчиков, которую возглавил капитан Ассельборн. Тщательно подготовились они к этой операции: провели разведку, выявили стоянку поезда, его вооружение и систему охраны. Оказалось, что в составе поезда, спереди и сзади, идут бронеплощадки с крупнокалиберными пулеметами.

И вот настал день операции. Место для засады капитан Ассельборн выбрал в трех километрах севернее станции Замогилье. Григорий Миронов заложил под рельс взрывчатку, шнур-удочку протянул в кустарник и отдал Анатолию Ежову, а сам вместе с Николаем Константиновым и Александром Яковлевым укрылся на противоположной насыпи для наблюдения и обстрела. Ассельборн расположил разведчиков цепью на расстоянии сто — сто пятьдесят метров от рельсов. Затаились, ждем. Наконец из-за поворота показался поезд. В середине состава шли зеленые вагоны с немцами-восстановителями, а перед этими вагонами был прицеплен товарный — с пленными поляками. Состав усиленно охранялся. Нашим разведчикам помог туман. Они незаметно подкрались к полотну и подорвали его. Поезд остановился и попал под прицельный огонь затаившихся в кустарниках партизан...

Боевые будни нашего батальона и «рельсовая война», которую он вел, закончились в начале сорок четвертого года, когда оккупанты были изгнаны из пределов Ленинградской области. После небольшого отдыха в Ленинграде я, в составе другого отряда, был снова выброшен в тыл врага, на этот раз в Прибалтику. Мы опустились у озера Лубаны, где находятся самые большие болота Латвии. Отсюда после нелегкого перехода мы прибыли в наш район действия — Гаврские леса, на участке между Абрино — Карсава, а оттуда стали продвигаться на восток, ближе к линии фронта. Несколько раз мы ходили в рейды по тылам противника, собирали разведывательную информацию, передавали ее по назначению.

В один из рейдов командиром группы пошел Михаил Иванович Ассельборн. По маршруту следования мы обнаружили аэродром врага с боевыми и транспортными самолетами, а в нескольких километрах от него — ложную взлетно-посадочную полосу с макетами самолетов. Мы установили, что на станции Абрино скопление военной техники, что там разъезжают несколько машин

с пеленгаторами. Понимая, что наша рация может быть запеленгованной, мы все же немедленно передали эти сведения в Ленинград. Уже на другой день Абрино бомбили наши самолеты.

...В начале июня мы были обнаружены врагом. Дивизия фашистских головорезов-штрафников, двигавшаяся к фронту, специально на неделю задержалась здесь, чтобы уничтожить нас. Немцы в три кольца обложили небольшой лесной массив, где располагался наш лагерь, организовали засады на просеках и выходах из леса. В течение пяти суток они с утра до сумерек прочесывали лес.

Очень трудно приходилось нам в те дни. Объединившись с местным отрядом партизан под командованием товарища Поча, мы заняли оборону. Разгорелся бой, дело дошло до ручных гранат. Гитлеровцев было во много раз больше, и нам пришлось с боем прорываться через все три кольца. Выходя из окружения, мы вновь оказывались окруженными. При этом стрелять приходилось только наверняка, так как боеприпасы начали таять. В этой трагической ситуации капитан Ассельборн делал все, чтобы сохранить людей. Это ему пока удалось: потеря у нас не было.

Капитан принял решение прорываться из района Гаврских лесов.

Пробирались осторожно и к вечеру вышли на опушку леса, за которой уже лежала не контролируемая врагом местность. Уставшие, измученные, медленно поднимались мы в гору. Не дошли метров тридцати до вершины, когда раздался одиночный винтовочный выстрел, за ним ударила пулеметная очередь. Шедший в двух шагах позади меня Ассельборн молча опустился на землю и скатился вниз. У подножия он прислонился к сосне. По его правой руке, лежавшей на портупее, у левого кармана, текла струйка крови. Он быстро бледнел и не мог подняться. Свою последнюю команду он произнес тихо, почти шепотом, но достаточно четко и властно:

«Быстрее уходите. Я с вами идти не могу». Отдав полевую сумку с оперативно-разведывательными документами и автомат, он медленно, с трудом взвел «вальтер» на боевой взвод...

Рассказывает Григорий Миронов.

Через три дня мы вернулись обратно к тому месту, где оставили своего командира. Гитлеровцы уже ушли

из Гаврских лесов, им было не до нас... Ассельборна на месте не оказалось. Мы пошли в ближайшую деревню, стали расспрашивать. Один старик рассказал, как три дня назад вечером вражеские солдаты заставили его взять лошадь с подводой и ехать в лес. Приехал он как раз к той сосне, где мы оставили своего командира. Немцы положили его тело на подводу, со всех сторон сфотографировали и приказали отвезти на опушку леса. Оттуда старика выпроводили, а сами будто бы схоронили его. «Капитан был?» — допытывались мы у старика. «Не знаю. А только большой начальник...» Никаких следов мы так и не нашли.

Рассказывает Александр Яковлев.

Из Гаврских лесов мы вернулись на нашу центральную базу, в Лубанские болота. Доложили о проделанной работе, о гибели Ассельборна, получили разрешение на небольшой отдых. Через несколько дней пришла радиограмма из Центра, в которой руководство поздравляло шестерых наших разведчиков с награждением за образцовое выполнение заданий командования. Очень возможно, что одним из названных был наш командир.

Вот и стали известны боевые эпизоды из жизни капитана Ассельборна — мужественного человека, бесстрашного советского солдата. Окруженный врагами, истекающий кровью, обессиленный (помните, последний приказ об отходе он отдал почти шепотом?), он каким-то чудом сумел задержать, остановить наседавшего врага, сделать так, что каратели не бросились следом за отрядом разведчиков, а остались здесь. Значит, командир до последнего дыхания отвлекал внимание врага на себя, и не просто отвлекал, а приковал его. Но как? Что мог сделать смертельно раненный человек? Он не мог удивить их выстрелом. Но, вероятно, он сумел на какое-то время остановить их словом, которое грянуло громче выстрела. Наверное, это были слова на немецком языке. Мы не знаем — какие именно, и никогда не узнаем. Но мы знаем главное: ценой собственной жизни он сумел выиграть время для своих ребят. Он все рассчитал точно. И когда раздался одиночный выстрел из его «вальтера», разведчики были уже далеко.

Ну а фашисты? Что руководило их действиями?

А очень просто. Оболваненные расистской пропагандой, они решили, видимо, удостовериться, что перед ними немец. Как удостовериться? Так, как учили. Они сфотографировали мертвого! Они произвели обмер черепа! Они пытались найти объяснение столь «странному» поведению немца. Да разве могли они понять главное: Михаил Ассельборн был прежде всего советским человеком, верным сыном своей многонациональной Родины.

Указ
Президиума Верховного Совета
Союза ССР
от 16 октября 1985 года

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении специальных заданий в тылу противника во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. наградить Ассельборна М. И. орденом Красной Звезды (посмертно).

Руководству КГБ по Приморскому краю было поручено передать государственную награду жене Ассельборна Михаила Ивановича — Марценюк Клавдии Кирилловне в селе Воздвиженка, Уссурийского района, Приморского края.

Далеко, на самом краю России, затерялось село Воздвиженка. Как испокон повелось в русских деревнях, здесь все всё друг о друге знают. И когда Клавдии Кирилловне вручали орден мужа, событие это переживали сообща. Знали теперь все подробности — и как воевал Михаил, и как героически погиб. А Клавдия Кирилловна вновь и вновь рассказывала о нем — как до войны служил, как Галю растили. Рассказывала, как о живом. Так, через сорок лет после Победы, он снова вернулся к ним, к жене и любимой дочери. Вернулся если не в жизни, то в памяти, в сердца и души людей.

Гатчинский узел

1. Краткая справка

Двадцать восемь месяцев хозяйничали гитлеровцы в Ленинградской области. Наряду с мощной системой оборонительных сооружений они создали на ее территории широко разветвленную разведывательную и контрразведывательную сеть. Центром вражеской разведки и контрразведки на территории области стала Гатчина и ее район. В Гатчине действовали: тайная полевая полиция (ГФП), служба безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), полевая жан-

дармерия, гражданская полиция. В деревне Даймище размещался штаб 18-й армии, наступавшей на Ленинград.

Основную работу по разведке и борьбе с партизанами осуществляли армейские отделы 1-С. Контрразведывательную работу вели ГФП, СД и комендатуры. ГФП, кроме того, насаждала агентурную сеть с заданием негласно наблюдать за населением и выявлять лиц, недовольных «новым порядком» и связанных с партизанами; создавала резидентуры в местах наиболее вероятного появления партизанских отрядов; перебрасывала агентов в советский тыл с разведывательно-диверсионными заданиями.

Целью СД и гестапо было уничтожение патристически настроенных советских мирных жителей и партизан. Для этого к войсковым частям прикомандировывались войска СД: роты (айнзатц-команды) и полуроты (зондер-команды).

На территории Ленинградской области, на участке 16-й и 18-й армий Северной группировки войск, вели работу разведывательные, диверсионно-террористические и контрразведывательные абвер-команды и абвер-группы. В Сиверской были открыты: школа разведчиков, школа переводчиков, школа радистов...

В Гатчине были сосредоточены также все карательные органы врага. Именно здесь планировались и с особой жестокостью осуществлялись карательные акции фашистов против мирного населения.

Материалами расследования установлено, что в Гатчине и районе оккупанты расстреляли, истребили и заживо сожгли 40 тысяч мирных жителей и военнопленных — больше, чем в любом другом городе Ленинградской области. В Гатчине повесили 1325 человек. На Базарной площади, на проспекте 25-го Октября вешали ежедневно, прикрепляя на грудь таблички с надписями: «За связь с партизанами», «За плохое отношение к немецкой армии». Из Гатчины и района угнали в рабство более 25 тысяч человек.

Не случайно, что именно на Гатчину были направлены значительные усилия ленинградских чекистов в черные дни фашистского нашествия. Ибо разные судьбы, героические и трагические, высокие и низкие, завязались здесь в тугой узел. Много мужества и находчивости проявили сотрудники органов госбезопасности, на протяжении многих лет распутывая этот узел: выкорчевывали вражескую агентуру, находили предателей,

помогали честным людям, пострадавшим во время оккупации. Грозное эхо войны нет-нет да и напоминало о себе в Гатчине и двадцать, и тридцать лет спустя...

2. Хроника одного поиска 1943—1944 гг.

Что делает обыкновенный, или, как мы сейчас говорим, нормальный, человек, когда на его город, село — на его дом наступает враг? Конечно, скажем мы, такой человек готовится оказать непрошеному гостю достойный прием, то есть готовится к борьбе.

А как назвать того, кто, надев праздничный наряд, с радостью устремляется... навстречу врагу, мечтая поскорее оказаться на оккупированной территории? Имя ему известно давно, да только вот заметить его нелегко. Но тем не менее замечают. Находят.

Впрочем, расскажем все по порядку.

Давно, когда еще не была снята блокада Ленинграда, в сентябре сорок третьего года органами государственной безопасности был задержан некто Пигулевский. Итак...

16 сентября 1943 года

Он явно волнуется, сидя перед следователем, и не скрывает этого: сцепляет пальцы в замок и до побеления стискивает их. Николай Пигулевский молод, ему двадцать шесть лет, он военный инженер III ранга.

— Расскажите, в каких частях вы воевали и где? — начинает допрос следователь. Говорит он спокойно, деловито, уверенно.

— Наша часть прибыла в Ленинград в сентябре сорок первого и приступила к строительству укреплений в южной части города. В марте сорок второго я был направлен в пятьдесят четвертую армию Волховского фронта, на должность полкового инженера. Здесь и прослужил до моего пленения, то есть до двадцать четвертого апреля сорок второго.

— Каким образом вы попали в плен?

— Наша стрелковая часть в районе Любани попала в окружение, у деревни Малиновки я был ранен и контужен от разорвавшейся бомбы, потерял сознание. Придя в себя, увидел, что нахожусь в сарае, где было еще человек восемьдесят из числа пленных командиров. Че-

рез два дня нас всех отправили в лагерь в Любань, где я пробыл двое суток, а затем был направлен в лагерь на станцию Сиверская...

...Вот так горько начала складываться военная судьба Николая Пигулевского: плен, один лагерь, другой. И дальше картина обычная: допросы, избиения, угрозы смерти и инсценировка расстрела. Привели его как-то к яме в парке, где лежали трупы убитых, велели встать на колени, склонить голову, и сразу над ней просвистели пули. Опять подняли, отвели обратно, бросили в подвал и оставили там на три дня...

По-разному ведут себя люди, попадая в такие ситуации, разные дороги выбирают. Вспомним — разве Ане Костиной было легче? Или Михаилу Ассельборну? Да мало ли таких примеров, не счесть!..

Пигулевский избрал другой путь — путь предательства. С апреля сорок второго до сентября сорок третьего он усердно работал на врага. Судьба не раз давала ему возможность остановиться, сойти с этого пути. Но он продолжал работать. Работать старательно, пока не был пойман как вражеский лазутчик.

— Что представляет собой школа, где вас учили? Какие категории разведчиков в ней готовили? — Следователь задает вопросы строго и четко, логично выстраивая цепочку преступной деятельности шпиона.

— Школа находилась в Гатчине. Кому подчинялась, не знаю, но думаю, что органам разведки, так как возглавлял ее штурмбанфюрер СД Краус. В школе обучалось около сорока человек, все с высшим образованием, большинство — жители Ленинграда. Нам объявили, что нас будут готовить для работы в Ленинграде, в различных учреждениях — после захвата его немцами...

Что и говорить — готовились оккупанты основательно, деловито. Вражеская армия стремилась захватить Ленинград, а в Гатчине формировались специальные органы управления городом. В школе растили будущих администраторов, которые тщательно изучали экономику города, расположение важнейших объектов, связь между ними и прочее.

— Кого можете назвать из агентов школы? Клички, приметы...

Он назвал всех.

— Рутченко Николай Николаевич, тридцать пять лет. Окончил истфак ЛГУ, работал в Ленинграде до сорок первого. Знает немецкий и английский. В Гатчине в СД работал переводчиком. В школе преподавал

историю Ленинграда и области. Приметы... Смирнов Виктор, приметы... Бене, приметы... Черный, приметы... Полозов, приметы...

Так поступили к чекистам сведения о гатчинской школе и ее агентах. К этому времени давным-давно провалился план захватить Ленинград штурмом. Более того, была уже прорвана его блокада. Следовательно, гатчинские «администраторы» остались не у дел. Чем же занялись они? В кого «переквалифицировались»? Пигулевский этого мог и не знать. А именно это теперь надо было выяснить как можно скорее.

То обстоятельство, что агенты школы — бывшие ленинградцы, подсказало пути поиска. И вскоре на каждого названного Пигулевским агента уже имелись анкетные сведения, словесный, а иногда и фотопортрет. Поиски заняли более трех недель. И вот...

12 октября 1943 года

Исполняющий обязанности директора фабрики «Грим» Всесоюзного театрального общества Адольф Григорьевич Перельцвайг никак не мог понять, зачем он понадобился сотрудникам НКВД, да еще так срочно. Но еще больше удивился, увидев в управлении своего главного бухгалтера, пятидесятилетнего Израиля Иосифовича Юдей. Но и тот пребывал в полном недоумении. До войны их фабрика выпускала гримерные краски для театра, продавала их в магазинчике на Владимирском, неподалеку от Невского. Трудно вообразить более мирную продукцию, чем краски для грима, а вот, пожалуй-ста, приглашают на Литейный.

Вскоре все прояснилось. Обоих попросили рассказать об одном их сотруднике — директоре того самого магазинчика на Владимирском, Александре Бене.

Адольф Григорьевич охотно рассказал, что знал Бене с тридцать шестого года, когда тот стал директором магазина, и примерно до тридцать восьмого. Отношения носили чисто служебный характер, так как продукция фабрики «Грим» проходила через магазин.

— Где находится Бене в настоящее время, сказать не могу, но в нашей системе многие убеждены, что он остался у немцев...

— Ну а почему в «вашей системе» решили, что он остался у немцев? — Следователь чуть-чуть улыбнулся, но, взволнованный важностью момента, директор фабрики «Грим» этого не заметил.

— В нашей системе рассказывают, что Бене выехал в Гатчину к своей семье незадолго до занятия ее немцами и больше оттуда не возвращался. Но цимес не в этом...

— Что-что? Ну и терминология у вас, однако...

— Я же объясняю, цимес в том, что Бене был в разводе с женой и проживал отдельно, при магазине, почему мы это и знаем. А тут вдруг перед занятием фашистами Гатчины говорит: «Поеду к жене в Гатчину». Понятно? Это есть предлог. Опять же его политическое лицо...

— А чем вы можете подтвердить политическую неблагонадежность Бене?

— Да он сам мне говорил, что он — полковник царской армии. А в годы нэпа имел собственный магазин на углу Невского и Садовой и все хвастался: «У меня в магазине все есть, не то что в государственных». И вообще, он же открыто высказывался против Советской власти. Просто антисоветская личность. Не внушает доверия — и все!

То, что знал директор фабрики «Грим», знал и ее бухгалтер. Но к этому добавил, что последний раз видел Бене не то в августе, не то в сентябре сорок первого, возле магазина. Он был в белой рубашке и весь какой-то праздничный, веселый, будто на какие торжества собрался. Сказал: «Больше я не работаю, иду служить в армию».

— Я еще удивился: как это «служить», ведь ему уже шестьдесят, если не больше.

— А когда точно вы встретились? Была ли уже занята Гатчина, не помните?

— Не помню, вернее, не знаю, я тогда только вернулся с оборонных работ...

Итак, назван один из опаснейших агентов врага — Александр Бене. Теперь предстоит собирать доказательства его преступной деятельности. Кое-что уже есть, клубок постепенно начинает распутываться. Дополнительные сведения дает новый допрос Пигулевского...

16 ноября 1943 года

— Пигулевский, что вы делали после того, как роль администратора провалилась?

Вот тут бы и остановиться ему, прекратить изменническую деятельность, попытаться отойти в сторону. Но нет:

— Я дал согласие вести шпионскую работу против Советского Союза. В конце ноября, после окончания школы, я получил у Рутченко задание отвезти в Вильно, Бобруйск и Минск письма. Задание выполнил. После этого старший лейтенант Боссе направил меня снова в Минск, в распоряжение минского отдела немецкой контрразведки. Там, в марте сорок третьего, я получил задание организовать лжепартизанский отряд. Задание выполнил...

— Выражайтесь точнее: отряд провокаторов, который бы выявлял патриотически настроенных лиц,— сужает глаза следователь, но прорваться эмоциям не дает. Голос его звучит по-прежнему сухо и официально. Молчание. Сказать предателю нечего.

— Кто занимался созданием таких отрядов в Гатчине?

— Мне известно только мое задание.

— С какими письмами посылал вас Рутченко?

— Содержания их я не знаю. Но думаю, что это по линии НТСНП.

— Поясните, что это такое.

— Национальный трудовой союз нового поколения. Есть такая организация, объединяющая бывших подданных России, выходцев из дворянско-помещичьей среды. Ставит целью установление буржуазно-демократического строя в нашей стране. Выпускает листовки, призывающие свергнуть Советскую власть...

«Вот, значит, какой еще цветок распустился в Гатчине! Но о нем — чуть позже. Сейчас главное — Бене», — решает следователь, вслух же произносит:

— Укажите приметы Бене.

— Шестидесяти трех лет, роста среднего, телосложения плотного, плечи опущены, волосы русые, редкие, лоб высокий, выступающий, лицо овальное, нос длинный, брови дугообразные, губы тонкие... При чтении надевает очки.

Проходит еще месяц напряженной поисковой работы. Собраны многочисленные улики, найдены даже фотографии преступника. И вот последние уточняющие детали следователь получает...

29 декабря 1943 года

— Пигулевский, вам предъявляются четыре фотографии. Кого вы из них узнаете?

— Номер первый — это преподаватель школы Гла-

бунов, номер второй — это Бене, имя-отчество не помню, номер три — Рутченко, номер четыре — Смирнов Виктор.

— Расскажите, что вам известно об этих людях.

— Знаю о Бене с его слов, что он служил в царской армии, участвовал в войне с Японией и в империалистической. Приехал к дочери в Гатчину, где и остался до прихода немецких войск. В школе сначала был преподавателем физкультуры, но фактически не работал, однако зарплату получал. Посещал школу в качестве вольного слушателя. В разговорах восхвалял царский строй и порядки, установленные оккупантами. Неоднократно подчеркивал и вообще любил повторять, что его дедушка происходит из прибалтийских немцев...

Так потянулась ниточка поисков от Пигулевского к Бене и прочим «слушателям» школы. А между тем пробила час окончательного снятия блокады Ленинграда. Ожесточенные бои за город начались...

24 января 1944 года

Один за другим освобождались населенные пункты Ленинградской области. Подошла очередь и многострадальной Гатчины. Наши войска вышли на подступы к городу. Хроника военных лет свидетельствует: жестокий бой разгорелся за деревню Педлино. Пулеметным огнем, хлестнувшим из пролома одного из домов, гитлеровцам удалось остановить наступление. Наши бойцы несли большие потери. И тогда комсорг роты Андрей Сахнов закрыл пролом в стене собственным телом. Рота, как один, рванулась вперед. Деревня была взята. Она находилась в восьми километрах от Гатчины...

Вот как далеко еще были наши войска в тот момент, когда в дверь дома № 34 по улице Солодухина в Гатчине раздался торопливый и уверенный стук. Ответа не было. Стук повторился, теперь уже требовательно. Наконец из глубины донеслось:

— Wer ist da? Herr Leutnant?¹

— Geheim Polizai...²

Прямо над головой пролетел самолет, рев его моторов обрушился на город. И в ту же минуту где-то совсем рядом громынуло.

— Schneller!³

¹ — Кто здесь? Господин лейтенант? (Нем.)

² — Тайная полиция...

³ — Быстрее!

Дверь распахнулась. Плотный, кряжистый человек, кланяясь, отступил внутрь.

— Kommen Sie auf! Bitte sehr!¹ — суетливо приговаривал он, стараясь поскорее закрыть дверь.

Но вместо одного в дом ввалились трое в штатском. У хозяина брови полезли на лоб:

— Wagtun...², — начал было он, но один из пришедших, высокий черноволосый немец оборвал его:

— Dagut!³ — и плотно прикрыл за собой дверь. Двое других обступили хозяина с боков.

— Was wollen sie? Ich frage: was wollen sie?⁴

«Гость» пристально оглядывал хозяина, словно примериваясь к чему-то. «Рост средний, телосложение плотное, плечи опущены, волосы русые, редкие, лоб высокий, лицо овальное, брови дугообразные, нос длинный, губы тонкие, уши большие...»

— Гражданин Бене? — неожиданно заговорил он по-русски чистым высоким и таким торжественно-строгим тоном, что от дурного предчувствия у хозяина задрожали руки.

— Бене... — с тупым удивлением повторил он.

— Александр Адольфович?

— А... Альфредович... С кем имею честь?

Но гость молча разглядывал хозяина, потом еще более строго объявил:

— Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Хозяин опустил взгляд и как бы перестал слышать. Но почувствовал, как двое, стоявшие рядом, крепко взяли его под руки...

Протокол задержания

24 января 1944 г. в Гатчине поисково-разведывательной группой войск НКВД произведено задержание Бене Александра Альфредовича.

Анкета и предварительный допрос прилагаются.

Старший оперуполномоченный
капитан госбезопасности Дворкин

Напомним: было двадцать четвертое января, и советские части находились еще на расстоянии восьми—десяти километров от Гатчины. Лишь утром двадцать пятого началась мощная атака наших частей, пробиравшихся к Гатчине с запада и востока. На окраинах

¹ — Входите! Прошу вас!

² — Почему...

³ — Потому!

⁴ — Что вы хотите? Я спрашиваю: что вы хотите?

города завязались кровопролитные бои. Противник пытался подтянуть на помощь резервы. В бой вступила авиация. Низкая облачность и снегопад не помешали нашим штурмовикам разгромить танковую колонну и автоколонну врага, начисто уничтожив резервы, рвавшиеся на подкрепление в Гатчину.

Бой за город продолжался всю ночь. Наконец к десяти часам утра 26 января 1944 года 120-я и 224-я стрелковые дивизии полностью освободили город от оккупантов.

Со слезами встречали наших бойцов немногие из уцелевших жителей Гатчины. И совершенно незамеченной среди них осталась поисково-разведывательная группа госбезопасности, еще за сутки до освобождения Гатчины пришедшая сюда, в самое логово врага, чтобы выиграть этот свой невидимый бой на невидимом фронте.

29 января 1944 года

— Я еще раз спрашиваю вас, гражданин Бене, когда и почему вы решили бежать из Ленинграда на встречу врагу?

Следователь хоть и начинал уже терять терпение, но не подавал виду. Бене же изображал святую невинность. Что ж, это его первый допрос, вот и прикидывается... Не знает только, что следствию уже многое известно. Да и все эти разведшколы, карательные батальоны, несостоявшиеся администраторы и их прихвостни уже два дня как отброшены далеко от Ленинграда, а скоро будут вообще выметены с нашей земли. Но подготовленные ими агенты могли остаться и продолжать шпионскую деятельность. Вот их-то и надо как можно скорее обезвредить, пока они не успели «перекраситься» и раствориться среди честных людей. Имена, имена, имена — вот что нужно сейчас. Прямо сейчас. А Бене разыгрывает удивление.

— Я не бежал навстречу врагу, как вы изволили выразиться... Я поехал к дочери, которая вообще-то проживает в Гатчине, но в тот момент была в деревне Кузьмино под Пушкином, — неторопливо повествует Бене. — Она прислала ко мне человека и просила приехать — помочь ей перебраться в Гатчину. Вот я и пошел к ее мужу, и вдвоем мы стали собираться к дочери. Вот и все.

— Когда это было?

— Восемнадцатого сентября.

— И вам было неизвестно, что враг уже находится в Пушкине, что Гатчина захвачена им еще тринадцатого сентября? — В голосе следователя отчетливо сквозила ирония.

— Нет, мы ничего не знали, — истово клялся Бене.

— И, пробираясь к линии фронта, проходя через наши части, пересекая линию фронта, вы ни о чем не догадывались? Кого вы дурачите, Бене? — Следователь чуть возвысил голос, но вызвал у Бене лишь полное изумление. — Когда и при каких обстоятельствах вы в первый раз увидели немцев?

— Мы пришли в деревню, а она, оказывается, была уже занята ими... Я выглянул в окошко и увидел немецкого солдата...

— И что же? Пытались вы уйти обратно?

— Да-да, конечно! Пытались! Я подошел к этому солдату и спросил, можно ли мне уйти обратно в Ленинград, но он велел убираться в дом.

«Вот такая „святая” простота: попросил разрешения уйти обратно!»

Где-то внутри уже закипало раздражение, но следователь подавил его, задав следующий вопрос:

— Где вы проживали на оккупированной территории?

— Девятнадцатого сентября немцы приказали всем жителям уйти в тыл. Дочь, зять и я поехали в Гатчину.

— Значит, вы утверждаете, что восемнадцатого сентября получили известие о дочери и в один день сообщили об этом зятю, собрались и успели добраться в деревню? И это вы не считаете бегством навстречу врагу? А я бы сказал, что вы просто бросились ему навстречу. Еще вопрос: участвовали ли вы в гражданской войне?

— Нет-нет, только в первой мировой, в чине полковника.

— Вы лжете! Вы служили в армии Деникина. Дайте правдивые показания.

— Да... я скрыл этот факт, — жмется Бене. — В девятнадцатом году, когда белые заняли Харьков, они меня арестовали, и я вместе с ними вынужден был отступать до Одессы... А там меня освободили красные...

— Гражданин Бене, вы опять вводите следствие в заблуждение, «арестовали белые, освободили красные»... Дайте правдивые показания!

Но говорить правду Бене никак не мог. Впрочем, она уже была известна.

Во время гражданской войны, находясь на службе в Красной Армии на должности начальника административного управления Харьковского военного округа, Бене при наступлении Деникина остался в Харькове и перешел на сторону белых. Сразу же, явившись в их штаб, он передал секретный шифр связи между частями Красной Армии и последнюю дислокацию войск Харьковского военного округа. Был принят на службу в армию Деникина в качестве штаб-офицера для поручений в чине подполковника. Из Одессы вместе с деникинцами бежать не успел, стал жить по фиктивным документам под фамилией Шевчука.

В 1922 году в Киеве был арестован, но лишь за то, что, проживая по фальшивым документам, уклонился от военной службы в Красной Армии. А его контрреволюционная деятельность не была разоблачена. Это преступление, совершенное в годы гражданской войны, он в течение двадцати пяти лет скрывал, боялся, что оно будет раскрыто. Это в свою очередь толкало его на путь активной борьбы против Советской власти, так как только после ее свержения он мог быть уверен в том, что не придется расплачиваться за измену. Поэтому он стал агентом гитлеровской разведки.

Поняв, что его прошлое известно, Бене перестал изворачиваться. И вот настал день...

8 февраля 1944 года

— Считаю бесполезным дальнейшее заpiresательство и буду давать правдивые показания, — заявил наконец Бене. Он рассчитал правильно: игра проиграна и остается уповать только на гуманность советских законов. И тут его словно подменили. Он рассказал все, что знал, а знал немало.

— В гатчинской школе я был назначен командиром формируемого тогда гестапо батальона, который должен был войти в Ленинград вслед за немецкими войсками в качестве карательного отряда по борьбе с советскими патриотами. Но какие функции будут у меня лично, пока не уточнялось. В школе я пробыл около двух недель в июле — августе сорок второго.

Я принимал участие в разработке руководящих документов для школы. Так, я создал инструкцию для начальников политической полиции районов Ленингра-

да. Исходил из того, что будет объявлена регистрация коммунистов. Тех, кто явится на регистрацию, предусматривал взять на картотечный учет. Ответственных работников предлагал немедленно отдавать под суд. Подробно разработал порядок регистрации. Предлагал разделить прошедших фильтрацию на категории: благонадежных, подозрительных и находящихся под гласным или негласным контролем полиции.

Я подчеркивал, что важнейшей задачей начальников полиции районов является выявление подпольных организаций и партийных групп, а также складов оружия, оставленных райкомами и горкомом партии. На основании опыта, вынесенного еще с гражданской войны, я был убежден, что коммунисты в каждом покидаемом городе оставляют подпольную организацию, — на нее я и обращал внимание как на самую большую опасность для построения новой России.

Кроме того, я передал начальнику школы Смирнову план по борьбе с партизанами, в котором рекомендовал: усилить паспортно-пропускной режим, особенно в прифронтовой полосе; аннулировать советские деньги, что приведет к ослаблению партизанского движения; прекратить публичные казни за мелкие кражи, чтобы не восстанавливать обывателей против нового порядка; усилить репрессии против коммунистов.

Я передал Смирнову ряд сведений шпионского характера о Ленинграде, отметил, какие повреждения нанесены бомбардировками, какие меры применяются для защиты, сообщил расположение отдельных объектов оборонного значения...

— Скажите, Бене, а чем вы занимались после того, как были из школы гестапо? — Следователь выяснял последнее: может, человек одумался, когда план гитлеровцев взять Ленинград штурмом провалился. Но нет. Как и его «коллега» Пигулевский, он нашел своей ненависти новое применение.

— В феврале сорок третьего я обратился в «Русский комитет», возглавлявшийся бывшим генералом Красной Армии Власовым, с просьбой принять меня в формируемую им «русскую освободительную армию», или РОА. Мне обещали, что я получу назначение в соответствии со своим чином и положением. — В голосе Бене прозвучал намек на некую значительность, но следователь остался глух к намекам. — Кроме того, по своей инициативе я разработал и передал в июле сорок третьего заведующему гатчинским отделом печати Ни-

китину план об улучшении пронемецкой пропаганды среди населения. Писал листовки, в которых призывал население в тылу бороться против Советской власти. Обращался с предложением к подпольным организациям организованно переходить на сторону немцев...

На этом можно было бы и оборвать эту историю о людях, которые по своей воле перешли на службу врагу. О тех, кто готов был опереться на любую силу — будь то германский фашизм, или власовцы, или энтэзовцы, лишь бы эта сила противостояла большевикам. Все они потерпели крах в грозные сороковые — это общеизвестно. А история эта тем не менее получила продолжение — уже в наши дни, поскольку выброшенные с территории Советского Союза тайные и явные враги не сложили оружия. Обосновавшись за рубежом и объединившись во всякие «союзы», они с тех самых пор и по сей день пытаются вредить нашей стране изда- лека.

Но это уже — отдельная история...

3. Расплата 1967 г.

Через двадцать три года после того, как гитлеровцы были выброшены из Гатчины, в декабре 1967 года, здесь вновь прошла грозная тень войны: в Гатчинском Дворце культуры состоялся открытый судебный процесс. Слушалось дело предателя Родины, сотрудницы гестапо, выдавшей врагу двадцать пять героев-подпольщиков, комсомольцев, которые были казнены в парке Сильвия. Зал не мог вместить всех пришедших на этот процесс, и толпы людей стояли перед репродуктором на площади. Были среди них родные и близкие погибших. Их, перенесших все ужасы фашистского нашествия, в эти дни вновь обожгло горем.

Долгое время не были известны обстоятельства трагической гибели молодых патриотов. Они были схвачены почти одновременно, в течение трех дней — с 27 по 30 июня 1942 года и уже 30-го казнены. Было очевидно, что кто-то их выдал. Но кто? Почти четверть века это оставалось загадкой. И вот органами государственной безопасности этот человек найден. И хоть скрывалась она долго, целых двадцать три года, но рано или поздно, а конец у предателей, как известно, один: рас-

плата. Здесь, в Гатчине, где предавала она советских людей, перед родными и близкими погибших держала и ответ в декабре 1967 года.

Как же ее удалось найти?

Еще в сорок четвертом, по мере того как война стала отходить на запад, для сотрудников госбезопасности наступил период огромной проверочной работы. Одни из вражеских прихвостней успели бежать, кое-кого удалось задержать, но многие остались... Предстояло выявить остатки вражеской агентуры. В первую очередь стали искать карателей, махровых палачей, убийц-диверсантов, чьи руки были обгажены кровью советских людей.

За несколько послевоенных лет разные имена и фамилии мелькали в десятках уголовных дел. И среди них одно, не то имя, не то кличка — Верка. Потом к ней добавилась фамилия — Воронцова. Первой, еще в сорок четвертом году, упомянула ее гражданка Жаркова, сообщившая, что Воронцова называла фашистов ласковым словом «кормильцы». Из показаний других людей складывался облик Воронцовой как мелкого пособника, как человека, лояльно относящегося к «новому порядку», но не более. Но все же начали искать. Запросили адресный стол — она не значилась. Искали по местам возможной работы — нигде не было. Следы исчезли.

А она в это время объявилась в Вильнюсе. С самого начала она привлекла внимание чекистов Литвы, но и там, что называется, проскользнула между пальцев. Это можно понять, если вспомнить, какая сложная обстановка была в Прибалтике в первые послевоенные годы: банды, «лесные братья», терроризировавшие население, — их требовалось обезвредить в первую очередь, поэтому было не до мелких пакостников. То есть ею занимались, но... исключительно милиция, у которой она состояла на учете как воровка, тунеядка и спекулянтка. Что же касается органов государственной безопасности Литвы, то дело на нее прекратили в 1952 году за недостаточностью улик.

Затем, в 1955 году, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Амнистия не применялась лишь к тем, кто в названный период проводил активную карательную деятельность, лично участвовал в истязаниях, уничтожении советских людей. Так и получилось, что Воронцова, как мелкая пособница врагу,

теперь как бы на «законном основании» осталась в стороне.

Переломным оказался год 1957-й, когда началась разборка трофейных немецких архивов. Специально подготовленные люди в разных местах разбирали, изучали, переводили, сопоставляли, аннотировали документы, классифицировали их по темам, географическим районам, составляли именные списки и т. п. Так, в 1958 году в Управление КГБ из одного из ленинградских архивов поступило такое дело: «Переписка с комендантом тыловой армейской области о борьбе с партизанами».

В этом деле находится сообщение от 26 июня 1942 года, записанное гестаповцами. Вот оно:

Доставленная Вера Воронцова, 1909 года рождения, проживающая в Загвоздке (Ленинградская ул., дом 10), заявила:

Я была арестована полевой жандармерией за воровство. Я украла одежду и белье. После допроса я хочу дать сведения о партизанах.

Один мужчина по имени Иван имеет связь с партизанской группой. Партизанские группы создаются здесь, в Гатчине, а потом отправляются.

Мужчина по имени Сергей тоже знает о группе. Его часто вызывают в лес, очевидно к партизанам, которых он называет своими людьми.

Дочь продавца мороженого водила Ивана и Сергея в Загвоздку к одной женщине, которая имеет связь с Ленинградом.

Однажды, когда сбрасывались бомбы, Иван сказал мне: это моя работа. Другой мужчина, по имени Николай, хорошо знает об этих делах. Он торгует на рынке часами, живет в Марьенбурге.

Кроме того, моей сестре Гале Воронцовой точно известно местонахождение партизанского лагеря. Об этом она знает от Сергея,

Вот с чего начала Воронцова. Она предала своего знакомого — Сергея Ивановича Степанова, с которым давно встречалась. Она пошла на очередное свидание со Степановым в парк, зная, что за ней следит гестапо, и ни о чем даже не пыталась намекнуть ему. Больше его никто не видел. Потом она показала на рынке гестаповцам Александрова. Указала дом, в котором проживал Максимков. Степанов, Максимков и Александров 27 июня 1942 года были арестованы.

Но Воронцова не только выдавала врагу своих товарищей и знакомых. Она изобличала их в патриотической деятельности, принимала участие в задержании, участвовала в очных ставках с Максимковым, со своей родной сестрой Веселовой-Лычевой и другими. В трофейных документах говорится о том, что Воронцову гестаповцы помещали в камеры к арестованным, чтобы

она доносила обо всех разговорах, и эти разговоры немцы фиксировали.

Долго велось следствие. Разыскивались свидетели, родственники погибших. Они сообщали о Воронцовой все новые и новые сведения.

Свидетель Игорь Иванович Кузьмин показал, что он и его двоюродный братишка находились в камере гестапо, когда туда были доставлены участники патриотической группы. Сразу после этого туда вошла женщина в сопровождении офицера. Эту женщину Кузьмин лично знал — это была Воронцова. Сидевший с ним в камере заключенный Иван, увидев ее, крикнул: «Предательница!» — и плюнул в лицо. Воронцова сразу же убежала, а арестованных гитлеровцы стали избивать. После того как Иван пришел в себя от побоев, он сказал: «Ребята! Запомните эту женщину. Это — предательница, Верка Воронцова».

Эти слова были завещанием Ивана Максимкова гатчинцам, всем советским людям — запомнить предательницу и в будущем призвать к ответу.

30 июня 1942 года молодые подпольщики были казнены гестаповцами. Их было двадцать пять: Сергей Степанов, Александра Дрынкина, Надежда Федорова, Иван Максимков, Николай Александров, Игорь Иванов...

Фамилии всех двадцати пяти казненных перечислены в другом трофейном документе: в спецдонесении Зейделя на имя фон Шухмана, где прямо названо имя человека, выдавшего их. Имя это — Воронцова.

...Так постепенно из документов складывался образ уже не просто пособника, а предателя, на совести которого жизнь по крайней мере двадцати пяти казненных комсомольцев. Ленинградские чекисты начали розыск Воронцовой. Думали, что она объявится где-то здесь, где жила до войны. Но ее не было. Узнали, что она ушла с оккупантами. А это значит, что они ее взяли с собой, предоставили ей транспорт и все необходимое, чтобы успеть бежать. Нашли свидетеля — Надежду Ивановну Троицкую, которая показала, что из Гатчины ехала в Вильнюс вместе с Воронцовой, и та хвастала, как ловко она выслеживала советских партизан.

Показаниями свидетелей из Вильнюса было установлено, что, прибыв в Вильнюс, Воронцова по собственной инициативе явилась в карательные органы врага и предложила свои услуги, после чего вновь стала продолжать преступную деятельность. В Вильнюсе гестаповцы вскоре обратили внимание на особое усердие

Воронцовой. Учитывая ее заслуги перед ними, выделили ей новую комнату по улице Стршуне, дом 7, причем немцы сами перевезли вещи Воронцовой, отремонтировали рамы и пол.

Поселившись в доме, Воронцова начала с того, что сразу донесла, что один из ее соседей, Григорий Яцук, поддерживает связь с советскими военнопленными. В доме тут же были произведены аресты и обыски.

С тех пор и вплоть до 1963 года велось документирование по делу Воронцовой. Появлялись новые материалы, новые свидетели. Не было нигде только самой Воронцовой. Конечно, она могла уйти с гитлеровцами, ее могло вообще уже не быть в живых. Могла она и скрыться где-нибудь у родных. Решили разузнать подробнее о ближайших родственниках. И вот что выяснилось...

Отец, Воронцов Николай Иванович, общественно полезным трудом не занимался. Пять раз его судили за спекуляции и кражи. Имел четыре привода в милицию. Последний раз был осужден в 1937 году к девяти годам лишения свободы. Скончался в местах заключения. Среди преступного мира был известен под кличкой Колька-черт.

Муж Воронцовой, Кубарев Василий Яковлевич, рецидивист, неоднократно судимый. В 1936 году привлекался к уголовной ответственности за ограбление... С 1924 по 1937 год его судили шесть раз. Кроме того, семь раз подвергался приводам в милицию за кражи, мошенничества и подлоги...

И вот тут-то одному из следователей пришла мысль: а не пошла ли по стопам отца и мужа и сама Воронцова? Тем более что гитлеровцы ведь арестовали ее вначале за воровство. Решили проверить тюрьмы, исправительно-трудовые колонии. И оказалось...

Еще в 1935 году ее судили за спекуляцию водкой. По суду лишена родительских прав. Почти всю сознательную жизнь не занималась общественно полезным трудом — именно поэтому и не было нигде ни одной ее трудовой книжки. А в послевоенный период Воронцову судили шесть раз. Начиная с 1949 года ее приговорили к лишению свободы в общей сложности на тридцать восемь лет!

Там, в исправительно-трудовой колонии, ее и обнаружили. Надежное убежище нашла себе Воронцова: будучи изолированной от общества за воровство, суме-

ла скрыть от него главное свое преступление — измену Родине, предательство советских людей.

Требование государственного обвинителя В. Боговского «навсегда вычеркнуть Воронцову из списков граждан нашей Родины, применив в отношении ее смертную казнь», основывалось не только на полной доказанности состава тяжелейшего преступления против Родины и народа, но и на единодушном требовании советских людей, приславших в суд, в печать, в Управление КГБ письма с сотнями подписей, в которых было одно требование: «Смерть предателю!»

4. Срока давности не имеет 1980 г.

Екатерине Семеновне Маховой в 1980 году было уже 87 лет, когда добрые люди надоумили: «Проси пенсию для себя, сколько можно мыкаться на одну-то мужнюю, ведь не сводите концы с концами...» Екатерина Семеновна долго отнекивалась, не хотела просить. Знала, что стажа необходимого у нее не хватает. Но добрые люди тоже не отступали. И вот составили письмо в Управление КГБ, в котором, как могли, объяснили, что муж получает пенсию 45 рублей, а единственная дочь погибла в войну в Гатчине... Не хотела писать Екатерина Семеновна, не могла ворошить прошлое: не позволяла память о единственной дочери Лизе. И плакала мать, и молча несла свое горе почти сорок лет. Терпела, пока позволяло здоровье. А на девятом десятке едва не полностью потеряла зрение и слух и стала беспомощна. Вот тогда-то наконец и поддалась на уговоры.

Что было дальше с письмом, Екатерина Семеновна не знала. А в это время один из сотрудников управления отправился в архив, где хранятся акты об итогах расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненном ущербе на территории Ленинградской области. Составленные еще в сорок четвертом году, по горячим следам, эти акты вошли составной частью в перечень злодеяний и ущерба, предъявленных Советским правительством на Нюрнбергском процессе главным преступникам фашистского рейха.

В акте по Гатчинскому району и значилось имя дочери: Махова Елизавета Сергеевна, 1924 года рождения, замучена гитлеровцами в застенке...

Заведующему отделом
социального обеспечения Ленгорсовета
народных депутатов

В апреле 1980 года в Управление КГБ СССР по Ленинградской области поступило заявление от гражданки Маховой Екатерины Семеновны, 1893 года рождения, которая просит подтвердить, что ее дочь, Махова Елизавета Сергеевна, явилась жертвой нацистов в период временной оккупации города Гатчины, и оказать содействие в назначении пенсии.

В результате проверки установлено, что Елизавета Сергеевна, проживавшая в Гатчине, за патриотическую деятельность в июле 1943 года была арестована гестапо, подверглась пыткам и погибла. В документах комиссии по расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Гатчине в 1941—1944 годах, Елизавета Сергеевна Махова признана жертвой насилия немецких нацистов.

Ее мать, Махова Екатерина Семеновна, зарекомендовала себя патриотически настроенным человеком: в 1941 году укрыла в своем доме бежавшую из концлагеря советскую гражданку. При опросе ее в 1944 году представителями Комиссии по расследованию злодеяний дала подробные показания об известных ей преступлениях фашистов в Гатчине и Пушкине. В настоящее время она является престарелым, больным человеком. Как не имеющая необходимого трудового стажа, пенсией не обеспечена, находится на иждивении мужа возраста 90 лет.

Направляя вам заявление гражданки Маховой Е. С., просим рассмотреть возможность назначения ей пенсии с учетом того, что ее дочь является жертвой немецко-фашистских оккупантов, а также возраста и состояния здоровья заявительницы.

Заместитель начальника управления...
(Подпись)

...Когда почтальон впервые принес пенсию не только мужу, но и ей самой, Екатерина Семеновна долго не могла успокоиться. Она приняла деньги молча, а из незрячих глаз потекли быстрые ручейки. Про себя приговаривала: «Это мне от Лизочки».

Вот когда, через сорок лет после Победы, еще не иссякли слезы матерей о погибших детях, не избылось горе. Да и никогда не избудется, по крайней мере у того поколения, что обожжено войной. Горе это, как и прочие преступления фашистов на нашей земле, срока давности не имеет. И поклон земной всем, кто помогает выстоять в беде нашим осиротевшим смолоду старикам...

Земной поклон!

Голубая папка

В погожий майский день 1982 года на улице Чайковского, неподалеку от Литейного проспекта, оста-

новилося такси. Шофер заглушил мотор, запер машину и направился к дверям в приемную.

Беседа с дежурным поначалу как-то не складывалась. Сообщил, что вез каких-то странных людей.

— А именно?

— Один вроде иностранец...

— Ну и что такого?

— Он велел мне подъехать на площадь Искусств и остановиться у дома номер три. И чтоб это было ровно в тринадцать ноль-ноль.

— И что же вам в этом показалось подозрительным?

— А там нас ждал молодой человек, который сразу сел в машину и представился иностранцу как Николай. Потом этот Николай велел мне ехать к Садовой. Ну, я дал газ, а мои пассажиры стали перешептываться. При этом Николай передал иностранцу какую-то папку. И как только передал, говорит мне: «Останови, я выйду. А этого человека отвезешь к общежитию института». И назвал адрес. Я остановил машину, а этот Николай как выскочит, да как побежит...

— Почему же вам показалось это странным?

— А вы представьте, сколько времени надо, чтобы доехать от площади Искусств до Садовой! Несколько секунд... Значит, человек сел в машину не для того, чтоб куда-то ехать, а чтоб передать этот пакет. А потом, вы бы видели, как он помчался от машины — перебежками, метался справа налево, словно в него сзади целились. Да что там говорить, это все проклятые фарцовщики, знаю я их повадки...

— Ну а другой пассажир?

— Отвез его, как было сказано, и все — больше не видел.

— А почему вы решили, что он иностранец? Говорит с акцентом?

— Акцент тоже был, но главное — вид... Смуглый такой и очень пестро одетый...

— Негр?

— Нет-нет, просто смуглый.

— Так наши южане тоже смуглые. И кстати, говорить могут с акцентом...

— Нет-нет, не наш! Не могу более подробно объяснить, но это иностранец.

В приемной шоферу предложили записать все, что он сказал, и постараться поточнее определить, что же его так насторожило... Он это добросовестно сделал.

Но остался недоволен: показалось, что его подозрения, изложенные на бумаге, выглядят и вовсе смешно. Даже подумал: может, выкинуть бумажку, мало ли что пригрезилось... Но «бумажку» у него взяли, даже поблагодарили и отпустили, сказав, что, если надо будет, с ним свяжутся... Шофер сел в свое такси и продолжал работать. И уж, конечно, не думал, что его незатейливая записка о «проклятых фарцовщиках» откроет собой десятитомное дело отнюдь не спекулятивно-тряпочного характера... Он часто вспоминал свой визит в приемную со смутным беспокойством: дескать, не сумел объяснить, а может, и вообще все померещилось. Ну, мало ли куда торопятся нынче люди? Уж кому-кому, а ему, шоферу, много чего за день приходится повидать... И стал уже забывать этот эпизод, как неожиданно его пригласили в приемную. И разложили на столе фотографии:

— Не узнаете ли среди них вашего иностранца?

Он нашел его довольно быстро. Поинтересовался, кто это. Оказалось, аспирант института, к общежитию которого он и подъехал в тот день с Садовой.

— Вы были правы: это действительно иностранный гражданин.

— А что с пакетом? — не удержался шофер: фарцовщики не выходили у него из головы.

— Все в свое время... — загадочно улыбнулся сотрудник приемной. — А пока опишите, если помните, как выглядел пакет?

— Да обыкновенная голубая, прозрачная, ну, целлофановая, что ли, папка за пятнадцать копеек. А в ней какие-то бумаги...

На этом встреча в приемной закончилась, шофер снова уехал. А продолжение эта история получила через несколько дней.

...В аэропорту «Пулково» проходили таможенный досмотр улетающие в Западный Берлин пассажиры.

Вот остановился у стола смуглый, курчавый молодой человек. Предъявил чемодан.

— Что в чемодане?

— Учебники. Конспекты лекций. Мои собственные записи. Я — аспирант, еду домой...

— А зачем в чемодане вот этот тайник? Для хранения лекций? (Молчание.) И что у вас там? Достаньте и покажите сами.

— Да просто пакет для одного человека в Западном

Берлине... Меня просили передать... Вот. — И он достал голубую целлофановую папку...

— А что в папке, вам известно?

— Нет, неизвестно...

— Может быть, открытки с видами Ленинграда?

— Ну зачем так шутить? Не открытки, конечно... Но я действительно не открывал эту папку. Ведь она не моя... Мне только передать...

Дальнейший разговор происходил уже в другом месте. И оказалось... Аспирант часто проводил каникулы в Европе: домой, в свою далекую страну, ехать долго, лететь дорого. Однажды в Западном Берлине к нему подошел человек, свободно говоривший по-русски. Познакомились. Зашли в кафе, выпили по чашечке кофе и за приятной трапезой разговорились. А под конец новый знакомый попросил оказать ему небольшую услугу: отвезти в Ленинград для старого приятеля небольшую «передачку».

— Нет-нет, не зеркальный шкаф и не мешок картошки, — пошутил он, почувствовав смущение нового друга. — Совсем пустяк. Письмо, ну, в крайнем случае, бандерольку, если успею собрать... Разумеется, в долгу не останусь. Ну и... если приятель в Ленинграде попросит захватить что-нибудь для меня, то не сочтите за труд...

А голубую папку между тем вскрыли. В ней оказалось два любопытных документа. Один назывался «Обращение к НТС» и предназначался для тех, кто возглавлял идеологическую диверсию против СССР. В «Обращении» содержались конкретные рекомендации, как улучшить эту борьбу, иначе говоря, подрывную деятельность против нашей страны. В ней давались советы, на какие слои населения надо опираться в каждом конкретном случае, как воздействовать на национальные чувства народов СССР, более гибко и тонко работать с творческой интеллигенцией. Особое внимание обращалось на студенческую молодежь — это, дескать, наиболее податливый материал для обработки. Далее в «Обращении» подробно разбирались тематика последних номеров журнала «Посев» и указывалось, какие материалы злободневны, какие — нет, как сделать их доступными, более действенными и т. п.

Во второй бумаге — листовке-воззвании к советским воинам в Афганистане — содержался призыв бросить оружие и не участвовать в боях против контрреволю-

ционеров. Предназначалась листовка и для опубликования в «Посеве» и для распространения среди советских солдат в Афганистане...

Вот так «просто» все начиналось. Один просто сделал любезность — взялся привезти человеку письмо от друга из Ленинграда, что такого? Другой просто передал в такси то, что попросили. И всплыли первые имена, обозначились первые связи: Игорь Сомов — организатор этой операции; Олег Галанин — автор упомянутых пасквилей и Николай Белкин, передавший в такси пакет иностранцу.

Так органы госбезопасности вышли на эту группу. Вскоре оказалось, что это не были просто самодеятельные злопыхатели сами по себе. Это были лица, чья продуманная антисоветская деятельность в течение длительного времени направлялась зарубежной антисоветской организацией НТС (Национальный трудовой союз), окопавшейся во Франкфурте-на-Майне.

Теперь проследим историю падения двух молодых людей, двух ленинградцев — Игоря Сомова и Олега Галанина. Как же пришли они к сотрудничеству с НТС, а короче говоря, с врагами нашей страны?

Для Сомова этот путь не был случайным, он, что называется, потомственный отщепенец. Еще его отец был осужден городским судом Ленинграда за антисоветскую деятельность. Сомов-старший регулярно выступал на страницах «Посева» с клеветническими статьями об «ужасах советской действительности», выступал, естественно, не под своей фамилией, а под различными псевдонимами, пользовался даже цифровым индексом. Сомов-отец поддерживал нелегальные контакты со своими хозяевами за рубежом, принимал от них по радио кодированные инструкции об очередных визитах к нему «почтальонов». За все это получал от НТС солидные гонорары — и деньгами, и ценными вещами. После смерти отца сын продолжил его «дело»...

В антисоветскую работу Игорь Сомов включился активно. В течение нескольких лет принимал приезжавших в нашу страну под видом туристов эмиссаров НТС, получал от них враждебную литературу и задания на предоставление клеветнической информации о жизни советских людей. Он регулярно печатался в различных периодических изданиях НТС — в журналах «Посев» и «Грани».

В мае 1980 года Сомов привлек к своей деятельности Олега Галанина, работавшего в котельной, хотя и имевшего диплом инженера-экономиста. Для Галанина это был не первый шаг по преступной дорожке. Уже несколько лет он пребывал в омуте так называемой неофициальной культуры и в конце концов стал активно сотрудничать с Сомовым в изготовлении и переправке на Запад антисоветских пасквилей. В награду за усердие Галанин получил свободный доступ к засылаемым в нашу страну книжонкам издательства «Посев» и стал активно распространять эти клеветнические издания среди знакомых. И еще одна награда за усердие — в «Посеве» начали печатать его собственные сочинения, конечно анонимно.

Но вскоре встал вопрос: а кого, собственно, представляют Сомов и Галанин? И они решили: пусть за ними якобы стоит некая подпольная профсоюзная организация. Но ведь всякая серьезная организация должна иметь свой печатный орган. Что ж, «создали» организацию, «создадим» и орган. Так появился «Информационный бюллетень». Галанин писал статьи, передавал их Сомову, тот добавлял собственные сочинения, размножал их на машинке и отправлял с курьерами за рубеж.

Так были сочинены, в частности, от имени подпольного профсоюза листовки с призывом бойкотировать Ленинский субботник, с призывами к забастовкам... В «Информационный бюллетень» включались материалы, имеющие одну цель — максимально опорочить советскую действительность.

Сомов и Галанин стали переправлять бюллетень в журнал «Посев». Это самиздатовское творение в НТС понравилось. Еще бы! Новый независимый советский профсоюз! Его необходимо взять под защиту и оказать помощь угнетенным советским трудящимся...

Словом, дело налаживалось. И вдруг... такой нелепый срыв.

Арест и несколько месяцев следствия не прошли даром для доморощенных редакторов «Бюллетеня» и создателей «профсоюза». На многие вопросы пришлось ответить, заново осмыслить свою «деятельность», взглянуть на себя как бы со стороны. Сначала они все отрицали. Но через какое-то время Галанин первый осознал реальность ситуации, и тогда его ответы на воп-

росы следователя приняли более конкретный характер.

— Ваш друг Сомов написал и опубликовал в журнале «Посев» статью, в которой оправдывал гонку вооружений в США, восхваляя нейтронное оружие... Как вы к этому относитесь?

— Конечно, сейчас мне стала очевидной нелепость такой позиции, но раньше она не казалась мне абсурдной...

— Сомов писал еще и о гуманности нейтронного оружия. Как вы это расцениваете?

— Ну, конечно, о гуманности такого оружия говорить не приходится. Но, честно говоря, этот материал оставил меня равнодушным.

— Вспомним некоторые публикации в «Посеве», которые шли через вас... Например, из какого источника могла быть получена информация о том, что в советских школах устанавливаются подслушивающие устройства?

— Ну, это совершенная глупость, которую я всерьез и не воспринял. Просто ерунда. Но вообще, когда мы с Сомовым составляли «Бюллетень», то часто использовали, конечно, и зарубежные источники информации...

— На следствии вы долго старались покрывать друг друга, что-то замалчивать, порой брать вину на себя... Потом стали говорить правду. Чем это объяснить?

— Я понял, что та позиция, те взгляды, которые я отстаивал, не стоят того, чтобы их отстаивать... Мне много дало следствие. Я многое увидел в объективном свете, многое переоценил.

— А не чувствуете ли вы, что просто одурачены людьми, которые, в общем-то, объективно являются вашими врагами?

— Да, конечно, теперь-то я понимаю, что объективно оказался в стане тех, кто лишь разглагольствует о защите интересов нашей страны, нашего народа, а на самом деле является ее врагом. Каждый человек должен помнить, что является гражданином своей страны, что он — часть своего народа...

Советская власть гуманна. Она не раз доказывала это за свою семидесятилетнюю историю. В гуманизме — источник ее силы. В искренность раскаяния Галанина и Сомова поверили. Ныне и тот, и другой восстановлены во всех гражданских правах. И чтобы прошлое

не мешало им стать достойными гражданами своей страны, мы изменили в рассказе их подлинные имена.

А историю эту все же решили предать гласности. Потому что подрывная работа против социализма по-прежнему ведется спецслужбами империалистических государств, ведется активно, по всем направлениям, в том числе и в сфере идеологии. По-прежнему злобствует НТС, по-прежнему печатаются пасквилы в «Посеве» и «Континенте», ездят туда-сюда их «почталыоны», протаскивая голубые папки в чемоданах с двойным дном, ищут легковых людей. И хоть зачастую попадают впросак, но предпринимают все новые и новые попытки.

Несколько лет назад турист из Бельгии Антуан П. пытался раздать антисоветские листовки студентам университета прямо на Университетской набережной. Студентами он был задержан и препровожден куда следует. При разговоре никак не мог уяснить: а что такого он сделал? Его попросили раздать это. Что именно — не читал, лично его это не интересует. Его дело — только отдать. Ведь за такую пустячную услугу солидные люди из Фламандского комитета оплатили ему туристскую путевку в Ленинград.

Да, империалисты из всех сил пытаются раздуть пожар идеологической борьбы. Уместно напомнить, что Конгресс США выделил на 1986—1987 годы радиокорпорации «Свобода — Свободная Европа» 250 миллионов долларов для ведения подрывной пропаганды против СССР и европейских социалистических стран. «Нужна более агрессивная война идей, которая могла бы широко поставить антикоммунистическую пропаганду», — заявил один из экспертов по антисоветским делам. И совсем не случайно в последнее время увеличилось число попыток нелегально завезти в нашу страну литературу антисоветского содержания, враждебные видеофильмы. В них подвергаются поруганию все стороны нашей жизни — политика, экономика, мораль, культура, традиции, историческое прошлое...

Поэтому повторим в заключение одну из тех истин, с которых мы начали наш рассказ: «Зло это многолико, но суть одна: необъявленная тайная война, идеологическая диверсия...» Но во что бы это зло ни рядилось, какие бы формы ни принимало, оно обязательно будет раскрыто и обезврежено. Для того и ведут свою неприметную для постороннего глаза, кропотливую работу органы государственной безопасности, потому всегда начеку советские люди.

Уроки

справедливой доброты

В эти чрезвычайно важные в своей жизни минуты внешне он остался невозмутимым, каким был всегда: неторопливым в движениях, дидактическим в речи.

Он — Репин Валерий Тимофеевич, «полномочный распорядитель по Ленинграду» нелегального, субсидируемого из-за рубежа так называемого «фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям».

Но внутренне он не был и не мог быть невозмутимым.

Ибо в минуты, когда в квартиру неожиданно позвонили, а вслед за тем и быстро вошли пять человек — следователь органов государственной безопасности, два оперативных работника и двое понятых, мужчина и женщина, его охватил страх. Особенно после того, как сразу же за оглашением санкционированного прокурором постановления сотрудники КГБ в присутствии понятых принялись за работу, которая и на языке обвиняемых, и на языке обвинителей называется одинаково — обыск.

Каждый преступник допускает возможность такого внезапного вторжения в свой дом, в атмосферу своего бытия, в свою, наконец, жизнь. И прежде всего — виновный в особо опасном государственном преступлении. Допускает и по-своему готовится к нему — морально и практически. Но одно дело — допускать подобную возможность, исподволь, вроде бы вполне осознавая для себя все ее последствия, и совсем другое — реально убедиться, что она и впрямь неотвратима.

Вошедшие от имени закона в его жилье чужие люди спокойно и без суеты осматривали тумбочку, открывали дверцы шкафа, аккуратно извлекая на свет божий уложенные в нем вещи, выдвигали мебельные ящички, обследовали книжные полки, передвигали и переставляли с места на место различные предметы домашнего обихода, обмениваясь лаконичными репликами, занося в протокол все привлечшие их внимание находки — от изданной на Западе антисоветской и клеветнической литературы до подозрительных записей, пометок и обна-

руженных значительных сумм денег. У него, хоть он и старался держать себя в руках, при ответах на обращенные к нему по ходу обыска вопросы предательски подрагивал голос, напоминая о недуге прошлых лет — мучившем с детства и до отроческой поры заикании, а сам он никак не мог преодолеть страх и охватившую его ненависть к этим незнакомым ему людям.

Вот почему он несколько раз все-таки не сдерживался и грубил тем, кто деликатно, но настойчиво продолжал свою такую нешумную, но такую ошеломительную для него работу.

Однако при этом он не получал разрядки, и отчаяние еще сильнее охватывало его, потому что те, кому он адресовал свои выпады, свою обнаруживающуюся враждебность, неизменно противопоставляли в ответ корректность и даже как бы молчаливо порицали его за столь очевидное некрепкодушие.

Переворачиваю последний лист только что прочитанной справки. А вот еще один документ, который не может оставить равнодушным.

В нем коротко сообщается, что с учетом изъятых в результате обыска предметов и документов сотрудники органов госбезопасности, проводившие обыск, приняли решение о задержании Репина и препроводили его в следственный отдел Управления КГБ для допроса. В управлении в тот же день ему было объявлено и второе постановление — уже об аресте.

Стало быть, вскоре из кабинета следственного отдела его перевели в камеру следственного изолятора...

Отпечатанный на машинке, этот документ, как и все остальные в подборке, исполнен лаконичным, суховатым и лишенным эмоций, но зато предельно точным и в каждом слове исключающим возможность двойного толкования юридическим языком. Но не надо обладать каким-то особым воображением, чтобы представить себе сокрушительный перепад в состоянии человека, для которого разом переменялось все.

Простейшая логика подсказывает, что человек в таком положении должен начать искать выход, обязательно должен доискиваться до истины, а не до своих представлений о ней.

Раскрываю первый том уголовного дела, вчитываясь в документы и испытываю, причем по мере чтения все сильнее, одно и то же чувство — недоумение.

Вот некоторые протоколы допросов пятилетней давности, которые привожу дословно.

17 декабря 1981 года.

— Признаете ли вы себя виновным по существу предъявленного вам обвинения?

— Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю и никаких показаний по его существу давать не желаю.

21 января 1982 года.

— Что вы можете пояснить по поводу предметов и документов, изъятых 8 декабря 1981 года при производстве обыска по месту вашего жительства?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, не желаю объяснять мотивы своего отказа.

5 февраля 1982 года.

— Получали ли вы от ... (следует конкретная фамилия) рукописные материалы, затрагивающие различные вопросы экономики и политики?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, не хочу объяснять мотивы отказа. Подписывать протокол не буду.

10 февраля 1982 года.

— Подписывали ли вы какие-либо письма-протесты, заявления в защиту лиц, привлеченных к уголовной ответственности?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

— Оказывали ли вы материальную помощь людям, привлеченным к уголовной ответственности, и членам их семей?

— Я отказываюсь отвечать на данный вопрос.

— Свидетели заявляют, что вы являетесь распорядителем так называемого общественного фонда помощи политическим заключенным и их семьям в Ленинграде. Что вы на это скажете?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

3 марта 1982 года.

— По каким причинам вы отказываетесь давать показания?

— Мой отказ от дачи показаний обусловлен морально-этическими причинами.

Нет, не морально-этические причины движут сейчас им, а совсем другое — ненависть, враждебность, неверие в объективность следствия, в непредвзятость следователя.

И еще одно: верование в собственную жертвенную правоту.

Вот какие чувства стискивают сейчас ум того, кто обвиняется в преступлении против государства, против своей Родины.

А что в таком случае должен испытывать следователь, глядя в напряженно-враждебные глаза сидящего напротив человека?

Не должен ли он платить ему той же монетой?

Невольно отвлекаюсь от чтения и задумываюсь: как же так вышло, что вот сижу сейчас и размышляю над судьбой человека, которого живьем в глаза-то никогда не видел и наверняка не увижу?

Месяца два назад под вечер зазвонил внутренний телефон.

Помнится, не ожидая никаких звонков, я с любопытством снял трубку:

— Данилов слушает.

В ответ — громкий, усиленный чуткой мембраной голос:

— Здравствуй! Не очень занят? Есть необходимость поговорить. Не откладывая.

Гм! Начальник следственного отдела. Интересно, зачем я ему в конце рабочего дня?

— Добрый вечер, Василий Николаевич. Хорошо, сейчас буду.

Встретившись тогда с Василием Николаевичем, я получил необычное для себя поручение. Мне было предложено написать материал для документального сборника о работе ленинградских чекистов, готовящегося с помощью журналистов, литераторов города к семидесятилетию органов госбезопасности. Тема материала — участие органов КГБ в воспитательной функции нашего государства, деятельность, которую они проводят для предотвращения особо опасных государственных преступлений, устранения их вредных последствий для государства и общества. А в следственном отделе разговор состоялся потому, что все материалы сборника, по замыслу составителей, должны основываться главным

образом на фактах, установленных в последние годы в ходе следствия по уголовным делам.

Неторопливо расхаживая передо мной по своему кабинету, Василий Николаевич — как всегда, прямой, строгий — говорил внушительно:

— Ты вникни хорошенько: предотвращение особо опасных государственных преступлений — главное в работе чекистов. И надо, чтобы самый широкий круг людей знал, что для нас важно не только изобличить и наказать преступника, а еще на ранней стадии сделать так, чтобы он не совершил преступления. Чтобы не было вреда, ущерба государству. И чтобы человек был сохранен для семьи, для общества. Даже на тех, кто уже преступил грань закона, мы стараемся воздействовать мерами воспитательного характера. Разумеется, не подменяя при этом закон, не вступая в противоречие с законодательством.

В конце он сказал еще о том, что сориентироваться в сумме разрозненных материалов, конечно же, легче сотруднику управления, чем человеку со стороны. К тому же прямой и откровенный разговор с читателем есть не что иное, как гласность.

И я согласился.

В органах государственной безопасности я давно не новичок и считаю вроде состоявшимся сотрудником. Однако не перестаю диву даваться, что отважился на эту профессию.

Почему? Да потому, что она немыслима без активного, непримиримого сопротивления всему, в чем, собственно, и заключается предмет профессиональной деятельности.

Впрочем, может ли быть иначе при том, что сферой деятельности чекиста, контрразведчика, является, если сказать обобщенно, разбирательство с ненормальностями, с аномалиями — в людях, их поступках, в мотивах, двигавших ими, в явлениях, процессах, событиях. В поле зрения все время находится часть жизни, как бы помеченная знаком минус.

Но и это еще не все. Чекисты имеют дело не просто с преступниками, а преимущественно с теми из них, кто посягает на самые основы нашего государства. С идейными и моральными отщепенцами нашего общества, которые, противопоставляя свои личные устремления ин-

тересам социалистического общежития, сознательно действуют на руку классовому недругу.

Думаю, если учесть оба момента, вместе взятые, то можно понять, какой они порождают внутренний максимализм.

Максимализм в требовательности к себе и в самоотдаче на работе. В тяге (от его избытка) к мирским благам — к семье, к общению с родными, к духовному обогащению книгой, музыкой, картиной. И — от острой любви к этому всему, становящемуся при таком режиме дефицитными ценностями, — опять к нему самому, максимализму в работе.

...Уходя с работы в поздний час, задерживаюсь перед кабинетом на минуту, чтобы опечатать его и сдать на автоматическую охрану. Длинный, с расположенными по обеим сторонам дверями, коридор заполнен неярким голубоватым свечением люминесцентных ламп и охватывает все здание по периметру. Пока идешь по нему, успеваешь подумать о многом.

Вот миновал кабинет, к которому с давних пор особое отношение. С жаркого летнего дня 1971-го. Можно сказать, что с этого кабинета, как с уэллсовской двери в стене, произошло для меня вхождение в новый, совершенно тогда не известный мир. Только в уэллсовском рассказе из обыденной, прозаической действительности герой шагнул в поразивший его фантастический мир, а мне, напротив, из мира, рисовавшегося больше собственным воображением и надеждами, чем основанного на реальных представлениях, довелось сразу попасть в мир людей, соединенных кропотливейшей коллективной работой, при которой фантазия нужна только как версия, как прогноз, для того чтобы быть беспристрастно изученной, исследованной с позиций фактов, самым прозаическим образом разложенной «по полочкам» и получить наименование истины.

Хорошо помню тот первый разговор с одним из руководителей управления. Хорошо помню его глаза — внимательные и при этом подзадоривающие, доброжелательные одновременно. Такими глазами смотрят на зеленого юнца, старающегося напустить на себя этакий флер самоуверенности, смотрят, чтобы не сбить его старание выглядеть уверенным не по годам. Они словно говорили: «Давай петушись! Не взыщется за это, а работе нужны энергичные и бодрые. Бодрость духа — прежде всего! А мы присмотримся, где лучше сгодишься ты».

Он спросил, обращаясь ко мне, молодому, зачисленному в кадры сотруднику: какие у меня личные планы наряду, так сказать, теперь уже и со служебной деятельностью?

— Творчество! Хочу не только усваивать сделанное другими, но и делать сам. Я филолог. Намерен в своем образовании совершенствоваться дальше. Иначе какой был смысл в предыдущих усилиях?

Из-за широкого, с шоколадным отливом, полированного стола, на котором не было ни одной бумажки, он посмотрел на меня долгим взглядом и слегка покачал головой:

— Чекистом надо или быть, или не быть. Все, что на пользу работе,— хорошо. Прочее надо отмечать. Рабочий день у нас не нормирован, а вам еще многое придется ломать в себе, потом возвращать. Кропотливо и не всегда безболезненно. Понадобится переосмыслить многое. Силы нужны для работы.

— У меня хватит сил!

— Чекист — не только профессия. Чекист — это человек в профессии, ему раздвигаться нельзя. Чекист нужен делу весь, целиком. На планы ваши времени не будет, и надо расстаться с мыслями о них.

Я подумал: сказано — так, для проформы, на всякий случай, чтобы мысли, внимание новичка сосредоточились на главном — на работе, которая ждет, на будущей профессии. Тем более что и сказано было без оговорок — обнаженно и просто.

Только потом, гораздо позже, осознал, что нет, не играл тогда со мной в подчеркнутую серьезность напутствовавший меня руководитель, а именно серьезно, со всей полнотой возложенной на него ответственности предупреждал неопытного еще человека о той доле общей ноши, которую ему теперь тоже придется нести. Доброжелательно шурясь, смотрел он на петушащегося от избытка наполеонства новичка и сквозь прищур этот видел его, наверное, уже таким, каким ему рано или поздно, но обязательно надлежит быть.

Что еще запало тогда в память? Пожалуй, косые солнечные лучи за окном, в которых кисеей зависла легкая июньская пыль над перегруженным транспортом Литейным, и контрастная шуму, грохоту улицы, остающемуся по ту сторону толстых оконных стекол, размеренная кабинетная тишина, в которой с молчаливой ритмичностью раскачивался золоченый маятник больших напольных часов.

Мог ли знать тогда молодой человек, новоиспеченный сотрудник, с которым вели напутственную беседу, что часы эти уже отсчитывают для него качественно новое время? Нет, конечно же. Ибо все узнается в свой срок.

Потом я не раз задумывался над тем, почему именно с такой категоричностью, с такой безоговорочной жесткостью, не прибегнув даже к мнимой дипломатии, говорил тогда со мной тот человек. И не находил ответа.

А недавно мне все стало ясно. Я узнал про него то, чего не знал раньше. Как бы заглянул в его изначальность.

В шестнадцать с небольшим был он участником обороны Ленинграда. И не просто подростком, вставшим наравне со взрослыми на рабочее место в блокированном фашистами городе, а мастером производственного обучения в ремесленном училище. Наставником таких, как он сам. Он боролся с фашистами не по-детски: взрослые доверили ему подготовку кадров для трудового фронта сражающегося города.

Логикой борьбы вычерчена из этой точки биографии вся его последующая жизнь: комсорг ЦК ВЛКСМ на одном из легендарнейших предприятий Ленинграда, затем — профессиональный партийный работник, потом — чекист... Жизнь по шкале ценностей, обязывающих везде и всегда говорить правду и действовать только согласно ей.

Он и мне тогда просто-напросто сказал правду, а я ее не сумел понять.

...Спускаюсь вниз, где в вестибюле висит памятная доска с надписью: «Здание полномочного представительства ОГПУ в ЛВО сооружено по инициативе С. М. Кирова. Здание заложено 15.IX.1931 г., окончено строительством 7.XI. 1932 г.»

Предъявив дежурным на вахте удостоверение, выхожу на улицу и под зеленый сигнал светофора быстро пересекаю Литейный. Вот и остановка. Прежде чем сесть в подъезжающий троллейбус, по привычке оглядываюсь на здание.

Высокое, безукоризненно чистое в своих строгих геометрических очертаниях, застекленное по боковым широким граням во всю вертикаль, оно похоже на кристалл. Не потому ли, глядя на него, всегда вспоминаю слова Дзержинского о том, что чекист «должен быть

чище и честнее любого», «должен быть, как кристалл, прозрачным»?

По вечерам, когда схлынут дневные дела и заботы, здание Управления КГБ пустеет. На рабочих местах остаются лишь те, кому в эти сутки нельзя не хлопотать, да дежурные службы. Затихают торопливые шаги на лестничных переходах. Умолкают телефонные звонки за дверями кабинетов. Одно за другим гаснут на темнеющем фасаде окна, все более сливая с уличным сумраком пепельно-бежевую кубическую громаду.

И тогда на одном из этажей здания в полусумрачном пространстве коридора вспыхивают лучи подсветки. В их приглушенном сиянии еще более рельефно и выразительно, чем днем, обрисовывается на фоне обращенного во двор окна высокая, кованная из металла эмблема — щит и меч. Символ миролюбивой стойкости и мужества. Символ силы. Символ бдительной доброты.

Кажется, что в этих жестких и одновременно стремящихся к овалу линиях, в этих очертаниях монолитного единства живет, как вздох запечатленной Истории, заповедное: «Если кто с мечом к нам придет...»

Но не только давнее предостережение сокрыто в эмблеме. Она вся — надежность. И тысячу раз прав был тот, кто, выносив в сердце книгу о надежности и самоотверженности людей в нечеловеческих, казалось бы, испытаниях, назвал ее просто и ясно: «Щит и меч».

Величаво и торжественно покоится прямой меч на овальном щите. А напротив, по другую сторону коридора, золотыми буквами занесены на мраморную мемориальную доску имена тех, кто, храня верность долгу, геройски погиб на боевом посту.

Вечная память им, поднимавшим меч, готовый всегда остановиться.

Ибо повинную голову этот меч не сечет.

Перечитываю фрагмент из публичного заявления Репина:

«Неопровержимость доказательств и, беседы со следователем, который проявлял тактичность и терпение, со всей убедительностью показали мою неприглядную роль в политических махинациях, проводимых разного рода антисоветчиками из числа моих знакомых, убедили меня, как глубоко я ошибался и какой вред своей деятельностью нанес нашей стране, нашему народу».

Прочитав этот текст, в комментариях, как говорится, не нуждающийся, но пояснения к которому все-таки хочется услышать, поднимаю глаза на моего собеседника.

У старшего следователя по особо важным делам Жерлицына негромкий голос. Он говорит неторопливо, делая время от времени небольшие паузы между фразами: сказывается профессиональная привычка тщательно взвешивать каждое слово, перед тем как произнести вслух.

Разговаривая с ним, невольно подстраиваешься под его манеру вести беседу.

— Валерий Николаевич, вам, пожалуй, больше других следователей довелось непосредственно работать с Репиным. Теперь, когда вся работа уже позади, можно, наверно, вполне определенно сказать, в чем была главная трудность. В чем же?

Он задумывается на две-три секунды, не более.

— Их было несколько. Во-первых, трудность состояла в том, чтобы в полном объеме вскрыть всю его преступную деятельность. Вскрыть и устранить вредные последствия для государства. А они могли быть весьма серьезными, ведь он совершил преступление, связанное не только с антисоветской агитацией и пропагандой, но и предусмотренное статьей шестьдесят четвертой Уголовного кодекса РСФСР. Это — измена Родине в форме оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Советского Союза. Понадобился труд очень многих людей, чтобы, как я уже сказал, в полном объеме выявить проводившуюся им враждебную деятельность и принять затем необходимые предупредительно-профилактические меры для нейтрализации отрицательных последствий.

— А вторая трудность?

— Вторая трудность, как ни странно, возникла практически после того, как успешно преодолели первую. Дело в том, что в процессе следствия стало совершенно очевидно, что Репин — только исполнитель. А инспираторы, увы, оказались вне прямой досягаемости — за рубежом. Именно с Запада направлялась и всячески стимулировалась деятельность Репина как «фондовика». Поэтому встала задача изобличить инспираторов и при этом показать всю неприглядность и самого так называемого «фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям». Ведь на Западе его называют еще и «русским общественным фондом», хотя в действительности никакой он не общественный, а создан спецслужбами

США, и именно ими используется в антисоветских целях.

Тонкость состоит в том, что еще в 1933 году при установлении дипломатических отношений с нашей страной США дали обязательство не субсидировать и не поддерживать какие-либо организации и группы, ставящие своей целью свержение или подготовку к свержению правительства СССР. Вот откуда взялась и эта вывеска — «общественный фонд». Надо было сорвать ее и показать истинное лицо тех, кто под ней скрывался. Как вы знаете, это было сделано достаточно убедительно. В течение 1983 года по результатам следствия Ленинградское телевидение выпустило в эфир серию передач. В них использовались видеозапись выступления Репина с чистосердечным заявлением и другие материалы, в которых раскрывалась подрывная деятельность «фонда» и инспирирующая роль ЦРУ США.

— А что, на ваш взгляд, явилось самым трудным во всей этой работе, если посмотреть прежде всего с точки зрения нравственной?

— Самым трудным было отстоять Репина от... самого себя. Следствие доказало, что обвиняемый не только виновен, но к тому же еще и жертва. Запропагандированная и запрограммированная зарубежными антисоветчиками жертва. Мы довольно скоро разобрались, что перед нами не идеолог, не вдохновитель враждебной деятельности, а функционер, запрограммированный на практическую борьбу, который выполнял возложенную на него задачу — концентрировать вокруг «фонда» негативно настроенных лиц и работать с ними.

— Ну а каковы ваши личные впечатления от работы с ним? Особенно на первом этапе следствия, когда со стороны арестованного к следователю были только отрицательные чувства?

Первая реакция собеседника — жест рукой, каким отмахиваются: мол, не напоминай! Потом поясняет:

— Досталось, конечно. К каждому допросу готовился, как к экзамену. Хотелось достучаться к человеку. Иногда, не поверите, по ночам не родственники снились, а тот, кого завтра опять на допрос вызывать. Потом уже потепление наступило... Но легче все равно не стало.

— Я знакомился с протоколами допросов. Те, что были в первые месяцы, оставляют тяжелое впечатление. Что помогло вам преодолеть предубежденность того, с кем пришлось иметь дело?

Следователь Жерлицын произвольно пожимает плечами.

— Во-первых, долг, конечно. А во-вторых... — Он делает паузу, и на его нахмуренное лицо набегают тени смущения, какой-то внутренней неловкости. — Во-вторых, знаете ли, разное. Порой — самое неожиданное. Всего теперь даже не упомянешь... Дочку его, к примеру, было жалко. Она родилась перед самым его арестом. А у меня почти как раз в то же время — сын. Да и по возрасту я немногим-то старше... Бывало, когда уж сил, кажется, не хватает на все его упрямство, вдруг сообразишь, что на душе у него, о ком тоскует, переживает за кого, и зло вроде пропадает. Жалость, сочувствие — это можно как угодно называть. И оценивать со стороны — тоже как угодно. Но вот когда сам-то ты закончил работу и домой спешешь — жене помочь, ребенка на руках поддержать, а арестованного, у которого, в общем-то, такая же ситуация, после допроса назад в камеру уводят, знаете ли, есть в этом, мягко говоря, некий контраст...

— Какое наказание могло бы ожидать его, если бы к нему не было проявлено снисхождения?

— Не менее десяти лет лишения свободы.

— А приговор суда?

— Два года лишения свободы и три года ссылки. Причем полтора года, в течение которых продолжалось следствие, были зачтены в счет отбытия наказания... Объективности ради надо отметить, что Репин в конце концов сумел разобраться, где белое, а где черное, признал свою вину, раскаялся.

Слушая Жерлицына, я вспомнил о другом, не столь уж давнем разговоре.

Я сидел в кабинете с окнами на тихую улицу Каляева, а хозяин кабинета Александр Николаевич, по моему, попросту отдыхая от того, что к нему пришли не по вопросу, требующему, как обычно, какого-то немедленного действия, охотно поддерживал завязавшуюся между нами беседу на предмет хотя и служебный, но этого рассужденческого свойства.

Александр Николаевич — полковник, заместитель начальника одного из ведущих подразделений управления, почетный чекист. Ему за пятьдесят. За боевые заслуги и конкретные результаты в служебной деятельности удостоен правительственных наград. Руководить та-

ким оперативным подразделением, каким руководит он,— это значит уметь, во-первых, самому принимать быстрые и в высшей степени ответственные решения, четко знать, как их лучше выполнить, и, во-вторых, неустанно добиваться подобного умения от своих подчиненных. Иными словами — это пост, на котором надо десятки раз подтверждать завоеванный авторитет. У него репутация человека, который, если уж взялся за дело (а он всегда берется за трудные, тяжелые дела), обязательно сделает его наилучшим образом. Без срывов, осечек. Его трудно застать в кабинете. Он всегда в гуще событий. Всегда там, где нужно взять на себя конкретную ответственность, оказать конкретную помощь.

Увидеть его вот так, сидящим нога на ногу рядом со столом с бумагами, а не за ним, да еще неторопливо попыхивающим синеватым сигаретным дымком, — случай весьма не частый. И само собой разумеется, что не воспользоваться им я просто не мог.

— Вот ты говоришь, что у чекиста сегодня должно быть прежде всего глубочайшее понимание происходящих перемен, осознанный импульс к процессу перестройки, — сказал он, выслушав мое рассуждение по этому поводу. — Согласен! Но новое мышление не есть нечто такое, что может или должно возникнуть из простого понимания целесообразности. Мол, время потребовало, а потому «давайте перейдем на новое». Это что — обзавестись новым календарем? Перевести часы на сколько-то делений вперед? Или вроде как заставить стрелки быстрее двигаться по циферблату?

Он помолчал, поточнее формулируя ответ на свой же собственный вопрос. Затем сказал:

— Здесь в начале и в основе всего — чувство. Чувство личной причастности ко всей той огромной работе, которая разворачивается в нашем обществе. Чувство ответственности за судьбу каждого человека, с которым нам приходится иметь дело... Я думаю, у нас для нового мышления есть хорошая база. Что для чекиста в работе главнее всего? Наверно, то, что ему нельзя ошибаться. Ни при каких обстоятельствах. У ошибки цена может быть слишком большая. Причем и в ту, и в другую сторону.

И Александр Николаевич рассказал мне об одном эпизоде.

Живет и здравствует сейчас в Ленинграде некто Игорь Борисович. У него интересная работа, жена, дочь, много друзей, знакомых. Шесть лет назад ему едва не

довелось оказаться на скамье подсудимых. К счастью для него, все обошлось в конечном счете без привлечения к уголовной ответственности. Поэтому не будем называть его фамилию, бросать на него тень: живет человек, трудится, как все,— и хорошо.

А вот тогда Игоря Борисовича активно разыскивали сотрудники Ленинградского управления КГБ. Вернее, не его, а того неизвестного, кто зимой 1981 года подготовил и распространил в Ленинграде листовки с содержанием, направленным против существующего в нашей стране государственного и общественного строя. Мня себя, как потом выяснилось, принципиальным борцом, он действовал в то же время исподтишка, так сказать «анонимно», чтобы органы госбезопасности не могли его разыскать.

По фактической стороне дела налицо было совершенное особо опасное государственное преступление со всеми вытекающими последствиями.

Если Игорь Борисович прочитает эти строчки, пусть не обижается, что о его поступке упоминают: сам виноват, ведь что было, то было. Но, возможно, и ему небезынтересно узнать, какой не запротоколированный нигде мотив существенно качнул чаши весов его судьбы в благую для него сторону.

К слову сказать, нашли Игоря Борисовича довольно быстро — месяца через полтора. Хотя в процессе поиска не скупились на эмоции и от души желали ему многого — типа «ни дна ни крыши». Потому что разыскивать в многомиллионном городе затаившегося «анонима» — все равно что искать иголку в стоге сена. Даже хуже.

Однако выявили, установили. А установив, стали осторожно присматриваться: что за человек, откуда такая злоба? Он-то пока еще не догадывался, что его нашли и теперь как бы разглядывают.

Оказалось: инженер, человек по натуре энергичный, творческий, с кругом интересов, выходящих за пределы технической специальности. Собственным положением в институте, где работает, недоволен и, главное, отношением руководства к некоторым своим идеям, которые сам считает конструктивными. Озлобился и теперь винит всех и вся. Тем более что настроения, взгляды, в общем-то, и прежде были не на высоте. Да и житье-бытье с семьей в коммунальной квартире не способствовало улучшению жизненного тонуса.

В результате — сорвался на шаг, за которым ответ перед законом.

При взвешивании всех установленных обстоятельств возник вопрос: как быть? С одной стороны, Игорь Борисович совершил действия, подпадающие под определенную статью Уголовного кодекса, и подлежал суровому уголовному наказанию. С другой стороны, мотивы, двигавшие им, природа этих мотивов удерживали от принятия однозначного решения. Ведь первоначально-то ему хотелось принести общественную пользу.

— Решили посмотреть его еще повнимательней, — рассказывал тогда Александр Николаевич, — сделали некоторую выдержку во времени. И вот приходит ко мне как-то сотрудник. Возбужденный, взволнованный.

«Что? — спрашиваю. — Стряслось что-то непредвиденное? Нами допущен какой-то просчет?» — «Нет, — отвечает, — хуже!» — «Хуже, — говорю я ему, — некуда. Хуже, это когда нам с тобой приказ начнут зачитывать, что мы некомпетентные работники». А он опять свое: «Хуже!» Тут уж я прошу его докладывать толком. Тогда он и объясняет. Оказывается, дочку Игоря Борисовича, Олю, только что приняли в пионеры. А мы материалы наши готовили к передаче в следственный отдел. «И что же, — говорит мне сотрудник, — у ребенка такое событие в жизни — клятву на верность ленинским заветам дал человек, а мы его отца за враждебную деятельность привлечем к уголовной ответственности? Мы же ломаем девочке детство. Нельзя так!» — «Нельзя», — соглашаюсь я с ним.

— И что было дальше? — спросил я.

— А то, что и должно было быть. Еще раз взвесили все «за» и «против», доложили руководству. Ну и сошлись на том, что имеется и юридическая, и просто человеческая возможность все-таки принять в отношении Игоря Борисовича не уголовную, а воспитательную меру воздействия. При полном единодушии сошлись на том все: наши следователи, руководство управления, прокурор. А начальник управления похвалил даже. Сказал: молодцы, так держать!..

— А как с Игорем Борисовичем?

— А потом вызвали его и, как положено, объявили ему от имени органов госбезопасности официальное предостережение. Да и по душам поговорили. Не зря, оказалось. Понял, оценил. С жильем у него к тому времени вопрос уже решился. Работу нашел, какую хотел. Словом, понял и изменил свое поведение к лучшему.

Теперь живет, работает, а дочка, думаю, сама уж свой путь выбирает... Я к чему все это? К тому, что настоящий профессионализм чекиста измеряется, наверно, умением всесторонне оценить каждую складывающуюся ситуацию и безошибочно определить, кто перед ним — убежденный враг или заблуждающийся под влиянием каких-то обстоятельств советский человек. Умением своевременно предостеречь оступившегося от более тяжкого проступка... Порой думаю: поступи мы тогда, допустим, иначе. Вроде и правы были бы, а вот... А вот иначе поступить просто не могли. За что ребенок-то должен страдать?

«В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношусь с ним, и нам хорошо... Часто, часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я...» Это — слова Дзержинского, в которых с редкой душевной обнаженностью сквозит безграничная любовь к детям.

Слово Дзержинского никогда не расходилось с его делом. И эти его слова тоже не остались без действия. Ведь даже в пору, когда имя первого советского чекиста, пользуясь определением Луначарского, «было больше всего связано с его ролью грозного щита революции», именно он сделал больше других, сделал все, что мог, для обездоленных маленьких граждан Страны Советов. Перед лицом захлестнувшего послевоенную страну бедствия — массовой детской беспризорности — председатель ВЧК стал одновременно и председателем деткомиссии ВЦИК, предписав каждой ЧК, каждому чекисту «помочь всем, чем могут, Советской власти в ее работе по охране и снабжению детей».

Классовые враги в клевете своей изображали рабочий кабинет Дзержинского на Лубянке как некое прибежище зла, как зловещий застенок. Между тем самой впечатляющей особенностью кабинета были фотографии спасенных чекистами детей.

В абсолютном большинстве случаев профилактическая работа с гражданами, совершившими или намеревавшимися совершить действия, противоречащие интересам нашего государства и общества, с предельной четкостью свидетельствует о том, что мотивы, истоки их проступков прямо или косвенно были инспирированы из-

вне. Причем во всех случаях волк театрально рядился в овечью шкуру: неблагоприятные действия непременно камуфлировались чуть ли не библейской заповедью посочувствовать, оказать помощь, надоумить, а то и просто расплатиться тридцатью сребренниками.

Система всеобъемлющей разведывательно-подрывной деятельности против социализма, против СССР не предназначена непосредственно для нашего физического уничтожения. Ее цель в другом — создать предпосылки к тому. Выяснить, на что мы способны и что нам пока не по силам. Убить не нас самих, а наши социалистические начала — в мышлении, в психологии, в ценностной ориентации.

Этому служат нацеленные на нас аппараты разведорганов, различных спецслужб, тайных и явных подрывных центров. Во имя этого на нас ежедневно обрушиваются разного рода «голосами» и «подголосками» лавины «эрозирующей информации».

По нынешним временам ни для кого уже, пожалуй, не откровение, что ложь о миролюбии — «теоретическая» база любой агрессии. Не только военной, но и политической, идеологической. Но все-таки наше возмущение не наиграно и не преувеличено всякий раз, когда такая ложь проистекает от тех, чья служебная миссия состоит в способствовании развитию и укреплению дружественных отношений между государствами, расширению экономических, культурных и научно-технических связей, основываясь на неукоснительном соблюдении законов страны пребывания, — от дипломатических представителей.

А между тем немало их только в самые последние годы было вынуждено спешно, при нахмуренных бровях своих сослуживцев и при корректном холодке провожающих советской стороны, уезжать из Ленинграда восвояси, имея отныне в своей дипломатической биографии неопровержимо задокументированные факты попыток грубого вмешательства во внутренние дела СССР, нарушения наших законов. И не просто «вмешательства» и «нарушения», а с вовлечением в разных формах в противоправную деятельность советских граждан.

По этой причине не в лучшем состоянии духа покидал Ленинград, к примеру, консул генерального консульства ФРГ М. Мюльменштедт. Или консул консульского отдела генконсульства США Р. Хармс. Или же консул и вице-консул политико-экономического отдела Р. Мюллер и Д. Гроссман, вице-консул консульского

отдела — все того же американского дипломатического представительства в нашем городе — Л. Аугустенборг. Последний, кстати говоря, был пойман с поличным при проведении в пригороде Ленинграда шпионской акции.

Перечень, разумеется, можно было бы продолжить. Но суть его не в количественной стороне, а в том, что все эти люди, получившие хорошее образование, как правило, с изысканными манерами и тонким знанием этикета, много знающие о нашей стране, ее людях, обычаях и порядках, специализировавшиеся в конкретных областях нашей жизни — политической, общественной, культурной, экономической, жили и действовали здесь с одной целью — нанести нам ущерб. Накопленная эрудиция, специальная подготовка и явные, как несомненно теперь, артистические способности не мешали им, а, напротив, помогали делать дело, которое у всех народов и во все времена считалось делом самым черным, — обманом и подкупом подталкивать людей на стезю предательства интересов своей Родины.

К таким выводам раз за разом приходили сотрудники Ленинградского управления КГБ, разбираясь в хитросплетениях международных интриг, в которых эти и другие дипломаты проявили себя истинными мастерами.

Передо мной на столе документальные материалы, относящиеся к некоторым эпизодам деятельности в Ленинграде бывшего консула отдела прессы и культуры генконсульства США Барбары Джоан Аллен.

Сначала несколько слов о ней самой. Назначение в Ленинград она получила, уже имея в свои тридцать шесть лет солидный багаж: один за другим окончила два американских университета. Будучи магистром искусств, по линии ЮСИА находилась на дипломатической службе сначала в Риме, затем в Танзании. Потом прошла годичный курс русского языка при институте загранслужбы госдепартамента США. Непосредственно перед приездом в наш город проработала около двух лет первым секретарем отдела прессы и культуры американского посольства в Москве.

Что и говорить, школа хорошая, открывавшая заманчивые перспективы дипломатической карьеры. Да и принадлежность к слабому полу вроде бы не должна была сулить неприятностей, подобных тем, которые сваливались на головы кое-кого из ее коллег-мужчин.

Энергичная, контактная, по-американски рациональная даже в эмоциях, Аллен быстро установила нужные деловые связи с представителями ленинградских учреж-

дений и организаций, входящих в сферу ее консульской работы. Ее высокая, спортивная, стремительная фигура скоро стала привычной в творческих союзах, в театрах, в концертных залах, на выставках — везде, где она старалась с неизменным достоинством, порой не без жесткости и высокомерия, представлять свою страну.

Однако это высокомерие иногда словно бы изменяло ей: Аллен вдруг старалась одеться попроще, слиться с уличной толпой, понеприметней проскользнуть на общественном транспорте в городские микрорайоны, ни с какой стороны не имеющие отношения к ее дипломатической деятельности.

Многое встало на свои места, когда арестованная в декабре 1980 года за враждебную СССР деятельность жительница Ленинграда Мальцева сначала дала следствию правдивые показания, а затем написала заявление, в котором, в частности, указала:

«Я, гражданка СССР Мальцева Наталья Ивановна... считаю своим долгом заявить о незаконной деятельности консула по вопросам прессы и культуры генерального консульства США в Ленинграде Барбары Аллен, направленной во вред нашему государству, и прошу принять меры по пресечению этой деятельности».

Да, Аллен не забыла о своей принадлежности к слабому полу. Она занялась, правда поистине с мужской хваткой, стимулированием в Ленинграде подпольного «феминистического движения», призванного сформировать в интересах пропагандистских центров Запада мнимую основу для утверждений о якобы бесправном, бедственном положении женщин в нашей стране и их «борьбе» за свои права.

Аллен передавала Мальцевой получаемые из-за рубежа, главным образом по дипломатической почте, инструкции по организации в Ленинграде сбора тенденциозной и клеветнической информации «феминистического» характера, снабжала ее издаваемыми на Западе, в том числе на русском языке, материалами со всевозможной клеветой на наше государство, которые предназначались для нелегального распространения среди советских граждан. Она же посредничала в переправке политически вредных материалов за рубеж.

При этом, боясь разоблачения своей, мягко говоря, непозволительной для дипломата деятельности, Аллен постоянно требовала от Мальцевой при общении с ней соблюдения строжайшей конспирации. Она запретила Мальцевой рассказывать о ней кому бы то ни было, обя-

зала в разговорах по телефону из предосторожности использовать псевдоним — Вера Голубева.

Всю эту нечистоплотную возню ленинградские чекисты пресекли, арестовав Мальцеву. И разве не парадокс, что так называемая правозащитная «феминистическая» деятельность Аллен вела к прямому ущемлению прав советской гражданки?

По материалам, представленным следствию самой Мальцевой, и в результате допросов свидетелей по ее уголовному делу стала ясна противоправная деятельность Аллен. Об этом по дипломатическим каналам была проинформирована американская сторона, которая была вынуждена воспринять эту информацию со всем вниманием и конечно же сделать из нее полагающиеся в таких случаях выводы.

Тем, можно сказать, и закончилась «дипломатическая» карьера в СССР госпожи Аллен. Но нельзя ничего не добавить о судьбе той, кого зарвавшаяся американка выбрала для осуществления своих вредных замыслов, — о Мальцевой.

А между тем такое добавление не только существенно, но и принципиально.

Ведь одно дело — отношение к нашему явному недоброжелателю, к тому ж стороннему, и совсем другое — отношение к своему, к советскому гражданину, пусть и вставшему на неправильный путь.

Разбирательство по делу показало, что ее участие в деятельности, прикрываемой идеями «феминизма», стало возможным прежде всего из-за ее явной политической незрелости, к тому же дополненной неустроенностью личной жизни. Отсюда — и нездоровая рефлексия на окружающую социальную действительность, постоянно подогревавшаяся теми, кому это было нужно.

Столкнувшись с неопровержимыми контрфактами и их объективной трактовкой следствием, Мальцева не только чистосердечно раскаялась в содеянном, но и активно способствовала полному раскрытию совершенного преступления, принимала меры к предотвращению вредных последствий от своей преступной деятельности, осудила ее и заявила об отказе от ее продолжения.

Как ни странно, но определенную помощь следствию оказали не кто-нибудь, а... сами зарубежные пропагандистские центры, вскоре же после ареста Мальцевой начавшие в ее защиту шумную кампанию. Они явно переусердствовали, когда в одной из радиопередач, дабы покрасочней изобразить творимый органами госбезопас-

ности произвол, а заодно и прикрыть собственную антисоветскую оголтелость благородным сентиментализмом, во всеуслышание заявили о кошмарной судьбе ее малолетней дочери, которая после ареста матери якобы осталась одна в пустой квартире, голодная, без присмотра.

Такая ложь приоткрыла для Мальцевой истинное лицо закордонных «доброжелателей». Ей было хорошо известно, что сразу же после ее ареста в Ленинградском управлении КГБ был даже выделен сотрудник специально для того, чтобы позаботиться о ее дочери. Этот сотрудник отвез двенадцатилетнюю Яну в город Гатчину Ленинградской области к матери Мальцевой и не только передал ей девочку, но и помог устроить ее в местную школу на период временного проживания там.

Результаты всей проделанной в ходе следствия работы позволили с санкции прокурора освободить Мальцеву от уголовной ответственности и наказания в связи с тем, что она перестала быть общественно опасной.

Вот теперь в эпизоде, касающемся гражданки США Аллен и гражданки СССР Мальцевой, можно поставить точку.

Зло наказано. Добро, справедливость восторжествовали.

А ведь именно в том и состоит нравственное содержание проводимой чекистами профилактической работы, ее политический смысл.

Однако есть и другая сторона этой работы. Так сказать, внутренняя. Та, которая никогда не присутствует на первом плане и даже как бы не берется в расчет, но для самих чекистов исполнена особого, сокровенного смысла и измеряется только по наивысшей шкале требовательности.

Это — собственная человеческая отдача.

Просматривая недавно свой блокнот с разнообразнейшими пометками касательно данной темы, я наткнулся на записи, которые сейчас приходят на память. Не буду приводить их полностью, нет в том никакой необходимости, приведу только самую суть.

А суть такова.

Пути чекиста пересекаются с теми, кто в той или иной мере посягает на то, что он, чекист, защищает всей своей жизнью. Как он должен относиться к такому лицу, сидящему напротив, сам будучи в полном смысле представителем нашего уклада жизни, наших понятий

о справедливости, нашей памяти о ценах, которыми заплачено за победы в войнах — и той, которая была гражданской, и другой, Отечественной,— словом, всего, без чего нет нас с самого нашего детства? Может ли он быть беспристрастным к тому, кто поднял на все это руку, кто замахнулся на святое для нас?

Как человек — конечно, не может.

Как чекист — обязан. И в этом смысле чекист должен быть человеком, умеющим побеждать собственное «я». Более того, если имеется хоть один шанс на успех, чекист обязан испытать его.

Несколько лет назад за преступление против государства были арестованы студенты третьего курса ЛГУ имени А. А. Жданова Александр Р-н, Александр С-й, Сергей Ч-в и телемастер производственного объединения «Ленрадиобыттехника» Ефим Р-г. Фамилии их полностью не привожу по этическим соображениям, поскольку в результате проделанной чекистами в ходе следствия работы появилась возможность обойтись без уголовного наказания и до суда дело не дошло. Хотя могло быть и иначе: в канун самого главного для советских людей политического праздника — очередной годовщины Великого Октября — эти четверо распространили в Ленинграде большое количество самодельных листовок антисоветского содержания.

В соответствии с законодательством задача следствия состояла в том, чтобы установить в полном объеме их вину и привлечь к уголовной ответственности.

Однако чекисты поставили перед собой другую задачу, можно сказать сверхзадачу: попытаться идейно разоружить их, оказать на них профилактическое воздействие. Тем более что в ходе следствия обнаружилось: совершившие преступление находились под сильным влиянием буржуазной идеологии, подрывной пропаганды и, веря ее инсинуациям, считали, что являются такими героями, борющимися за якобы поправленные в нашей стране права человека.

Когда я знакомился с материалами на эту четверку, вчитываясь в протоколы допросов, в показания свидетелей, в приобщенные к делу справки, то, все более убеждаясь в нелепой, убогой простоте случившегося, помнится, ясно и отчетливо подумал вот о чем.

Мы все — по крайней мере мужская половина человечества, сколько нас есть миллионов,— в детстве хотим быть необыкновенными. Хотим быть такими, чтобы все остальные нами восхищались, думали про нас: «Ка-

кой он храбрый! Какой он удивительный! Какой он не такой, как все!»

С еще большей остротой, с желанием выделиться мы не только хотим этого, но и порой мним так о себе в юности.

Позже романтический инфантилизм у одних проходит или забирается глубоко внутрь, только едва теплясь как безобидное, но согревающее в сентиментальные минуты воспоминание детских лет. У других, напротив, он становится своеобразной затвердевшей гранью внутреннего мира, чуть ли не оселком, на котором пробуются ценности всего окружающего. Чаше всего такая его гипертрофированность, в собственных глазах возвышающая молодого человека над остальными людьми, не имеет под собой реальных достоинств. И тогда он впадает в ошибку.— от недостаточной самокритичности, оттого, что не умеет взглянуть не только внутрь себя, но и на себя, на свои поступки со стороны.

Иными словами, несмотря на произошедший разлад с действительностью, он продолжает мнить о себе: какой он хороший, какой смелый и умный. И вдруг ему говорят: нет, это вовсе не так. Ты не такой. И выкладывают перед ним на стол факты, показывающие его не в розовом, а в реальном свете, в котором становится очевидным, что выделяется он отнюдь не достоинствами, а наоборот. Выделяется, оказывается, тем, что противопоставил себя обществу! Причем в ущерб обществу, ибо двигал им заурядный эгоизм, замешанный на некомпетентности.

Молодой человек, однако, начинает яростно сопротивляться, не сдает своих позиций, потому что никто никогда не говорил ему с такой жесткой откровенностью, с такой неумолимой прямоотой, что он не прав, глубоко не прав.

В итоге — драма, которой, будь он чуточку самокритичней, могло бы и не быть. Драма не отвлеченная, за которой можно позволить себе следить с легким скептицизмом, памятуя, что перед тобой все ж таки розыгрыш, а самая что ни на есть реальная, потрясающая душу, так как средоточием драматизма событий является собственная судьба.

Я спрашивал одного из следователей, работавших с этими молодыми людьми: так ли, не ошибся ли я в понимании ситуации? И он ответил: нет, не ошибся, примерно так все и было. Разумеется, для самих подсудимых. Потому что для работавших с ними че-

кистов все обстояло иначе. Для них это была профилактическая работа. Поединок личности с личностью.

Я и сам, без его подсказки, пришел к тому же. Мой собеседник, Валерий Евгеньевич Гордеев, только подтвердил мои ощущения. Но подтвердил с большим нажимом, превратив ощущение в факт. И по тому, как он, едва прикурив, тут же потянулся к пепельнице, чтобы стряхнуть с сигареты еще не нагоревший пепел, а в глазах сгустилась темнинка сосредоточенности, я понял, что напряжение тех дней и сейчас памятно ему.

Он и не скрывал этого и дал мне некоторые пояснения относительно того, почему считает профилактику чем-то вроде поединка, а не простым выполнением бюрократических обязанностей. Вкратце теперь воспроизведу их.

На первый взгляд в таком поединке все преимущества на стороне чекиста. Мол, он избирает место и время: он арестовывал, он вызывает на допрос. Он является инициатором, а стало быть, может заранее соответствующим образом подготовиться. У него под руками материалы, вещественные доказательства, многое другое.

Но это — только на первый взгляд. Ибо каждый из представляющих две противоположные стороны — чекист и тот, с кем его сводит судьба, — оба одинаково готовятся к поединку. Вся предшествующая сознательная жизнь сводит их лицом к лицу. Сводит, чтобы один победил, а второй проиграл, признав свою неправоту.

Собственно, победить конечно же должен чекист, ибо в таком поединке он просто обязан (другого не дано) быть сильнее. Обязан не подавить профилактируемого, а убедить его фактами, логикой и предостережью. И сделать это он должен таким образом — не только доказательно, но и проникновенно, — чтобы его аргументы были с доверием, благожелательно, упав на благодатную почву, восприняты и правильно оценены. А ведь оппонент по-прежнему сопротивляется — не только потому, что с ним не в игрушки играют, предъявляя спрос с позиций защиты интересов государства, но и потому, что он сталкивается с психологическим развенчанием себя как личности безгрешной, чуть ли не идеальной.

Вот такие пояснения дал мне Валерий Евгеньевич. Я полностью разделяю их. В профессии каждого человека есть минуты, мгновения наивысшего удовлетворения.

Уверен, что для следователей, которые работали с этими четырьмя арестованными, минутами наивысшего

профессионального удовлетворения стали минуты, когда «подопечные» смогли наконец дать объективную оценку содеянному.

Ефим Р-г (выписка из протокола допроса):

«Я прекрасно понимал и понимаю, что своими действиями, то есть распространением листовок антисоветского содержания, мы причинили определенный вред Советской власти... Проклинаю себя за то легкомыслие, с которым я отважился бросить вызов в лицо всему нашему обществу, нашей Родине. Я раскаиваюсь в совершенном преступлении и заверяю органы следствия в том, что честным трудом искуплю свою вину и никогда более не допущу ничего подобного».

Александр С-й (заявление с просьбой приобщить к делу):

«Я, С-й Александр Куприянович, в ходе следствия, под влиянием бесед со следователем, встречи с родителями, размышляя над содеянным, пришел к выводу, что распространение листовок антисоветского содержания было результатом глубокого заблуждения, в чем я теперь раскаиваюсь. Я искренне считал, что действую согласно своим убеждениям, что совершенное мною будет одобрено моими согражданами».

Неформальны эти признания. Что и говорить, человек быстрее приходит к постижению каких-то истин, когда оказывается в критических ситуациях. А уж куда еще критичнее, если тебя буквально за рукав оттаскивают от пропасти, куда ты собирался шагнуть! От пропасти, за край которой ты уже заглянул. Нешуточность которой наконец-то, кажется, постиг.

Но немаловажно и еще одно. Чекист — не отвлеченно думающая система, лишенная эмоций и нравственных принципов. И как правило, человек, ведомый из лабиринта собственных ошибок и заблуждений, ведомый надежной, сильной рукой, понимает это ясно и с благодарностью.

Александр Р-н (заявление на имя начальника следственного отдела управления):

«...На последний допрос я шел с намерением признать свою вину, но во время допроса у меня не хватило духа прямо сказать об этом и лишь в самом конце разговора со следователем я все-таки произнес слова о желании покаяться в содеянном».

В значительной степени меня поощрил к этому неизменно ровный, вежливый, доброжелательный тон всех многотрудных бесед, которые вели со мной подполков-

ник Рябчук и старший лейтенант Гордеев, терпеливо разъяснявшие мне ошибочность моих воззрений и вредность поступков...

Теперь я даже благодарен органам госбезопасности за то, что они своевременно пресекли нашу «политическую» деятельность, которой рано или поздно могли воспользоваться настоящие враги Советского государства и использовать нас как разменную монету в своих враждебных выпадах против СССР...

Я готов ответить на любые вопросы следствия и дать детальные пояснения по существу изложенного мной в этом заявлении».

С учетом всех без исключения вскрытых обстоятельств и прежде всего серьезных изменений во взглядах и настроениях подследственных компетентные органы, строго руководствуясь законом, сочли возможным прекратить на всех четверых уголовное дело и ограничиться профилактическим воздействием, каким для них явились арест, разбирательство по делу и собственные душевные переживания.

Существенным добавлением, надо полагать, является то, что ни один из них в последующем не нарушил данного слова, не позволил со своей стороны ничего, что бросало бы тень на глубину осознанного ими. Разумеется — с точки зрения интересов государственной безопасности.

Индивидуальная профилактика по сути своей не что иное, как борьба за будущее каждого конкретного человека, за которого чекисты данным им правом взялись с точки зрения его перевоспитания. А ответственность перед будущим, как известно, испытывает только тот, кто чувствует ответственность перед прошлым. И я не могу сейчас не подчеркнуть, что в такой вот самоотдаче, о которой только что рассказывал, в качестве серьезнейшего толчка, в качестве некоего движителя присутствует и определенный моральный фактор. А точнее — моральный долг. Долг перед теми, кто во имя гуманистических идеалов, во имя справедливости шел на жертвование не своим временем, физическими и моральными силами, личными интересами, общением с дорогими людьми, а собственной жизнью.

Чекисты всегда стояли в передовой линии защиты советских людей. И сорокадвухлетней давности война со всей беспощадностью подтвердила это.

В осажденном Ленинграде гитлеровцам не удалось создать ни разветвленной агентурной сети, ни прове-

сти сколько-нибудь серьезных диверсий. Чекисты перехватывали их инициативы и боролись с врагом не только в тайных схватках, но и в открытых боях, плечом к плечу с другими ленинградцами. Через все девятьсот дней блокады Ленинграда они с честью пронесли звание солдат Дзержинского.

Но и цена этому была немалая.

48 кадровых сотрудников Ленинградского управления не вернулись с заданий, которые они выполняли во вражеском тылу.

169 чекистов погибли в специальных отрядах и дивизиях народного ополчения.

350 оперативных работников особых отделов встретили смерть в боях за город Ленина.

130 товарищей погибли при артиллерийских обстрелах и бомбежках, умерли от голода в блокадном городе, разделив участь тысяч и тысяч ленинградцев.

Михаил Иванович Николаев хорошо известен в коллективе ленинградских сотрудников госбезопасности. Он — ветеран-чекист, член совета ветеранов управления. В 1982 г. награжден знаком «50 лет пребывания в КПСС». Его часто можно видеть в президиумах торжественных собраний, на встречах с комсомольцами. Нередко он выступает с напутственным словом перед молодыми сотрудниками, принимающими воинскую присягу на верность Родине.

Но он — не парадный визитер в Управлении КГБ. Подполковник в отставке, он и сейчас постоянный его работник, с завидной страстностью выполняет порученное ему дело. Несмотря, между прочим, на свои 76 лет.

Беседуя с Михаилом Ивановичем, не могу удержаться от того, чтобы не поинтересоваться, почему все-таки он не хочет воспользоваться законным правом на заслуженный отдых, а с настойчивостью энтузиаста занимается работой, которую в конце концов могли бы поручить и другому человеку.

Он искренне удивлен:

— Вот так вопрос! Сколько товарищей полегло в войну, жизнью своих не пожалело, а я-то ведь жив, курилка!

Он и правда закуривает свою сигарету без фильтра и хитровато улыбается, грозя мне пальцем:

— Нет уж, рано списывать, мы еще хоть куда! — И уже без улыбки, тоном совсем другим, отбивающим охоту ответить шуткой, добавляет: — Да и кто, как не ветераны, должны досистематизировать материалы тех

лет? Ведь много у нас еще на памяти. Многих из тех, кто головы сложил, не по одним только именам — по лицам помним. Вот и надо свой долг перед ними выполнить до конца. Они полегли, а мы остались. Уж куда понятней! Да потом, наверно, и сегодня моральным подспорьем будет знание о том, как работали тогда.

Михаил Иванович открывает пухлый в синей обложке том с некоторыми обобщенными документами о работе ленинградских чекистов в годы войны, им самим скомпонованный и подшитый.

С любопытством листая его, из одного документа я, к примеру, узнаю, что в районы временно оккупированной гитлеровцами территории Ленинградской области было направлено для проведения разведывательно-диверсионной деятельности почти 50 кадровых оперативных сотрудников управления, около 200 радистов и свыше 1500 разведчиков, прошедших подготовку в спецшколах; большинство из них были объединены в 186 оперативных групп. Их деятельность позволила осуществлять разведывательную и диверсионную работу на всей оккупированной территории области, и в первую очередь на важнейших стратегических коммуникациях противника.

В другом документе читаю о том, что ленинградские чекисты, действовавшие за линией фронта, выявили 99 штабов различных воинских подразделений противника, 68 аэродромов и посадочных площадок, 73 крупных воинских гарнизонов, 119 складов с боеприпасами, горючим, продовольствием, около 90 строителей новых линий укреплений и узлов сопротивления. Все разведывательные данные военного характера своевременно передавались в управление, а оттуда поступали в распоряжение Военных советов Ленинградского и Волховского фронтов. Например, Военному совету Ленинградского фронта была передана подробная схема укреплений Нарвского и Псковского оборонительных узлов гитлеровцев. С учетом этих данных разрабатывались и осуществлялись наступательные операции советских войск, наносились по противнику мощные и точно рассчитанные удары.

В третьей справке — сведения об участии сотрудников в организации и деятельности партизанских отрядов, отрядов специального назначения и истребительных батальонов.

— В августе — сентябре сорок первого года, — рассказывает Михаил Иванович, — когда враг уже подкаты-

вался к самому городу, по распоряжению руководства управления из наших сотрудников начали формировать отдельный мотомеханизированный отряд. Бойцы отряда изучали город, совершенствовали оборонительные сооружения, отрабатывали тактические приемы ведения уличного боя, готовясь к борьбе за каждое здание. Чекисты должны были стоять насмерть!

Он молчит с минуту, а потом говорит с твердостью, как человек, который делится своим давнишним, многократно выверенным убеждением:

— Обо всем этом должны хорошо знать и помнить сегодняшние наши сотрудники. Знать и помнить, как их предшественники ценой жизни защищали советского человека от самого ненавистного врага. Должны никогда не забывать, что и сегодня их главная задача — оберегать советского человека.

Сегодняшние чекисты знают и помнят об этом. Свидетельством тому — большая, кропотливая и настойчивая профилактическая работа, которую они проводят в строгом соответствии с требованиями социалистической законности, апеллируя к социалистическому сознанию оступившихся граждан, к их чести и совести советского человека.

Говорят, инженер помимо всего прочего тем еще отличается от рабочего, что «носит» работу с собой. Со службы ушел, а работа — при нем. Не отпускает,

Чекист — то же самое. С той лишь разницей, что он вообще всегда на работе. Где бы ни был.

А иногда работа не только дома не отпускает его от себя, но и из дома гонит. В буквальном смысле.

Именно такую мысль высказал мне один сотрудник — Владимир Михайлович, теперь уже уволившийся на пенсию по выслуге лет. И, высказав, проиллюстрировал колоритным эпизодом из своей практики.

Некто Резников, тогда студент-вечерник Ленинградского кораблестроительного института, оказался замешанным в подготовке действий, относящихся к прямой компетенции органов госбезопасности. И вот, рассказывал Владимир Михайлович, на одном из этапов разбирательства, когда уголовное дело, по которому Резников проходил в качестве свидетеля, стало воплощаться в практические выводы, Резников исчез. Испугался, бросил учебу в институте, жену с ребенком и скрылся. Испугался, что могут привлечь. Жену проинструктировал:

будут искать, спрашивать где, отвечай — не знаю, мол, предупредил только, что уедет далеко, на край света.

Между тем, в соответствии с принятым решением, имелась настоящая необходимость в качестве меры профилактического воздействия объявить ему официальное предостережение от имени органов КГБ. Как быть? Владимир Михайлович — к жене Резникова с законным вопросом. Она же сделала все в точности, как была проинструктирована. Тогда он сказал ей: ладно, и на краю света найду!

А потом и жена исчезла вместе с ребенком.

Через некоторое время выяснилось, где они все находятся. Под Горно-Алтайском.

— Ну и представьте себе, — рассказывал Владимир Михайлович, — декабрь, холод, до Нового года всего несколько дней. А я, значит, не за елкой в очереди где-нибудь на улице Салтыкова-Щедрина стою, а добираюсь чуть ли не до китайской границы. Сначала — большим самолетом. Рейсом Ленинград — Барнаул. Потом на Як-40 из Барнаула в Горно-Алтайск. Потом уже на машине по Чуйскому — звучит-то как, а? — тракту к китайской границе. И затем от Чуйского тракта в сторону, горными дорогами еще часа два — два с половиной.

Наконец под вечер, темнело уже, добираемся с нашим местным сотрудником до цели — базы геолого-разведочной экспедиции. Едем в «газике» с брезентовым верхом, утепленным войлоком.

Оказалось, что участники экспедиции разъехались, и там оставалось только несколько человек, которые после завершения сезона присматривали за хозяйством. Ну и Резников остался. Вроде как добровольная ссылка.

Заходим в бревенчатый рубленый барак. Он — с женой и дочкой. Слушает «Голос Америки». Топится печь — «буржуйка».

Радости он, конечно, не испытал. А вот удивление — да. Спрашивает: «Как вы меня нашли?»

Я ему с порога: «Здравствуйте, Андрей Ильич! Я же сказал, что разыщу вас и на краю света. Вот приехал объявить вам официальное предостережение».

Объявил, как положено, со всеми документами. Он тогда сказал: может быть, кое с чем все же не согласен, но больше ничего такого не совершу, из-за чего вашему учреждению пришлось бы мной снова заниматься.

На том и расстались. Ведь для чего мотались по дорогам? Предупредить, что дальше — сам творец сво-

ей судьбы. А, предупредив, развернулись — и назад, домой.

К своему рассказу Владимир Михайлович добавил еще, что ничего плохого о Резникове ему действительно слышать не приходилось. Продолжил учебу. Работает.

Официальное предостережение — мера профилактического воздействия. Оно применяется, когда иные меры индивидуальной профилактики не могут оказать необходимого воздействия на лицо, которое совершило антиобщественные действия, противоречащие интересам государственной безопасности СССР.

Факт объявления предостережения оформляется юридически значимым документом — протоколом. Если лицо, которому объявлено предостережение, далее совершит преступление, наносящее ущерб интересам безопасности государства, то протокол приобщается к уголовному делу.

Иначе говоря, это — последнее социальное предупреждение.

Для объявления официального предостережения лицу, к которому оно применяется, вызывают в органы госбезопасности. В случае неявки его могут подвергнуть приводу.

Хотя возможны и иные обстоятельства. Как, к примеру, было с Резниковым.

Процесс воспитания нового человека протекает в обстановке непримиримого противоборства двух идеологий. Идет, без преувеличения, бескомпромиссная борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. Империализм пытается дискредитировать социализм, ослабить его революционизирующее воздействие на народные массы, расшатать идейную убежденность и веру советских людей в правоту дела строительства коммунизма.

Это — не плакат. Это — обнаженная, очень суровая правда.

Органы государственной безопасности ведут напряженную деятельность по ограждению советского общества от подрывных устремлений нашего классового противника, всячески стараются оберегать советских граждан от его враждебных посягательств. Но иногда ему кое-что удается.

Когда и почему?

И предыдущий опыт, и современная практика свидетельствуют: вследствие нарушения государственной дис-

циплины и правопорядка, пренебрежения гражданскими обязанностями в обществе создаются условия, которые классовый противник и пытается использовать для причинения ущерба интересам Советского государства.

На своевременное устранение предпосылок к созданию такой обстановки как раз и направлена вся проводимая органами госбезопасности предупредительно-профилактическая работа. А уж если посягательство на интересы нашего государства стало свершившимся фактом, то с убежденными, сознательными врагами чекисты поступают так, как того они заслуживают по закону. Что же касается граждан, оказавшихся вовлеченными в эти посягательства и еще способных пересмотреть свои взгляды и поступки, то им всегда протягивается рука помощи. Разумеется, при наличии с их стороны искренней, доброй воли.

Когда двадцатилетнего Алексея Аренберга перевели из воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних в ИТК строгого режима, где уже восьмой год отбывал наказание Вячеслав Кузнецов, они знакомы друг с другом не были.

Но познакомились и сошлись быстро. Прежде всего потому, что среди содержащихся в ИТК заключенных оказались по возрасту едва ли не самыми молодыми. А еще потому, что осуждены были за совершение одинаковых преступлений. За то, что, действуя из антисоветских побуждений, готовили в составе преступных групп (между собой никак не связанных) вооруженные захваты советских пассажирских самолетов в воздухе для бегства на них за границу. Кузнецова судили как инспиратора и организатора одной такой группы. Аренберга — как участника другой.

Жизнь в ИТК, особенно когда законом ее отмерено одному двенадцать лет с последующими тремя годами ссылки, а другому восемь, заставляет не только вспоминать прошлое, но и всерьез думать о будущем. Хочешь не хочешь, а приходится по-настоящему переоценивать ценности. И Аренберг как-то сказал Кузнецову:

— Не могу больше! Понимаю, конечно, что все содеянное искупать надо. Да ведь и без того теперь каждый день клянусь себя. Жизнь-то — псу под хвост! Дурак был! Но неужели — ни шанса на милосердие?

Кузнецов ответил ему:

— Вот и я передумал много. Хотя, признаюсь, помогли мне. Подумать помогли. А потом сказали: что ж, попробуй попросить о помиловании. Если компетентные инстанции сочтут это возможным и поинтересуются нашим мнением, мы его выскажем... Ну и обратился с прошением в Верховный Совет РСФСР. Жду теперь.

— Кто подумать-то помог?

— Ты вот что: напиши, пожалуй, в Ленинград... В Управление КГБ Владимиру Геннадиевичу — есть та-кой... Не шучу я. Напиши как есть. Адрес-то хоть ска-зать?

Разговор состоялся зимой 1983 года.

По весне, все обдумав и взвесив, Алексей Аренберг написал и отправил по указанному Кузнецовым адресу небольшое, на одном листе школьной тетрадки, письмо. В нем он, в частности, писал:

«Уважаемый Владимир Геннадиевич!

Простите, что я обращаюсь именно к Вам, но дело в том, что ни о ком другом из ленинградского КГБ мне неизвестно, и я не знаю, кому написать.

...Я пятый год иду к заветной цели — к помилованию; образно говоря, сквозь тернии к звездам. Я угодил в тюрьму в 16 лет по явной глупости, всю нелепость кото-рой понял, когда впервые проснулся не дома, а в каме-ре. Я допускаю, что можно было на суде сомневаться в искренности моего раскаяния, но сейчас-то, когда я под-крепил мои слова четырьмя — ох какими нелегкими! — годами без единого срыва, когда я уже не 16-летний юнец, а взрослый, вполне сформировавшийся человек, грех не поверить мне...

Я даже не знаю, о чем конкретно просить Вас, но надеюсь, что Вы не оставите без внимания это письмо и что-нибудь предпримете».

Двумя месяцами раньше по тому же самому адресу уже поступило и было со вниманием прочитано и дру-гое письмо. От Вячеслава Кузнецова. Не дожидаясь, когда отважится на решительный шаг его младший то-варищ по несчастью, Кузнецов тоже обратился к перу и бумаге. В его послании говорилось:

«Не так давно сюда прибыл мой „коллега“ Аренберг-младший, делу которого с братом посвящена часть фо-тографий на стенде в одном из коридоров управления и которые, помнится, Вы мне показывали. Глядя на Алексея, Владимир Геннадиевич, я подумал вот о чем: если в свое время Вы, невзирая на мои настроения, решили провести со мной воспитательную работу, точ-

нее, взялись за нее, то пройти мимо Аренберга-младшего Вам было бы просто грешно. Если даже работа со мной увенчалась у Вас успехом, то не обратить внимание на Алексея было бы, как мне кажется, непростительной ошибкой... Я в сравнении с ним могу показаться «злостствующим антисоветчиком». Но, может быть, именно поэтому-то Вы и не обратите внимание и не проявите интереса к его персоне... И если вовремя не протянуть руку, кто знает, что из него получится?..

Вячеслав».

На оба письма откликнулись. И руку протянули.

Летом того же года Алексея Аренберга под конвоем этапировали в Ленинград.

А этим эпизодам предшествовало вот что.

Еще в пору, когда Репин, не веря в объективность следствия и не желая признать себя виновным, упорно отказывался давать показания по возбужденному на него уголовному делу, понадобилось допросить в качестве свидетеля Вячеслава Кузнецова, который к тому времени уже давно отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Следствие установило: Репин, выдавая жене Кузнецова материальную помощь из средств «фонда», обязал ее в обмен на деньги привозить из мест заключения сведения о положении лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления. Требовал он и всякую другую информацию о местах лишения свободы, которую спецслужбы противника потом использовали в подрывной деятельности против СССР.

Следствию надо было, чтобы Кузнецов сам подтвердил известные ему факты.

Из ИТК в Ленинград доставили замкнувшегося в себе, во всем видящего подвох человека, который, разумеется, не хотел помогать в разбирательстве по делу Репина. Иного от него, правда, в Ленинградском управлении и не ждали. Ведь свое преступление он готовил на основе устойчивых антисоветских настроений. И за рубежом, в случае если бы удалось оказаться там, тоже собирался заниматься антисоветской деятельностью.

Кузнецов не рассчитывал, что к нему, осужденному, будут искать какой-то особый подход.

Однако все оказалось иначе. Встречаясь и беседуя с Владимиром Геннадиевичем, Кузнецов убедился: с ним

возьятся не из каких-то утилитарных соображений, а потому, что искренне хотят помочь.

Он принял эту искренность и тогда же избрал для себя единственно правильный путь: поверил в возможность такого же, как у всех, будущего.

В одном из последующих писем Владимиру Геннадиевичу из ИТК он признавался:

«Видит бог, вот уже два года скоро, как у меня нет никаких причин относиться к Вам с недоверием и подозрительностью. Скорее, наоборот. И я действительно в глубине души не испытываю к Вам лично ничего, кроме чувства огромной благодарности».

Потому для него и не было вопросом, как следует поступить Алексею Аренбергу.

Органы государственной безопасности конечно же не благотворительная организация. Но благо они все же творят. И не только нашему обществу в целом, оберегая его от всяческих недружественных поползновений извне. Творят они и благо конкретному человеку, если человек серьезно оступился, но также серьезно одумался.

Написав вот эти строки, я мог бы сейчас с фактами в руках рассказать о том, каких затрат, физических и моральных (собственного времени, собственной жизни), потребовала у того же самого Владимира Геннадиевича воспитательная работа (пусть эти слова не покажутся казенными) сначала с Вячеславом Кузнецовым, затем с Алексеем Аренбергом, потом еще с другими людьми.

Но, наверно, убедительней любых свидетельств со стороны будут слова самого Алексея Аренберга. Вот выдержка из его письма, написанного вскоре после того, как в ответ на его призыв о помощи он был этапирован в Ленинград для душеспасительных в прямом смысле бесед, а месяца два спустя вновь водворен в колонию, но уже в другом состоянии чувств:

«...Еще до приезда в Ленинград у меня сложилось очень благоприятное мнение о Вас (по рассказам Славика) и о Вашей «конторе» (по собственным воспоминаниям). Но действительность, поверьте, превзошла даже лучшие ожидания. Видите ли, Владимир Геннадиевич, меня так долго и упорно не желают признавать за человека, что такой маленький, казалось бы, нюансик, как Ваше простое, естественное рукопожатие, глубоко

меня тронуло. И одно уже это сильно расположило меня к Вам. Ваше (правда, не без иронии) «Алексей Павлович», свидания и пр., не менее любезное и доброжелательное отношение ко мне со стороны Александра Николаевича, Юрия Алексеевича и других сотрудников, с которыми мне приходилось встречаться, — все это, мягко говоря, как-то не очень вязалось с моим «дотюремным» представлением о «чекистах» — этаких монстрах в кожаных куртках.

Но больше всего меня поразило и обрадовало не человеческое отношение, не любезность и заботы Ваши (т. к. их можно было бы, не будь они столь просты и искренни, отнести к профессионализму), а сам тот факт, что Вы приняли участие в моей судьбе, хотя могли бы прекрасно и обоснованно отмахнуться от меня (например, сказать: «Извините, Алексей Павлович, но, как говорят англичане, „It is not my line“, т. е. это не в моей компетенции)... Простите, что отнимаю у Вас время, которое Вы с большей пользой посвятили бы перевоспитанию очередного антисоветчика...»

Спрашиваю Владимира Геннадиевича: знает ли он, что сейчас с Кузнецовым и Аренбергом? Или не в курсе?

Поясню, что Владимир Геннадиевич — ученик Александра Николаевича, о котором уже было рассказано, прошедший под его началом хорошую школу оперативной работы. Он и его преемник по предшествующей должности. Ему немногим более сорока. Он среднего роста, крепкий, очень подвижный человек: работа такая; требует в течение дня многих действий, при которых нельзя рассусоливать. Да и общая физическая выносливость при этом нужна как воздух — расслабляться попросту некогда. Впрочем, жизнь в таком тоне не мешает ему быть человеком с юмором, который как бы все время просвечивает через не растворяющуюся ни в какой ситуации сосредоточенность.

— Как не в курсе? — даже с некоторым возмущением отвечает он на мой вопрос. — Это про «крестников»-то? Досрочно освобождены! Решением высшего органа власти Российской Федерации. В связи с тем, что доказали свое раскаяние практическим делом, примерным поведением в заключении... В декабре восемьдесят третьего освобожден Леша Аренберг, а в апреле следующего, восемьдесят четвертого, — Слава Кузнецов.

Может показаться странным, что чекист, да еще в служебной обстановке, этак по-свойски, чуть ли не домашнему произносит имена тех, кого чекистам же не столь уж много времени назад пришлось в буквальном смысле обезвреживать. Ибо нельзя иначе назвать меру пресечения, предприятую в отношении покушавшихся на совершение особо опасных государственных преступлений. У читателя даже может возникнуть сомнение: а нет ли тут фальши?

А между тем все объяснимо, и никакой фальши нет. Все полностью соответствует действительности и воспроизводится доподлинно. Позволю себе маленький комментарий.

Если посмотреть на случившееся с Кузнецовым и Аренбергом укрупненно, то получится вот что. Органы государственной безопасности своевременно и во всей полноте вскрыли замышлявшиеся преступления. Вскрыв, затем предотвратили их совершение. Тем самым от многих людей была отведена действительно реальная, а не какая-нибудь там гипотетическая угроза, предотвращено нанесение политического ущерба Советскому государству, а сами преступники удержаны от непоправимого.

Когда же закон определил им за содеянное должную меру наказания, чекисты вместе с другими государственными учреждениями сами же стали заботиться о том, чтобы возратить обществу двух его чуть было не потерянных граждан. Граждан, оступившихся опять-таки не без подножки со стороны. К примеру, в приговоре суда по делу Кузнецова отмечалось, что его враждебные по отношению к СССР взгляды сформировались «в результате прослушивания антисоветских зарубежных радиопередач».

Стало быть, толчок — пусть не прямой, пусть косвенный — был все-таки извне нашего государства, и оступившийся, как и всякий советский гражданин, подлежал защите. В той мере, конечно, в какой она при сложившихся обстоятельствах была возможна. Отсюда и отношение к нему — как к понесшему справедливое наказание и пострадавшему одновременно. Причем в процессе воспитательной работы первая противоположность все более утрачивала свою весомость в соизмерении со второй, пока не истаяла вовсе. И тогда взамен заключенного ИТК Кузнецова В. В. на свет явился довольно видный из себя парень Слава Кузнецов, которого и назвать-то иначе было трудно, видя его неум-

ную жажду поскорее занять свое место в нормальном человеческом коллективе.

— А дальше? — спрашиваю я Владимира Геннадиевича, продолжая все тот же разговор.

— Насчет Аренберга и Кузнецова? Я же говорю: «крестники». Видимся время от времени. Обоим помогли с устройством на учебу и работу. Кузнецов поступил в ПТУ, где учат на мастеров по ремонту холодильников. В ПТУ вначале дрогнули: мол, как же зачислять в студенты чуть ли не террориста какого-то, угонщика самолетов? Пришлось уговаривать... Окончил Слава ПТУ, теперь работает в производственном объединении. Мастер хороший. Недавно бригадиром избрали... А вот Леша, тот не сразу сделал выбор. Сначала пошел на курсы шоферов. Не понравилось. Бросил. Окончил потом курсы официантов. Сейчас по этой специальности и работает, собирается в вуз поступать.

Однажды подумалось: работа чекистов потому привлекает творческое внимание художников действия — писателей, кинематографистов, — что сущность чекистского труда, даже самого будничного, самого повседневного, всегда есть не что иное, как острота человеческих отношений, обязательно имеющих завязку, кульминацию и развязку. А ведь именно конфликт, данный в развитии и разрешении, служит движущей силой любого произведения, верного диалектической логике.

Подумалось же об этом, когда в один из дней заглянул к Владимиру Геннадиевичу — вернуть взятые ранее материалы. Вошел, и как раз в это время у него зазвонил телефон.

Владимир Геннадиевич снял трубку, стал слушать, и вдруг лицо его заметно оживилось, он как-то весело подмигнул в мою сторону и, прикрыв трубку ладонью, сказал негромко:

— Репин.

Потом, когда телефонный разговор закончился, я не мог не выразить своего удивления:

— Но Репин, помнится, должен быть сейчас в ссылке? И вообще — сам факт...

— Вчерашний день! Он уже два месяца как возвратился в Ленинград. Президиум Верховного Совета РСФСР помиловал. Учтено его раскаяние, обещание впредь не заниматься ничем подобным, поведение на суде и после, — пояснил Владимир Геннадиевич.

— Но ведь завязка-то была какая нешуточная! Да и кульминация тоже...

— Что из того? В ссылке я его навещал, о многом говорили. У человека теперь иная жизнь. В общем-то новая. Многое — как в первый раз. То в одном, то в другом посоветоваться надо. Поддержка на первых порах очень нужна... Так что теперь — развязка! В буквальном смысле.

Я хорошо знаю, куда приходят сотрудники, мои товарищи, перед тем, как сделать важный в своей жизни шаг. Перед тем, как внутренне одолеть для себя еще один рубеж, еще один подъем и потом идти уже только дальше, зная, что позади нет ничего, в чем можно было бы поколебаться, усомниться в ответственный миг.

Вот и я поднимаюсь туда же — на один из верхних этажей здания.

Комната боевой славы управления.

Рядом со входом, который всегда открыт, на высоком черном четырехграннике постамента — бюст Дзержинского. Дар скульптора Аникушина ленинградским чекистам в год столетия со дня рождения организатора советских органов государственной безопасности.

Под склоненными знаменами — большая, больше любого человеческого воображения, Памятная книга.

На ее недоступной времени поверхности — красная геоидика, символизирующая ту грань истории, от которой прервавшимися человеческими жизнями хронометрируется Память в этой торжественной тишине.

Книга Памяти. Со многими и многими листами. Такая, каких не увидишь, может быть, больше нигде.

Медленно переворачиваются ее тяжелые фотолисты. А с ними — слова о тех, чьи фотографии проходят перед глазами. На некоторых листах нет фотографий чекистов. Не знаем мы их лица. А про иных даже не знаем, где прах их.

Сотни людей, сотни судеб. Имена, имена, имена...

Имена тех, кто до конца был верен долгу.

Идет время, и его неутомимые волны, бывает, выносят, выплескивают из забвения, из неизвестности на берег Памяти новое имя.

И тогда оно занимает свое место рядом с уже знакомыми нам.

Рядом с именем Урицкого. Первого председателя Петроградской ЧК, убитого в Петрограде по заданию

англо-французских дипломатов эсером Канигиссером. Убитого в тот же день — 30 августа 1918 года, когда в Москве эсэрка Фанни Ройд, больше известная как Фаня Каплан, пытаясь убить Ленина, стреляла в него разрывными пулями, надпиленными и начиненными сильнодействующим ядом; они и сейчас еще направлены во всех нас, эти выстрелы, бившие в упор...

Рядом с именем Александра Скороходова, другого председателя Петрочека, казненного петлюровцами за то, что он организовывал на Украине доставку продовольствия голодающему Петрограду...

С именем Николая Микулина, не сломившегося под пытками белогвардейцев Юденича и сожженного ими в паровозной топке...

С именем Валентина Филина, оперуполномоченного Дновского райотдела Управления НКВД Ленинградской области, который в свои двадцать восемь лет с предельной ясностью осознавал, во имя чего отдает жизнь, и потому недрогнувшей рукой выдернул чеку из последней оставшейся гранаты, когда круг гитлеровцев плотно сомкнулся вокруг него...

С именем разведчика Виктора Лягина, сумевшего в застенках гестапо возвыситься до презрения к смерти и выиграть даже этот последний поединок с врагами...

Рядом с именами сотен тех, над чьей памятью склоняются в этой комнате знамена с надписями:

«Первой пограничной школе ОГПУ имени Ф. Э. Дзержинского от полномочного представительства ОГПУ в ЛВО».

«Ленинградскому ГПУ—разящему мечу пролетариата, пролетарской диктатуры. Первый Совет. 1927 г.»

«Верному стражу социалистического строительства на транспорте, Ленинградскому окружному транспортному отделу ОГПУ от Ленинградского областного комитета союза железнодорожников в день XV годовщины ВЧК — ОГПУ».

«Боевому стражу октябрьских завоеваний. Ленинградскому ОГПУ — рабочие и служащие Балтийского завода».

«Переходящее знамя — передовой шефской ячейке за образцовую постановку шефской работы над деревней от шефской базы завода „Знамя труда № 1“».

«Ленинградским чекистам в честь 60-летия органов ВЧК — КГБ от трудящихся объединения „Кировский завод“».

Читаю эти надписи, смотрю на сохранившиеся фотографии тех, кого уже нет. Смотрю и пытаюсь представить последнее мгновение каждого из них. То, что было в этом мгновении.

Ненавистный взгляд.

Выстрел пистолета.

Крик паровоза.

Разрыв гранаты.

Не имеющий никакого эпитета стон...

Читаю. Выписываю. И все ясней представляю себе, на каком накале классовой переплавки общества рождалась у нас еще тогда, семьдесят лет назад, практическая правда социальной справедливости. Та самая правда, которая и сегодня поражает нас своей изначальной гуманистической ясностью.

Вспомним главное. Когда враги революции поняли, что она не «бунт», не стихийность, что их надежды на ее недолговечность выстроены на песке и Советская власть действительно, говоря ленинскими словами, «штука прочная», они взялись потопить ее в крови.

У революции был светлый и благородный лик. Она верила в добро и справедливость. Она и явилась-то вся выражением гуманистических человеческих чаяний. Она была чужда слепой мстительности и до тех пор, пока это было возможно, являя благородный лик, освобождала от кары злейших своих врагов. Ведь исторический же факт то, скольких и скольких их, контрреволюционеров разных мастей, поднявших на нее руку, было отпущено ею на все четыре стороны под честное слово не поднимать руку вновь.

Чем они заплатили ей за это — тоже хорошо известно.

Но даже тогда, когда ВЧК стала не только щитом, но и мечом революции, главным и основным в работе чекистов Дзержинский считал не наказание за преступления, а предупреждение преступлений. Он неоднократно и по разным поводам высказывался на этот счет, но вот один из многих принципиальных, основополагающих документов, принадлежащих Феликсу Эдмундовичу:

«Чрезвычайные комиссии обязаны предупреждать всякое преступление, которое представляет опасность для Советской власти».

Сказано это в разгар ожесточенной классовой борьбы, в пик ее, ибо ВЧК существовала именно в пик борьбы за самую будущность Советского государства. Когда

пик прошел, она была реорганизована, претерпела функциональные изменения и даже стала называться по-другому — ГПУ, а потом ОГПУ.

Тем ценнее и дороже эти слова для нас сегодня! И, вспоминая их, нельзя не обратиться к другим словам — из письма Дзержинского старшей сестре, Альдоне Эдмундовне, в апреле 1919 года:

«Одну правду я могу сказать тебе — я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего... И сегодня помимо идеи — помимо стремления к справедливости — ничто не определяет моих действий».

Содержание

В. М. Прилуков. На страже интересов Родины	3
<i>Георгий Молотков, Виктор Васильев</i> Операция «Румб»	10
<i>Владислав Виноградов</i> Не при случайных обстоятельствах	71
<i>Георгий Молотков</i> «Серая зона»	106
<i>Евгений Вистунов</i> Свидетели обвинения	123
<i>Игорь Быховский</i> Тайна верфи «Гунарсен»	183
<i>Георгий Молотков</i> Русские сувениры	218
<i>Николай Волынский, Владимир Уткин</i> Трубный зов	261
<i>Инна Слобожан</i> Справедливая память	294
<i>Александр Данилов</i> Уроки справедливой доброты	340

Расследованием установлено...

Составители:

**Владимир Александрович Ржанков,
Василий Иванович Третьяков**

Редакторы И. Г. Турундаевская и Ю. К. Хрящев
Младший редактор И. В. Петрова
Художник А. К. Тимошёвский
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор З. А. Ривкина

ИБ № 4634

Сдано в набор 26.06.87. Подписано к печати 23.10.87. М-38409. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,79. Уч.-изд. л. 22,38. Тираж 200 000 экз. Заказ № 214. Цена в обложке 95 коп. (199 000 экз.), цена в бумажном переплете 1 р. 20 к. (1000 экз.).

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Расследованием установлено...: Очерки о работе ленинградских чекистов/Сост.: В. А. Ржанков, В. И. Третьяков. — Л.: Лениздат, 1987. — 382 с.

Сборник подготовлен к 70-летию советских органов госбезопасности, начало которым положила Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), созданная в нашем городе 20 декабря 1917 года по указанию В. И. Ленина.

Книга повествует о борьбе ленинградских чекистов с вражеской агентурой, о том, как в последнее время были разоблачены и обезврежены те, кто покушался на безопасность нашей страны, пытался нанести вред нашему государству. Материалы сборника призывают советских людей к необходимости дальнейшего повышения политической бдительности, укрепления в условиях перестройки порядка и дисциплины, строгого соблюдения социалистической законности, показывают, что отступление от этих требований, пренебрежение гражданским долгом со стороны отдельных лиц приводят к такой обстановке, которую классовый противник использует для причинения ущерба интересам Советского государства.

Р 0505030202—287
М171(03)—87 97—87

67.99(2)116.2

95 коп.

На строго
документальной основе
в материалах сборника
повествуется о расследованных
ленинградскими чекистами
в последние годы
государственных преступлениях,
о борьбе
с подрывной работой
спецслужб
империалистических государств.